

Н.В. МАСЛОВ

ПРАВОСЛАВНОЕ
УЧЕНИЕ О СПАСЕНИИ
ПО ТРУДАМ
ГЛИНСКИХ
СТАРЦЕВ

Изображение Чудотворной иконы
 Рождства Пресвятой Богородицы
 Пустынно-Глинской

На авантитуле —
 Глинская Рождество-Богородицкая
 общежительная пустынь.
 Гравюра XIX в.

Маслов Н.В.

Православное
учение о спасении
по трудам
ГЛИНСКИХ
старцев

Москва
2005

УДК 281.93:234

ББК 86.372

М31

Н.В.Маслов

Православное учение о спасении по трудам глинских старцев. М.:

ООО «САМШИТ-ИЗДАТ», 2005. — 368 с.: ил.

ISBN 5-900937-25-9

От автора

В 2002 году исполнилось 70 лет со дня рождения выдающегося глинского старца, богослова-просветителя, великого учителя христианской нравственности схиархимандрита Иоанна (Маслова).

Схиархимандрит Иоанн начал свой иноческий подвиг в знаменитой Глинской Рождество-Богородицкой пустыни. Эта обитель в течение столетий была для наших соотечественников олицетворением высшего христианского подвижничества и нравственного мужества. Наряду с Киево-Печерской и Троице-Сергиевой Лаврами Глинская пустынь служила общему всенародному духовно-просветительскому делу и была своеобразным университетом старческого окормления на Руси.

Глинская обитель даровала миру сонм благодатных старцев. «Это были святые вожди нравственности земли Российской»*. Глинские старцы всех времен духовно едины. Подобно святым отцам прежних веков, они имели такую большую заботу о пастве, что «не пропускали ни малейшего небрежения или преслушания; они были милостивы, где следовало, и были строги, где настояла потребность, согрешавших обличали и понуждали к добру»**. Глинских подвижников объединяло и стремление к исполнению строгого устава обители, составленного «по чину Афонскому» еще игуменом Филаретом (Данилевским), 160 лет со дня блаженной кончины которого исполнилось в 2001 году.

Литературное богословское наследие старцев Глинской пустыни обширно и по своей тематике многогранно. Старцы считали главной целью бытия человека на земле — спасение души. Мысль о спасении красной нитью проходит через все их труды. Христианин найдет здесь неисчерпае-

* Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Глинская пустынь. М., 1994. С. 582.

** Соловьев С.М. Сочинения. Кн. III. Т. 5. М., 1984. С. 189.

мый источник для своего духовного назидания, утешения и руководства в затруднительных и недоуменных случаях.

Для того чтобы понять дух и смысл богословского наследия глинских старцев, следует обратиться к фактам их биографий. В жизнеописаниях подвижников Глинской пустыни во всей полноте обнаруживается внутреннее богатство этих высоконравственных личностей. Раскрытие этого богатства дает возможность яснее и полнее представить богословские воззрения глинских подвижников.

Исходя из этого, данная работа делится на две части: в первой приводятся жизнеописания старцев Глинской пустыни, труды которых сохранились до наших дней, и дается характеристика этих трудов; во второй части раскрывается центральная тема их учения — спасение человека.

В конце работы помещена обширная библиография. Всю литературу, имеющую прямое или косвенное отношение к жизни, деятельности, богословскому наследию глинских старцев, пришлось разделить на три отдела. В первом отделе помещены труды (опубликованные и неопубликованные) глинских старцев. Во втором отделе — литература о Глинской пустыни. Третий отдел содержит литературу о глинских старцах, труды которых сохранились до наших дней.

Издается по благословию митрополита Симона (Новикова).

ВВЕДЕНИЕ

Глинская пустынь как центр духовного просвещения

Знаменитая Глинская Рождество-Богородицкая пустынь основана в начале XVI века в 160 км от Курска на месте явления чудотворной иконы Рождества Пресвятой Богородицы. В течение почти пяти столетий пустынь является могучим центром духовного просвещения. Просветительная деятельность обители многогранна, действенна и поучительна для потомков. За несколько веков пустынью накоплен огромный опыт в этой области. Обитель издавна славилась своей миссионерской, издательской деятельностью, борьбой с сектантством, ересями, большим вкладом в дело народного просвещения и образования. Поэтому изучение ее богатых традиций столь важно сегодня. Святые Русской Православной Церкви, архиереи, известные церковные историки издавна отмечали огромное нравственное влияние этой обители. Преподобный Серафим Саровский называл Глинскую пустынь «великой школой духовной жизни», алтайский миссионер преподобный Макарий (Глухарев) — «школой Христовой, светлейшей точкой на земле», архиепископ Ювеналий (Половцев) — «идеалом христианского богослужения и местом духовного подвига», митрополит Антоний (Храповицкий) — «лучшей обителью», а Глинских старцев — «украшением монашества»¹. Святитель Филарет (Дроздов) писал, что «Глинская пустынь процветает благодатью»². Глинская пустынь поставлена на первое место в определении Поместного Собора Русской Православной Церкви (6—8 июня 1988 года), посвященного юбилею 1000-летия Крещения Руси, при канонизации преподобного Паисия Величковского: «Русская школа старчества,

¹ РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2395, л. 14; ф. 796, оп. 205, д. 639, л. 10.

² РГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 9.

возрожденная на протяжении всего XIX века и позднее, приносила свои благодатные плоды на ниве спасения чад церковных в Глинской, Оптиной и в других монастырях и пустынях...»¹. В житии преподобного Паисия сказано, что известная Глинская пустынь была продолжательницей духовного наследия старца Паисия и вместе с Оптиной «определяла духовное возрождение русского народа в XIX веке»². Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II называет Глинскую пустынь монастырем особой духовной судьбы и значения³. Что же лежало в основе того огромного духовного потенциала обители, за который ее и называли «школой Христовой»?

В чем особенности Глинской пустыни? Во-первых, находившаяся здесь чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы Пустынно-Глинская и многочисленные чудеса исцелений, совершавшиеся от нее, привлекали сюда благочестивых православных паломников со всех концов обширной России. Во-вторых, духовным стержнем, фундаментом жизни Глинской пустыни, определявшим все стороны ее деятельности, был общежительный устав, составленный «по образцу» Афонского. Этот устав послужил краеугольным камнем прочного устройства и процветания не только Глинской пустыни, но и многих других мужских и женских монастырей, которыми он был заимствован. Значение устава было столь велико, что его изучали даже русские императоры Александр I и Николай I.

Отличительные особенности устава и всего аскетического духовно-го строя жизни Глинской пустыни отмечали многие исследователи. «В благодатной духовной жизни Глинских иноков много своеобразного, оригинального, невиданного в других обителях»⁴, — писал протоиерей Сергей Четвериков. Богослужения начинались в полночь, ни у кого не было никакой собственности, братия сама исполняла все черные труды, женщинам вход везде, кроме храма, был воспрещен, с родственниками можно было видаться только в гостинице, и то по благословению настоятеля, в келлиях не разрешалось никого принимать. Устав Глинской пустыни служил и служит образцом для православных обителей. Только в XIX веке он был введен в двадцати монастырях. В некоторых монастырях, например, в Святогорской пустыни Харьковской епархии, Глинский устав был введен по именному повелению Николая I. В результате Глинский устав получил широкое распространение по всей России, что явилось ярким выражением благотворной просветительной деятельности Глинской пустыни. Но особенно выделялась Глинская пустынь среди других монастырей проц-

¹ Канонизация святых. ТСЛ. 1988. С. 101.

² Там же. С. 102.

³ Глинский календарь. М., 1997. С. 1.

⁴ Русский паломник. 1906, №10. С. 154.

ветавшим в ней старчеством. Это была одна из тех редких обителей, где старческое окормление было утверждено уставом. В соответствии с уставом все поступавшие в обитель с первого дня «поручались искусному старцу в повиновение»¹. Ежедневно они приходили к старцу, очищали совесть подробным исповеданием всех своих помыслов, желаний и поступков, во всем должны были «советоваться со старцем, ...ни в чем не составлять своего разума»², то есть полностью отказаться от своей воли, беспрекословно выполнять все указания старца. В начале двадцатого века архиереи Курской епархии свидетельствовали, что «старчество как духовный институт издавна существует в Глинской пустыни и оказывает благотворное влияние не только на братию, но и на богомольцев. Подавая пример доброй нравственности, старцы руководят неопытных в духовной жизни и вразумляют заблуждающихся. Благодаря их влиянию и строгому надзору братия усердно ревнует о своем спасении»³.

Старчество — «особый дар Святого Духа». Старчество как образ духовного руководства пришло в Россию с Востока со времени принятия ею христианства. Преподобный Антоний Печерский, начавший свой иноческий путь на Афоне, несомненно, был одним из учредителей духовного руководства в России, которое процветало среди русского монашества в течение нескольких веков. Однако ко времени преподобного Нила Сорского (XV век) старчество из-за ослабления духовной жизни крайне оскудевает. В это время даже среди монашествующих появляются люди, которые отрицают положительное значение старчества. Так, преподобный Иосиф Волоцкий считает, что частое обращение за духовным назиданием сказывается отрицательно на внешней монастырской дисциплине. Впоследствии, к сожалению, этот взгляд восторжествовал, и устав, в котором не было отведено места старчеству, сделался у нас нормой монастырской жизни. Возродил традицию старчества (во второй половине XVIII века) преподобный схиархимандрит Паисий Величковский — настоятель Нямецкого монастыря в Молдавии. Со временем его влияние распространилось на многие монастыри России, в которых ученики преподобного Паисия полагали основанием монашеской жизни традиционные для восточного монашества умное делание и старческое руководство⁴.

Глинская пустынь — один из наиболее значительных духовных центров старческого окормления. Сущность старчества заключается в том, что из среды братии, подвигающейся в обители, избирается один

¹ Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Глинская пустынь. М., 1994. С. 51.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. М., 2000. С. 10.

опытный в духовно-аскетической жизни инок, обладающий даром рассуждения, который становится руководителем, духовным отцом, старцем всей монашеской общины. К нему добровольно идут ученики, раскрывают перед ним свою душу, испрашивают его советов и благословения. Это старческое окормление помогает в борьбе со страстями, подкрепляет в минуты уныния, малодушия и сомнения, служит верным покровом от вражеских бурь для всех, кто прибегает к его мощному содействию. Старчество — это особая форма пастырского служения. Схиархимандрит Иоанн (Маслов) считает старчество «особым даром Святого Духа», талантом, который апостол Павел называет «даром рассуждения»¹. «Рассуждение, — по определению преподобного Иоанна Лествичника, — состоит в том, чтобы точно и верно постигать Божественную волю во всякое время, во всяком месте и во всякой вещи». Благодаря старческому окормлению, в Глинской пустыни воспитался целый сонм выдающихся подвижников, которые, по образному выражению Глинского игумена Филарета, «сохраняли и умножали благодать Божию в Русской Церкви»².

Влияние на нравственное состояние общества. Благодаря старчеству Глинская пустынь занимала особое место по своему воздействию на жизнь России. Своей подвижнической деятельностью Глинские старцы оказывали влияние на все слои общества. За советом и наставлением к ним обращались не только многочисленные паломники со всех концов России, но и государственные мужи и сами императоры. Так, в XVIII веке князь Александр Данилович Меншиков часто посещал Глинскую обитель и вопрошал ее старцев. В XIX веке императоры Александр I, Николай I, императрица Елизавета лично встречались с Глинским настоятелем игуменом Филаретом (Данилевским) и обращались к нему за советом и благословением. Император Александр I присылал игумену Филарету книги, чтобы узнать его мнение об их содержании. Обитель пользовалась покровительством императора Александра II и великой княгини Марии Николаевны. За советом к Глинским старцам обращались князь А.А. Суворов — внук генералиссимуса А.В. Суворова, граф А.Н. Толстой, графиня А.А. Орлова-Чесменская, граф С.П. Потемкин. Глинские просветители в течение столетий служили этой цели, словом и делом оказывали благодатное влияние на нравственное состояние российского общества.

Глинский игумен Филарет в двадцатых годах XIX века выступил против распространенного тогда среди высшего светского общества и части белого духовенства еретического мистицизма, противного духу

¹ Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. М., 2000. С. 7.

² Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской пустыни. 1905. С. 43.

Православной Церкви, и в дискуссии с еретиками, которая состоялась в Санкт-Петербурге, успешно отстоял Православие и святоотеческое учение. Глинский иеромонах Порфирий в середине XIX века протестовал против откупной продажи спиртных напитков, которая приводила к спаиванию народа. Он посылал по этому поводу письма к императору Александру II, и в результате откупная продажа спиртного была запрещена.

Воспитывающей духовной силой обладали и богослужения Глинской пустыни. Они были той духовной школой, в которой получали православное воспитание слушатели разных слоев русского общества. По образному выражению протоиерея Сергия Четверикова, «Глинская пустынь — это своеобразный духовный университет, учивший не внешним познаниям, но воспитывающий чувства в разуме истины»¹.

Заботясь о духовном просвещении народа, Глинская пустынь издавала духовно-нравственную литературу. Эта деятельность активизировалась в конце XIX — начале XX века, когда особенно важно было оградить народ от влияния распространявшихся сект, от различных лжеучений. Обитель издавала «Глинские листки» и «Глинские Богородицкие книжки», содержание которых было построено на материале творений святых отцов: святителя Тихона Задонского, преподобного Ефрема Сирина, преподобного аввы Дорофея и др. Эти издания пользовались большой популярностью. Их нравственное воздействие было велико. В популярном издании конца XIX — начала XX века «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» сказано: «Глинская пустынь ведет большую издательскую деятельность для народа»². Все глинские издания раздавались народу бесплатно.

Глинская пустынь стала инициатором борьбы с сектантством в Курской епархии. В целях укрепления устоев Православия в Глинской пустыни создается миссионерский кружок. Был разработан устав кружка, выделено особое помещение для его занятий, организована большая миссионерская библиотека. В обязанность членов кружка входило ежедневное чтение поучений в храмах, беседы с народом, подготовка к изданию антисектантской литературы, которая затем раздавалась людям. Члены кружка, ежегодно развивая свою деятельность, сделали проповедование слова Божия постоянным и планомерным. По образу Глинского — в других русских монастырях также были организованы проповеднические кружки. Но Глинский кружок в XIX — начале XX века был самым многочисленным, а деятельность его, по отзывам архиереев, наиболее плодотворной.

¹ Четвериков Сергей, прот. Оптиная пустынь. 1926. С. 24.

² Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. СПб., 1899. С. 612.

Забота о детских душах. Большое внимание уделяли Глинские иноки работе с детьми. Издавались «Глинские Богородицкие книжки» для детей, они были неотъемлемой частью фондов школьных библиотек. Дети охотно читали и перечитывали их. Глинская пустынь часто принимала паломнические группы из учащихся земских, церковноприходских школ. Дети очень любили посещать обитель. По отзывам их учителей, эти посещения «оставляли неизгладимое впечатление в сердцах учащихся, облагораживали их души, обогащали святыми воспоминаниями их детство». В обители им дарили духовные книги, иконы, картины религиозного содержания. Настоятель присылал им в гостиницу большой спектроскоп с передвигающимися картинками, изображающими святые места Палестины, что было очень интересно детям.

Особенностью Глинской пустыни был созданный при ней для воспитания мальчиков-сирот Дом трудолюбия. Круг ремесел, которым обучались мальчики, был очень велик (более двадцати различных видов ремесел), в том числе: живопись, иконопись, столярное, слесарное, переплетное, позолотное мастерство, шитье, выделка ковров, садоводство, пчеловодство, огородничество и т.д. Особое внимание уделялось духовно-нравственному воспитанию. В Доме трудолюбия преподавались уроки Закона Божия, чтения, чистописания, церковного пения. Монастырь выделял большие средства на содержание детей. Кроме того, Глинская пустынь большие суммы жертвовала на нужды народного образования: на содержание духовных учебных заведений, приютов, церковно-приходских школ. Жертвовала школам иконы, необходимое оборудование, отпускала бесплатно лес.

Благотворительная деятельность обители. Глинские иноки служили как духовным, так и сугубо земным, материальным нуждам своего народа. Епархиальные архиереи отмечали, что Глинская пустынь более всех монастырей помогает «странным и бедным». Пустынь славилась не только просветительной, но и благотворительной деятельностью. Благотворительная деятельность была столь непреложным законом обители, что о ней было записано в Уставе монастыря. Глинские иноки безотказно помогали всем к ним обращавшимся. Обитель содержала несколько гостиниц, богаделен, странноприимниц. Ежегодно пустынь принимала более 60 тысяч богомольцев. Все они бесплатно пользовались жильем, трапезой, одеждой, обувью. Только хлеба ежедневно братия выпекала для богомольцев около 1500 кг. В периоды неурожая, голода Глинские иноки щедро раздавали крестьянам хлеб. В случае бедствий (пожара, эпидемий, падежа скота) все обращавшиеся получали от пустыни пособие (деньги, лес, продукты). Больным в монастыре всегда оказывалась бесплатная высококвалифицированная медицинская помощь.

Поскольку братия обители всегда уделяли большое внимание вопросам организации больницы, аптеки, их благоустройству, больница Глинской пустыни по своему благоустройству, богатому запасу медикаментов, хирургических инструментов была лучшей в епархии и, по отзывам современников, превосходила многие губернские больницы. Популярность Глинской больницы была очень велика. Ежегодно сюда обращались около двадцати тысяч человек. Средства на всю эту благотворительную деятельность обитель получала как от своего хозяйства, так и за счет пожертвований. Хозяйство монастыря было организовано на самом высоком уровне. В Глинской пустыни были образцовые — мастерская, пасеки, огород; процветало садоводство, рыбоводство. При обители работали дегтярный и кирпичный заводы, маслобойня, крупорушка, мельницы. За счет неустанного братского труда обитель могла помогать нуждающимся. Монахи отдыхали не более 4-5 часов в сутки.

Патриотическое служение земному Отечеству. Глинская пустынь прославилась и своей патриотической деятельностью. В периоды войн многие послушники по благословению настоятеля уходили на фронт защищать Отечество. Во время Первой мировой войны более половины послушников было отправлено в действующую армию. Многие Глинские иноксы известны как флотские или полковые священники. Во время войн Глинские иноксы неоднократно высылали воинам фронта продукты, одежду, обувь, белье.

В здании монастырской больницы был оборудован лазарет для больных и раненых воинов. Кроме того, при обители устроили санаторий для воинов, нуждающихся после лечения в отдыхе, а также приют для детей тех, кто погиб на фронте. Для увечных воинов были оборудованы столярная, сапожная и швейные мастерские. Обитель принимала беженцев, бесплатно кормила их, одевала, обувала, помогала строить быт, окормляла духовно. Так, Глинская пустынь на протяжении веков жила со своим народом одной жизнью и всегда откликалась на несчастья, поражающие нашу страну, являясь и в мирные, и в скорбные для России времена великой духовной поддержкой и опорой для народа. Обитель пользовалась большой популярностью не только в нашей стране, но и за ее пределами. С.В. Булгаков писал: «Глинская пустынь пользуется большой известностью. Сюда стекается масса богомольцев»¹. Однако в 1922 году пустынь была закрыта.

Духовная лечебница. Вновь обитель возродилась в 1942 году и до закрытия, в 1961 году, была могучим центром духовного просвещения и возрождения старчества. Множество людей со всех концов Советского Союза приезжали сюда, иногда более 700 человек в день.

¹ Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковнослужителей. 1913. С. 1473.

Глинская пустынь была тем домом милосердия, где каждый встречал теплый прием, искреннюю любовь, получал необходимую помощь. Поистине это была духовная лечебница. Духовное окормление и нравственная поддержка народа были тогда одним из главных подвигов Глинских старцев. Святость жизни иноков, чистота их душ, чудеса, ими совершаемые, оказали огромное плодотворное влияние на духовное воспитание народа. Люди стремились в обитель со своим горем, скорбями, болезнями.

В те годы особенно славилась святостью своей жизни старцы: настоятель — схиархимандрит Серафим (Амелин), духовник — схиархимандрит Серафим (Романцов) и благочинный — схиархимандрит Андроник (Лукаш). Они были воистину средоточием духовной жизни обители. Как называет их схиархимандрит Иоанн (Маслов), последний из великих Глинских старцев, «это были светочи духовного окормления».

Глинские подвижники поистине освещали мир светом праведности, молитвы и любви. Они не отстраняли от себя решение самых сложных вопросов мирского бытия, не замыкались в узком кругу монашеских интересов, но полностью отдавали себя на служение Богу и ближним.

Глинские старцы, по свидетельству Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, «совершали наивысший христианский подвиг: живя вне мира, они служили миру».

До наших дней сохранилось литературное богословское наследие старцев XIX—XX веков. «Истинные монахи из глубины своего уединения светят миру простым образом богоугодного жития своего и живым действенным словом спасительной истины». Эти слова Глинского игумена Филарета (Данилевского) раскрывают непреходящее значение Глинской обители в истории Православной Церкви.

Поистине духоносное слово старцев Глинской пустыни живо и действительно в наши дни. Изучение этого духовного наследия раскрывает перед нами сокровищницу богословской мысли.

Нашей задачей было извлечение из трудов глинских старцев основных мыслей, относящихся ко спасению христианина, систематизация их и изложение в доступной для читателей форме.

Часть I

Жизнеописания
глинских старцев
и характеристика
их трудов

Игумен Филарет

(† 1841),

настоятель Глинской пустыни

Игумен Филарет (Данилевский), выдающийся настоятель Глинской пустыни, явился своеобразным живым звеном, связывающим Глинскую пустынь с Киево-Печерской Лаврой и Софрониевой пустыней, а через них с Афонским иночеством и заветами преподобного старца Паисия Величковского¹.

Отец Филарет по праву именуется духовным возродителем и возобновителем Глинской пустыни, поскольку им введено здесь множество духовных и внешних преобразований.

Святость жизни игумена Филарета, его духовная сила особенно укрепили то огромное влияние, которое оказывала в течение почти четырех веков эта обитель на историю нашей страны, духовно-нравственную жизнь народа и в целом на русскую культуру.

К настоящему времени составлено несколько жизнеописаний отца Филарета. Первое рукописное жизнеописание отца Филарета было составлено в 1829 г. известным учеником игумена Филарета преподобным Макарием (Глухаревым), впоследствии начальником Алтайской духовной миссии.

Это жизнеописание хранилось в архиве Глинской пустыни еще в начале XX века, однако не сохранилось до наших дней.

Второе жизнеописание игумена Филарета было составлено его учениками сразу же после кончины старца в 1841 г. С некоторыми сокращениями было издано в 1856 году («Жизнеописание игумена Филарета, настоятеля Глинской Богородицкой общежительной пустыни.

¹ Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Игумен Филарет, настоятель // Глинский патерик. М., 1997. С. 53–102.

СПб., 1856»), а в исправленном и дополненном виде — в 1892 году («Жизнеописание игумена Филарета, настоятеля Глинской Богородицкой общежительной пустыни. Курск. 1892»).

В 1905 г. опубликовано третье издание жизнеописания отца Филарета, составленное глинским иноком Михаилом Кузьминым. (Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. Одесса, 1905).

В конце XX века глинский подвижник схиархимандрит Иоанн (Маслов) на основе богатого архивного материала составил наиболее полное жизнеописание отца Филарета¹.

Особое внимание в этом жизнеописании уделено характеристике отца Филарета как возродителя истинного духовного руководства в Глинской пустыни, учредителя старчества, защитника чистоты Православия, автора книг и нот.

Приведенное ниже жизнеописание игумена Филарета основано на жизнеописании старца, составленном схиархимандритом Иоанном.

Игумен Филарет (в миру Фома Данилевский) родился на Украине в 1777 году. Большое влияние на его воспитание оказала мать — благочестивая Феодосия, от которой он получил и первые уроки христианской добродетели и основы нравственной жизни. С детских лет Фома отличался незаурядным природным умом, кротостью, трудолюбием, любознательностью, любовью к посещению храма Божия. Первоначальное образование восьмилетний отрок получил от благочестивой и богобоязненной старицы, вдовы протоиерея, имя которой осталось неизвестным. Свои знания Фома сразу же начал применять, помогая причетникам церкви в чтении и пении. Вскоре он изучил церковный устав. В юношеском возрасте Промыслом Божиим он посетил с одним протоиереем Киево-Печерскую Лавру. Настоятель Дальних пещер старец-иеромонах Трифиллий предложил Фоме остаться у него келейником и канонархом, что и определило впоследствии весь его духовный жизненный путь. Святость места, близость к почивающим в пещерах нетленным мощам угодников Божиих, благоговейное богослужение — все это возгревало молитвенное состояние юного послушника, укрепляло его веру.

Старец Трифиллий вел Фому путем самоотвержения, формируя в нем такие качества, как безропотное послушание, нестяжательность, терпение, смирение и скромность. Прозорливый старец предсказал, что «он станет монахом и будет начальником над монахами».

Три года провел Фома под руководством старца Трифиллия, исполняя послушание канонарха и келейника. Затем ему пришлось отбывать воинскую повинность в качестве причетника войсковой церкви в Черноморском казачьем войске в Екатеринодаре.

¹ Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Глинская пустынь. История обители и ее духовно-просветительная деятельность в XVI–XX в. М., 1994. С. 118–207.

По возвращении в Киево-Печерскую Лавру он с радостью был принят отцами Лавры в число клирошан Великой церкви. Здесь Фома особенно сблизился с иеромонахом Антонием (Смирнитским), впоследствии архиепископом Воронежским, и руководствовался его наставлениями. Общения с о. Антонием он не прерывал до самой своей кончины. Отец Антоний советовал Фоме удалиться в какой-либо пустынный монастырь с целью беспрепятственного богоугождения.

Вскоре в Лавру промыслительно приехали иноки Софрониевой пустыни. Их рассказы о пустынном уединении обители, о строгом уставе и порядках монастыря, о духовной опытности настоятеля старца Феодосия, о богатой творениями святых отцов библиотеке зажгли сердце юноши. В ту же ночь в сонном видении Фоме явился архимандрит Феодосий и приглашал присоединиться к их братству. Внимательный к воле Божией послушник Фома увидел в этом знамение благословения Божия. Однако он не мог еще решиться перейти в Софрониеву пустынь. Тогда Господь вторично открыл ему Свою волю.

Вскоре Фома услышал в церкви проповедь на текст: «Скажи ми, Господи, путь, вонже пойду» (Пс. 142, 8). Глубоко запали в душу Фомы эти слова. Он непрестанно повторял их в своем сердце. И вскоре Господь услышал моление верного Своего раба. В душе Фомы созрело окончательное решение идти в Софрониеву пустынь, утвердилось желание посвятить себя служению Богу под руководством мудрого архимандрита Феодосия.

Фома поступил в Софрониеву пустынь в 1802 году. Архимандрит Феодосий увидел в нем избранника Божия и, «прозревая будущее», сказал: «Сей брат упокоит душу мою; душа моя благоволит о нем».

Фома, прекрасно знавший церковный устав, сразу же был назначен управлять клиросными. В этом же году он был пострижен в мантию с именем Филарет, что в переводе с греческого означает «любитель добродетели».

Архимандрит Феодосий сам руководил духовной жизнью новопостриженного о. Филарета. В духовном общении о. Феодосий обучал инока борьбе с искушениями, худыми помыслами, учил Иисусовой молитве, раскрывал глубину святоотеческих писаний, а с целью более действенного назидания порой открывал ему свое душевное состояние.

Перед кончиной, последовавшей 9 декабря 1802 года, о. Феодосий представил любимого духовного сына к посвящению в иеродиакона и поручил его руководству одного строгого старца.

8 февраля 1803 года о. Филарет был рукоположен Высокопреосвященным Феокистом (Мочульским), архиепископом Курским и Белогородским, в иеродиакона и назначен на должность уставщика Софрониевой пустыни. Немало пришлось выдержать ему скорбей, отставивая неприкосновенность устава, введенного покойным настоятелем,

против тех, кто стремился заменить чин богослужения более легким. «Когда что коснется до правил Церкви, — говорил о. Филарет, — то должно всячески противустать, если нужда заставит, даже до пролития крови. Господь, видя нашу ревность, невидимо сотворит нас победителями неправды, а иначе за небрежение последует казнь Божия, по глаголу: “Проклят всяк творяй дело Божие с небрежением” (Иер. 48, 10)».

За ревностное служение в должности уставщика и беспрекословное послушание новый строитель Софрониевой обители Исихий в 1806 году представил о. Филарета к рукоположению в иеромонаха и дал ему новое, более сложное послушание — благочинного монастыря. В этой должности, терпя скорби от братии, он учился познавать немощи человеческие, а вместе с тем и самого себя. Строгий, но всегда благо-разумный иеромонах Филарет вскоре снискал любовь братии, но это его не обольщало. Он усугубил свои подвиги бдения, поста и молитвы, переселился в безмолвный уголок — уединенную келлию в саду, где диавол воздвиг на него сильные брани: стрелы похотливых помыслов, уныние, различные страхования; а порой враг принимал на себя виды всевозможных гадов. Но с помощью благодати Божией о. Филарет-отшельник всегда выходил победителем из этой жестокой брани. Он говорил сам себе: «Убогий Филарет! Если приблизился ты к страданию, то будь готов и на крест». За безмерные страдания Господь увенчал Своего верного раба многими духовными дарованиями: через молитвенное богообщение он приобрел духовное рассуждение, великую опытность. И, несмотря на свой сравнительно молодой возраст перед другими старцами (ему было в то время 35—40 лет), о. Филарет был уже вполне зрелым духовным старцем, ибо старость честна исчисляется не числом лет, а сединою мудрости и житием нескверным (Прем. 4, 8—9). К нему обращались за советами и старшие по годам великие подвижники.

Одновременно с духовными подвигами он занимался в своей келлии перепиской нотных и других книг, нередко его можно было видеть работающим в садах обители.

За добродетельную жизнь, при избрании нового настоятеля Софрониевой пустыни в 1815 году, о. Филарету было предложено это место. Но смиренный подвижник отклонил предложение «не без внушения свыше, ибо вскоре предстояло ему идти в Глинскую пустынь, нуждающуюся в его духовной опытности». К этому времени о. Филарет славился добродетелями не только в Софрониевой обители, но и за ее пределами. Хорошо известен был он своей высокой духовной жизнью и в Глинской пустыни.

В своем прошении архиерею о назначении о. Филарета настоятелем их пустыни Глинские иноки писали, что «иеромонах Филарет по всем обращениям к начальствованию способен и достоин» и что «по

отличным его дарованиям к управлению монастырем желают видеть его настоятелем пустыни и благодетелем оной особы...».

Избрание иеромонаха Филарета настоятелем Глинской пустыни совершилось по предведению Самой Владычицы Богородицы, Которая по молитвам братии Глинской пустыни указала им Своего избранника. Духовная опытность о. Филарета была известна и епархиальному начальству.

11 мая 1817 года указом Курской Духовной Консистории он был назначен настоятелем Глинской пустыни, «как муж духовный, способный к поддержанию заведенного общежития и посему начальства достойный».

Со скорбью провожали братия Софрониевой пустыни своего любимого сподвижника. Настоятель о. Варлаам благословил о. Филарета Иверской иконой Божией Матери, копией с Чудотворного образа своей пустыни, особое благоговение к которой о. Филарет сохранил впоследствии на всю жизнь. Со скорбью оставлял и он Софрониеву пустынь, с которой был связан 15-летний путь его иноческой жизни (с 1802 по 1817 год).

6 июня 1817 года иеромонах Филарет смиренно принял настоятельство в Глинской пустыни. Прежде всего его поразила ветхость и запущенность строений пустыни. Здесь было лишь «...несколько деревянных ветхих, почерневших от времени келлий, расположенных в беспорядке на поляне среди векового соснового леса, недалеко от небольшой речки Обесты. Единственное каменное здание было церковное о двух главах под тесовой крышей, весьма простой архитектуры и требовавшее немедленной починки»... В зимнем храме иконостас от сырости испортился, а внизу сгнил. Ризница была ветхая. Монастырских денег было очень мало, запас хлеба истощился, а братия увеличивалась. Таково было положение в Глинской пустыни ко времени настоятельства отца Филарета (см. Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской пустыни Курской епархии. 3-е доп. и вновь перераб. изд. Одесса, 1905. С. 23, 24).

Иноки пустыни не имели часто самого необходимого: жилья, нужной одежды, пищи. Отец Филарет с несомненной верой говорил братии: «Матерь Божия нас собрала, Она и попечется о нас. Нам должно учиться терпению». Однажды в течение трех дней в пустыни не было хлеба. На трапезе подавалась лишь вареная свекла. Два дня братия великодушно переносили это испытание Божие, а на третий некоторые малодушные пришли к о. Филарету за благословением, чтобы оставить обитель. В ответ старец слезно уговаривал братию потерпеть еще некоторое время и убеждал, что Матерь Божия, на Которую он твердо уповает, не оставит их и вскоре подаст им Свою помощь. Братия вразумились увещанием настоятеля и разошлись по

келлиям. И действительно, на следующую же ночь пришел большой обоз, в 30 возов муки, пожертвованной неизвестным помещиком.

Укрепляемый помощью свыше, о. Филарет за годы своего настоятельства в полном смысле преобразил Глинскую пустынь и внешне, и духовно.

Прежде всего о. Филарет направил свою деятельность на созидание и украшение живых храмов Божиих в сердцах вверенной ему братии. Для этого ему были дарованы от Бога особые средства: сила духа, обилие благодати и пастырская ревность.

Забываясь о высоте нравственно-подвижнической жизни братии и одновременно решая другую, не менее важную задачу, связанную с улучшением чина богослужения, о. Филарет постепенно начал вводить в Глинской пустыни строгий общежительный устав по чиноположению Святой Афонской Горы.

Дело духовного воспитания иноков и приезжавших в обитель мирян богомудрый настоятель упрочил тем, что ввел в своей обители древний порядок иноческой жизни, учредил правильный порядок духовного руководства. Отец Филарет привел обитель в цветущее состояние через утверждение в ней старчества. Глинская пустынь стала одной из тех редких обителей, где старческое окормление было утверждено уставом. Сущность такого окормления, как это отражает устав Глинской пустыни, состояла в том, что все поступавшие в обитель с первого дня «поручались искусному старцу в повиновение». Отсечение своей воли — это важное условие нравственного совершенствования братии — было положено в основу монастырского устава, в котором сказано: «...Всякое дело творити с благословением и по совести, ибо всякое дело противу совести и не с благословением творимое, часть Иудина есть, якоже и церковный устав объясняет и мнози от Святых в общем житии повелевают...».

В деле старческого руководства о. Филарет особенно большое внимание придавал ежедневному откровению помыслов ученика своему старцу, поскольку такое откровение является главным методом, или способом искоренения страстей. Отец Филарет опытно знал, что иноку без частого откровения помыслов очень трудно устроить свою духовную жизнь. Иноки же, приучившие себя к откровению помыслов, со временем бывают способны помогать ближним в их душевных смущениях.

В строгом соблюдении устава о. Филарет видел успех духовной жизни обители, «все благо доброго порядка, в котором видимо хранится сокровище душеспасительных дел». Вот почему он наставлял, чтобы братия обители «устав, как святое предание, сохраняли свято по заповеди Христа Спасителя: слушай вас Мене слушает».

В подтверждение сказанного важно привести воспоминания современников о. Филарета. Так, старец Илиодор (Голованицкий) слы-

шал, как игумен Филарет говорил: «Я дал обет Божией Матери установить этот устав в Глинской пустыни для всегдашнего строгого исполнения этого чиноположения моими будущими преемниками. Посему, если кто из них нарушит его, с таковым буду судиться на суде Божиим».

Для того, чтобы устав прочно вошел в обиход иноческой жизни, игумен Филарет решил представить его в Святейший Синод на утверждение. Устав Глинской пустыни был утвержден Святейшим Синодом 24 августа 1821 года.

Впоследствии о. Филарет сам тщательно переписал Глинский устав так называемым уставным письмом и переплел в кожу.

Одновременно с подъемом внутренней, духовно-подвижнической жизни братии отец Филарет много сил отдал и внешнему благоустройству обители. Ревностно принялся настоятель отец Филарет за восстановление обители. Он занимался не только ремонтом построек, но и осуществил ряд конструктивных планов: определил новую планировку обители, предпринял строительство новых храмов, других зданий монастыря. Постепенно увеличивалось число влиятельных благодетелей, среди которых были помещик Д.С. Бровцын, А.С. Анненков, ахтырский помещик К.Д. Хрущов, щедрая благотворительность которых позволила осуществить многие строительные работы в обители.

Заметные перемены во внутреннем и внешнем благоустройстве обители произошли уже через месяц управления обителью о. Филаретом. Это отметил при посещении Глинской пустыни Преосвященный Феоктист. Он с радостью сказал: «Слава Богу чудодеющему! Ныне возродовася душа моя: вижу Лазаря из мертвых воскресша», и 1 июля 1817 года в Курске наградил о. Филарета набадренником «за многопольное и высокоразумное управление» святой обителью. В 1818 году о. Филарет был награжден наперсным крестом в память 1812 года.

Кроме молитвенного подвига и уставных особенностей богослужения, Глинская пустынь вносила свой вклад в духовное просвещение народа посредством строительства храмов.

До прибытия в Глинскую пустынь о. Филарета храмы ее не отличались особым величием, что стало характерно для более позднего времени. На средства благотворителя, помещика Д.С. Бровцына, о. Филарет привел в благолепие теплый храм Святителя и Чудотворца Николая. 15 августа 1819 года теплый храм обители был освящен новым правящим архиереем — Преосвященным Евгением (Казанцевым). После освящения храма он сказал назидательное поучение для братии Глинской пустыни и всех паломников, смысл которого сводится к тому, чтобы православные христиане заботились как о внешнем благолепии храмов, так и о созидании внутреннего духовного храма: «Кто со Христом не распинает страстей своих, кто не жертвует за ис-

тину жизнью со Христом и Его мучениками, — тот не составляет собою храма Христова, тот не есть христианин, хотя и носит сие священное имя...».

Преосвященный Евгений связывал начавшееся процветание Глинской пустыни не столько с внешним, сколько с духовным возрождением обители. Он увидел братию монастыря в полном духовном единении, стремлении к подвижническому житию и поэтому в своем поучительном слове отметил, что процветание Христовых обителей всегда происходило и происходит не столько от внешнего благолепия, сколько от внутреннего благочестия братий, которые добрым подвигом подвизаются воплотить в своих душах идеал Христова учения.

Проявляя заботу о благоустройстве обители, игумен Филарет в том же 1819 году выстроил одноэтажный деревянный братский корпус на шестнадцать келлий.

В 1820 году был сделан капитальный ремонт соборного храма, с северной и южной сторон которого о. Филарет выстроил два больших притвора со сводами. Высоко оценивал труды о. Филарета святитель Филарет (Дроздов). Он писал: «...Ныне новый строитель во многом уже успел, и... обитель сия процветать стала благодатию, что не так обычно».

Александр I, имевший аскетическую духовную настроенность, пожелал лично говорить с Глинским настоятелем, и 5 июля 1821 года о. Филарет представился императору Александру I в его тайном кабинете. «При входе смиренного старца благословенный властитель России встал, по своему замечательному смирению принял благословение от вошедшего и, облобызав десницу его, милостиво расспрашивал о происхождении его, о зданиях Глинской пустыни, качестве ее земли, о числе братий, способах их содержания и об уставе обители».

В числе вопросов, которые были заданы императором игумену Филарету, были следующие: «Каким образом поставили вас настоятелем монастыря?», «Были вы в монастыре Валаамском?», «Правила пустыни вашей согласны ли с валаамскими?» и другие.

Монарх Александр Павлович благоговел перед духовными старцами, лично знал жизнь ряда обителей, а поэтому очень внимательно отнесся к нуждам Глинской пустыни. Отец Филарет передал императору краткую докладную записку, в которой просил пожаловать пустыни 300 десятин леса, увеличить штат братии до 20 монахов и уплатить долги пустыни (3000 рублей). Отец Филарет просил также утвердить устав обители, составленный им по образцу Афонского, и ходатайствовал о том, чтобы настоятеля Глинской пустыни назначал не архиерей, а избирала братия из своей среды.

Император уверил старца Филарета в непременном исполнении всех названных просьб и пожелал встретиться с отцом настоятелем при его отъезде из Петербурга.

При вторичной встрече Александр I, приняв благословение от старца, сообщил о. Филарету, что долги Глинской пустыни уже уплачены и просьба о лесе также будет удовлетворена. Об увеличении числа монашествующих в Святейший Синод был дан именной высочайший указ.

С радостью благодарил отец Филарет Господа и Божию Матерь, потому что только Им, а не себе приписывал смиренный настоятель успех дела. А когда было получено разрешение и на использование 300 десятин леса, торжество обители было неописуемым. Братия обители в знак благодарности Господу и Его Помазаннику императору Александру I устроили 4 ноября 1823 г. праздник с целодневным звоном. Торжество было столь велико, что даже службы в тот день совершались пасхальные, а по окончании литургии был отслужен благодарственный молебен с многолетием государю и всему царствующему дому. Такое «торжество бысть многим во удивление» — так писал игумен Филарет в своих записках в 1823 г.

В воспоминание этого радостного события настоятель Филарет, по согласованию с братией, установил ежегодный праздник в неделю Православия, а в субботу перед оной акафист Богородице «красного пения», что и вошло впоследствии в традицию этой обители.

Благодеение Царского дома по отношению к Глинской пустыни проявилось и со стороны императрицы Елизаветы Алексеевны, которая по пути в Таганрог 25 сентября 1825 г. проезжала мимо принадлежавшей Глинскому монастырю старой часовни, устроенной у д. Заруцкой, недалеко от г. Глухова.

Благочестивая государыня была глубоко тронута торжественной встречей, которую оказали ей братия обители. Она с благоговением приняла окропление святой водой, благословение отца Филарета: просфору, копию явленной Чудотворной иконы Пустынно-Глинской и несколько книг духовного содержания, соответствовавших скорбному состоянию ее души. В знак благодарности она выслала настоятелю Глинской пустыни 500 руб. на украшение названной часовни. На эти средства часовня была вновь построена и украшена живописными иконами...

В течение 1821—1825 годов о. Филарет совершил четыре поездки в Петербург, во время которых он прославился как поборник Православия, выступая против еретических лжеучений, защищая святоотеческое учение о высших степенях богообщения и умно-сердечной молитве Иисусовой.

В первой четверти XIX века в Россию из Западной Европы проник еретический мистицизм, который распространился в придворных кругах и среди дворянства. Игумен Филарет своей духовной жизнью, прекрасным знанием Священного Писания и святоотеческих творений опроверг лжеучение еретических мистиков. Опираясь на учение

святых отцов, о. Филарет сумел на конкретных примерах из святоотеческих творений убедить противников.

В своих духовных беседах о. Филарет «сеял Слово Божие и на песке, и на камне, и на доброй земле». О тех же слушателях, которым Слово Божие приносило мало пользы или совсем не приносило плода, игумен Филарет пишет: «Как теперь все люди умные, ученые, да нетолченные, то и перетолкуют, — как понимают, и другим будет в соблазн. Теперь полезнее много знать, кого Бог одарил познанием разума духовного, а мало говорить, тем более писать. Если антихристы века сего над Богодуховенными писаниями святых отцов смеются, то тем более посмеются над живущими еще в сем мире с миром о Господе» (Жизнеописание игумена Филарета. 1905. С. 88). Эти слова, сказанные богомудрым старцем Филаретом более 160 лет тому назад, актуально звучат и сегодня.

В ходе дискуссии об истинной и ложной умной молитве у о. Филарета потребовали доказательств правильности взглядов на вопрос об умной молитве. Тогда «старец, обладая необыкновенною памятью, указывал не только названия книг святых отцов, так или иначе об этом говорящих, но даже главы или страницы книг». Значение этой дискуссии было очень велико, так как от нее зависело, наступит ли конец заблуждениям интеллигенции или нет.

Господь благословил о. Филарету одержать победу и в столь важной дискуссии. Во время ее еретики, чтобы проверить о. Филарета, приносили названные им книги и убеждались в истинности слов Глинского настоятеля. Они удивлялись его памяти, глубокому духовному разуму, точному знанию и должны были признать себя побежденными. Лабзин (издатель еретического журнала «Сионский вестник») также участвовал в этих прениях. В предании Глинских иноков сказано, что он был побежден о. Филаретом. Сам о. Филарет в записках 1833 года написал: «Лабзин, побежденный, погиб, и ладия его поглощена, а адовы врата Церкви Божией не одолеют».

Итогом этой дискуссии явился тот факт, что в 1822 году вышло «правительственное запрещение открывать тайные общества и масонские ложи». Лабзин А. Ф. в том же 1822 году был выслан из Петербурга в Симбирскую губернию, а князь А. Н. Голицын (протестантствующий министр духовных дел) уволен от управления министерством. Так сбылись на о. Филарете библейские слова Премудрого: «Подвизайся за истину до смерти, и Господь Бог поборет за тебя (Сир. 4, 32).

Весной 1823 года о. Филарет опять ездил в С.-Петербург. В 1825 году он вновь был вызван в столицу. В то время в одном кружке С.-Петербургского высшего белого духовенства, к которому примыкала и часть высшего светского общества, возникла крупная полемика против монашества. Император Николай I, вступивший на престол в 1825 году и всегда благосклонно относившийся к святым оби-

телям и монашеству, повелел решить этот спорный вопрос немедленно. Для участия в дискуссии был приглашен и о. Филарет, который к этому времени был уже широко известен как петербургскому духовенству, так и интеллигенции.

Участвуя в названных дискуссиях, проходивших в присутствии императора, о. Филарет выступил как ревностный защитник монашества. Не имея никакого светского образования, он обнаружил такие обширные духовные познания, такой Богом дарованный ум, которые позволили ему успешно отстоять православное святоотеческое учение, победить неверие, ложные религиозные воззрения и пользоваться огромным вниманием, уважением со стороны духовенства, интеллигенции и даже царственных особ.

Об успехе о. Филарета в дискуссиях, состоявшихся в Петербурге, стало известно в разных концах России; поэтому его стали приглашать для разрешения сложных вопросов духовной жизни. Так, о. Филарета дважды приглашали в Киев, куда он ездил для участия в духовных беседах по вопросу о монашестве.

Широкая известность о. Филарета, высокодуховная жизнь Глинских иноков, возраставших под его руководством, привлекали к обители все новых благотворителей. Старец Филарет писал императору Николаю I, что «по мере духовного возрастания сего вертограда Иисусова (братии Глинской пустыни) увеличивалось и число усердствующих богомольцев».

Но, как он сам отмечал, особенно благоустройству обители способствовал дар императора Александра I — полученные пустынью 300 десятин леса.

Второй этап строительных работ начался в 1823 году. Сначала о. Филарет построил три корпуса: для настоятеля и письмоводителя с канцелярией; для ризничего, портного, пономарей и звонарей; большой корпус для священнослужителей; затем — братскую больницу и каменную столярную мастерскую с келлиями. Но все возраставшее братство пустыни и сложное монастырское хозяйство требовали сооружения новых зданий. За годы настоятельства о. Филарета, кроме упомянутых, им было построено также 19 деревянных жилых домов, экономия, конюшня, скотный двор, квасоварня, две крупорушки, сукновальня, ледники, навесы и амбары. Отец настоятель насадил при обители два обширных фруктовых сада, построил гостинный двор — с двумя домами, кухней, двумя избами, летними номерами для приезжающих, амбарами и сараями.

В 1823—1829 годах заново была построена каменная ограда монастыря. По указанию о. Филарета иноки проводили осушение прилегающих болот, вырыли пруд с проточной водой.

Большую заботу проявил настоятель Филарет о создании скита на месте явления Глинской Чудотворной иконы Божией Матери, в чет-

верти версты от обители. При о. Филарете на этом месте вместо старой была построена новая деревянная часовня с келлией. Сюда в 1828 году переселяется, по благословению отца Филарета, на безмолвие братский духовник иеросхимонах Пантелеимон, который всегда тяготел к духовным подвигам в безмолвии. Но на следующий же год к нему перешли из монастыря еще несколько человек, жаждущих подобного подвига. В скиту поставили еще три дома и обнесли его забором. Так был основан первый скит Глинской обители, называемый Ближним.

Но особенно большое внимание о. Филарет уделял строительству и украшению храмов обители. В 1826 году, всецело возложив надежду на помощь Матери Божией, о. Филарет приступил к строительству Иверской каменной церкви над святыми воротами «в благодарную память о чудесах Божией Матери с 1817 года», то есть со времени вступления его в должность настоятеля. В 1831 году церковь во имя Иверской иконы Божией Матери была окончена и в октябре освящена настоятелем пустыни. Над царскими воротами в этом храме о. Филарет поместил в резном позолоченном киоте копию Чудотворной Иверской иконы Божией Матери, данную ему в благословение от Софрониевой пустыни в 1817 году.

При о. Филарете в Глинскую пустынь был принесен Чудотворный образ Нерукотворенного Спаса, в чем проявилось великое благоволение Божие к подвижническим трудам настоятеля и Глинских старцев. В монастырской описи сказано, что этот образ списан с «оригинальной иконы, писанной Евангелистом Лукою».

От образа Нерукотворенного Спаса в Глинской пустыни неоднократно происходили благодатные знамения и исцеления. Об этой иконе о. Филарет писал: «История знамений и чудес, во все времена совершавшихся в Церкви Христовой, показывает, что рабы и угодники Божии, пред лицом Божиим писавшие иконы святых, переводя на урус или на доску Священные черты, в чистых душах их рождавшиеся, молитвою, пламенною ревностью к прославлению имени Божия и любовью к душам человеческим, призывали на дело рук своих благословение Божие, и помазав писанные ими иконы помазанием от Святого, которое имели в духе своем и слезами благоприятными в веществе, отверзали хляби небесные, чудодейственную благодать Божию источавшие им вскоре, а для будущности далекой, в своих произведениях они (благочестивые иконописцы) оставляли сокровенные ключи силы Божией, которую потомки должныствовали открыть верою и молитвою, соответствующею молитвам предшественников, уже ликующих в Небесном Царствии».

Духовные и внешние преобразования, осуществленные в период настоятельства игумена Филарета, положили начало систематической и плодотворной благотворительной деятельности Глинской пустыни,

которая развивалась во все последующие периоды, вплоть до закрытия обители. Благотворительная деятельность была столь непреложным законом для монастыря, что о ней было записано в уставе Глинской пустыни. В соответствии с этим уставом все приезжавшие в обитель на богомолье получали бесплатно питание, временное жилье, а также пользовались бесплатным медицинским обслуживанием.

В обители всегда сохранялся порядок гостеприимства, определенный о. Филаретом в 23-й главе монастырского устава «О гостеприимстве», по которому назначенный гостинник обязан был устроить прибывших богомольцев, определить им порядок питания, пребывания в обители. В этой же главе было сказано: «Аще кто из богомольцев с братиею и трапезы вкусить восхощет, да веден будет по обычаю в трапезу; женск же пол да не входит, им же в гостинице трапеза да поставляется». Запрещалось гостиннику брать деньги с приезжих за пребывание в обители и трапезу.

Преобразовательная деятельность возобновителя Глинской пустыни была многогранной и всеохватывающей.

Основное внимание Глинский возобновитель обращал на духовное воспитание иноков и их монашеский образ жизни. Все виды внешнего благоустройства лишь способствовали этой цели. В описании Глинской пустыни 1837 года о. Филарет писал: «Хотя и видны некоторые успехи наружного благоустройства, но внутреннее духовное здание, зиждемое благодатию Господа нашего Иисуса Христа и помощью Владычицы Пресвятой Богородицы, паче и паче занимает умы и сердца братства Глинской пустыни, а все это вкупе принадлежит не нам, но имени Твоему, Господи».

Уделяя особое внимание вопросам духовно-нравственной жизни братий, о. Филарет наставлял их в молитве Иисусовой, различных добродетелях, например, строгом воздержании, уединении и молчании, избегании вражды, скорейшем примирении, усердном послушании и в целом исполнении заповедей Божиих.

Предъявляя строгие требования к самому себе, о. Филарет не пропускал и малейшей ошибки братии обители. К провинившимся, в зависимости от тяжести их вины, настоятель применял и убеждения, и легкие замечания, а когда требовали обстоятельства, то и самую высшую степень епитимий без всякого лицепрятия. Причем, справедливые вразумления богобоязненного старца Филарета всегда были растворены силой благодатных слов. Его духовная мудрость и прозорливость, сочетавшиеся с исключительной кротостью, любовью к ближнему, благотворно влияли на братию.

В деле начальствования о. Филарет, несомненно, обладал даром Божиим, искусно объединяя миром и любовью иногда совершенно несовместимых, на первый взгляд, людей различных званий, сословий, характеров, уровней образования, воспитания.

Игумен Филарет умел так искусно налагать послушания, что люди даже благородного сословия, изнеженные воспитанием, нередко ревностнее трудились, чем те, кто давно привык к телесным трудам. Опытнo познав благотворность физического труда, помня слова апостола Петра: «Страдающий плотию перестает грешить» (1 Пет. 4, 1), о. Филарет возбуждал к труду своим личным примером и братию. Старец говорил: «Пот, проливаемый монахом на послушании, при усердном труде и внимании к своему сердцу, имеет в очах Божиих такое же спасительное значение для трудящегося, какое имеет кровь, пролитая и проливаемая мучениками». Для новоначальных он считал труд первым условием и говорил: «Труждающийся да яст от хлеба общежития».

В то же время игумен Филарет советовал братии держаться царского пути, то есть середины в подвигах, предостерегая их тем самым от самообольщения, например, неумеренным постом. Однако в обители и в гостинице для богомольцев старец Филарет всегда строго соблюдал правила общих постнических установлений.

Большое внимание уделял о. Филарет новоначальным инокам, воспитывая их своим личным примером в духе кротости, смирения, терпения. Он принимал новых братий с большой любовью, искренно, просто, свято и поддерживал их первые шаги в иноческой жизни молитвой, добрым словом и делом. Так, увидев однажды, как в первый день пребывания в обители послушника из купеческого звания сильно покусали на пасеке пчелы, о. Филарет, зайдя на пасеку, похвалил его терпение и кротко заметил: «Добре, добре, сыну, доброе начало полагаеши послушания и терпения иноческого! Смотри, помни: теперь пчелы тебя кусают, а потом бесы станут кусать; как теперь терпишь, так и тогда терпи, ибо только претерпевый до конца, той спасен будет». Отец Филарет сказал старцу-пасечнику, чтобы не обижал новичка-послушника, благословил обоих и тихо удалился. Затем он прислал послушнику проволочную маску, предохраняющую от укусов. Духовно слабых иноков он особенно укреплял добрым словом, своевременным советом, мудрым наставлением. Приведем одно из них: «Страшливый да не исходит на брань, — говорил о. Филарет, — ибо воины царя земного, ратуя против врагов, за стыд себе вменяют не только бегство с поля битвы, но даже и раны, получаемые ими не лицом к лицу. Так и воины Христовы, приемля и терпя раны от супостата лицом к лицу, чрез искушения, наносимые им, этим доказывают свое мужество».

Как пастырь овец Христовых, о. Филарет непрестанно охранял души вверенных ему людей от происков врагов внешних и внутренних. Как предводитель на брани Христовой, он вооружал каждого воина оружием Слова Божия и молитвы, научал, как он должен действовать против врага и, наконец, постоянно напоминал об уготованной подви-

заующимся награде и тем самым поддерживал во всех войнах мужество. Столь кропотливый труд настоятеля как с сонмом братии, так и с каждым иноком в отдельности принес впоследствии свои плоды.

Вот как оценивали современники качества иноков Глинской пустыни: «Честность и бескорыстие между ними общие и весьма обыкновенные достоинства. Одни в обитель вступили нищими, другие все свое вложили в общину, дабы Христовою нищетою обогатиться. Несмотря на то, что не учились в народных школах, некоторые посредством простого внимания чтению и пению в церкви, очищением ума и сердца молитвою и деланием заповедей Господних достигают правого разумения словес Господа Иисуса Христа и опытного ведения путей Божиих в обращении и спасении душ человеческих, утешают и назидают друг друга беседами поучительными; любят очищать совесть свою исповеданием перед отцами духовными; все дела общежития разделяют между собою».

Строгость соблюдения Глинскими иноками благочиния в церкви и келлиях, устава обители, составленного о. Филаретом, была такова, что не исполнявшие их удалялись из монастыря, о чем записано в главе 25-й устава: «Аще кто из братии вознерадит, лености ради, приходит не к началу церковного пения или подает какой-либо соблазн, а паче мирским, или уставу противится будет, такового настоятель по первому и второму увещанию наедине, при соборе увещевает, приводя ему Святых Отец писания и устав обители по установлению Святых Отец, увещевая его любовью. И аще таковой не смиритя и не послушает наказания, изгоняется из обители».

Таким образом, под руководством духовно мудрого старца Филарета воспиталось новое поколение опытных подвижников, многие из которых стяжали глубокое смирение, кротость, милосердие и даже получили от Бога духовные дары прозрения, исцеления, назидания ближних.

Их духовно-подвижническая жизнь сияла подобно маякам, направляющим корабли — человеческие души — к тихому пристанищу Царствия Небесного.

Знаменательно, что двенадцать учеников о. Филарета были назначены настоятелями в другие святыне обители.

В числе этих настоятелей был и знаменитый миссионер архимандрит Макарий (Глухарев), с полным основанием названный Апостолом Алтая. Он также воспитался у ног выдающегося духовного вождя — старца Филарета — и впоследствии всегда помнил «руководство незабвенного аввы Филарета, мужа, известного святостию жизни и способного учеников своих благонадежно вести в Царствие Небесное по узкому пути смирения, терпения и послушания».

О неразрывной духовной связи о. Макария с Глинской пустыней свидетельствуют его слова: «Всегда сохраняю утешительную память

моего пребывания в его (о. Филарета) обители, опытных наставлений его и отеческих благотворений».

Слава о мудром руководстве о. Филарета распространилась по всей стране. Архимандрит Пимен (Мясников), настоятель Николо-Угрешского монастыря, в своих «Воспоминаниях» (М., 1877. С. 62) называл о. Филарета одним из самых искусных и лучших настоятелей, которого «уважали не только (простые) монашествующие, но и самые иерархи». Отеческое попечение о. Филарета о духовной, хозяйственной, благотворительной, просветительной деятельности обители, его духовная опытность быстро умножали Глинское братство. Именно в Глинскую пустынь под опытное руководство о. Филарета направляли стремившихся начать иноческую жизнь многие духовные старцы, например, духовники Киево-Печерской Лавры, настоятели других Киевских монастырей и даже сами Киевские митрополиты.

Отец Филарет был знаком не только с такими великими подвижниками, как Высокопреосвященный Филарет (Дроздов), Антоний (Смирнитский), архиепископ Воронежский; его знал по духу и питал к нему большую любовь о Христе преподобный Серафим Саровский, который нередко направлял к о. Филарету просивших благословения на поступление в монастырь, «указывая на обитель его как на великую школу иноческой жизни».

В Глинскую пустынь к старцу Филарету переходили многие опытные подвижники из других монастырей, в том числе не только из близ расположенных (Софрониевой пустыни, Глуховского Петропавловского монастыря, Курской Коренной пустыни), но и из отдаленных (Киево-Печерской Лавры, Соловецкого монастыря, Валаама). Восемнадцать лет подвизавшийся на Афоне старец Пантелеимон впоследствии также перешел в Глинскую пустынь. Таким образом, численность Глинского братства возросла при о. Филарете более чем вчетверо.

Многогранная духовно-творческая деятельность о. Филарета служила на пользу как Глинской пустыни, так и в целом монашествующим. Старец Филарет духовно окормлял не только братию Глинской пустыни, но и монашествующих многих других обителей. Для некоторых из них он составил уставы, которые явились основанием внутреннего и внешнего благоустройства и процветания этих монастырей. Так, в 1821 году, находясь в С.-Петербурге, о. Филарет, по указанию архиепископа Филарета (Дроздова), в ответ на прошение игумении Екатеринбургского Новотихвинского монастыря составил по чину Святой Афонской Горы устав для Екатеринбургской обители, утвержденный Святейшим Синодом в 1822 году. В 1821 году о. Филарет составил устав Борисовской пустыни Курской епархии.

За советом и наставлениями к о. Филарету часто обращались инокини Севского девичьего монастыря. Отец Филарет руководил духов-

ной жизнью и весьма отдаленных от Глинской пустыни монастырей. До последних дней своей жизни он управлял всей духовной и материальной деятельностью Уфимского Благовещенского монастыря, для которого также составил устав.

Под духовным руководством великого Глинского старца возникло еще шесть обителей: Одигитриевская Богородицкая в Челябинске; Казанская в городе Троицке Оренбургской губернии; Успенская в Оренбурге; Тихвино-Богородицкая в Бузулуке Самарской губернии; Пророко-Ильинская в Мензелинске; Троицкая в городе Бирске Уфимской губернии. Во всех этих обителях был введен устав о. Филарета.

Глинский устав, составленный игуменом Филаретом, послужил краеугольным камнем прочного устройства и процветания многих мужских монастырей. Среди них — Святогорская Успенская пустынь в Харьковской губернии, Тульский Богородицкий Щеглов монастырь, Белгородский монастырь в Курской губернии, Бузулукский — в Самарской губернии, Чуркинская Николаевская пустынь в Астраханской губернии и др. Таким образом, Глинский устав получил широкое распространение по всей России и был заимствован, полностью или частично, многими монастырями.

Это явилось ярким выражением благотворной просветительной деятельности Глинской пустыни, в которой духовно главенствовал игумен Филарет. Он внес огромный вклад в эту деятельность обители как автор книг и нот духовного содержания, о которых сказано ниже.

Отец Филарет любил и физический труд: разводил фруктовые сады, работал в огороде, на пасеке, осушал болотистые места. При этом старец часто говорил: «Томлю томящего», то есть поработал плоть свою духу. Работал о. Филарет до изнурения, до слабости, так что не мог часто взять руками орудия труда и «шел к своей келлии, едва передвигая ноги». После напряженного трудового дня о. Филарет затворялся в своей келлии, обстановка которой отличалась строгой простотой. Здесь он совершал монашеское правило, изливал свои молитвы ко Господу. Неисчислимы его келейные подвиги молитвы, поста, разного рода воздержания, о чем говорил живший у о. Филарета десять лет келейник Константин Юнков. Однажды накануне празднования Иверской иконе Богородицы в своей келлии о. Филарет удостоился видеть Пресвятую Богородицу.

Во всех перечисленных подвижнических трудах о. Филарета вдохновляло сознание своего пастырского долга. Его пастырская душепопечительность не имела границ. Всего себя, все силы ума и сердца отдавал о. Филарет служению Богу и ближним. Самосовершенствование не было теперь его личной целью, а только одним из средств достижения более широкой и возвышенной цели — спасения паствы. Выше было сказано об окормлении старцем Глинской братии и монаше-

ствующих других обителей. Но двери келлии о. Филарета были открыты и для мирян. Люди всех званий и положений, жители самых далеких губерний — все знали смиренного, прозорливого Глинского старца. К нему тянулись тысячи верующих душ. Пришельцы из дальних и ближних мест с раннего утра толпились у келлии подвижника. С утра до вечера он только и жил заботой о ближних. Он никогда никому не отказывал в совете и помощи. Сколько людей привел он к Богу своими благодатными советами и своей сострадательной любовью!

Он жил жизнью других, радовался их радостями и печалился их печалью. Его беседы согревали охладевшие сердца, просвещали разум, открывали душевные очи, призывали людей к раскаянию, к душевному миру и духовному возрождению. Они покоряли сердца людей, вселяя в них благодатный мир и тишину. После бесед с богомудрым старцем даже раскольники присоединялись к Православной Церкви.

Сама внешность подвижника производила глубокое впечатление на обращавшихся к нему. «Черты лица о. Филарета дышали девственной красотой, душевным миром и радушием» (Жизнеописание игумена Филарета... 1905. С. 83).

Помимо приема богомольцев, о. Филарет писал ежегодно до 750 писем, содержащих в большинстве случаев советы, наставления духовным чадам, в числе которых было много высокопоставленных особ из Петербурга и других городов нашего обширного отечества. Отец Филарет часто до полуночи просиживал за письменным столом, а с первым ударом колокола (в 12 ¹/₂ часа ночи) спешил на утреню в храм. Таким образом, его любовь ко Христу и ближним полностью обнаружилась в его деятельности, то есть он сам шел по пути спасения и был путеводной звездой для других. Своими наставлениями старец оказывал огромное нравственное влияние на тех, кто соприкасался с ним. Иноки и священники ревностно брались за исполнение своих обетов и обязанностей, раскольники обращались в лоно Православной Церкви, люди порочные в корне изменяли свое поведение, а дети на всю жизнь запоминали наставления любвеобильного о. Филарета.

Старец Филарет был преисполнен дарами Божией благодати. Дар проникновения в тайники человеческих душ позволял старцу безошибочно видеть нравственное состояние обращавшихся к нему. Дар его духовного рассуждения проявлялся в том, что он сразу определял духовное состояние человека и давал ему правильный совет. Очень часто по дару прозрения, которого он сподобился за свою богоугодную жизнь, о. Филарет предвидел и предсказывал будущее.

Он сподобился видеть душу почившего преподобного Серафима Саровского, возносимую Ангелами со славою на небо, о чем он сам рассказывал многим.

«Это было так. Ночью 2 января 1833 г. после утрени, стоя на крыльце своей келлии, отец Филарет увидел сияние на небе и чью-то душу, ангелами с пением возносимую на небо. Долго смотрел он на это чудное видение, подозвал к себе некоторых братий, тут случившихся, указал им на необыкновенный свет и, подумав, сказал: «Вот так отходят души праведных! Ныне в Сарове почил отец Серафим». Видеть сияние сподобились только отчасти двое из братий. После узнали, что точно в ту самую ночь скончался отец Серафим.

Можно было бы привести много других примеров дара прозрения, которого сподобился старец Филарет за свою богоугодную жизнь. Так, однажды проездом из Киева заехали к старцу Филарету в Глинскую пустынь мать с дочерью.

Получив в беседе с настоятелем много мудрых духовных советов, наставлений, они собрались было уже уходить, как вдруг отец Филарет неожиданно слегка ударил своим игуменским посохом Елизавету — дочь матери и сказал: «Привыкай к этому, — когда сама будешь носить, то будешь знать, как им пользоваться». Пророческие слова настоятеля сбылись. Елизавета впоследствии стала Верхо-Харьковской игуменьей Емилией.

Дар прозорливости способствовал о. Филарету в осуществлении внешней преобразовательной деятельности в Глинской пустыни.

Велика была сила молитв старца Филарета, и многочисленные случаи исцелений свидетельствуют об этом. Однажды один крестьянин с сильной головной болью приехал на монастырскую мельницу. В то время там был о. Филарет; он взял больного за голову двумя пальцами, и болезнь тотчас же прошла.

Современники называли о. Филарета «старцем святой жизни». «Олицетворяя в себе тип древнего иночества и настоятельства по образу великих светил иночества: Пахомия, Евфимия, Саввы и других восточных и отечественных наших преподобных, игумен Филарет с великою мудростью духовною и прозорливостью соединял особую кротость и любовь ко всем ближним. Эта любовь выражалась в нем преимущественно в желании и стремлении всех спасти и привести в духовное о Христе совершенство... Это был и настоятель, и вместе любвеобильный отец для всей своей братии, которою руководил он не столько строгостью, сколько любовью и собственным примером святого иноческого жития. Отец Филарет воздвиг Глинскую пустынь «на степень благоустроеннейшего в духовном отношении монастыря» (Очерк жизни Святогорской Успенской пустыни архимандрита Германа. 1894. С. 25).

Труды о. Филарета не могли остаться незамеченными. «За отлично усердную службу» 20 января 1829 года он был награжден золотым наперсным крестом из кабинета императора Николая I (весом 15 золотников). «За примерное поведение и попечительность в благоу-

ройстве обители» 1 марта 1835 года о. Филарету был вручен игуменский посох. 14 марта 1839 года «за прохождение настоятельского служения с отличным усердием и особенно пользою для обители» о. Филарет был возведен в сан игумена.

В письме Илиодора (Чистякова), епископа Курского и Белогородского, в Святейший Правительствующий Синод по случаю возведения настоятеля Филарета в сан игумена было сказано:

«В Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни строитель иеромонах Филарет проходит настоятельское служение с 1817 г., при поведении весьма честном, с отличным усердием и особенно пользою для обители.

Вследствие чего означенный строитель Филарет признан мною быть достойным игуменского сана, в каковой и произведен мною 14 марта сего года, с присвоением ему сей степени лично.

О чем Святейшему Правительствующему Синоду благопокорнейше доношу во известие.

Вашего Святейшества нижайший послушник Илиодор, епископ Курский». Однако не к земным почестям были направлены устремления игумена Филарета. Сознание своего труда ради Бога и Царицы Небесной было его самым большим утешением. Внешняя преобразовательная деятельность никогда не затмевала его заботы о духовном преуспевании братии вверенной ему Богом обители. Подтверждение этой мысли находим в кратком описании Глинской пустыни, представленном отцом Филаретом в Курскую духовную консисторию в 1837 г.: «Хотя и видны некоторые успехи наружного благоустройства, но внутреннее духовное здание, зиждимое благодатию Господа нашего Иисуса Христа и помощью Владычицы Пресвятой Богородицы, паче и паче занимает умы и сердца братства Глинской пустыни, а все это вкупе принадлежит не нам, но имени Твоему, Господи».

До самой кончины он ревностно исполнял свои настоятельские обязанности: ежедневно отдавал распоряжения по делам обители, принимал братию, благословлял богомольцев и т. п. Однако, все более и более возвышаясь духовно, о. Филарет с каждым днем слабел телесно. В 1838 году, за два дня до праздника Рождества Христова, от полного изнеможения сил он потерял сознание, братия с трудом привели его в чувство. После этого телесные силы о. Филарета стали угасать видимо для всех. Последнюю Божественную литургию он совершил в Неделю Православия Великим постом 1841 года.

Перед переходом в иную жизнь игумен Филарет благословил братию и со смирением просил у всех прощения и молитв о себе... В молчании и уединении встречал приближающуюся кончину. Господь благословил ему в духовной радости провести первый день Пасхи. В час пополуночи под понедельник он причастился Святых Таин, а в 6 часов 30 минут утра старец Филарет мирно скончался. Это было 31

марта 1841 года. Знаменательно, что в этот же день совершалось празднование Иверской иконе Божией Матери, которую о. Филарет получил в благословение при переходе на настоятельство в Глинскую пустынь.

«Иеромонахи и послушники, старцы и юноши равно оплакивали своего великого старца — отца, который, как святой, лежал в гробу, издавая благоухание от труженического мертвого своего тела» (Очерк жизни Святогорской Успенской пустыни архимандрита Германа. 1894. С. 31). Один из послушников спросил о. Арсения (Митрофанова): «Не положено ли было в гроб каких благоуханий земных?» Отец Арсений, который присутствовал при облачении и положении во гроб свято почившего старца, удостоверил его, что никаких благоуханий не было там положено, а что это благоухание есть возмездие от Бога потов и трудов его преподобных.

В самой смерти блаженного старца Филарета, когда все собравшиеся священнослужители в праздничных ризах возносили к Богу победные над смертью пасхальные песнопения, казалось, был залог вечного блаженства почившего в Царствии Небесном.

Похоронен был настоятель Филарет «согласно его завещанию у прага храма, да поминают все входящие в храм Господень» (слова, сказанные старцем при приготовлении себе смертного покоя). Последним его предсмертным завещанием было: «Имейте, братие, мир и любовь между собою, а я, если обрету у Господа дерзновение, то верую, яко обитель наша не оскудеет. Вы же сотворите любовь, поминайте меня отцом своим, аще аз и недостойный, и обрящете благодать от Бога».

И поистине игумен Филарет не оставил духовных чад своим предстательством перед Богом. Он являлся неоднократно своим ученикам или почитателям, предсказывая им день кончины, подавая необходимые советы, спасительные наставления.

Многочисленный сонм последователей игумена Филарета до сих пор бережно хранит его наставления — уроки об очищении сердца, руководствуется ими в своей духовной борьбе.

Господь, несомненно, сподобил Своего праведника — Глинского настоятеля игумена Филарета — небесной славы. Некоторые старцы, достойные духа созерцаний, неоднократно видели покойного отца Филарета Глинского поющим на клиросе с братией.

В 1847 году, когда копали рвы для фундамента в целях расширения соборного храма, пришлось вскрыть склеп, где был погребен о. Филарет. Монах Израиль, «видя гроб совершенно целым, решил-ся приподнять крышку его и увидел одежды также целыми, а тело авы нетленным и благоухающим».

Во все последующие периоды существования Глинской обители в ней всегда с великим благоговением хранили память о незабвенном

авве. И лучшим подтверждением этому служило строгое соблюдение монастырского устава и всех заветов старца, причем «соблюдение, не ограничивающееся одной внешней стороной, но проникнутое самим духом пустынного общежительного иночества, об утверждении которого в обители так заботился старец Филарет».

По свидетельству иноков обители, и в XX веке из уст Глинских старцев часто слышались выражения: «Старец Филарет говорил», «Батюшка Филарет установил» и т. п.

В день тезоименитства преподобного аввы, 1 декабря (старого стиля), в Глинском монастыре и в Дальнем Спасо-Илиодоровском скиту всегда совершалось заупокойное всенощное бдение, а после литургии — панихида.

В этот день произносилось специальное поучение, посвященное богоугодной жизни старца Филарета — смиренномудрого и богобоязненного подвижника.

Своими молитвами, трудолюбием, духовными книгами, нотными произведениями, «уставами» игумен Филарет оставил последующим поколениям много памятников. Но лучшим из них стала возрожденная и возобновленная им Глинская пустынь.

Отец Филарет еще за два года до кончины на слова иноков: «После вас, батюшка, обитель наша совсем разорится» — ответил: «Не разорится, а созиждется, увеличится и процветет». И предсказание его исполнилось.

Особое значение имеют труды игумена Филарета.

Прежде всего, отец Филарет составил, по образцу Афонского, Устав Глинской пустыни (подлинник, написанный самим игуменом Филаретом, хранится в РГИА, ф. 796, оп. 102, д. 936). Устав состоит из 3 отделов, включающих 36 глав. В первом отделе определен чин богослужения, поминовений, порядок в трапезе; во втором — обязанности братии на послушаниях; в келлиях; в третьем — обязанности настоятеля и старшей должностной братии: духовника, благочинного, ризничего, уставщика, казначея и др.

Устав Глинской пустыни отличается от других не только строгостью и точностью исполнения церковных правил, но некоторыми обрядами, совершаемыми при богослужениях (подробнее см.: Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Глинская пустынь. 1994. С. 128 — 129).

В первом отделе Устава отец Филарет определяет цель богослужений: «Общая цель богослужения — это введение ума и сердца в истину»¹.

¹ РГИА, ф. 796, оп. 102, д. 936, л. 15.

² Там же, л. 43

Во втором отделе отец игумен разъясняет общую на всех послушаниях истину: «Работать не в полную силу есть грех»².

По просьбе настоятельниц игумен Филарет составил также уставы девичьих монастырей: Екатеринбургского Новотихвинского, Борисовской пустыни Курской епархии и Уфимского Благовещенского.

Высокая подвижническая жизнь, ревностная попечительность о спасении братии побудили отца Филарета составить «Поучение к новопостриженному монаху». Это поучение представляет собой сокровищницу духовных советов не только для иноков, но и для всякого православного христианина.

Поучение состоит из 26 небольших глав, отличается логической последовательностью, стройностью. Общее представление о его содержании дают подзаголовки, например: «О необходимости помощи Божией. — О противлении врагу спасения. — Об обетах. — О символическом значении иноческого одеяния. — Об отсечении своей воли. — Необходимость иметь старца руководителя. — О совести и страхе Божиим. — О смиренномудрии. — О хранении заповедей».

Поучение содержит многочисленные ссылки на Священное Писание, творения святых отцов.

В апреле 1824 года рукопись по указу Святейшего Синода была напечатана, а в июне того же года последовал указ императора: «Поучение к новопостриженному монаху» разослать во все Епархии, применяясь к количеству монастырей, для раздачи в оные... для руководства в управлении монастырями и братиею, а также и для чтения оными...».

Таким образом, труды Глинского игумена Филарета были разосланы во все концы страны, что свидетельствует о влиянии Глинской пустыни на духовную жизнь всей многонациональной России.

В самой Глинской пустыни «Поучение» отца Филарета читалось в трапезе — в день пострижения кого-либо из братьев, а в остальные — по келлиям.

«Поучение» переиздавалось еще трижды вместе с еще одним поучением отца Филарета «Новонаначальному перед постригом» под общим названием «До и после пострига. Поучения монахам Глинского игумена Филарета».

Перу игумена Филарета принадлежит также: «Наставление о должности духовника, служащего инокиням», которое прилагалось к уставам женских монастырей. В «Наставлении» даются советы, как поступать в деле духовного руководства инокинями, при исповеди вообще и при исповеди и причащении болящих инокинь в частности.

«Краткое изъяснение о явлении Пустынно-Глинской чудотворной иконы», «Краткое описание Глинской пустыни», «Записки 1823 и 1828 годов» не сохранились до наших дней, однако в различных изданиях обители встречаются ссылки на эти труды.

Сохранились также общие и монашеские наставления богомудрого Глинского старца, записанные его учениками.

Общие духовные наставления адресованы всем христианам и касаются вопросов порабощения плоти духу, хранения чистой совести и чистого сердца, стяжания христианской любви, борьбы со страстями, духовного трезвения. «Мы, христиане, имеем долг идти вслед Спасителя. Взирая на страдания и смерть Его, должны всегда понуждать худшее покорить лучшему и плоть поработить духу, чтобы сделать себя по образу и по подобию Божию. Образ — в душе человеческой, подобие же — в добродетелях».

В наставлениях монашествующим о. Филарет особое внимание обращает на стяжание смирения, на всецелое покорение себя воле Божией. «Кто совершенно покорит себя воле Божией (через послушание старцам и старшим), тот свою волю во всем оставит, тому и не бывает скорби, ибо врагу места там нет. Своевольным же и непокорным враг никогда не дает покою и будет всегда наводить смущение. Что сделается не так, как хочется, все Богу неугодным вмени (то есть свое хотение и желание) и мирен будешь, и враг не будет тревожить... Понуждай себя считать меньшим и худшим всех в добродетелях и недостаточным в познании духовного делания».

Имея от Бога дар непрестанной молитвы Иисусовой, о. Филарет наставлял и братию в этом подвиге. «В умномысленном делании и молитве наиболее состоит истинный подвиг монашества; в нем бывает истинное познание духовных вещей и Бога». Молитва Иисусова, по мысли о. Филарета, научает монаха искать сердцем Бога, побуждая к послушанию, терпению, кротости, смирению. Она способна возродить монаха (человека) духовно и вселяет мир и любовь к Богу и людям.

Отец Филарет писал и нотные книги. Им написаны пять Ирмолोगиев и некоторые другие церковные песнопения.

Имея от Бога высокие духовные дарования, игумен Филарет сумел так искусно направить жизнь обители, что о ее патриотической, просветительной, благотворительной деятельности впоследствии знала вся страна. Иноки обители, как проводники в жизнь известных нравственных требований, служили и духовным, и временным материальным нуждам своего народа¹.

¹ Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Глинская пустынь. История обители и ее духовно-просветительная деятельность в XVI–XX веках. М., 1994. С. 118–207.

Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Глинский патерик. С. 53–102.

Иеросхимонах Макарий († 1864)

Иеросхимонах Макарий (в миру Матвей Терентьевич Шаров) происходил из богатой мещанской семьи г. Ефремова Тульской губернии. Матвей Терентьевич был набожным, смиренным, вел воздержанную жизнь: он не ел скоромного, читал духовные книги, удалялся от мирской суеты, усердно посещал храм Божий и часто молился Богу дома.

При столь ревностном направлении к богоугождению Матвей Терентьевич казался человеком не от мира сего. Нетрудно было видеть его предназначение для иной жизни, жизни уединенной, монашеской. Двадцати шести лет, в 1828 году, он окончательно решил оставить мир и поступить в Глинскую пустынь под руководство незабвенного аввы Филарета — мужа, известного святостью жизни и способного учеников своих благонадежно вести в Царствие Небесное по узкому пути смирения, терпения и послушания.

Первоначально его назначили трудиться на монастырской пасеке, куда часто приходил отец настоятель, присматривался ко вновь поступившему и отечески учил его монашеской жизни. Много мудрости и духовного опыта заключалось в наставлениях богомудрого аввы. Окрыленный утешениями и молитвами святого старца, брат Матвей усугублял усердие к прохождению своего послушания и угождения Богу.

В 1830 году послушника Матвея перевели на братскую кухню, но там недолго он пробыл. Встретилась надобность в ключнике. На другой год его, как вполне благонадежного, назначили на эту хлопотливую и ответственную должность, в которой он пробыл более шести лет до возведения в сан иеродиакона.

Заметив в нем большую наклонность к монашеской жизни и способность к выполнению ее, а также видя его усердие в послушании, отец Филарет 16 декабря 1833 года постриг Матвея в монашество с именем Макарий. Будучи еще послушником, он бдительно надзирал за состоянием своей души; сделавшись же монахом, отец Макарий еще более начал упражняться в этом. Усвоив себе мать дарований — смирение, он поставил его во главе прочих добродетелей. Смирение выражалось в словах и делах его, в одежде и в каждом движении; словом, в короткое время он стал образцом смирения.

Непрестанно стоя на страже своего сердца, о. Макарий оружием духовного делания заграждал вход в него страстям. Старец Филарет, радовавшийся о своем чаде радостью великой, наставлял его, как должен истинный воин Христов вести себя в невидимой брани со врагами спасения. Внимательный ученик мудрого наставника быстро совершенствовался в добродетелях и наконец достиг того, что авва признал его достойным степени священства. 23 октября 1837 года монах Макарий посвящен был во иеродиакона. Приняв сей сан не по собственной воле, но по желанию своего настоятеля и руководителя, о. Макарий с особенной ревностью старался очистить свое сердце от всего земного и Богу неугодного, дабы быть достойным носителем благодати, принятой им при рукоположении. Служение иеродиакона Макария всегда отличалось особенным благоговением, заметным даже для других, несмотря на все старание его скрыть это от посторонних взоров, — отличалось чувством страха и трепета пред величием Вседержителя, страшному престолу Коего он предстоял!..

На следующий год отца Макария назначили помощником ризничего. В этой должности он состоял шесть лет, продолжая восходить от силы в силу духовного совершенства.

В 1839 году о. Макарий по достоинству возведен был в сан иеромонаха и еще более стал внимательным к себе. Сознывая всю важность принятых на себя обязанностей, он как бы отрешился от всего земного и мысленно стремился к небу.

В Священном Писании и творениях святых подвижников приобретая глубокое познание высоких истин христианского аскетизма, о. Макарий стремился воплотить его в жизни своей и сделаться носителем добродетелей, указанных во Святом Евангелии Подвигоположником. Зная подвиги о. Макария и его наружный вид, показывающий в нем великого воздержника, нужно ли говорить, что один вид его поучал более всякого слова? Одна встреча с ним сильно трогала и побуждала к благочестию, возводя ум и сердце от земли к небу, от временного к вечному. Монахиня N., вспоминая почившего старца, пишет: «Отец Макарий был очень изнурен, без слез нельзя смотреть на него, я смотрела на него, как на мощи. Желая дать мне чулки, он стал их снимать с ног, и я увидела, что колени у него были потерты

(от поклонов) «до крайности». Конечно, нелегко досталось подвижнику это самораспятие, много требовалось с его стороны борьбы и самопонуждения до болезненности, но только таким усиленным умерщвлением своего тела и непрестанной молитвой он мог уподобиться ангелам и получить от Бога благодатные дары прозрения, целения и власть над нечистыми духами, ибо сей род, по слову Спасителя, исходит токмо молитвою и постом. Обессиленный болезнью, подвижник, лежа на ковре, не выпускал из рук Псалтири, а когда наступала ночь, вставал на молитву и, поддерживаемый под мышки двумя костылями, читал Святое Евангелие и беседовал с Богом так долго, что нельзя было не удивляться, как это он, при болезненном состоянии своем, мог так долго пребывать в молитвенном бдении. Но сила Божия в немощи совершается, если сам человек любовью к Богу и надеждой будущих благ старается без самосожаления ревновать о богоугождении, покоряя духу свою немощную плоть. Говорят, о. Макарий ежедневно клал несколько сот земных поклонов. Кроме того, вычитывал не менее 2 глав Евангелия, нескольких глав апостольских посланий и 3-х кафизм. Это его келейное правило, которое он обязан был выполнять помимо церковных служб. По прочтении Евангелия каждого Евангелиста о. Макарий читал особую молитву. «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, — взывал старец, — прости меня грешного, нечистыми устами словеса Святого Евангелия Твоего изрекшего: глаголю и не исполняю Твоих повелений. Ты, Владыко, пришел еси оживотворити умерщвленные грехми, просвети Евангелием Твоим ум, сердце и укрепи душевный мой храм, да не вотще учуся и возвещаю словеса Твои. Господи, Господи! Мудрости истинной Наставниче и смысла Подателю, душу мою объемь верою в словеса, Тобою реченные, и умягчи ю, да изльется пред Тобою, и аз буду в Тебе и Ты во мне, Благодетелю мой, да никогда же удаляюсь от любви Твоей. Ты мое пристанище, Ты тишина моя и спокойствие сердцу моему. Пробави милость Твою ведущим Тя, Тобою бо живем, движемся и есмы и Тебе славу воссылаем ныне и присно и во веки веков».

После долгого молитвенного подвига о. Макарий на короткое время упокоивал немощную плоть свою в кресле, которое семнадцать лет служило ему одром.

Такие подвиги, совершаемые с чувством благоговения и сокрушения, снискали дерзновение подвижнику ко Господу. Молитве старца Бог внимал.

Госпожа М., принадлежащая к высшему кругу и воспитанная в религиозных началах, ежегодно, до и после замужества своего, посещая Глинскую пустынь, с верой приходила к старцу Божию. Однажды, приехав в обитель, она просила у о. Макария молитв о разрешении неплодия. Через год родился у нее сын, и, когда она приехала бла-

годарить старца, последний смиренно называл себя величайшим грешником, говоря, что молитвы его в этом случае бессильны, но если она получила желаемое, то это по силе своей веры и упования на Бога.

Священноинок А. говорил: «В Глинскую пустынь пришел я из Малоярославецкого Николаевского монастыря. Покойный настоятель, о. архимандрит Иннокентий, ввиду некоторых особых соображений, не имел обыкновения принимать в свой монастырь братию из других обителей. На мою просьбу о принятии о. архимандрит также ответил отказом, хотя и не стеснял меня сроком пребывания в монастырской гостинице. Три месяца прожил я здесь, не имея сил расстаться с обителью, которую искренне полюбил. Наконец, решился идти за советом к о. Макарию. Приснопамятный старец был уже болен и лежал на одре; пришел я к нему, поклонился в ноги и стал объяснять ему свою скорбь о том, что желание подвизаться здесь не может исполниться потому, что о. настоятель не благоволит принять меня. «Иди и просись, и примет тебя», — сказал батюшка. Я так и сделал; и что же? Отец Иннокентий, сверх всякого ожидания, на этот раз сделал отступление от своего давно принятого правила: он принял меня, конечно, по молитвам о. Макария.

В ближайшем к Глинской пустыни с. Сваркове Глуховского уезда жил честный непьющий труженик Данило, у которого попусчением Божиим восемнадцать раз горело имущество; иногда в один год у него было 3—4 пожара: то сарай загорится, то плетень, то солома. Но всякий раз пожар скоро гасили без особенно больших убытков для хозяина. Последние разы односельчане даже не шли и пожар тушить. «У Данилы горит, не сгорит», — говорили они. Однажды Данило одел одну ногу в лапоть и поставил ее на пол, под ногой загорелась солома. Пошел он к отцу Макарию и стал жаловаться на свою беду. Старец прочитал над ним какую-то молитву и сказал: «Теперь гореть не будешь», и слово молитвенника исполнилось: более Данило не горел.

Это не единственные случаи. Все с верой следовавшие советам подвижника получали не только душевную пользу, но и благопоспешение в житейских делах.

Келлия старца состояла из одной малой комнаты. Стекла в ней были заклеены бумагой, чтобы не развлекаться взором. Но почитателям и особенно любопытным почитательницам и ученицам подвижника желательно было взглянуть на смиренное жилище уважаемого наставника. Некоторым из них он сам показывал свою келлию, раскрывая ее двери. Вот как описывает келлию о. Макария почтенная монахиня Ф., ученица о. Макария: «В келлии была одна икона Страстной Божией Матери, распятие, несколько книг, стол, стул, простая деревянная скамейка, на ней лежал старый зипун, а на столе одно яблоко». Никаких украшений келлии старец не терпел.

Л.М. П-ов, первый раз войдя в келлию подвижника, поражен был полумраком. Осмотревшись, увидел, что окна заклеены бумагой, и невольно воскликнул: «Какая тут жизнь?!» Отец Макарий сказал ему на это: «Бывают большие страдания, но бывают и такие утешения, каких мир не знает».

Из этого описания смиренного жилища мы видим полную нестяжательность старца. Если бы захотел, он мог бы обогатиться деньгами и разными предметами неги и роскоши. Люди состоятельные, благодарные старцу за его добрые советы и исцеления, готовы были для подвижника сделать многое, но он все отклонял, желая остаться в боголюбезной нищете. Правда, иногда, уступая просьбам посетителей, о. Макарий принимал некоторые приношения, но сейчас же пересылал их настоятелю на обитель или раздавал другим посетителям. Из приносимого старец оставлял у себя только ладан и восковые свечи, которые и употреблял при совершении своих келейных молитвословий. Насколько он был вообще нестяжателен, можно видеть из того, что по смерти его найдена была только одна двадцатикопеечная монета в книге, положенная в виде закладки и так забытая.

Из своей келлии отец Макарий любил совершать прогулки в лес. Возьмет какую-либо духовную книгу, пойдет в лес, в уединенном месте сядет и читает или питает душу свою богомыслием и молитвой. Для молитвы он опускался на колени, и чистая душа его возносилась к Богу.

Болезненное состояние и подвиги благочестия при полном самоумерщвлении по благодати спасающего Бога дали подвижнику прийти в бесстрастие и развить в себе сильную святую любовь к ближним. Своей любовью он готов был обнять весь мир и всех привести к Богу. Посему Сердцеведец-Господь и указал ему такое поприще, на котором за святое послушание удобно было применять эту любовь и служить спасению многих. Высокая жизнь старца была известна не только братьям Глинской пустыни и ее богомольцам, но и архипастырю. В 1844 году по воле преосвященного Илиодора, епископа Курского, благочинным обители назначен был о. Макарий, несмотря на то что не особенно давно сей ревностный исполнитель заповедей Господних по болезни был зачислен за штат. Приняв на себя трудную должность благочинного монастыря, о. Макарий самоотверженно предался исполнению своего долга. Во дни его благочиния в обители царил примерная тишина: полагаясь на бдительность благочинного, настоятель был спокоен, знал, что ради святого послушания о. Макарий готов пожертвовать своим собственным спокойствием для общего блага, знал, что и братия обители, по уважению к о. Макарию, будет сохранять требуемое благочиние. Как же действовал о. благочинный? Он как бы разделял свою любовь на две равные части: одну часть ее отдавал настоятелю, исполнять приказания которого он считал свя-

щенным долгом послушания, другую часть любви подвижник отдавал братии, среди которой находились такие, кои или по ложной стыдливости, или по самолюбию, самосожалению, иногда по упорству отказывались исполнить данное послушание или приказание. Как тут поступить? Конечно, когда не действует кроткое слово отеческого увещания, можно бы употребить настойчивость; но это будет не так спасительно для исполняющего, если же он повеленное исполнит с ропотом или осуждением, то и грех. Доложить настоятелю? Но чем все кончится? У настоятеля власть большая, он может уволить непокорного из обители, а там инок совсем расстроится, и погибла душа его!.. Не лучше ли потерпеть? И единственно ради Бога, любви и желания спасения ближних, много терпел о. Макарий, часто подвергая себя неприятностям. Иногда он сам старался исполнить послушание отсутствующих: так, например, неоднократно по ночам он месил хлеб и исправлял другие тяжелые работы. Вот тут-то, более чем где-либо, приходилось подвижнику применить наставление апостола: «Должны есмы мы, сильнии, немощи немощных носить и не себе угождати. Кийждо же вас ближнему да угождает во благое к назиданию» (Рим. 15, 1—2). «Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов» (Гал. 6, 2). Тут-то пришлось доказать свою любовь к ближним, которая, по слову того же богоглаголивого учителя языков, долготерпит, милосердствует, не завидит, не превозносится, не гордится, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется о неправде, радуется же о истине; которая вся любит, всему веру емлет, вся уповае, вся терпит, николиже отпадает (1 Кор. 13, 4—7). Про о. Макария не обинуясь можно сказать то же, что было сказано про тезоименитого ему подвижника авву Макария Египетского: «Он всех покрывал любовью».

Но любвеобильное отношение о. Макария к братии состояло не в одном только снисхождении к виновным. Нет. Покрывая любовью недостатки, он глубоко скорбел о них, просил, умолял их исправиться, давая на это свои опытные советы, и молился о них. Его учение, исходящее из сердца, пламеневшего любовью к Богу и ближним, по благодати свыше было так действенно, что те, к кому обращено было назидание, невольно преклонялись перед могучей силой слова его и преклоняли свой разум во святое послушание. А исправив таковых, о. Макарий был спокоен; он знал, что исправленные им более уже не решатся сделать что-либо несоответствующее уставу обители, боясь этим огорчить его.

Требованиями послушания поставленный в необходимость соприкосновения с людьми светскими, он и с ними находил, о чем беседовать, и умел всем быть полезным. Начиная с обыкновенных вещей, о. Макарий незаметно умел направить разговор на тему о спасении души, и тогда-то оживленно и как бы вдохновенно начинал он, как из

чистого источника, напоять слушателей словом спасения. Увлеченные обаятельной силой его слова, собеседники внимательно слушали подвижника, и многие через него познали науку истинно христианской жизни.

Заботясь о спасении других, о. Макарий не мог забывать о собственном спасении, умел охранять себя так, что общение с мирскими людьми нисколько не влияло на него. За отличное и благотворное свое служение в должности благочинного о. Макарий 7 июня 1846 года был награжден набедренником; но не внешние награды утешали его, а то бывало для него высшей наградой, когда душа грешная, под влиянием его убеждений и теплых, истинно отеческих поучений, более познавала своего Создателя и старалась угождать Ему.

Своей любовью он старался покрыть перед настоятелем немощи немощных братии и нередко за это сам подвергался неприятностям. Немало приходилось ему терпеть скорбей от некоторых сподвижников за прием посетителей, особенно женского пола, а обязанности благочинного и старца много отвлекали его от богомыслия. И вот о. Макарий решился отказаться от благочиния и от приема посетителей, желая в келейном уединении работать единому Господу. В 1849 году, во внимание к болезненному состоянию отца Макария, по его просьбе уволили его от благочиния, а спустя два года, по болезни же, освободили от чреды священнослужения. С сего времени участвовал только в соборных службах, продолжая «примером жизни своей и словом опытного назидания благотворно действовать на других».

С увольнением от благочиния о. Макарий из своей келлии стал только выходить в храм Божий да для уединенных, и то редких, прогулок, во время которых его чаще обыкновенного видели на кладбище, где многое и о многом говорило его смиренной душе. Уединенное пребывание о. Макария в келлии называли затвором, хотя оно не было таковым в полном значении этого слова. Впрочем, насколько возможно, сам подвижник старался укрыться от всего развлекающего внимание и свое уединение уподобить затвору. Для этого он ширмами огородил малое место в своей келлии и там стоял в непрестанной молитве и богомыслии. Некоторые такое уединение ставили подвижнику в вину, но праведник не подлежит правилам закона (Гал. 5, 23; 1 Тим. 1, 9). Был такой случай. Сошлись вечером два инока для взаимной беседы. Между прочим, разговор перешел на о. Макария. «Что он затворился, — говорил один, — в затворе хорошо спасаться, не видя соблазнов; вот если бы он жил так, как мы, видя соблазны и как будто не видя их, то это был бы великий подвиг». Сказавшему это следовало возвращаться мимо келлии о. Макария. Последний, открыв дверь, позвал его и говорит: «Прости меня, брат, прости грешного и немощного, не могущего подвизаться так, как подвизаетесь вы, и от соблазнов мира уединившегося в келлию; прости ме-

ня, Бога ради». Пораженный не столько глубиной смирения, сколько словами, произнесенными им несколько минут тому назад и повторенными теперь перед ним старцем, судья чужих дел и намерений упал в ноги смиренному подвижнику и искренне просил у него прощения.

По уединении отца Макария, многочисленные почитатели его лишились назидания; пробовали было приходить к его келлии, но получили отказ в приеме. Тогда некоторые из них просили настоятеля, дабы он за послушание приказал о. Макарию принимать приходящих и назидать их словом спасения. Но он не желал этого без согласия старца, который, между тем, как хлебное зерно под прикрытием внешних покровов, незаметно более и более созревало духом, чтобы раскрыться и насытить собой голодных духовно. Когда кончилось это созревание, ему повелено было показать свой плод. Почтенный старец монах Исихий, от которого о. Макарий принимал различные услуги, передавал нам, что подвижник стал принимать посетителей, как лично слышал, по следующему случаю. «Лежу я, как теперь, утомленный и немощный, — говорил о. Макарий отцу настоятелю, — явился мне ангел Божий и сказал: «Принимай народ». Теперь я не могу противиться и должен исполнить волю Божию». После этого старец получил благословение от аввы на прием приходящих. Кроме того, было о. Макарию видение, по которому он без смущения стал принимать женский пол. «Я вас не принимал бы, — говорил подвижник монахине, — да мне было видение. Вижу, будто иду в церковь. По монастырю и около меня летает множество ласточек. Они садятся и на руки, и на плечи мне; я их беру в руки и одую. После того будто возвращаюсь из церкви и на голове несу крест, а на крышах монашеских келлий грачи каркают на меня». Видение ласточек было понято о. Макарием в том смысле, что он не должен отказывать в приеме женщин, ищущих его совета; несение креста означало, что дело это — не легкий подвиг; а каркающие грачи означали тех братьев, который роптали по поводу приема женщин.

Когда отверзлись двери тесной келлии о. Макария, все и всегда, и во всякое время могли идти к нему в твердой уверенности, что найдут здесь и опытный совет, и благодатную помощь¹⁶. Келлия подвижника ежедневно была свидетельницей разрешения многообразных духовных нужд, вопросов и недоумений. Тут ежедневно с утра и до вечера многие открывали сердечные помышления свои, проливали обильно спасительные слезы умиления и раскаяния, давали обеты к исправлению жизни, разрешали свои сомнения.

Изумительно было спокойствие старца в минуты наставнической его деятельности! На его светлом лице сияла чистая радость, как отражение чистоты его сердца; в его взоре проявлялась ангельская кротость, как выражение внутреннего мира. Он весь был любовь, как

выразилась про него одна почитательница. С одинаковым терпением старец выслушивал и нелепое суеверие темного человека, и безверие ученого человека, и его безумное вольнодумство, и бессмысленную жалобу крестьянской женщины, и замысловатую пытливость барыни, и бесхитростный рассказ простолюдина, и хитросплетенную фразу мудрецов мира сего; ничто не могло возмутить его христианского терпения, его полного духовного спокойствия; все было им покорено глубочайшему смирению. Это был истинный учитель нравственного богословия и духовного делания.

Не отличалось слово о. Макария блеском красноречия, но оно проникнуто было мудростью, свыше исходящей, согрето кротостью и любовью, растворено духовным рассуждением, которое святыми отцами признано выше всех добродетелей. Его смиренное слово было вместе с тем и слово действенное, заставляло повиноваться и веровать; оно восставляло безнадёжного и плотского человека мало-помалу делало духовным. Из келлий старца печальные выходили радующимися, скорбящие — утешенными, отчаявшиеся — с надеждой покаяния, самонадеянные — смиренными, закоренелые грешники — возбужденными от греховного оцепенения. Всех, кто с полной верой приходил к о. Макарию, истинно желая положить благое начало исправления и начать новую о Господе жизнь, он с искусством мудрого врача, читая прозорливым оком прошедшее, незаметно приводил к сознанию прежних дел, в которых теперь, по вступлении на путь спасения, следовало каяться, учил заглаживать их постом, молитвой и добрыми делами и не превозноситься этими подвигами богоугождения. Если же кто не сознавался, старец напоминал ему и давал должные спасительные наставления.

Люди, привыкшие к исполнению всех своих пожеланий, не обращая внимания, согласны или не согласны они с волей Божией, часто получали совет старца, противный их ожиданию, потому что последнее не было угодно Богу. Не рассуждая об этом, многие говорили: «Отец Макарий всегда скажет против твоего желания». Ибо во главе своих советов старец всегда ставил смирение; из этой добродетели выводил он все прочие добродетели, составляющие характеристику истинного христианина. Поверять свою совесть, быть в постоянной борьбе со своими страстями, очищать душу от грехов, любить Бога в простоте сердца, веровать в Него без рассуждения, беспрестанно иметь перед собой Его беспредельное милосердие, всеми силами души своей хвалить и благодарить Его; во всех неприятностях жизни искать вину в самом себе и всякую вину ближнего против нас прощать, дабы исходатайствовать тем у Господа прощение своих грехов; стараться водворить в себе любовь к ближнему, хранить мир и спокойствие в своем семейном кругу, чистосердечно участвовать как в радостях, так и в скорбях своих ближних; чаще вспоминать и ста-

ратся исполнять заповеди Божии и постановления Святой Церкви; если возможно, несколько раз в году говеть и приобщаться Святых Тайн, строго соблюдать посты, чаще бывать в церкви; каждодневно читать утренние и вечерние молитвы и хоть несколько псалмов, а ежели время позволяет, то читать Евангелие и послания апостольские; кроме того, утром и вечером молиться о упокоении усопших и о спасении живых, и во главе сей молитвы с благоговением молиться о государе императоре и о всем царствующем доме; если же какую-либо из сих обязанностей по каким-нибудь обстоятельствам не пришлось бы исполнить, то укорять себя в этом, с намерением впредь сего не делать; молиться и за тех, к кому питаем какое-либо неудовольствие, так как это есть вернейшее средство к примирению о Христе; правду говорить в глаза; если случатся от этого неприятные последствия, то переносить их терпеливо, а за глаза никого не осуждать. Вот сущность уроков, которые преподавал о. Макарий многим, жаждавшим его назидания и поучения.

Наставления богомудрого старца были весьма разнообразны. Укажем несколько случаев отношения его к приходящим.

Пришла к отцу Макарию одна женщина и в присутствии посторонних громко раскаивалась в своих великих грехах, но о. Макарий, зная, что кому полезно, как бы не обратил на это внимания, не принял женщину и ни слова не сказал ей. Пришла она в монастырскую гостиницу и, горько рыдая, говорила: «Великая грешница я, недостойна получить и благословения»... Монахиня Н. посоветовала ей снова идти к о. Макарию. На этот раз женщина была принята старцем, утешена и возвратилась в гостиницу с великой радостью.

Две сестры жили вместе, и обе были больны. Много раз они приходили к о. Макарию; он не допускал их к себе. Сознывая себя недостойными, они просили батюшку помочь им через свою прислугу — мальчика, которого о. Макарий полюбил, и старец больным господам посылал просфоры, святую воду, свой хлеб, угольки из кадила и проч. Сестры все это принимали с верой, в точности исполняли советы старца и не только исцелились телом, но, что самое главное, душой. Мудрый старец это провидел, а пусти их к себе, они могли бы кичиться, что он их принимает, и вряд ли получили бы такую себе пользу.

В конце девяностых годов прошлого столетия мимо одной келлии Глинской пустыни проходит пожилая, скромно, но прилично одетая женщина и набожно крестится. Это заинтересовало монаха Н., он решил спросить ее. «Перекрестилась я потому, что проходила мимо бывшей келлии о. Макария, которого хорошо знала и бывала у него. Он меня отучил от нарядов. Была я молода и в купеческом звании считала необходимым наряжаться получше. Приду в обитель, меня и позовет о. Макарий и велит вынести, да подалее, таз, переполнен-

ный грязной водой. Совестно мне было нести таз на народе и боязно помочить свое платье, но послушаться батюшки я не думала. Принесу таз, а о. Макарий и говорит: «Тебе надобно скромнее одеваться, наряды ни к чему не ведут». Когда оденешься скромнее, батюшка таза носить не заставлял, так я и научилась у него скромности в одежде и теперь всегда помню его». Упоминаемый выше Л.М. П-ов рассказывал нам, что в конце пятидесятих годов прошлого столетия он во время великого поста пришел к о. Макарию просить благословения. Старец в приотворенную дверь высунул свою руку и благословил, не показывая лица. «Теперь, в подражание Иисусу Христу, время поста, слез и молитвы, приходи после Пасхи, побеседуем». После Светлой недели я был в Глинской с одним товарищем и собрался с ним идти в скиток. Вдруг слышу: «Что ж ты, раб Божий, когда нельзя было, приходил, а теперь проходишь мимо?» Это говорил о. Макарий. Я подошел к нему. Он благословил и пригласил меня к себе. Отец Макарий заставил меня перекреститься три раза, сам низко мне поклонился, и я ему, потом подошел ко мне и, целуя в плечи, говорит: «Христос посреде нас» и научил меня по-монашески отвечать: «Есть и будет». После этого о. Макарий спросил: «В монахи хочешь?» — «Да, батюшка, благословите!» — «У тебя мать на попечении, благословит — иди. А в какой монастырь думаешь?» — «В штатный». — «В штатный? — удивленно спросил старец. Потом подумал и сказал: «Поживешь там год, может быть, немного более, выйдешь из монастыря и женишься». Почему старец знал, что я желаю быть монахом и имею на попечении мать? Он меня вовсе не знал. Поступил я в штатный монастырь, и слова о. Макария исполнились. Прожив год и 3 месяца, я оставил монастырь и поступил на место псаломщика, где женился, и вот женат уже 36-й год».

Девушка Н., скорбевшая о смерти своей матери, в Ахтырском монастыре перед чудотворным образом Царицы Небесной дала обет поступить в монастырь; отец не пустил ее, а после прошло и желание быть монашкой. Но совесть не переставала ее мучить за неисполнение обета. Долго и усердно молилась она Богу. Молитва ее была услышана. Усердное моление и скорбное лицо девушки обратили внимание одной благочестивой особы, она подошла к ней в храме и с участием стала расспрашивать. Обрадованная этим, Н. откровенно, ничего не скрывая, рассказала о причине своей печали. «Никто не разрешит этого, как только о. Макарий», — отвечала ей вопрошающая и предложила вместе с ней ехать в Глинскую пустынь. Отец Макарий решил так. «Если эта девушка поедет в женский монастырь и у ней снова явится желание поступить туда, то, значит, воля Божия быть ей монахиней; если же не будет желания, то, значит, обет дан был необдуманно, в порыве постигшей скорби». Она поехала в монастырь, и у ней возгорелась такая ревность к монашеству, что она ни за что не хотела вер-

нуться к родителю, который ее насильно взял обратно, но она опять ушла в монастырь и теперь более 20 лет монахиней.

Раз пришли к о. Макарию две девицы: одну благословил выйти замуж, другую не благословил; но последняя не послушала старца, тоже вышла замуж и через два месяца овдовела.

На прощании с посетителями старец иногда давал мед, лимоны, кресты; некоторым деньги и каждому что-либо при этом предсказывал. Слова его в свое время исполнялись. Некоторым подвижник давал писанные или печатные от руки полууставом молитвы, чаще всего молитву преподобного Архиппа, и советовал их в известное время читать.

Отец Макарий, служивший всем к обновлению внутреннего человека, не мог забыть и ближних присных своих — сподвижников обители Глинской. Во всех обстоятельствах жизни, при всяком прилоге вражеском многие из братии спешили к батюшке. Однажды приходит к нему иеромонах Моисей, надеясь в беседе с богомудрым старцем найти утешение своих скорбей; но о. Макарий, едва дыша от усталости после приема множества посетителей, просил прийти к нему на завтра. Выйдя из келлии подвижника, о. Моисей в великой скорби безмолвно возвел очи свои к небу, и его молитва была услышана. Наутро, только чуть дневной свет забрезжился, старец посылает за о. Моисеем. Когда тот пришел, о. Макарий, кланяясь, сказал ему: «Прости меня, отче и брате, грешного, что отказал тебе вчера; мимолетную ночь много за сие пострадал». С тех пор подвижник безусловно предал себя на волю братии обители: они могли входить к нему во всякое время без всякого доклада, только по обычаю монастырскому, сотворив молитву Иисусову; они уже не опасались прийти не вовремя или побеспокоить старца. Его покой был душевный покой и добрая совесть его учеников. Как чадолюбивый отец, он беспокоился лишь одним — если долго не видел у себя кого-либо из относившихся к нему постоянно. Назидание искавших духовного руководства приснопамятного старца требовало с его стороны, очевидно, многих трудов, и о. Макарий, покорно неся на раменах своих это нелегкое бремя, был мудрым и опытным вождем подвижников. Велики были его мудрость в назидании братии, его усердие и любовь к ним, его умение применяться к нуждам иноков. Не было инока, которому бы он не служил примером, не было минуты, в которую он не заботился о душевной пользе братии, не было случая, который бы он отпустил без назидания; не было заботы, которую бы он добровольно не принимал на себя ради блага братии. Он имел все качества, необходимые для духовного наставника и руководителя: и высшее призвание, и дары благодати. Иноки Глинской обители питали к нему глубокое уважение и приходили к нему без всякого сомнения, как к опытному врачу не только душевных, но и телесных немощей. Кто

небрег о своей душе, того так или иначе отец Макарий старался привлечь ко спасению. Однажды он позвал к себе проходящего мимо послушника Михаила и просил его поставить самовар. Тот при всем нежелании не осмелился ослушаться старца и спешно стал исполнять данное послушание, а как только закипел самовар, хотел уйти. Отец Макарий говорит ему: «Не буду пить, если ты уйдешь. Будем пить вместе». За чаем подвижник стал спрашивать у Михаила, куда он шел, но получил уклончивый ответ. Прозорливец, не обличая его греховного намерения, стал увещевать жить по-монашески, и слово старца имело благотворное влияние на брата. Но, прибегая к о. Макарию в частных случаях, немногие желали избрать его в постоянные руководители от Святого Евангелия при постриге, когда требования старца вменяются как заповедь. А эти требования строгого аскета были строги, и не всякий их мог понести, да и из желающих о. Макарий не всякого принимал, а только тех, кого видел по ревности богоугождения способными исполнять его правила. Сам прошедший многотрудный иноческий искуc, о. Макарий и в учениках воспитывал терпение, смирение, послушание и страх Божий, стараясь устранить вредное в спасении самосожаление, при котором подвижнику нельзя взять креста своего и следовать за Христом по узкому пути самоотвержения. Зато, раз вверившись старцу, ученики благонадежны были, что о. Макарий поведет их верным путем к Царствию Небесному. Из числа учеников приснопамятного подвижника известны: архимандрит Иннокентий, иеросхимонах Илиодор, монах Петр, иеромонах Иосиф и другие.

Относительно иеромонаха Иосифа и старца известен один случай, еще подтверждающий, что о. Макарий знал чужие помыслы. За множеством народа, приходящего к старцу, иногда трудно было пройти по монастырскому двору ко святым вратам. Однажды мимо народа надобно было идти о. Иосифу. Досадуя на народ, задерживающий движение, о. Иосиф подумал: «Ишь старичишка, какую массу народа собрал к себе, и охота же ему возиться с ними, а тут они тебе прохода не дают». После этого, проходя мимо старцевой келлии, он вдруг слышит стук в окно. Приходит к отцу Макарию и спрашивает: «Вы меня звали? — «Да, звал, — отвечает он, — скажи, Бога ради, что делать мне с народом? Видишь, собралось их сколько, а я, окаянный старичишка, возись с ними, прохода не дают». Ученик понял, что старец познал его мысленный ропот и вот теперь призвал к себе просить совета, что делать с народом. Пораженный этим, иеромонах просит прощения. Прощая, старец говорит: «Я, грешный, не от себя так поступаю, а за послушание Царице Небесной».

Если ученик, иеромонах, подвижник, обладающий опытом и благоразумием, иногда, по немощи человеческой, способен был к ропоту, то что сказать о других, не учениках старца, менее благоразумных и

не так опытных? Когда многие восхваляли о. Макария, находились такие, кои по зависти к славе старца или соблазняясь приемом женского пола, в благих намерениях подвижника видели худое и клеветали на него настоятелю, стараясь во что бы то ни стало удалить о. Макария из монастыря. Дошло до того, что и сам он стал со скорбью помышлять: что, если и в самом деле попущено будет ему оставить любимую Глинскую пустынь? Через своего верного раба, известного Глинского старца монаха Феодота, Господу было угодно утешить скорбящего. Пришел к нему отец Феодот и говорит: «Не бойся, старец, не выгонят, ты здесь умрешь». Престарелый Феодот и другой известный Глинский подвижник, схиархимандрит Илиодор, были духовными друзьями отца Макария. Все они взаимно назидали друг друга беседой и примером своей жизни. Под личиной юродства монах Феодот скрывал великую мудрость о Господе. Он обладал даром прозрения и многим иносказательно, но довольно ясно предсказывал грядущее, что в свое время исполнялось. Однажды о. Макарий, по должности благочинного, вышел во время утрени из храма и увидел над братской кухней столб света. Сейчас же он догадался о причине его, ибо знал, что в кухне отец Феодот ночи проводил в молитве и труде святого послушания, чистя за себя и других своих помощников картофель для варки пищи братии. Он поспешил в кухонный коридор и тихо приблизился к двери. Через щель, образовавшуюся от трения старой щеколды, благочинный начал присматриваться, что делает старец Феодот. Он стоял в это время на коленях перед иконой Спасителя с воздетыми вверх руками, и из уст его выходил пламень по направлению к иконе, освещая стены. Отец Макарий поражен был этим видением и тихо удалился, а потом с чувством благоговения рассказывал некоторым из братии. Опасаясь, дабы о. Феодот не вознесся мыслью о своей праведности, о. Макарий умолял старца и даже запретил ему много открывать будущее. В свою очередь, смиренный и младенчески незлобивый Феодот, заботящийся о спасении своего духовного собеседника, просил о. Макария, если можно, менее принимать мирских. «Имя твое везде славно, — говорил он, — а ты сам знаешь, как пагубна для монаха всякая слава».

Уступая настойчивой просьбе своих почитателей, о. Макарий позволил снять с себя фотографическую карточку. Старец Илиодор за это сделал ему строгое замечание. Сам он не снимался по глубокому смирению и ученикам своим сниматься не позволял. По тому же смирению схиархимандрит Илиодор не надевал схимнических одежд; отец Макарий подражал ему в этом.

После блаженной кончины игумена Филарета многие ученицы почившего аввы перешли под руководство о. Макария. Как о. Филарет, так и отец Макарий имели особое духовное общение с инокинями Борисовской женской пустыни (Курской епархии). Последние часто бы-

вали у своих старцев и вели с ними переписку. «При случае, — говорила одна из монахинь, — к о. Макарию сразу присылалось до 70 писем, и на все он не ленился отвечать». Приведем здесь сообщение престарелой монахини Агнии, которое ясно изображает отношение старца к ученицам. «Я, — пишет матушка Агния, — мирянкой была во многих обителях, многих старцев знала, но ни к кому так духовно я не расположилась, как к о. Макарию, которого сразу полюбила и сделалась его ученицей. Замечательно, что, видя его строгую жизнь, невольно многие, по силе своей, ему подражали. Познакомившись с батюшкой, я перестала есть мясное, потом сбросила цветную одежду и под конец пожелала поступить в монастырь».

«Мое знакомство с батюшкой состояло в скорби и терпении. При личном свидании он все ласкал да утешал, а молитвами своими снова под страшные скорби подводил, надеясь, что его же молитвами я их понесу». «Кого люблю, того и наказую», — нередко говорил батюшка, подражая священным словам апостола: «Егоже любит Господь, наказует». Матушка Агния имела деньги, хорошую келлию, была любима игуменьей, от всех сестер имела почет, но это не было для души ее во спасение, ибо многими скорбями подобает нам внити в Царствие Божие, и вот старец помолился и устроил так, чтобы она понесла эти спасительные скорби. Прежде всего, старец хотел уменьшить почет ее со стороны сестер обители. Им она выписывала фольгу для украшения киотов к иконам и чай. Старец запретил вести торговлю и самой не велел работать, а чаще открывать Псалтирь.

«Это неважно, — подумала Агния, — родные помогают, я и так проживу». После этого о. Макарий писал ей: «Пошлется тебе злое, потерпи Бога ради». — «Что батюшка пишет? — снова думает Агния. — Игуменья меня любит, деньги у меня есть, одежда есть, келлия хорошая, родные меня любят, что буду терпеть?» Но как она не была способна перенести скорбей благодушно, то они и отлагались до времени. Она еще приехала к своему старцу и несколько раз была у него. Он постоянно твердил: «Поплачь, поплачь; о чем бы не плакать, лишь бы не радоваться». Она все не обращала на это внимания: «Ты деньги побереги, тебе нужно будет крышу покрыть». — «У меня, батюшка, крыша новая». Старец подает параман и говорит: «Надень и до смерти носи — это скорби терпеть до смерти». Прощаясь с о. Макарием, матушка Агния сказала о волнении в сердце. «Там какое-то бремя готовится», — ответил подвижник. И вот в скором времени по приезде в свой монастырь на Агнию действительно легло бремя скорбей. Положение ее изменилось. Предсказание старца исполнилось в точности. Целый год она терпела гонение. Деньги ее пропали за одним купцом, келлию обокрали, родные в недолгом времени один за другим умерли. Надежда на деньги и на родных оказалась тщетной, так же как и на любовь многих. Во время скорби о. Макарий часты-

ми утешительными письмами поддерживал свою ученицу. Наконец, она сама к нему приехала. Он говорит: «Грешному монаху, как мы с тобой, Агния, мало скорби, нужно посрамление потерпеть». И что же? Возвращается в монастырь, и ее из хорошей келлии переводят в худшую. От великих скорбей и посрамления начались болезни, которые продолжались несколько лет. Отец Макарий опять письмами подкреплял упадающий дух страждущей монахини, уверяя, что это все пройдет и она опять будет жить по-прежнему. Это также исполнилось; но уже не было во вред души, ибо она прошла горнило искушения и знала тщетную надежду на земные блага и на изменчивую любовь человеческую.

Вообще старец Божий одних утешал лучшим будущим, других предупреждал о будущих скорбях, подготавливая заблаговременно, чтобы постигшее легче переносилось, и т.д.

Желая отсесть самоволие, старец входил в положение учениц до мелочей и подробностей. Узнав от той же монахини Агнии, что она имеет довольно одежды и белья, сказал: «Что же ты не раздашь, ведь это грех. Я наг родился и хочу нагим умереть. Сколько у тебя горит лампадок в келлии?» — «Три». — «А сама спишь и потягиваешься. Лучше бы лампы не горели, да сама встала и положила сто поклонов».

Другая ученица о. Макария, почтенная монахиня — старица другого монастыря, про свое поступление в монастырь, по прозорливому указанию старца, рассказала следующее. «Однажды еще молодой, в какой-то праздник, я была в церкви Глинской пустыни на соборном молебне. Между предстоящими я увидела одного тощего, высокого ростом, со впалыми глазами иеромонаха. Он стоял совершенно неподвижно, закрыв глаза. Мне очень захотелось видеть его лицо, и вот, только что я подумала об этом, как он повернулся ко мне и стал прямо на меня смотреть открытыми глазами. Это был, как я после узнала, отец Макарий. В другой раз я была в Глинской пустыни с одной маленькой девочкой. Много слышала я про отца Макария, но лично идти к нему почему-то как бы опасалась. После обедни я отправилась в номер гостиницы, а девочка незаметно для меня где-то осталась...

Через несколько времени она возвратилась и принесла мне небольшую книжку под заглавием «Краткое наставление монашествующим». «Эту книжку, — говорит, — вам велел передать высокий худой монах». После этого мне захотелось лично видеть о. Макария, и я просила гостинника узнать, примет ли меня о. Макарий, и получила от него ответ: «Пусть идет в монастырь, а когда примут, то придет ко мне за благословением». Приехав домой, я стала очень скучать, ни в чем не находила удовольствия и вынуждена была ехать в Глинскую пустынь, к отцу Макарию. Он меня принял очень ласково, утешил и велел идти в монастырь. На мой вопрос, в какой идти мо-

настырь и когда, он ответил, что Бог Сам все устроит. Возвратившись домой, в семействе я стала считать себя как бы чужой: жизнь в миру для меня потеряла всякое значение. Через знакомых я спрашивала отца Макария, что мне делать. И он велел передать, что когда настанет время поступления моего в монастырь, то я ни одной минуты дома более не пробуду. Желая прогнать гнетущую меня скуку, я поехала в один женский монастырь помолиться, не имея в виду поступить в этот монастырь, а между тем, когда брала благословение у матушки игуменьи, как-то совершенно неожиданно для самой себя попросилась в монастырь и была принята. После этого ездила к отцу Макарию. Он принял меня, как отец любимое дитя. Открыл двери своей келлии, велел хорошенько все высмотреть, несколько раз повторяя: «Смотри хорошенько, все смотри!». Показав келлию, он сел на пороге келлии и стал говорить мне о смирении, терпении, нестяжании и вообще, как следует жить монахине. После всего он сказал: «Желала бы ты, чтобы твоя сестра умерла?» Это он спрашивал про постоянно болящую мою младшую сестру, которую я очень любила, но расстаться с ней мне вовсе не хотелось. Я молчала; старец снова повторил вопрос и затем, как бы отвечая на мои мысли, говорит: «Не хочешь, а лучше, если бы она умерла, молись об этом». Молиться о смерти сестры я не могла, она поправилась и выросла, но сделалась самой несчастной, так что действительно теперь я сожалею, что она в то время не скончалась. Через год я не захотела жить в монастыре: скорбей было очень много, а переносить их у меня не хватало терпения. Опять я поехала к батюшке Макарию. Он мне велел съездить пожить в другой монастырь. Там я попросилась и была тоже принята. Чтобы узнать, где мне жить, я снова возвратилась к отцу Макарию. Он велел ехать в первый монастырь, сказав, что Сам Бог определит, в каком монастыре мне остаться. Когда я вернулась и рассказала матушке игуменье о своем путешествии, то матушка ни за что меня не отпускала, а за самоволие велела целую неделю класть поклоны. В этой скорби я снова была утешена отцом Макарием. Без нужного дела из келлии старец мне выходить не благословил и к себе принимать велел меньше. «Когда готовишься причащаться, под тот день ничего не кушай, молись», — говорил он. Прошло немало времени. Отец Макарий сказал мне при личном свидании в Глинской пустыни: «Бери себе дочек (учениц), но чтобы подружек не имели, в церковь ходили, послушание проходили». До конца жизни о. Макария я пользовалась его мудрыми советами.

Исцеляя немощных, о. Макарий вряд ли молил Бога о исцелении своих немощей. Для спасения себя и ближних, а также ради славы Божией старец никогда не жалел себя. Но пришло время, и телесная хранина его стала приходить все в большее и большее изнеможение, хотя внутренний человек и возрастал непрестанно. Получив некое

откровение о приближающейся кончине, старец «в напутствие к сожитию на небесех со ангелами», как он потом выразился, пожелал принять на себя великий ангельский образ и удостоился святой схимы 1 июня 1863 года с оставлением прежнего своего имени. С повторением иноческого обета, он еще более усугубил и без того великие свои подвиги. Опираясь на костыль, он твердо выстаивал до конца все продолжительные богослужения Глинской пустыни, несмотря на сильную болезнь. Он двадцать лет страдал лишаиной сыпью по всему телу (кроме лица). Сыпь производила сильный зуд и жжение, особенно в руках и ногах, при худосочи, слабом пищеварении и ломоте. Кроме того, от долгих стояний ноги подвижника сильно опухали. Он ужасно страдал, но страдания сии еще усиливал добровольными подвигами благочестия. Так велика была любовь старца к Подвигоположнику Господу Иисусу Христу, так вожделевал подвижник Царства Небесного!..

С принятием схимы о. Макарий перестал вести переписку с посторонними, но мужчинам, желающим видеть его и получить благословение, не отказывал в приеме и даже для женского пола делал в особых случаях исключения. Так, в скором времени по принятии схимы пришла Пелагея Антоновна Сусликова, благочестивая землячка о. Макария. «Ну, Пелагея, — сказал ей старец, — теперь мы с тобой в сем веке не увидимся». Услышав это, собеседница заплакала и сказала: «Вы, батюшка, огненную реку перейдете, а я, грешная, останусь здесь и куда денусь?» — «Молись за меня. Если буду иметь дерзновение ко Господу, не забуду тебя и там».

За шесть месяцев до смерти изможденный подвижник затворился в своей келлии и принимал к себе только иноков, но более предпочитал совершенное уединение. Пока он был в силах один или при участии кого-либо из братии, вычитывал все богослужения у себя в келлии; когда же болезнь повергла его на одр, он благоговейно выслушивал молитвословия, не вставая. Теплая непрестанная молитва была единственным утешением подвижника во время болезни и еще более отделяла его от всего земного и смертного. Ибо, по слову святителя Иоанна Златоуста, через беседу с Богом мы становимся выше смерти и тления и переходим к жизни бессмертной. Теперь еще чаще о. Макарий стал приобщаться Святых Тайн Христовых, твердо веруя в скорое разрешение души своей от уз плоти.

Особым видением о. Макарий уверен был, что не будет задержан на страшных мытарствах. Монахине Агнии подвижник говорил: «Лежу я больной и скорбный. Господи, не готов я, а конец жизни приближается! И вижу белый столб, как бы бумагой оклеен, до самого неба восходит. На том столбе большая площадь; там хорошо, сказать тебе не умею. Это мне было место показано, и слышал я глас, что мне мытарств проходить не придется». Вот почему он с нетерпением и

бестрепетно ожидал своей кончины. Стоя при входе в загробный мир, о. Макарий спокойно мог прощальным взглядом окинуть пройденный им земной путь и особенно в последние дни свои сказать с апостолом: «Мне жити — Христос, и умерети — приобретение».

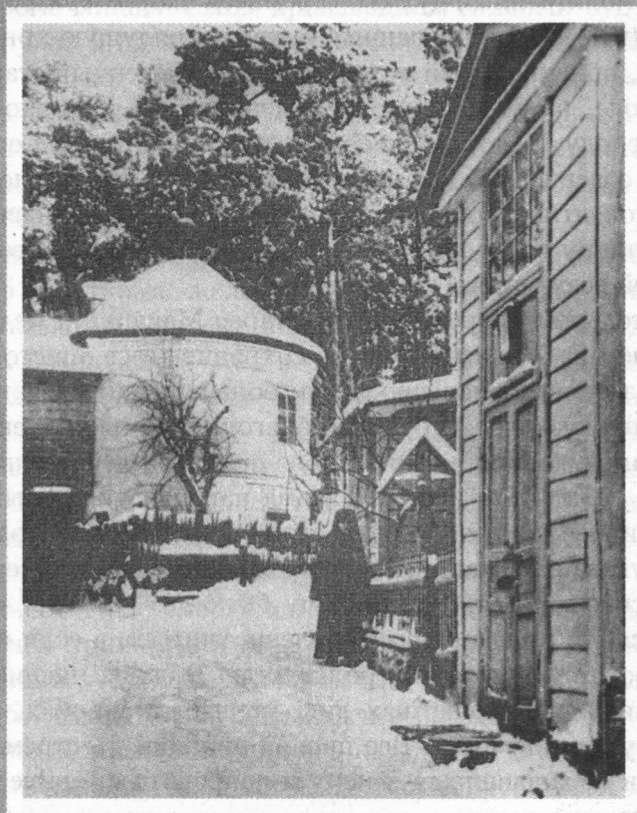
Незадолго до кончины, по собственному желанию, о. Макария перенесли в братскую больницу. Жизнь подвижника угасала, подобно тихому мерцанию потухавшей лампы. Перед кончиной подвижник перестал говорить и только взорами, устремленными горе, давал разуметь, что молитвенный дух его стремится скорее «разрешиться и со Христом быть». Напутствованный в жизнь грядущую христианскими Таинствами, оплакиваемый почитателями, блаженный старец 21 февраля 1864 года, на 63-м году от рождения, тихо и мирно предал душу свою Господу, Которому усердно служил во все дни своей жизни. 23 февраля совершена была заупокойная литургия, после которой о. игумен Иннокентий с собором священноиноков воздал святопочившему своему старцу последний долг отпевания, предав многотрудное тело его общей всех матери — земле¹.

По свидетельству современников, старец Макарий, ежедневно отвечал более, чем на 70 писем, однако сохранившееся эпистолярное наследие старца немногочисленно, и тем большую оно представляет ценность, поскольку содержит в себе благодатные наставления по многим вопросам духовной жизни. Слово его было действительно: плотского человека делало духовным. Письма написаны к разным лицам по самым различным вопросам и поводам, но все они содержат нравоучительные указания. Например, важный ответ дан человеку, не знавшему, как спастись, так как некому было его научить: «Если захочешь учиться, то всегда от всего будешь учиться, а если не захочешь внимать себе, то и никто тебя не научит». В своих письмах отец Макарий наставляет должностных лиц, утешает в скорбях, отвечает на вопросы о рукоделии и т.п. Все письма проникнуты стремлением возродить души обращавшихся к нему и направить их на верный спасительный путь.

¹ Краткое описание жизни и подвигов старца Глинской пустыни иеросхимонаха Макария. 2-е изд. Одесса, 1901.

Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Иеросхимонах Макарий // Глинский патерик. М., 1997. С. 241–264.

Иеромонах Порфирий († 1868)

Иеромонах Порфирий (в миру Петр Левашов) родился в 1797 г. Он был сыном священника, отличался выдающимися способностями. В 1816 году окончил курс Оренбургской семинарии и в ту же семинарию был определен учителем. Через два года возведен в сан священника. В 1810 г. он протоиереем был переведен в г. Бузулук, где был благочинным и цензором проповедей. Все свои доходы о. Петр раздавал бедным и сам терпел крайнюю нужду: каждый месяц оставался должен 20—50 руб. и, как говорят, не мог свести концы с концами. Но во всем уповал на Бога, Который не оставлял его в нуждах. Однажды ему нужны были деньги, но он не стал ни у кого просить. Однако любящие его граждане сами собрали ему 1000 руб. и просили их принять на расходы.

Любя правду и прямоту, скорбя за все, что нарушает нравственные законы в человеке, в обществе и государстве, отец Петр особенно возмущался откупной продажей спиртных напитков, которая в сороковых годах XIX столетия действовала в полной силе. Откупщики или спаивали народ дешевой водкой, или преследовали желающих купить водку на стороне за более дешевую цену. Оттого немало было столкновений, побоищ и убийств. Протоиерей Левашов, готовый душу свою положить за други своя, ради общего блага, решился действовать против откупной системы. Но отменить откуп мог только государь. Печальник о благе народа долго боролся между желанием пресечь отечественное горе и опасностью оскорбить своего монарха. Первое желание превозмогло. В 1848 году, во всеподданнейшем прошении императору Николаю I протоиерей Левашов в ярких красках изобразил все бедствия народа и просил отменить откупную систему.

Вместе с тем, в органах государственного правления предлагал оставить неправые пути и следовать во всем закону Господню.

За резкие выражения в прошении его сослали на Валаам, как человека, который взялся не за свое дело и одержим манией все представлять в самом мрачном виде. Настоятелю Валаамского монастыря предписали устранять Левашова от общения с посторонними и не позволять вести переписку без ведома начальства. На Валааме о. Петр был помещен в скиту Всех Святых. Сначала к нему относились очень подозрительно, все сторонились его, о нем пронесся «всяк зол глагол». Тут его не поняли. Одни считали его прельщенным, другие мятежником. В слезах его видели хитрость, в мольбах — притворство. За это время о. Петру пришлось много вытерпеть. Одно утешение он находил в молитве. Пресвятую Деву Богородицу перед Иконой «Всех скорбящих радости» он молил:

«Дай всю твердость мне терпенья
Принимать позор, глумленья,
Как бы перлы в тех венцах,
Кои ждут нас в небесах».

Но всеизглаждающее время смягчило отношение к изгнаннику. С другой стороны, его духовная мудрость и дар прозрения не укрылись от людей беспристрастных. К нему стали приходиться и приезжать лица разных званий. Одни хотели его видеть, другие получить совет, третьи утешение и т.д. Отец Петр, по доброте своей, не мог отказывать и всех наставлял богомудрыми речами. Начальство обители поставлено было в недоумение. Отказывать богомольцам не желалось так же, как и нарушать распоряжение высшей власти о недопуске посетителей к о. Петру. Поэтому сочли за лучшее просить перевести его куда-либо в другое место. В мае 1857 года его перевели в Спасо-Прилуцкий монастырь близ Вологды. Но северный болотный климат разрушительно действовал на здоровье о. Петра. Он просил перевести его в Глинскую пустынь, которая известна была ему по строгости иноческой жизни. Желание его исполнили: в сентябре 1859 года протоиерей Левашов прибыл в обитель, которую сам избрал. Здесь он вел себя уединенно, прилично, скромно, благочестиво, к церкви был прилежен и с усердием участвовал в соборных богослужениях.

Если не скоро можно предпринять какую-либо перемену в обычной жизни семьи или общества, — тем более это надо сказать в отношении ко всему государству. Но народное бедствие не давало покоя отцу Петру, ревность побуждала его ускорить ход дела, и вот он повторил свою просьбу в прошении императору Александру II. С 1 января 1863 года отменена была откупная продажа спиртных напитков, и о. Петр утешился.

В Глинской пустыни протоиерей Левашов пленился умирительным чином богослужений, полюбил благочестивые уставы и обычаи обители, освоился с братьями, привык к их пустынной жизни и остаток дней своих желал окончить в монашестве, почему и просил епархиальное начальство постричь его в монахи и зачислить в братство Глинской пустыни. Игумен Иннокентий, представляя его прошение, доносил, что «благое настроение духа, образовавшееся у о. Петра вследствие многолетнего безотрадного положения, при преклонных летах, может быть принято за прочное основание для будущей его жизни в звании монашеском», и ходатайствовал о пострижении протоиерея Левашова и о снятии с него надзора. 16 февраля 1863 года отец Петр с именем Порфирий пострижен в монашество, а на другой год по высочайшему повелению освобожден из-под надзора.

В тиши глинского уединения о. Порфирий не укрылся от народа. О нем узнавали как о своем печальнике и радетеле, к нему шли, писали и просили советов, присылали деньги. Нестыжательный старец просил денег ему не присылать, принимал только чай и сахар для угощения приходящих к нему братий; все присылаемое отдавал бедным и иногда сам терпел великую нужду. Претерпевший много скорбей, иеромонах Порфирий особенно умел утешать скорбящих, заступать обидимых и плакать с плачущими.

Мягкое, любвеобильное его сердце исполнялось чуть ли не большей скорбью, когда ему говорили о скорбях; из глаз его струились слезы. «Родной мой», — скажет он — это его любимое выражение — и начнет утешать своей мудрой речью. Невольно приходилось выходить от него с радостью. Подвижник высоко ценил слезы утешающего и по собственному опыту писал:

«Для несчастного слеза
Выше перлов драгоценных,
Если в дар ему она
Пролилася от чувств нежных».

Не без скорбей пришлось нести подвиг утешителя скорбящих. Когда обидимые утешались, — обидящие не всегда были довольны им.

В часы своего досуга о. Порфирий писал статьи стихами и прозой. Несколько его статей напечатано было в журнале «Странник» за 1866—1868 гг. Последняя его статья называлась «О бессмертии», и сам он 23 марта 1868 г. отошел в бессмертие. В последнее время о. Порфирий заметно слабел. В день смерти до двух часов пополудни находился в забытии, а очнувшись, стал говорить: «Бог человеколюбив, Он грешников (кающихся) прощает. В Глинской много монахов спаслось, много спасется».

По причащении о. Порфирий вечером скончался. Лицо его просияло особенным светом. Прозревая будущее, отец Порфирий говорил:

«Со временем падет вера в России. Блеск земной славы ослепит разум; слово Истины будет в поношении, но за веру восстанут из народа неизвестные миру и восстановят поправное»¹.

Статьи иеромонаха Порфирия пользовались большой популярностью.

Статья «О воспитании девиц в духе истинно христианском» посвящена не только проблемам воспитания, но и раскрывает роль и назначение женщины. О содержании статьи говорят ее подзаголовки: «Ничто так не возвышает женщину как благочестие», «Назначение жены», «Нравственная сила женщины», «Цель христианского воспитания девиц», «Невозможность совместить дух христианского воспитания девиц с духом времени», «Наряды», «Светские книги», «Какая должна быть дисциплина при воспитании девиц», «Как вредно воспитывать девиц по началам иноземным», «Древнерусские обычаи».

В заключении старец пишет, в чем состоит истинное счастье: «Дочери ваши своим счастьем могут быть обязаны не своим будущим супругам, не состоянию их и богатству, а своим добродетелям и благонаравию <...> если не потеряют того, что собрано и хранится в собственных душах их».

«Положите же для себя правилом — воспитывать их не по духу века сего, а по указанию Слова Божия и по примерам благочестивых предков. Храните их как драгоценные залоги народного благоденствия... *Основания бо иного воспитанию никтоже не может положить паче лежащаго, еже ест Иисус Христос*» (1 Кор. 3, 11).

В статье «О бессмертии» отец Порфирий рассматривает неоспоримые доказательства бессмертия души и показывает, как вера в бессмертие — созидает общество, и, наоборот, неверие — разрушает его.

Статья «Взгляд на монашество» раскрывает православные основы возникновения и понимания монашества. Отец Порфирий дает четкое объяснение: «Причиной появления монашества была скорбь об утраченном Отечестве — тоска по небесной отчизне». «Монах поставляется на высшей степени евангельского совершенства».

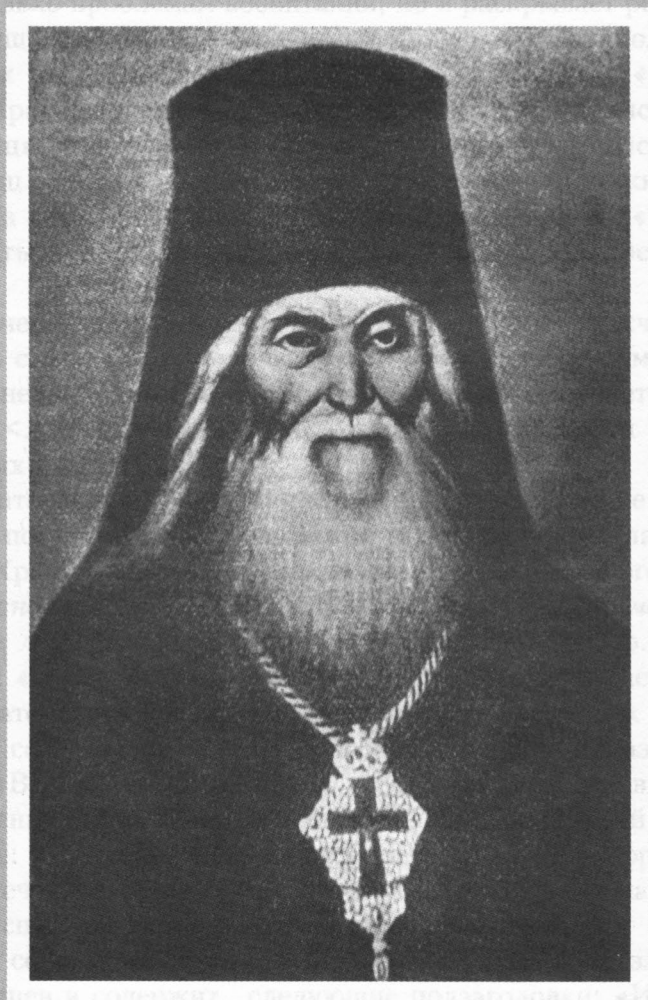
«Беседа со старообрядцами» посвящена раскрытию заблуждений старообрядцев и содержит следующие подзаголовки: «Исправление книг», «Сложение перстов», «Четвероконечный крест», «Седмичное число просфор», «Старые русские обычаи», «Поведение духовенства», «Святая Церковь». Статья «О причинах раскола» раскрывает

¹ Глинские иноки: схимонах Марк, иеромонах Порфирий и монах Димитрий // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Март. М., 1907. С. 331–336.

Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Иеромонах Порфирий // Глинский патерик. М., 1997. С. 301–303.

причины возникновения и существования раскола. Отец Порфирий учит: «Раскол в государственном организме, оставленные на произвол судьбы те же могут иметь последствия, что и злокачественная болезнь в животном теле без врачевания».

Схиархимандрит Илиодор († 1879)

Схиархимандрит Илиодор (в миру Иоанн) родился в 1795 году в селе Староселье Киевской губернии. Отец его Феодор Голованицкий был священником.

В 1806 году Иван Голованицкий поступил в Киевскую академию, которую окончил в 1813 году. Затем был принят в число юнкеров и зачислен в Нижегородское ополчение, которое было командировано за границу по следам бежавших из России французов. В этом походе ему пришлось много испытать, побывать во многих местах, много повидать и о многом подумать. Иван Голованицкий находился при канцелярии, так что от строевой службы был свободен, а посему имел возможность наблюдать многое, окружающее его.

В 1815 году Иван Голованицкий получил отставку.

Иван Голованицкий избрал Киево-Печерскую Лавру, желая поселиться в ней. Он явился к Киевскому митрополиту и подал прошение о принятии его в число Лаврской братии.

Иван Голованицкий был зачислен в число братии и на послушание определен в ключню, а через несколько времени был взят в келейники к наместнику Антонию. Однако в Киевской Лавре Иоанн прожил недолго.

В то время славилась Софрониева пустынь. Незадолго перед тем почивший старец Феодосий, бывший другом и спостником знаменитого старца Паисия Величковского, поставил Софрониеву пустынь на высокую степень совершенства, образовав в ней строгих подвижников. Ученики Феодосия, как и ученики Паисия, отличались строгим подвижничеством; особенно упражнялись в трезвении и молитве; слава о них распространялась далеко за пределы обители, и Иоанн Голованицкий, еще будучи в Лавре, много слышал об этой славной пустыни. Поэтому, когда он оставил Лавру, то и направился в Софро-

ниеву пустынь. С ним вместе согласился идти его товарищ по имени Владимир.

Оба товарища, наконец, достигли Софрониевой пустыни и были приняты в число братии настоятелем пустыни архимандритом Варлаамом. Иоанну было назначено послушание в трапезе и на клиросе, а товарищ его определен к общим послушаниям.

Послушник Иоанн, во смирении души покоряя свою волю, во всем следовал советам опытных старцев.

Пребывание Иоанна в Софрониевой пустыни сопровождалось благодетельными для него последствиями. Внимая наставлениям духовно-рассудительных отцов, он по возможности уразумел, что от монаха требуются не одни телесные подвиги и труды, но и внутреннее делание в вертограде сердца своего, к чему желающий преуспеть в духовной жизни должен прилежно стремиться. Но не в Софрониевой пустыни Промыслом Божиим предназначено было ему развиваться и зреть духовно; всеуправляющая десница Божия указала Иоанну иное место через посредство обстоятельств, в силу которых он вынужден был оставить Софрониеву пустынь.

Причиной послужило назначение несоответственного его характеру и душевным стремлениям послушания. Как новоназначенного и знакомого с канцелярским делом, его определили жить на хуторе. Там имелось большое количество леса, который братия обязана была ежедневно обходить кругом и оберегать от порубки, так как часто случалось воровство леса. Отсюда можно видеть, что послушание Иоанна на хуторе не могло предоставить желанного мира и спокойствия его душе. Ему нередко приходилось быть свидетелем неприятных сцен, возмущавших покой его духа, а однажды пришлось даже спастись бегством, когда воры пустили в ход топоры и колья. Положение Иоанна было тягостным для него, и он решил оставить Софрониеву пустынь и переселиться в Глинскую, в которую в то время на должность настоятеля был вызван из Софрониевой пустыни старец иеромонах, впоследствии игумен Филарет, ученик прежде упомянутого старца архимандрита Феодосия, бывшего настоятеля Софрониевой пустыни.

В Глинской пустыни старец Филарет принял Иоанна с радостью и назначил ему послушание в хлебне и петь на клиросе. С полным усердием послушник Иоанн начал исполнять свое послушание, ревностно совершая все возложенные на него поручения.

Через два года после поступления послушника Иоанна в Глинскую пустынь он был пострижен в рясофор старцем Филаретом и в пострижении получил имя Иоиль. По пострижении он вручен был для руководства строгому подвижнику схимонаху Пахомию. Но недолго пришлось Иоилью быть под руководством своего любимого старца; скоро Пахомий окончил свое земное поприще, мирно почив о Господе.

После смерти старца Пахомия инок Иоиль стал обращаться за советами непосредственно к игумену Филарету, под мудрым руководством которого он усиленно трудился над своим духовным совершенствованием. Жажда духовной мудрости, он непрестанно упражнялся в чтении Божественных писаний, святоотеческих творений и других душеполезных книг, которыми и питал жаждущую свою душу.

Когда Иоиль представлен был к постригу в мантию, то в консистории возникло недоразумение относительно столь ранней чистой отставки его от военной службы. Началась по этому делу переписка с военным ведомством, длившаяся продолжительное время и не приведшая ни к какому результату; вследствие этого Иоилью пришлось самому путешествовать в С.-Петербург. На пути он посетил г. Курск, где выхлопотал себе паспорт.

На пути дальнейшего следования Иоиля в С.-Петербург с ним случилось одно таинственное происшествие, о котором он потом рассказывал. Когда он проходил по одной из северных губерний, то ему предстояла переправа через большую реку. Моста через реку вблизи не было, а время подходило к половодью, и путь по льду уже прекратился; не дойдя еще до реки, Иоиль зашел для ночлега на постоянный двор и расположился подкрепить себя сном. Немного времени спустя после того, как он заснул, кто-то толкнул его слегка и сказал: «Странник! Время вставать! Одевайся и пойдем, я дорогу знаю и проведу тебя кратчайшим путем». «Спустя несколько времени, — рассказывал Иоиль, — я стал замечать местами по дороге некоторый неопределенный блеск; по обеим сторонам дороги также расстилались блестящие широкие полосы. «Что это за блеск я вижу?» — спросил я моего спутника. «Это вода», — сказал он. «Значит мы идем по реке?» «Да», — ответил он коротко. Наконец мы вышли на большую дорогу. Тогда проводник мой указал мне дорогу и сказал: «Иди вперед, а я последую за тобой». Я исполнил его желание. Пройдя немного, я оглянулся: проводника моего уже не было».

По окончании дела в С.-Петербурге Иоиль благополучно возвратился в Глинскую пустынь, где с новым усердием предался своим обычным иноческим подвигам. С этого времени начинается для Иоиля ряд искушений, которые попустил Господь, чтобы еще более очистить этот сосуд благодати Своей.

Отец Иоиль любил посещать Площанскую пустынь Севского уезда Орловской губернии, где проживал старец схимонах Афанасий, известный своей духовной опытностью, из числа учеников старца Паисия Величковского. Под руководством у него был тогда иеромонах Макарий, впоследствии старец и начальник скита Оптиной пустыни. Монах Иоиль любил посещать духовных старцев, у которых почерпал нетленное питание для утоления своей духовной жажды.

В одно из таких посещений Площанской пустыни, на обратном пути Иоиль по наваждению врага подвергся нападению злых людей, от рук которых угрожала ему смерть.

Не подозревая в них злых людей, Иоиль преспокойно отправился с ними в путь. Ночь была безлунной, но звезды ярко горели на безоблачном небе. Пройдя довольно большое расстояние пути, спутники по условному знаку выхватили ножи и бросились к Иоилью, наступая на него с обеих сторон, намереваясь пронзить его ножами; при этом требовали денег. Иоиль в испуге в душе своей воззвал молитвенно о помощи к Святителю Чудотворцу Николаю, а злодеям мог только сказать: «У меня денег нет»; в этот момент послышался впереди человеческий голос, услышав который, злодеи отступили в сторону. Присматриваясь вперед, Иоиль заметил партию солдат с ружьями на плечах, идущих им навстречу, которые, поровнявшись, спросили, не проходил ли впереди обоз. Иоиль ответил, что не проходил. «Знать, он остался сзади, — говорили солдаты, — если встретите, скажите ему, что, мол, партия прошла!» Иоиль обещал исполнить и, ограждая себя крестным знаменем, благодарил Бога и своего покровителя Святителя Николая за скорую помощь. Так он добрался благополучно до постоянного двора, у ворот которого сидел дворник. Монах Иоиль спросил его, не проходил ли военный обоз, и при этом объяснил, что повстречавшаяся партия солдат просила сказать, что они прошли. Но дворник уверял, что он сидит всю ночь, но не видел, чтобы проходил обоз или солдаты. Иоиль осведомился, нет ли где дороги в стороне, но получил ответ, что в этом глухом лесу нет подобных дорог на большое расстояние. Иоиль поблагодарил Бога за избавление и остановился на постоялом дворе отдохнуть. Потребовал чего-либо поесть. Иоиль пробыл на постоялом дворе до рассвета, а утром поздно отправился в путь. Пройдя немалое расстояние, он увидел впереди себя, что на дороге, пролегающей лесом, его поджидают вчерашние спутники-злодеи. Иоиль остановился, опасаясь идти далее. Осмотревшись вокруг себя и не видя ниоткуда помощи, он начал молиться Господу, призывая на помощь своего покровителя Святителя Христова Николая. После некоторого раздумья он хотел уже воротиться назад, но в этот момент заметил двух солдат, сидевших в стороне под деревом, которые поднялись и, ограждая себя крестным знаменем, начали молиться на восток, затем подняли на плечи ружья и пошли по той дороге, по которой нужно идти Иоилью. Злодеи, увидев солдат, поспешили удалиться. Возблагодарив от всей души Господа и покровителя своего Святителя Николая, Иоиль с радостью пошел за солдатами, следуя за ними всю дорогу в нескольких шагах, пока дошли до постоянного двора. Солдаты поворотили на крыльцо и пошли в дверь в сени, а Иоиль следовал за ними с той мыслью, чтобы познакомиться с ними и продолжать вместе путь безо-

пасно. Переступив порог, он увидел в сенях хозяина-крестьянина, который, сидя, плел лапти. Иоиль спросил его: «В которую избу пошли солдаты?» — «О каких ты солдатах спрашиваешь?» — спросил хозяин. «Да вот, о тех, которые сейчас пошли в эту дверь», — ответил Иоиль. «Перекрестись, — возразил тот, — это тебе видение было: я вот здесь часа два сижу работаю и никаких солдат здесь не видал; ты что-то бредишь!». Но Иоиль не поверил, а пошел отыскивать сам, осмотрел обе избы и обошел весь двор, спрашивал всех жильцов; оказалось, что, действительно, никто не видал никаких солдат.

1823 года 9 марта Иоиль облечен был в иноческий образ настоятелем Филаретом и наречен Иоанникием. После пострижения Иоанникий, по обычаю, несколько дней пробыл в церкви безвыходно. В это время он был утешен явлением ему ангела.

«Изнемогши от чрезмерного бодрствования, — рассказывал впоследствии сам Иоанникий, — сел среди церкви, склоня голову на амвоне, чтобы несколько укрепить себя сном. Я закрыл глаза, но спал или нет, того верно не знаю; вдруг я вижу, что южная дверь алтаря отворилась, и из алтаря показался прекрасный юноша в белом стихаре, препоясанный ораером крестообразно. Подойдя ко мне, он сказал: «Иоанникий! Бодрствуй! Ты — монах, и потому непрестанно должен бодрствовать!» Сказав это, он вошел северной дверью в алтарь.

По принятии ангельского образа Иоанникий усугубил бодрствование над собой, следуя призванию явившегося ему небожителя. Удалялся от всякой суеты, избегая даже бесед с мирскими людьми, чтобы не рассеиваться, ничего от них не принимал, а в особенности от женщин, чтобы ничто не напоминало ему о суетной жизни.

По мере усовершенствования Иоанникия в духовный жизни, усиливались искушения. Враг человеческого спасения делал неоднократные нападения на Иоанникия, чтобы смутить подвижника; устрашал его различными видениями, поставлял иногда его действиям преграды, но сильный благодатью Божией он побеждал козни диавола. Наконец диавол воздвиг клевету — это сильное в руках диавола оружие.

Клеветники при всяком удобном случае начали возводить различные клеветы на Иоанникия перед лицом своего настоятеля. Долго старец Филарет не верил им, но однажды, видно, уже сам Господь ради душевной пользы Иоанникия попустил искушение: старец поверил одной клевете. Дело заключалось в следующем.

Один иеромонах из числа недоброжелателей Иоанникия отлучился из монастыря без дозволения настоятеля. Когда он возвратился из отлучки, настоятель привлек его к ответственности за самовольную отлучку. Виновный, чтобы избежать ответственности за свой поступок, вздумал сложить свою вину на Иоанникия; он уверял настоятеля, что

именно Иоанникий подстрекал его на тот поступок, и приводил свои лживые доказательства с такой хитростью, что настоятель поколебался и в конце концов поверил клевете. Он позвал к себе Иоанникия и, не принимая от него никаких оправданий, приказал ему немедленно удалиться из обители.

Изгоняемый неповинно монах Иоанникий с болью в сердце расстался с любимой обителью. Получив из духовной консистории паспорт, он направился на север, имея целью достигнуть Соловецкой обители, чтобы поселиться в ней. С ним вместе путешествовал некто иеромонах Израиль, имевший ту же самую цель путешествия. По Божию попущению на пути случилось с Иоанникием одно ужасное приключение, которое угрожало опасностью его жизни. Путешествуя по Новгородской губернии, они шли в поле большой дорогой, в тишине братски занимаясь душеполезной беседой. Вдруг неожиданно беседа их прервалась появлением какой-то женщины, которая втерлась между идущих товарищей и нахально старалась завязать с ними разговор. Внезапное появление женщины произвело неприятное впечатление на монаха Иоанникия. Охраняя свои чувства, он отстал, приглашая и своего спутника остановиться, с намерением, чтобы женщина ушла от них. Когда она уходила, то они видели, что у нее за плечами была какая-то ноша, а на голове имелось что-то высокое причудливое; остальную часть дня они прошли благополучно. На другой день рано утром, оставив свой ночлег, отправились они в путь. Дорога, по которой они шли, была по чистому полю близ реки Волхова. Видно было на далекое расстояние, что никого из людей не было. Тихо и покойно продолжали они свой путь. Вдруг неожиданно между идущими опять появилась вчерашняя женщина; тем же образом, как и вчера, она беззастенчиво со всем нахальством старалась вступить в разговор с идущими. Раздосадованный Иоанникий в негодовании поднял палку и, грозя ей, сказал: «Отойди от нас, ведьма, что ты, негодная, привязалась к нам!». Женщина яростно сверкнула глазами и мгновенно исчезла. При этом монах Иоанникий пришел в бессознательное состояние; что с ним происходило, он не сознавал, а придя в сознание, увидел себя лежащим около ручейка раздетым донага... Оба товарища отправились в путь. Иеромонах Израиль, видя, что спутник его оправился, дорогой рассказал ему все случившееся по порядку. «Когда ты, — говорил он, — поднял палку на женщину, она в это время разразилась адским хохотом, а ты бросился бежать в сторону, снимая с себя одежду; сапоги и даже белье снимал ты и бросал в стороны и бежал по направлению к реке; добежав до берега, ты поскользнулся и упал вниз по крутому скату; но, вцепившись за мелкий кустарник, выбрался на берег и опять бросился бежать вдоль берега. Добежав до ручейка, пересекающего твой путь, ты упал без чувств. Я же, когда услышал хохот женщины, обратил в ту

сторону взор, и мне показалось какое-то мерзкое обнаженное тело; огравив себя крестным знамением, я пошел вслед за тобой, подбирая твои разбросанные вещи, и когда дошел до ручейка, то нашел тебя уже в бессознательном состоянии; я оградил тебя крестным знамением и начал лить воду на твою голову, чтобы привести тебя в сознание».

После этого он не решился продолжать путь один, так как спутник его иеромонах Израиль, не пожелав путешествовать далее, определился в одном из Российских монастырей. После некоторого раздумья и колебаний и сам Иоанникий решился возвратиться снова в Глинскую пустынь. Но здесь в его отсутствие ненавистники его успели еще более оклеветать его перед настоятелем. Посему, когда он возвратился в пустынь, настоятель не принял его и на глаза, причем и братии запретил принимать его в свои келлии, а гостиннику приказал даже выгнать Иоанникия из гостиницы. «Когда выгнали меня из монастыря, — рассказывал впоследствии сам Иоанникий, — была уже ночь. Вышел я за святые ворота и, обратившись, взглянул на то святое место, где не так давно был вчинен в лик иночествующей братии, но откуда теперь я так позорно изгоняюсь, как злодей! Неизобразимая горесть разлилась в душе моей!.. Предо мной был целый мир, а я не имел где главы преклонить! Опустившись на землю, я горько зарыдал... и рыдал долго... Слезы несколько облегчили мое сердце, и я стал рассуждать, что мне теперь делать и где ночевать. Не знал я, на что решиться: до деревни идти по лесу в темноте ночной было страшно; и под оградой, окруженной лесом, ночевать тоже небезопасно, тем более, что лес был густой, и я знал, что в нем часто бродили звери. Долго я боролся с помыслом — удалиться ли от ограды обители и идти до деревни или остаться на ночь под оградой; решился на последнее. Если угодно Господу прекратить дни моей жизни, думаю себе, то пусть звери растерзают меня, но растерзают здесь, под оградой святой обители. Между тем некоторые из старшей братии, сожалея обо мне, решились пойти к настоятелю и просить его о принятии меня в число братии. И так, оставшись на ночь под оградой, я томился от горести и, наконец, почувствовал изнеможение. Сотворив молитву, я, сидя на земле, склонился на сумку и хотел заснуть; долго я лежал, но заснуть не мог: различные помыслы, как черные тучи, надвигались на мою душу и давили меня. Время приближалось к полуночи, и на меня стал нападать какой-то особенный страх; страх этот все усиливался и, наконец, до того овладел всем моим существом, что я едва мог переводить дыхание. Находясь в таком положении, я начал усердно молиться Пресвятой Богородице и просить Ее помощи... Слышу: на колокольне пробило 12 часов; в это время отворилась калитка, ко мне вышел монастырский духовник и начал звать меня: «Иоанникий, где ты?» Я отозвался, и он объявил мне, что настоятель принимает меня снова в обитель, а послушание

назначает на братской кухне. Какова же была моя радость! Я не находил слова, как благодарить Царицу Небесную!»

Два месяца монах Иоанникий трудился на кухне, неповинно неся епитимию. Наконец, настоятель убедился в его невинности и скоро представил к рукоположению во иеродиакона. 1824 г. ноября 12-го Иоанникий был рукоположен в сан иеродиакона преосвященным Владимиром, епископом Курским и Белгородским. С какой чистотой сердца и с каким благоговением приступал он к Таинству священства, об этом можно судить по действию на него благодати во время хиротонии. Когда архиерей возложил руку на голову его, призывая Духа Божия на проручествуемого, он ощутил, что через голову в сердце его полилась какая-то сладостная теплота и разлилась по всему телу. Сердце его исполнилось несказанной радости, так что он даже изменился в лице. Архиерей заметил в нем перемену и часто посматривал на него в продолжение Божественной литургии. Во время причащения Святых Тайн, он, стоя за престолом между прочими диаконами, был в восхищении и сподобился созерцать чудное видение, открывшееся его умственным очам. Впоследствии при одном воспоминании об этом он переносился умом к виденному, прерывал рассказ на некоторое время и как бы погружался в самого себя: тогда лицо его принимало чрезвычайно благоговейное выражение, которое ясно показывало, каких благоговейных чувств была исполнена его душа. Не всем он рассказывал об этом видении, по своему смирению, но близким по духу иногда говорил о нем даже подробно. «Когда я стоял за престолом, — рассказывал так старец, — вдруг все, окружающее меня, как бы стусевалось и сделалось невидимо; внезапно очутился я в каком-то пречудном храме, осияваемом неизреченным светом. Человеческий язык не может изобразить несказанную красоту и величие того пречудного нерукотворенного храма. На горнем месте была какая-то светлая возвышенность, но ее скрывала распростертая, как бы невещественная завеса. Сияние, выходившее из-за завесы, разливало свет по чудному храму. Я стоял в трепетном ожидании чего-то, устремив все мои душевные чувства к горнему месту. Какой-то тайный голос говорил мне: «Там Господь!». Вдруг огненная рука простерлась отнять завесу; при виде этого, душа моя переполнилась благоговейных чувств, и я громко воскликнул: «О, Господи!» Протодиакон, стоявший рядом со мной, толкнул меня; как бы очнувшись, я в полусознании начал осматриваться кругом себя, не понимая хорошо, что со мной происходит. Пришедши в себя, вижу, что архиерей, стоя перед престолом, причащается Святых Тайн, а прочие священнослужители, стоя в порядке, смотрят на меня с удивлением».

Упражняясь всегда во внимании, усиленно охраняя себя от приращения мысленных прилогов вражиих, Иоанникий достиг в душевном состоянии той степени чистоты, на которой сподобляются духовных

откровений. Не раз впоследствии рассказывал старец своим близким, для возбуждения в них духа ревности, о тех откровениях, которые были показаны ему в дивных сновидениях.

«Однажды, — говорил он, — по окончании утрени придя в свою келлию, я совершил свое келейное правило и прилег несколько отдохнуть, и только что погрузился в тонкий сон, как представилось мне ясно, будто бы я еду в тарантасе с настоятелем Филаретом во двор какой-то великой госпожи. Тарантас остановился, на дворе было очень грязно. Настоятель Филарет пошел в дом, а я остался на своем месте; в это время вышел из дома молодой человек прекрасной, величественной наружности, в белом стихаре, по-диаконски крестообразно препоясанном; лицо его блистало светлостью; подойдя ко мне, он сказал: «Иоанникий, тебя требует Царь, следуй за мной, я тебя доведу к нему»; а я ему говорю: «Видишь, какая здесь невылазная грязь, здесь пройти невозможно». На это он сказал: «Смотри на мой след: где будет становиться моя нога, туда и ты ставь ногу, но только не оглядывайся назад». Сказав это, он обратился и пошел, а я следовал за ним. Действительно, я увидел, что, где становилась его нога, там делалось сухо, на эти места вступал и я; прошедши некоторое расстояние, я заметил, что мы идем не по земле, а по какой-то тропе, которая была по воздуху перекинута через реку. Эта тропа не более трех вершков в ширину, на ней едва вмещалась человеческая стопа. Всматриваясь в след своего вожатого, я увидел под собой реку, но не водную, а огненную, которая стремительно неслась по своему руслу; ее пламенные волны как бы изливались через пороги бурным потоком, а между огненными волнами видны были человеческие члены: где покажется рука, где нога, где голова или весь корпус человеческого тела. В ужасе я продолжал свое шествие; мы дошли до берега; перед нами оказалась равнина, на которой был сад; ворота в сад были открыты; мы направились через ворота в сад. Вожатый мой оставил меня в саду, а сам пошел в дом, который стоял на левой стороне, а я начал обозревать поистине дивную красоту этого сада: деревья были здесь какие-то прекрасные и стояли в дивном порядке; зелень и цветы неземной красоты; среди сада стоял величественный пятиглавый собор дивной архитектуры; на его среднем куполе был большой крест из чистого бриллианта, а на других меньших куполах такие же, но только меньшей меры. Они светились и горели разительным блеском: невозможно было на них смотреть; все здесь было как бы неземное. Восторгаясь всем виденным, я увидел из глубины сада направляющееся ко мне общество девиц; их было числом 15; одеты они были в белые платья, наподобие хитонов, розовыми лентами препоясанные крестообразно; возраста были все от 14 до 15 лет; ласково приветствуя меня издали, они называли по имени и, подойдя ко мне, хотели целовать в уста, но я, уклоняясь от этого, поднял против себя ру-

ку, чтобы их не подпустить, и говорю им, что я монах; девицы как бы застыдились, но, приветливо улыбаясь, раскланявшись, удалились от меня. В это время вышел из дома водящий меня; я заметил, что он изменился, прежде он был ласков, а теперь казался грозным. Внутренний мой помысел говорил мне, что это потому он сделался ко мне таким, что я отверг приветствие тех девиц, не допустил их облобызать себя; тогда водящий меня, указывая рукой за ворота, говорит: «Иоанникий, пойди вон туда и посмотри еще там, а я доложу о тебе Царю». Я спросил его: «Да где же Царь?» Он указал мне дом, который находился за какими-то растениями, почему издали нельзя было рассмотреть его, и только через зелень видна была златоблестящая крыша. Повинуясь приказанию своего вождя, я вышел за ворота; здесь я увидел на просторном берегу огненной пропасти бесчисленное множество разбросанных человеческих костей. Я подумал, что это, должно быть, те несчастные, о которых говорит пророк Давид: «Расточишася кости их при аде» (Пс. 14, 7); подойдя ближе к пропасти, я увидел узкую лестницу, которая спускалась по крутизне берега до огненных волн; к ней было приделано одно перильце полустгнившее; желая поближе рассмотреть эту ужасную пропасть, я начал спускаться по лестнице, взявшись рукой за перильце; это последнее так пошатнулось, что я едва удержался на лестнице, а посему поспешил выбраться оттуда. Стоя на берегу в страхе, обозревая страшное место, вижу: идет молодой послушник нашего монастыря, раздетый донага. Я, останавливая его, говорю: «Послушай, брат, не ходи туда, там место ужасное», — но он, не обращая внимания на мои слова, устремился к берегу и только ступил на лестницу, как вдруг оборвался и полетел в огненную пропасть. Я еще не успел излить свою скорбь, как мне казалось, о погибшем, как вижу идет туда же схимник, также обнаженный; останавливая сего последнего, говорю ему: «Отче, не ходи туда! Место такое ужасное, что выразить нет возможности!» Он, остановившись, подумал и говорит: «Нет! Надо идти: я туда послан»; и только вступил на лестницу, как тоже оборвался и полетел в пропасть. Обратившись, я увидел своего водителя около себя; он велел мне следовать за собой; когда вошли мы в сад, он указал мне вдаль, где на прекрасном месте между деревьев сидели три человека, при этом сказал: «Там Господь! Гряди к нему». В трепетном благоговении я пошел к сидящим. В это время два отошли от того места, а один остался. Когда я приблизился к сидящему, он обратил на меня величественный свой взор, полный милосердия, и сказал: «Марие! Что пришла еси?» От Его голоса душа моя переполнилась благоговейного умиления; внутренний голос мне сказал: «Эти слова относятся к твоей душе». В благоговейном страхе воздел я руки и от полноты души произнес: «Господи! Се аз!» Сидящий, милостиво взирая, сказал мне три слова. Водящий меня приказал опять следовать

за ним и повел меня опять той же воздушной тропой через огненную реку, в которой я видел те же ужасы, что и прежде. Перейдя реку, мы пошли по равнине между рядов растущих деревьев и вышли на зеленый луг; отсюда видно было все пространство места, а за огненной рекой был виден дивный сад с его прекрасными растениями, дивным собором и постройками неземного зодчества. Водящий меня остановил и, указывая на сад и реку, сказал: «Иоанникий! Вот тебе показал Господь места, которые уготованы для будущей жизни праведных и грешных, если хочешь быть там, — он указал на сад, — подвизайся жить в повелениях закона Божия».

Этим сновидение кончилось. Я проснулся; при этом душа моя исполнена была благоговейного страха и умиления».

В уверение истины старец говорил: «Ей, так».

В 1826 году в Глинской пустыни случилось одно неприятное происшествие, породившее между братией смущение. История его такова.

Некто мирянин поступил в Глинскую пустынь в число братии, человек уже довольно пожилой. Таковые иногда приходят в монастырь в старых летах, может быть, с доброй душеспасительной целью, но, к прискорбию, часто приносят с собой, долговременной жизнью в миру усвоенные мирские понятия, привычки, с которыми, вступив в монастырь, расстаться не понуждают себя и, будучи подстрекаемы своим самолюбием к честолюбию, ищут поставить себя выше тех братий, которые многолетними трудами и внимательной жизнью от юности приобрели иноческую опытность и в глазах монастырского братства стоят на степени достоуважения. Чтобы достигнуть своей цели возможно скорее, некоторые из них (вновь поступивших стариков) часто прибегают к проискам, и своими хитрыми обходами случается и успевают в своих предприятиях. Такой случай послужил причиной нестроений между Глинской братией, отчего произошло общее смущение, в которое мог быть замешан иеродиакон Иоанникий, но последний, желая уклониться от неприятностей, счел за лучшее переместиться в Рыхловский Николаевский монастырь, Черниговской губернии. Таковое перемещение состоялось 29 сентября 1826 года.

Рыхловским монастырем в то время управлял настоятель иеромонах Анастасий. Желая иметь его своим помощником, Анастасий просил епархиальное начальство утвердить иеродиакона Иоанникия в должности казначея. Около трех лет протекло для него в этой должности с пользой для обители и благополучно для себя, а затем начался тяжкий период в его жизни, в котором пришлось проходить ему горнило испытаний, какие только проходят избранные последователи Подвигоположника Христа Спасителя нашего.

Настоятель Анастасий не останавливался ни перед какими мерами, чтобы уязвить Иоанникия. Желая выжить его из монастыря, он при всяком случае придирался к казначею без всяких причин.

В это тяжелое время Иоанникию представился случай с опасностью для себя явить ревностное благочестие в охранении святыни в храме Божиим. Об этом он рассказывал впоследствии так: «Однажды вхожу я во святой алтарь и вижу, что на святом жертвеннике сидит толстый помещик, которому монастырский ризничий показывает различные священные вещи. Помещик был богат и отличался вольностью, маловерием и особенно страстью к сутяжничеству. Видя такое поругание святого места, я затрепетал от ужаса.

Думаю себе: если сказать ему, что следует, то от него и не отвяжешься. Оставить же его попирающее святое место было невыносимо для моего благоговейного чувства. Стал я перед святым престолом и помолился мысленно, говоря: «Господи, помоги! Ревнуя поревновать по Твоей святыне! Аще угодно Тебе попустить, чтобы я пострадал, да будет воля Твоя!» Затем, подойдя к жертвеннику, я заложил локоть правой руки за спину сидящего и сбросил его с жертвенника так, что он пролетел в северную дверь, как сатана».

Тогда Анастасий обратился к коварной хитрости; он начал делать доносы на Иоанникия не от себя, а от лица других иеромонахов, будто бы казначей Иоанникий и некоторые другие не повинуются настоятелю. Вследствие таковых доносов, в следующем 1829 году было предписано из консистории настоятелю игумену Анастасию строго следить за поведением казначея Иоанникия и некоторых других; а затем скоро в том же, 1829 году, 25 января, состоялся указ о переводе казначея иеродиакона Иоанникия в Домницкий монастырь под строжайший надзор с запрещением впредь до дальнейшего распоряжения. Итак, Иоанникий, по одним голословным доносам, без всякого следствия, неповинно осужден был страдать на месте своего изгнания.

Два года и десять месяцев томился Иоанникий в Домницком монастыре под запрещением. И какая это была жизнь! Всякий час он трепетал за свою будущность, постоянно опасаясь разделить участь несчастных духовных лиц, гонимых неправдой. Всякий день с прибытием почты ожидал он решения своей участи и был подобен человеку, над которым нависла страшная скала, готовая обвалиться и раздавить его. Тяжело положение такого человека! «Я тогда плакал, — рассказывал он после, — и плакал, как изгнанный из рая; от многих слез едва не лишился зрения. Горе мое было сильно, главным образом, тем, что не было никакой надежды и на будущее; не представлялось никакой возможности избавиться от нависшей опасности. И знал и видел, что клевета вполне восторжествовала: архиерей был против меня, консистория тоже; чего же можно было мне ожидать доброго?»

Занимая письмоводительское послушание в Домницком монастыре, Иоанникий часто ездил в г. Чернигов по делам монастырским к преосвященному Лаврентию, управлявшему тогда Черниговской епархией. Не раз представляясь лично, он просил преосвященного отпус-

тить его на Афонскую гору или на север в Соловецкую обитель, чтобы там окончить жизнь свою в монашеском звании. Но преосвященный, видимо, предубежденный против него, не только не хотел уволить его, но даже и обращался с ним очень сурово, иногда высказывая ему угрозы относительно лишения духовного звания. «Будешь, будешь красную шапку носить!» — говаривал он с оттенком насмешки. С какой горестью выслушивал Иоанникий эти немилостивые слова своего владыки! Уже в старости он рассказывал, что подобные представления его преосвященному были настолько для него тяжелы, что, без помощи свыше, немощный человек не мог бы их перенести своими только силами. Иногда случалось, что владыка давал обещание уволить его и приказывал подать прошение. Прощение подавалось, уплачивался гербовый сбор, тратились последние копейки половинного монастырского жалованья Иоанникия; несколько дней Иоанникий ожидал резолюции без достаточных средств на содержание. И в заключение получал обратно прошение с резолюцией — «в выдаче билета отказать».

Иоанникий пытался с получаемыми назад прошениями являться к архиерею, чтобы напомнить ему об его обещании, но из этого ничего не последовало. А однажды владыка сказал ему: «Да, отпусти тебя на север, а ты поедешь в Петербург, да вздумаешь оправдываться, тогда, пожалуй, и мне могут выйти неприятности. Нет! Не выпущу тебя, пока не наденут на тебя красной шапки». Таким образом, угнетаемый со всех сторон Иоанникий с тяжелой скорбью в душе ожидал окончания своей печальной участи.

Настоятель Домницкого монастыря архимандрит Иов Куроцкий был человек простой и добрый, как отзывался о нем впоследствии Иоанникий. Зная невинное страдание Иоанникия, он сочувствовал ему, утешал его чем мог, часто приглашал его с собой обедать; но он не в силах был снять с Иоанникия того тяжкого бремени, которое тяготило его душу. Таким образом, безнадежность выйти из столь ужасного положения особенно угнетала невинного Иоанникия; в таких горестях единственным утешением для него, как он впоследствии говорил, была молитва; с ней он всегда обращался к Божией Матери, перед Ней исповедуя свою невинность, и к Святителю Христову Николаю, которого он в продолжение всей своей жизни считал своим покровителем.

Злосчастное положение, постигшее Иоанникия, началось в феврале 1828 года, когда Анастасий, сбившись с пути иноческой нравственности, начал делать ложные доносы на невинного Иоанникия; с того времени протекло одиннадцать месяцев преследования Иоанникия, предшествовавших тяжкому испытанию, которое ожидало его впереди. А в январе 1829 года получен был указ о поднадзорном его перемещении в Домницкий монастырь, в котором и продолжались его

тяжкие душевные страдания до 20 ноября 1831 года. Такое продолжительное время, Божиим попущением, пришлось Иоанникию проходить горнило горьких испытаний; эти последние глубоко врезались в его сердце и живо представлялись ему в глубокой старости. Всегда при воспоминании того времени, он благодарил Бога, подавшего ему помощь перенести эти тяжести. До самой смерти он был сострадательным и соболезнующим ко всем гонимым и оскорбляемым; в таких принимал он сердечное участие. В 1831 году последовало перемещение преосвященного Лаврентия Черниговского в другую епархию. Настоятель Домницкого монастыря, желая проститься с отъезжающим архипастырем, но в то же время будучи болен, поручил иеродиакону Иоанникию сделать прощальный визит владыке от его (настоятеля) имени и всей братии Домницкого монастыря. После обычных объяснений с владыкой Иоанникий хотел было удалиться; но владыка, остановив его, сказал: «Я, кажется, обидел тебя, давай, брат, простимся!»

На место преосвященного Лаврентия в Черниговскую епархию был назначен высокопреосвященный Владимир, архиепископ Курский и Белгородский, присутствовавший тогда в Святейшем Синоде, который скоро и прибыл на место своего назначения.

Иеродиакон Иоанникий снова был послан в Чернигов, чтобы от лица настоятеля и братии приветствовать вновь прибывшего архипастыря и спросить его благословения. Прибыв в архиерейский дом, Иоанникий случайно встретился с владыкой среди монастыря; представившись владыке и отрапортовав ему о благосостоянии обители, он принял благословение архипастыря и удалился.

Высокопреосвященный Владимир, увидев Иоанникия, видимо заинтересовался им и, желая иметь о нем точные сведения, потребовал к себе своего эконома — архимандрита Петра, чтобы узнать от него об Иоанникии беспристрастный отзыв. Понятно, что дело о нем владыке было известно еще в Петербурге. Архимандрит Петр был человек простой и добросердечный; ему были известны подпольные интриги гонителей Иоанникия, и что сей последний страдает напрасно, а посему он имел к нему душевное сострадание, хотя, ввиду сплотившихся непомерных сил против Иоанникия, не мог ему раньше помочь, а только ограничивался, до возможного времени, сердечным состраданием и утешительным словом. Но когда вновь прибывший архиерей потребовал от него беспристрастного выяснения этого дела, тогда он решился раскрыть перед владыкой подробно о неповинном страдании Иоанникия. При этом высказал, что братия Глинской пустыни, давно знающие о духовном настроении Иоанникия, будучи уверены в его неповинности, просили его (архимандрита Петра) заступиться за него, но, к прискорбию, не было возможности. Архиерей, выслушивая справедливый рассказ старца архимандрита, убеленного

сединами, качал головой. Отпустив своего эконома, владыка, вероятно, углубился в размышление об участии, постигшей неповинного страдальца; это видно из того, что он сейчас же решился изменить ее на лучшую. Этот рассказ архимандрита произвел на Иоанникия удручающее действие. Да это и естественно. Как только явился Иоанникий к преосвященному, первый был вопрос владыки.

- Ты давно в Домницком монастыре?
- Около трех лет.
- А где ты постригался в монашество?
- В Глинской пустыни Курской епархии.
- Кто постригал тебя?
- Строитель старец Филарет.
- А рукополагал во иеродиакона кто?
- Вы, Ваше высокопреосвященство, удостоили меня этой степени.
- Я рукополагал тебя? — переспросил владыка.
- Вы.
- Дело о тебе мне хорошо известно; ты желаешь быть иеромонахом?
- Нет, не желаю.
- Почему?
- Лета прошли.
- А сколько тебе лет?
- Тридцать шесть.
- Однако ты старичок, — сказал с улыбкой владыка.
- А если я рукоположу тебя без твоего желания, что ты на это скажешь?

— Ничего не могу сказать, кроме того, что повинуюсь Вашей воле, как воле Божией. При этом осмеливаюсь доложить вам, что я, несчастный, нахожусь под запрещением, и дело обо мне в Святейшем Синоде, известно ли это Вашему Высокопреосвященству?

— Вот я для тебя Синод! — сказал владыка. — Готовься на завтра к рукоположению во иеромонаха! И так паче чаяния Иоанникий был рукоположен во иеромонаха 20 ноября 1831 года.

Совершившийся по воле Божией неожиданный поворот в судьбе Иоанникия настолько поразил его, что он совершенно растерялся, не будучи в состоянии сообразить всего, что с ним происходило. Вышедши по рукоположении из церкви, он забыл явиться даже к архиерею и без всяких видов, удостоверяющих его рукоположение, удалился из Чернигова. Когда он прибыл в Домницкий монастырь, то никто не верил тому, что он рукоположен в иеромонаха; только настоятель знал его настолько, чтобы ему поверить и позволить совершать богослужение.

20 января следующего 1832 года было предписано указом настоятелю Домницкого монастыря иеромонаху Иоанникию выдать 25 руб.

денег из неокладной монастырской суммы на расходы и снарядить тройку лошадей для проезда ему в Чернигов.

По приезде в архиерейский дом Иоанникий немедленно представился высокопреосвященному Владимиру. Владыка спросил его, почему он по рукоположении так поспешно и как бы секретно уехал из Чернигова. «Простите, владыка святой! — сказал Иоанникий. — Неожданность совершившегося в моей судьбе так меня озадачила, что я растерялся и сделал это в замешательстве, и едва опомнился уже по приезде в монастырь. Владыка, улыбаясь, сказал ему: «Однако хорошо же тебя здесь пугали!» Иоанникий был назначен служить в Крестовой церкви. Впоследствии оказалось, что владыка вызвал его к себе, желая лично убедиться в его качествах. В этих видах некоторым лицам было поручено даже следить за его поведением.

Когда Анастасий первый раз представился вновь прибывшему владыке, то сей последний спросил Анастасия, сколько ему лет. Сей последний сказал: «Пятьдесят лет». Владыка посмотрел на него недоверчиво и сказал: «Зачем обманывать! Вам есть ли еще тридцать лет! Вам, кажется, было бы приличней быть женихом, нежели настоятелем обители». Затем, смотря на Анастасия, владыка покачал головой и, вздохнув, сказал: «В неведении погрешил я за тебя перед Богом, обращая внимание на твои доносы. Я полагал, что настоятель Рыхловского монастыря — благоговейный старец строгой жизни, который, понуждая братию к строгому исполнению монашеских правил, не мог быть приятен для молодых, любящих вольность, а посему и вынужден был доносить о возмущившихся против него, но теперь на деле вижу противное». Затем после малой паузы архиерей сказал: «Вот что скажу вам, отец настоятель, садитесь вот там (указав место) и пишите прошение об увольнении от должности, дело ваше лучше будет». Пораженный неожиданностью такого происшествия, Анастасий взмолился: «Ваше высокопреосвященство! Позвольте мне подать прошение из монастыря». «Нет! — строго повторил архиерей. — Здесь! Здесь!» Анастасию более ничего не оставалось делать, как повиноваться. Прощение об увольнении было подано. Анастасий был перемещен в Домницкий монастырь в число братства. Так сбылись слова пророка Псалмопевца: «Ров изры ископа и впаде в яму, юже содела» (Пс. 7, 16).

Недолго пришлось жить иеромонаху Иоанникию в Черниговском архиерейском доме. Архиерей, окончательно убедившись в безвинном его страдании и лично удостоверившись в его способностях, признал Иоанникия достойным высшего назначения, и так как в Рыхловском монастыре продолжалось неустройство, то владыка наметил его туда настоятелем. Таковое предположение владыки не было известно Иоанникию; он думал, что его перемещают в число братии Рыхловско-

го монастыря, и потому посланный в сентябре 1832 года в Рыхловский монастырь, он по приезде в обитель поселился в братской келлии, как обычный монастырский житель.

Духовник и казначей были удалены от управления с перемещением их из Рыхловского монастыря, а управление передано иеромонаху Иоанникию, с утверждением его в должности настоятеля, которое состоялось 16 сентября 1832 года.

Приняв в управление обитель, он все свои заботы направил к тому, чтобы водворить в обители спокойствие и восстановить в ней надлежащий порядок. Достижение этой цели стоило Иоанникию немалых трудов и сопряжено было с некоторыми для него неприятностями. Дело в том, что при настоятеле Анастасии лучшие из братии вынуждены были оставить Рыхловский монастырь, так что монастырь имел насущную нужду в способных людях. Поэтому первым делом для Иоанникия было собрать около себя людей достойных и способных и с Божией помощью этого он достиг с большим успехом. Как только разнесся слух о смене Анастасия, настоятеля Рыхловского монастыря, и об определении туда строителем иеромонаха Иоанникия, в Рыхловский монастырь стали возвращаться некоторые из прежней братии, вышедшей из обители при Анастасии, а многие переходили и из Глинской пустыни. Таким образом, около Иоанникия скоро составилось благонадежное общество братии, а посему в обители был восстановлен им должный порядок монастырской жизни. Принимая во внимание труды строителя Иоанникия по благоустройству обители, высокопреосвященный Владимир 12 ноября 1833 года наградил его набедренником, а 14 сентября 1835 года произвел его в сан игумена с возложением палицы.

Своей открытой сердечной любвеобильной простотой в обращении игумен Иоанникий привязал к себе братию так, что они обращались к нему с таким доверием, с каким обращаются дети к нежной матери, и от любви к нему готовы были исполнять все его пожелания.

Не об одном духовном благонастроении братства была забота настоятеля Иоанникия — нужды обители требовали немалых забот. Так как в обители требовались постройки и ремонт обветшалых монастырских зданий, а средства обители были слишком ограничены, то для изыскания средств игумен Иоанникий ездил в Москву для испрашивания пожертвований и возвратился в свою обитель через три месяца после отпуска. В эту поездку он был на поклонении святым мощам преподобного Сергия Радонежского. В Троице-Сергиевой Лавре был принят любезно знаменитым наместником Лавры архимандритом Антонием. А на обратном пути посетил Оптину пустынь Калужской губернии, где в то время подвизался старец иеромонах Леонид. О душеполезных беседах с этими старцами он рассказывал уже в глубокой старости.

Игумен Иоанникий, будучи настоятелем, очень редко бывал в монастырской гостинице, куда вместе с посетителями-богомольцами часто приезжали окрестные помещики со всеми членами семейства. Нашлись из них такие, которые делали заявление епархиальному архиерею, что будто бы настоятель Рыхловского монастыря неприветлив к приезжающим посетителям, а это может де отвратить благодетелей от обители. Но владыка уже был уверен в благоразумии Иоанникия, а посему не верил такой нелепости. Однажды Владыка сказал ему: «На вас, отец игумен, есть донос, что вы не приветствуете благодетелей и не посещаете их в гостинице».

— Ваше высокопреосвященство! Я от юности избегал знакомств с женским полом, и что теперь, как монах, уклоняюсь от таковых компаний, это сущая правда, а особенно таких, которые приезжают в монастырь для того, чтобы убить праздное время. Человек я еще не старый, а, как монах, долгом считаю строго охранять свои чувства, вот причина моего удаления от знакомства. Благодетели же, которые приезжают в монастырь по истинному усердию помолиться, таковые не будут на меня заявлять жалоб, потому что я таковых не удаляюсь.

— А если обитель от этого действительно потерпит ущерб?

— Я верую в помощь Святителя Христова Николая, что этого не случится.

— Ну если так, — сказал владыка, — я тебя не принуждаю».

В начале своего настоятельства Иоанникий представил к рукоположению в диакона монаха, который исполнял обязанность рухольного. Ставленник после рукоположения явился к владыке принять благословение на путь. Владыка спросил его: «Хорош ли ваш новый настоятель»? «Да, он хорош, — сказал ставленник, — да уж строг без рассмотрения. Вот например: я занимаю послушание рухольного, ко мне приносят женщины продавать разные предметы: холст, нитки, полусуконку и прочее, а настоятель запретил вход в келлию женщинам, и приходится с ними толковать на открытом воздухе, это не совсем удобно». «А! Вот каков он оказался. Обожди же немного, — сказал владыка, — я передам ему письмо». Оно было следующего содержания. «Отец настоятель! Рассматривай повнимательней, кого представляешь к рукоположению, а таких дураков, как этот, больше не представляй». Когда ставленник, прибыв в монастырь, подал письмо от архиерея настоятелю, сей, прочитав, подал прочитать подателю, и при этом спросил: «Что говорил архиерею»? Ставленник сознался во всем; тогда настоятель Иоанникий сказал: «Видишь, как архиерей тебя похвалил, расскажи об этом братии, чтоб кто-либо из них так же, как и ты, не уплелся, и будь покоен, я тебе это прощаю».

Игумен Иоанникий однажды, бывши на своем хуторе, в летнее время пошел с некоторыми из братии покупаться в реке Десне. Купаясь, чуть было не утонул; только чудо спасло его. «Сознавая опасность и

борясь со стихией, я обратился молитвенно к Святителю Чудотворцу Николаю, но силы меня совершенно оставили, и я погрузился на дно. Помню, что лежу на дне реки, но сознание меня не оставляет, и я непрестанно призываю Святителя Николая. Я даже начал рассуждать в себе: неужели, думаю, усопший человек может столько времени сохранить в себе сознание? Затем я почувствовал как бы склонность ко сну; мысль промелькнула: значит, наступает смерть! Но при этом дышать сделалось легко и свободно. Как очутился я на берегу, сам не знаю! В чувстве глубокой благодарности припал я к земле, поклонился своему избавителю от смерти Святителю Христову Чудотворцу Николаю. Ей, так», — подтверждал свой рассказ старец Илиодор.

После восьмилетнего управления Рыхловским монастырем, в котором игумен Иоанникий подвизался, не щадя своих сил, он почувствовал, что здоровье его стало ослабевать. Посему он решился оставить должность настоятеля и лично просил об этом высокопреосвященного архиепископа Черниговского Павла, бывшего во время осмотра своей епархии в Рыхловском монастыре. Высокопреосвященный Павел не пожелал его уволить. «Потрудитесь еще, — говорил владыка, — если почувствуете ухудшение, тогда дело видно будет. Старайтесь поддержать свое здоровье, а дела монастырские можете поручить по возможности, своим помощникам. Теперь же уволить вас не могу». Игумен Иоанникий думал склонить владыку на свою просьбу и подал еще прошение, но владыка отказал резолюцией наотрез, затем уговорил его продолжать свое многополезное служение.

Скоро после сего игумен Иоанникий был переведен указом Святейшего Синода от 6 августа 1840 года на должность настоятеля Петропавловского монастыря той же Черниговской епархии, с возведением в сан архимандрита. С сердечной скорбью расстались братья Рыхловского монастыря со своим любимым настоятелем, к которому и по его отъезде питали особенную любовь до самой его смерти. Многие из них через десятки лет приходили и приезжали к нему для посещения уже в его старости, когда он жил на покое в Глинской пустыни, извъявляя ему свою преданность.

Петропавловский монастырь в историческом отношении имеет важное значение: в нем в сане игумена настоятельствовавший угодник Божий святитель Димитрий Ростовский чудотворец; уединяясь в скиту, принадлежащему этому монастырю, святой игумен в безмолвии составлял там Четьи-Минеи — жития святых; этот скит находится в прекрасной местности, и теперь именуется «скит святителя Димитрия Ростовского».

31 марта 1841 года, в понедельник Святой Пасхи, скончался настоятель Глинской пустыни, приснопамятный старец игумен Филарет. Архимандрит Иоанникий, благоговей к первому своему руководителю на пути иноческой жизни, счел для себя священным долгом участво-

вать молитвенно при погребении своего духовного наставника и, несмотря на весенний разлив воды, отправился в Глинскую пустынь. В одном месте разбушевавшийся поток угрожал опасностью, но Иоанникий, утвержденный верой в молитвенную помощь своего усопшего отца, игумена Филарета, оградив себя крестным знамением, приказал кучеру ехать небоязненно через опасный поток. Переправа совершилась благополучно, и он прибыл в Глинскую пустынь благовременно.

В четверг на светлой неделе 3 апреля при стечении народа архимандрит Иоанникий в сослужении со священноиноками Глинской пустыни, при молитвенном участии всей осиротелой братии совершил погребение тела в Бозе почившего возобновителя Глинской пустыни, своим опытным духовным окормлением воспитавшего в ней многих дивных подвижников, игумена Филарета. Это тот самый игумен Филарет, который в час кончины преподобного Серафима Саровского видел душу его, возносящуюся в небесные селения, о чем пишется в описании его жизни. Окружающие его гроб, по уставу Святой Церкви, в пасхальных победных над смертью песнопениях торжественно прославляли воскресшего из мертвых Христа Спасителя нашего, своим воскресением отверзшего райские селения, куда возносилась душа почившего старца лицезреть непрístupную славу Того, к Которому всю свою земную жизнь она пламенела божественной любовью.

Архимандрит Иоанникий был весьма сострадателен к несчастью всякого человека, но особенно, если таковое несчастье касалось душевного состояния в загробной жизни; в таких случаях он принимал всякие меры для подаяния помощи страждущему. Однажды в Петропавловский монастырь был прислан священник с запрещением священнодействия; случилось, что он скоро скончался без разрешения.

Канцелярская форма донесения о его смерти была исполнена, как требует того порядок, но архимандрит Иоанникий, заботясь о загробной участи умершего священника, очень скорбел, что он состоит под запрещением, и обдумывал, как бы исходатайствовать ему разрешение. Скоро представился к тому удобный случай. При обозрении своей епархии Черниговскому архиерею пришлось быть и в Петропавловском монастыре. Впоследствии так рассказывал об этом старец Илиодор: «Улучив удобное время, я словесно доложил архиерею об умершем священнике под запрещением. Владыка спросил: «Вы донесли об этом консистории»? — «Да, это сделано». — «Вот и хорошо». Через несколько минут я опять повторил то же. Владыка сказал: «Вы, отец архимандрит, мне уже об этом говорили». — «Да, я говорил Вашему преосвященству и опять повторяю». — «Для чего же»? — «Я ожидаю от Вас этому несчастному, связанному Вами, Вашего архипастьерского разрешения: если Вы его не разрешите, то кто его разрешит? Этот несчастный будет связанным всю вечность, а это в загробном мире ужасно». Архиерей задумался и после небольшой па-

узы сказал: «Благодарю вас, отец архимандрит, за столь важное напоминание, а сколько, действительно, бывает таких несчастных случаев нашему невниманию! Ох!» И тут же произнес разрешение умершему священнику».

Архимандрита Иоанникия всю жизнь не оставляло желание проводить жизнь сосредоточенную, чтобы подготовить себя к созерцательной жизни. К этому всецело располагало его и всегдашнее стремление души его. Стремление это не раз порождало в нем намерение оставить настоятельскую должность, чтобы, удалившись от занятий и хлопот, предаться полному и строгому уединению. В этих видах он предполагал поселиться в Брянских лесах, где тогда подвизались некоторые знаменитые подвижники. Но настоятельская должность препятствовала осуществить такое желание. Теперь же он решительно вознамерился удалиться от дел правления монастырем и удалиться на покой, только в избрании места колебался. Глинская пустынь привлекала его, как место первоначальных его воспитательных подвигов. Рыхловский Николаевский монастырь, в котором довольное время он настоятельствоval, привлекал его многими воспоминаниями и особенным расположением к нему всего братства. Но было и третье место, подходящее для таковой жизни; приходило желание остаться на покое в Петропавловском монастыре, где имеется на прекрасном месте недалеко от монастыря скит святителя Димитрия Ростовского.

Летом в 1855 году архимандрит Иоанникий приехал в Рыхловский монастырь; прибытие его для любящей его братии того монастыря было истинным духовным утешением. Они просили и уговаривали его переселиться к ним на покой, обещая во всем упокоить его, как любимого отца. Между тем они отправились в лес осмотреть новую келлию, где пришлось остаться ночевать. После вечерней молитвы архимандрит Иоанникий сидел в комнате, где ему была приготовлена спальня; против него была печка голландская, сделанная так, что верх ее не достигал потолка; погрузившись в размышления, он произнес: «Хорошо ли и полезно ли будет для моей души поселиться здесь?» В этот момент что-то тяжелое вроде громадного чурбана с верху печки с грохотом бросилось к его ногам, произнося грубым голосом и коверкая слова «Хо-ро-шо! Хо-ро-шо!» Архимандрит осенил себя крестным знамением и, зажегши огонь, осмотрел келлию; нигде ничего и никого не оказалось. Утром он рассказал о случившемся пришедшим братьям. Выслушав рассказ, братский духовник сказал ему: «Вот вам, батюшка, уверенность, что вам здесь будет хорошо». Архимандрит ему сказал: «А кто этот уверяющий? Я его не признаю быть от Бога; а диавол, как изобретатель всякой лжи, никогда правды не скажет. Но так как он поспешил и в это дело вмешался с своим советом, то слушать его я не намерен». После сего он возвратился в свой Петропавловский монастырь.

После такового происшествия архимандрит Иоанникий обратился с усердной молитвой ко Господу, да ими же весть судьбами укажет ему место для поселения, согласно святой Его воле. Господь не презрел обратившегося к Нему с верой; ему было показано сновидение, в котором хотя иносказательно, но ясно изображалось различное течение предполагаемой жизни на трех разных преждеупомянутых местах. Здесь как бы предлагалось ему испытание, действительно ли он самоотверженно стремится к духовным подвигам? Сновидение было таково. Он увидел себя стоящим среди поля. Перед ним лежали три дороги: первая на Рыхловский монастырь; она тянулась по зеленой равнине, по сторонам ее цветущая зелень, а местами произрастали хлебные злаки; вся местность была ровная, красивая, очень привлекательная. Вторая дорога на Петропавловский монастырь; эта уже далеко уступала первой. На ней было немало возвышенностей, водопромоины и прочих неудобств. Третья дорога на Глинскую пустынь; эта последняя очень узкая, тянулась по оврагам, изрыта рытвинами, водопромоинами и поросла колючим терновым кустарником. Сон был весьма ясный и внушительный. Проснувшись, архимандрит Иоанникий ощутил уверенность, что сон этот показывает событие будущего. Ясно было, что первая дорога показывала отрадную и, быть может, почетную жизнь. Вторая предвещала состояние между первой и последней; а третья, видимо, знаменовала скорбный путь, но из всех трех ему предлагался добровольный выбор. Рассуждая об избрании показанных дорог, архимандрит Иоанникий остановился на Евангельском изречении: «Яко узкая врата и тесный путь вводишь в живот» (Мф. 7, 14). «Спаситель мой, — говорил он, — прошел земную жизнь путем крестным. Все избранные Его последователи следовали за Ним тем же путем. Я тоже хочу идти вослед Спасителя моего, а посему не должен уклоняться от пути скорбного». Итак, он решил поселиться в Глинской пустыни.

В начале 1845 года архимандрит Иоанникий подал прошение Черниговскому архиерею об увольнении его от должности настоятеля с перемещением на покой в Глинскую пустынь. Дело это затянулось на продолжительное время, вероятно, потому, что Петропавловский монастырь, в котором настоятельствовал архимандрит Иоанникий, был под ведомством Черниговской консистории, а Глинская пустынь, куда он просился на покой, подведомственна Курской консистории. Соблюдение формальной переписки между Святейшим Синодом и двумя епархиальными начальствами потребовало времени, и дело это окончилось лишь 6 сентября того же, 1845 года. Увольнение последовало согласно во всем его прошению, с определением ему половинной пенсии в 52 руб. 85 коп. в год.

С великой радостью архимандрит Иоанникий получил указ об увольнении от настоятельства, которым он освобождался от всех жи-

тейских попечений, связанных неизбежно с настоятельской должностью. Душа его давно жаждала беспрепятственно заняться единым на потребу, и вот пришло это желанное время. Переместившись в Глинскую пустынь и освободившись от хлопот и занятий, сопряженных с должностью настоятеля монастыря, архимандрит Иоанникий всецело стремился посвятить себя добродетелям строгого подвижника, прилагая внимание ко вниманию и постоянно стремясь к тому, что пленяло его душу от юности. Сокровенное его делание было видимо только единому Сердцеведцу. Миролюбие старца сделало его осторожным и внимательным ко всему, что касалось его отношения к другим.

Не раз случалось, что старцу миротворцу приходилось терпеть немало укоризн, упреков и насмешек от тех самых людей, которым он желал душевного мира и спокойствия. Это случалось тогда, когда враждующие бывали старшие из братии, но, тем не менее, люди маловнимательные и своенравные. «Приду бывало, — рассказывал старец, — начну уговаривать их и просить примириться; вот тут-то мне и достанется. Откуда, говорят мне с насмешкой, явился такой миротворец?! Уходи отсюда! Какое тебе до нас дело?» На это старец Иоанникий с кротостью и приветливой улыбкой, кланяясь, говорил: «Простите меня, отцы-святые! Я с желанием добра обращаюсь к вам»; и опять продолжал их просить о том же. Господь, видя труд старца, смягчал ожесточенные сердца, и вражда уступала место миру и любви.

В 1850 г. осенью архимандрит Иоанникий предпринял путешествие в Палестину вместе с другими паломниками, направляющимися туда же.

Обходя Малоазийский берег, корабль их проходил мимо берегов Мирликийских. Капитан корабля (грек) думал миновать Мирликийский берег, чтобы не останавливаться там, так как погода и ветер были благоприятны, а о Мирликии никто не знал из паломников. Только что корабль поравнялся с Мирликией, как вдруг подул сильный ветер с моря и корабль понесло к берегу. Принятые меры к сопротивлению не имели успеха, и корабль загнало в залив. С большим трудом удалось корабль направить снова на путь. Но опять повторилось то же. Капитан, желая поставить на своем, употребил все средства и сделал усиленное сопротивление; но как только выехали в море, то ветер вдруг сделал такой натиск, что едва успели бросить якорь, чтобы не допустить корабль до скалы, грозившей ему совершенной гибелью. Тогда капитан, указывая на берег, в азарте закричал паломникам: «Ступайте к нему (разумея Святителя Николая); это он наделал! Он вас, русских, любит». Сказав эти слова, капитан скрылся в каюте. Паломники не понимали, в чем дело, пока матросы не объяснили им, что здесь находится гроб Христова Святителя Ни-

колая. Высадившись на берег, они поспешили к месту гроба Святителя. Архимандрит Иоанникий, исполненный сугубой радости, изливал благодарные, сердечные чувства к своему покровителю Святителю Николаю за то, что он так чудесно дал ему возможность поклониться месту своего погребения. Придя в церковь и представ гробу Святителя, архимандрит Иоанникий возложил на себя епитрахиль и начал молебен. Певцы из числа паломников запели: «Царю небесный» и прочее, а он благоговейно положил земной поклон. В это время лампада, висевшая на высоте, недостижимой рукой человека, вылилась на него сама собой и потом опять стала в обычное свое положение, нисколько не качаясь. Это чудесное обстоятельство привело всех в удивление; все в один голос говорили: «Милость Святитель изливает на архимандрита». После молебна архимандрит Иоанникий пожелал удостовериться, не задел ли он лампы как-нибудь нечаянно. Он измерил рукой расстояние и не дотянулся до лампы.

Во время пребывания в Иерусалиме, архимандрит Иоанникий часто обходил места, освященные жизнью и страданиями нашего Спасителя. Гроб Господень, Голгофа, Страстный путь, Гефсимания, Елеон и прочие святые места были для него любезнейшими местами поклонения. Здесь со всей полнотой благоговейно любящего сердца изливался его молитвенный дух к Тому, Кто совершил великое дело нашего искупления, Кто пролил Пречистую Свою Кровь ради нашего спасения.

Когда были на благословении у патриарха, блаженнейший Кирилл обратил особенное внимание на архимандрита Иоанникия и вступил с ним в беседу. Между прочим, он спрашивал его, соблюдают ли русские монахи келейное правило. Архимандрит ответил его блаженству, что в российских монастырях не одинаковы постановления. В некоторых монастырях исполняется келейное правило по назначению старцев, а в других предоставляется совершать келейные молитвы по своей воле каждому по возможности. Блаженнейший Кирилл сказал: «Монахи, не держащие келейного правила, мертвые монахи. Правило келейное есть возбудитель душевных сил, отрезвляющий ум для предстояния перед Богом; оно есть первый руководитель к непрестанной молитве и стена, ограждающая монаха от внутренних искушений. Вы, отец архимандрит, по возвращении в Россию и в свою обитель, постарайтесь повлиять на свою братию, чтобы они прилежнее обратили внимание на келейное правило».

На обратном пути из Палестины архимандрит Иоанникий заехал на Святую Афонскую Гору, предполагая там остаться навсегда. Вступив на берег Святого Афона, он поклонился, взял земли и посыпал себе на голову, говоря: «Се покой мой: zde вселюся» (Пс. 131, 14). В короткое время между жителями Афона разнеслась о нем слава. А посему многие стали обращаться к нему за душеполезными советами,

упрашивали его остаться там навсегда, желая верить себя его руководством. Была уже назначена ему и келлия, которую монастырь уступал ему безвозмездно. На это он сначала соглашался, но через несколько времени объявил, что Господу не угодно, чтобы он оставался на Афоне, а противиться воле Божией он не намерен. С великой скорбью проводили его многие Афонские отцы, и он возвратился в Россию в первых числах июля 1851 года. Так архимандрит Иоанникий, совершив свое путешествие с великой для себя душевной пользой, прибыл в Глинскую пустынь, где волей Божией назначено было ему продолжить свой подвиг служения Богу и людям.

Стремясь ревностно к высшему совершенству, архимандрит Иоанникий пожелал обновить перед Господом иноческие обеты пострижением во святой великий ангельский образ — святую схиму. Свидетельствуя о своем совершенном самоотвержении, он в 1857 году через посредство настоятеля с братией ходатайствовал перед епархиальным архиереем о разрешении такового пострига. Преосвященнейший Илиодор, бывший тогда на Курской кафедре, вероятно, рассуждая о важности такового шага и испытывая его решимость, медлил дать разрешение и даже пытался своими советами отклонить его от такового желания. Поэтому в 1858 году пришлось повторить ходатайство. Владыка, убедившись в непреложной решимости архимандрита Иоанникия, благоволил удовлетворить его ходатайство. В том же 1858 году 24 декабря в навечерие праздника Христова Рождества он был облечен во святую схиму с наречением имени Илиодор. Восприемником при постриге он избрал своего духовника иеросхимонаха Амфилохия, который, при многих других иноческих добродетелях, отличался богатством духовного ведения аскетической жизни и глубоким рассуждением.

По принятии святой схимы схиархимандрит Илиодор, усугубляя свой подвиг, пробыл в церкви безвыходно семь дней; по его словам, он сидел при иконе Спасителя, наполняя сердце свое Божественными глаголами, подобно Марии, приседающей у ног Иисусовых; избрав «едино на потребу» (Лк. 10, 39, 42), он безмятежно погружался в созерцательную молитву, пребывая один с единым Иисусом, зря Господа Своего внутри сердца своего. После обновления обетов схиархимандрит Илиодор, отрешаясь от всего тварного, поставил перед мысленными своими очами час своего душевного отрешения от уз плотских и, как человек, которому уже предстоит «единою умереть» (Еф. 9, 27), написал в 1859 году 9 мая завещание следующего содержания:

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь. Я, нижеподписавшийся архимандрит Иоанникий, в схиме Илиодор, жительствующий в Глинской Богородицкой пустыни на покое, по определению Божию находясь ныне в трудном болезненном состоянии и ожидая скорого окончания жизни своей, считаю долгом объяснить следующее: я с

юных лет призванием Божиим вступил в монашество и милосердием Его до сего времени препроводил в оном жизнь мою; но как благоволением милосердного Господа был я настоятелем в других обителях и при увольнении на покой определением Святейшего Правительствующего Синода удостоен ежегодной пенсии, то дабы не было сомнения о моем состоянии, истинно объявляю, что ни капитала, ни вещей каких-либо, ни особой одежды, кроме обыкновенной, которую я изготовил на случай смерти, и в которой ходил, никакой другой у меня нет; книги, у меня бывшие, раздал братии обители сей. Исполняя сим долг мой, смиренно прошу отцов и братии обители этой не забывать меня грешного молитвенным поминовением по моему отшествию, да улучу милость Божию и оправдание души моей. Засим, принося сердечное благодарение за упокоевание меня в этой обители, с чувством сокрушения и осуждения себя, прошу у всех прощения и сам с искренностью и благожеланием прощаю всех во всем, что чем-либо согрешил против меня».

Завещанием своим старец Илиодор как бы заканчивал свое земное поприще, ожидая своего переселения в загробный мир. Вследствие всегдашнего общения с Богом, он возвышался душевной чистотой до той степени, на которой открываются внутреннему зрению тайные деяния и даже помышления человеческого сердца. Здесь в подвижнике проявлялся дар прозорливости, по действию которого он прозревал греховные намерения человека, подпавшего внушению диавола искушителя, устрояющего таковому падение, а посему, желая разрушать козни врага, старец Илиодор спешил благовременно подать ближнему руку помощи. Для примера приведем один искренний рассказ монаха, который со скорбью и слезами раскаяния рассказывал о себе следующее: «Однажды я как-то увлекся нечистыми помыслами; по неопытности в борьбе я не смог отразить их. Нечистые, но соблазнительные картины, рисовавшиеся в моем воображении, совсем отуманили мой ум. По вражескому устроению мне пришлось встретиться с лицами, сочувствующими моему нечистому греховному похотению, и я вознамерился осуществить свой греховный помысл. Когда наступил вечер, я пошел за трапезный корпус, чтобы, обойдя его, через сад мимо теплой церкви пройти в гостиницу, где меня, быть может, ожидало падение. Войдя в сад, я стал подниматься вверх по тропинке к теплой церкви. Здесь я заметил, хотя и темно было, человека, идущего мне навстречу. Не желая быть замеченным, я уклонился в сторону направо и спрятался за деревом, осторожно наблюдая за проходящим. Вижу, что он остановился против меня и стал звать к себе: «Чад, поди ко мне! Поди ко мне, чад!» Я узнал голос старца Илиодора, но помолчал, полагая, что, быть может, он и не меня зовет. Наконец, он назвал меня по имени. Тогда скрываться было уже нельзя. Я подошел к нему и поклонился, чтобы принять благословение. Но

он, взяв крепко меня за руку, стал спрашивать меня: «Куда ты, чадо, идешь, а? Скажи мне, чадо, куда ты идешь?» На мой ответ, что иду по делу, он сказал: «Чадо, скажи мне правду, я не начальник твой, меня нечего бояться. Ты говоришь «по делу», а дело-то ведь недоброе. Посмотри, вон кто понуждает тебя идти по этому делу, чтобы затем взять душу твою!» При этом он указал вниз к трапезному корпусу. Я взглянул туда, и моим глазам представилось странное зрелище: около каменного быка, поддерживающего корпус, я увидел диавола в безобразнейшем виде: черный, очи огненные, зубы выдающиеся изо рта, внутренности снаружи и несколько прикрыты длинной бородой; весь он был в пламени. При виде такого гнусного страшлища, я затрепетал от ужаса; кровь как бы застыла во всех моих жилах, я не мог двинуться с места, не мог проговорить ни одного слова и стоял, как окаменелый. Помню только, что старец, держа меня за руку, повел с собой, говоря: «Пойдем, чадо! Пойдем ко мне!» Приведши в свою келлию, он посадил меня на стул, где я стал уже приходить в себя. Чтобы ободрить меня, он приказал мне ставить самовар и, сидя уже за чаем, убеждал и укреплял меня, чтобы я был на будущее время осторожнее, и продержал в своей келлии до утреннего благовеста».

В своем смиренномудрии старец Илиодор доходил до такой степени самоуничужения, что считал себя ниже всякой твари. Ревниво охраняя свое смиренномудрие, он во всю свою жизнь не позволил снять с себя портрет. Место, где старец схиархимандрит Илиодор начал постройку пустынной келлии, находится в трех верстах на восток от монастыря. Оно тогда было окружено с трех сторон чащей деревьев строевого леса различных местных пород. Здесь же, у подошвы небольшой возвышенности, протекает река Обеста, которая устремляет свое течение с востока на запад, извиваясь зигзагами между порослей.

В конце лета 1863 года была окончена постройка пустынной келлии. Старец Илиодор, помолившись Божией Матери, приняв благословение от настоятеля, отправился в свою пустыньку, взяв с собой одного своего келейника, послушника Викентия. Просился к нему и другой рясофорный послушник М.Ж., но ему старец Илиодор отказал, говоря: «Ты, чадо, там жить не будешь»; тогда послушник этот обратился к посредству известного подвижника старца иеросхимонаха Макария, который упросил старца Илиодора взять его с собой как бы на испытание. Действительно, М.Ж. не прожил и двух месяцев в пустынной келлии со старцем, не вынес пустынного уединения и суровой жизни и возвратился в монастырь, оправдывая сказанное старцем: «Ты, чадо, жить там не будешь».

С переселением в пустынную келлию, старец Илиодор усугубил свои подвиги, и образ его жизни сделался суровее: молитва, воздер-

жание и удрочение своего тела были непрерывными его подвигами. Относительно молитвословий церковных он держался обыкновенно следующего порядка: с вечера вместе с келейником он читал девятый час и вечерню; часов в 8 или в 9 вечера читал повечерие, канон Божией Матери и молитвы на сон грядущим.

Ночью он будил келейника или еще кого из братии, нередко бывавшей у него, на утреню, а иногда вычитывал ее один, не желая утруждать других. Часов в 10 утра читались утренние молитвы, часы третий и шестой и обедница. Между всеми этими молитвословиями он исполнял и свое продолжительное келейное правило. Из каких молитвословий оно состояло, то осталось тайной...

В отношении пищи старец Илиодор держался строго скитского устава. В продолжение всех постов он ел без постного масла. В понедельник, среду и пяток — тоже. В разрешающие же дни он следовал церковному уставу, но не ради услаждения вкуса, а именно только ради того, чтобы последовать разрешению, предписанному Святой Церковью. Никаких отступлений от принятых правил он не допускал даже и во время тяжких болезней. Обычный порядок питания, какого он держался, был следующий: после обедницы, часов в 11 или 12, он выпивал чашку чая, размачивая ржаные сухарики. Часам к двум — к трем келейник варил картофель или суп с картофелем, приправленный конопляным маслом, если это были дни разрешающие; рыба случалась очень редко. Часов в 6 или в 7 вечера он подкреплялся одной чашкой чая со ржаными сухарями. При этом старец часто укорял себя как бы за невоздержание; он говаривал: «Вот какие мы бедные пустыnnики! Едим три раза в день, а святые отцы как воздерживались! Ох, горе тебе, бедный Илиодор!» Случалось однако, по несколько дней ничего не варили, и тогда келейник ходил обедать в монастырь, а старец удовлетворялся одними сухарями. Что касается пищи молочной и яиц, то этого рода пищу старец употреблял в малом количестве лишь по субботам и воскресным дням, если она бывала, и в двенадцатые праздники, а также в дни, разрешающие эту пищу по церковному уставу — неделю пасхальную, неделю Святой Троицы, Рождественские святки, сплошную и мясляную, в остальное время он, со дня пострижения в святую схиму и до самой смерти, т.е. в продолжение более двадцати лет, не позволял себе употреблять молочной пищи и яиц.

По воскресным дням и в великие праздники он приходил в монастырь и присутствовал в церкви во время всенощного бдения и Божественной литургии. По окончании богослужения он из храма приходил в свою монастырскую келлию, где подкреплял себя чашкой чая, а также пищей от братского трапезного стола, и возвращался обыкновенно в свою пустынную келлию; но нередко оставался и в монастыре на день и более. В таких случаях братия спешили к нему, чтобы

послушать от него назидательных речей и побеседовать с ним для своей душевной пользы.

Старец Илиодор был сам строгий хранитель сердечной чистоты, он к тому направлял и тех, которые обращались к нему для руководства. Посему некоторым молодым послушникам он не советовал читать до известного времени Библии. По поводу такого совета некоторые простейшие из братии, не понимая глубоких мыслей старца, делали свои заключения, что Библию читать грех, потому что ее старец не советует читать. Пишущий эти строки, желая рассеять недоумение простейших братий, в присутствии некоторых из них сказал старцу: «Батюшка! Вот вы некоторым не советуете читать Библию, а они из этого заключают, что Библию грех читать». — «А ты как это понимаешь?» — спросил старец. «Я понимаю, что на это у вас имеются другие причины». — «Да, чадо, так и есть, — сказал старец, — они не понимают, вот и говорят. Можно ли допустить мысль, что эту святую великую книгу грех читать?! Я тебе, чадо, расскажу самую причину, почему я не советую молодым читать Библию, чтобы ты знал, да и другим рассказал. Не советую читать потому, что она им не принесет пользы: они не обучились еще духовной брани и не могут по немощи охранять свое сердце от прилогов, а страсти в них кипят. В Библии же много повествуется о некоторых плотских грехах, которые могут возбуждать воображение к страстным похотным пожеланиям и осквернять сердце, а это для действующего, стремящегося к сердечной чистоте, очень вредно. Вот вместо пользы, которую они могли бы получить от чтения, они получают вред. Видишь, чадо, почему я не советую читать Библию тем, кто не может еще поставить ум свой на страже. Враг наш диавол всяким случаем пользуется, чтобы забросить в наше сердце свои зловредные семена. А посему молодым братьям полезнее читать те книги, которые разоблачают козни врага, разъясняют движение страстей, через которые он действует, и поучают духовной брани. Таковы книги святых отцов подвижников, которые исподволь прошли весь путь подвижничества и передали нам в своих писаниях для нашего назидания».

Монах И. спросил старца Илиодора: «Как поступать при встрече различных обстоятельств, чтобы не погрешить перед Богом»? Старец сказал ему: «Чадо, если ты желаешь, чтобы твои действия были непогрешительны, постарайся, чтобы они всегда были основаны на Священном Писании: на Евангельских истинах, на учении святых апостолов и на изречениях святых отцов подвижников. В этой святой сокровищнице ты найдешь основание на все, что тебе будет нужно, на всякий случай, на всю жизнь. Священное Писание старайся изучать тщательно и понимать правильно, чтобы не толковать его в пользу своих прихотей и от горделивого мнения показывать себя сведущим для применения к другим. Ты старайся все прилагать к себе. Напри-

мер: если предстоит тебе какое предприятие, в котором иногда встретятся недоумения, ты тогда обратись к Священному Писанию и постарайся подыскать основание для предстоящего тебе дела, сообразно святому учению. Если так настроишься поступать, то действия твои будут непогрешительны. При всем сказанном нужно руководиться строгим рассуждением, без которого иногда в наши, по-видимому, добрые предприятия, по хитрости врага, вкрадываются тонкие погрешности. Отцы святые говорят, что рассуждение выше всех добродетелей; следовательно, должно стремиться к приобретению этой добродетели. Приобретается же она не иначе, как постоянным обращением с человеком, имеющим этот дар. Так некто спросил великого старца: «Авва! Как могу я приобрести дар рассуждения?» И получил такой ответ: «Иди и прилепись к такому человеку, имеющему рассуждение, от него и научишься рассуждению».

Изведав ощутительно великую пользу, происходящую от смирения, старец Илиодор всем подвижающимся советовал трудиться неустанно над укоренением в себе этой добродетели, неприступной для врага и охранительной для подвижающегося. Часто он говорил: «Отцы святые советуют для охранения себя от самомнения проходящему путь подвижничества, даже при богатстве рассуждения, покорять свою волю другому искусному, чтобы на себя не надеяться, а на молитвы другого и, смиряя себя, иметь сильное оружие против гордого врага. Если же не найдешь искусного и рассудительного руководителя, то покори себя хотя самому простому, незлобивому, но благоговейному, обращай к нему за благословением на всякое предприятие. Благоговей перед ним и призывай его молитвы в помощь, они для тебя спасительны. Одно то, что ты не будешь на себя надеяться, а на молитвы другого, будет защитой от врага, так как в этом есть смирение. Если же, — говорил он, — не окажется и простого старца благоговейного, тогда поищи благоговейного брата и поступай во всем так, как выше сказано о старце. Такой путь указывает преподобный Нил Сорский; он самый безопасный».

Монах один обратился к старцу с таким вопросом: «Батюшка! Меня страсти беспокоят, а я немощен, не могу противостоять им, что мне делать?» Старец сказал ему: «Чадо, сами собой мы ничего не можем сделать, нужна нам помощь Божия. Древние же подвижники говорят: страсти те же скорби, а о скорбях Господь сказал через пророка Давида: «Призови Мя в день скорби твоея и изму тя и прославиши Мя» (Пс. 49, 15). Видишь, чадо, нужно нам призывать Господа в помощь, а без Него мы не можем ничего сделать. Спаситель нам сказал: «Без Мене не можете творить ничесоже» (Ин. 15, 5). А что Господь не оставляет тех, которые взывают к нему о помощи, то об этом свидетельствует тот же пророк, говоря: «Близ Господь всем призывающим Его, всем призывающим Его в истине» (Пс. 144, 18).

А что страсти нас борют, от сего унывать не должно, это наша брань, против которой мы должны всегда быть готовы. Нужно только усиленно противиться их требованиям. А чтобы успешнее против них действовать, надо повнимательнее рассматривать, которая сильнее в нас действует страсть, против этой одной следует и вооружиться всей крепостью».

Дар прозорливости старец Илиодор скрывал тщательно по своему смирению. Но как свет, если будет сокрыт в темном месте, то и в маленькую скважину показывает свое сияние, так и сей благодатный дар, обитавший в сокровищах чистой его души, в известных случаях для пользы других, являл свое действие, и явления сии так многочисленны, что их все собрать и предать писанию не удобно. Кому из внимательных приходилось бывать у старца, тому часто приходилось слышать ответы или замечания на его сокровенные помыслы, которые знал только один тот, в чьей душе они скрывались. Но если где требовалась необходимость для вразумления ближнего или спасения погибающего, там старец не скрывал благодати, обитающей в нем.

Однажды пришли в пустынную келлию к старцу Илиодору его почитатели, давно ему известные купцы из города Белополья. Благословляя их, старец пристально посмотрел на одного Ф.В.Б. и спрашивает его, какого он вероисповедания? Сей последний, озадаченный таким вопросом, сказал: «Батюшка, разве вы меня первый раз видите? Вам даже известен наш весь род». — «Это-то так действительно, но есть ли на вас крест?» Тогда тот поклонился старцу, сознаваясь, что, по своему небрежению, уже года два не носит нательного креста. Старец сделал ему внушение, указав, что святой крест — это знамение спасения нашего, которое всякий верующий христианин должен иметь на себе всегда неотложно.

«Если считаешь себя достойным, то прикажи этому столбу (он указал на столбик), пусть перейдет на другое место. Если перейдет, тогда признавай себя достойным, а если не послушает, тогда признавай себя грешным». «Я ясно понимал, — говорил этот купец, — что старец говорил о том, что совершается в моей душе».

Сновидения и видения старца Илиодора

Старец Илиодор благоговел перед своим духовным наставником, игуменом Филаретом, зная его горячую любовь к Божией Матери, славы ради Которой он трудился неусыпно над благоустроением во имя Ее святой Глинской обители, где он воспитал многих своих учеников в духе истинного подвижничества. Он знал, каких трудов стоило игумену Филарету установить и утвердить устав строгого чиноположения в этой обители. Игумен Филарет сам трудился над писанием нот обиходного пения, которое теперь пленяет своей сладкозвучной мелодией. Сам старец Илиодор слышал от игумена Филаре-

та, что сей последний говаривал: «Я дал обет Божией Матери установить этот устав в Глинской пустыни для всегдашнего строгого исполнения этого чиноположения моими будущими приемниками. Посему, если кто из них нарушит его, с таковым буду судиться на суде Божи-ем». Такая твердая уверенность сего дивного возобновителя Глинской пустыни, по всей вероятности, утверждалась на благодатных откровениях, которые, к прискорбию, скрыты от нас. Но старец Илиодор, как ученик игумена Филарета и личный свидетель его подвигов и скорбных трудов, знал, каких слез и кровавого пота стоило ему выполнять все то, что он сделал. А посему часто задавался мыслью, какие плоды принесли эти труды его и какое имеют значение в загробном мире таковые его подвиги? На таковое размышление он получил извещение в следующем сновидении. Вот подлинный его рассказ: «Увидел я, — говорил он, — какое-то очень приятное место в виде пространной зеленой поляны, на которой я стоял лицом к Востоку. Предо мной по зеленеющей равнине струился небольшой ручей прозрачной воды, а на противоположной стороне протекающего ручья красовался небольшой, но весьма изящной архитектуры храм. Перешагнув ручей, я направился к этой церкви и, войдя внутрь, увидел здесь игумена Филарета, стоящего на клиросе с своим любимым учеником. Он, пресладким голосом воспевая какую-то церковную песнь, славил Господа. Людей в этой церкви не было видно, но по всей церкви стояли рядами в чудном порядке большие подсвечники, на сих последних ярко горели большие свечи. Ему (Илиодору) сказал какой-то голос: «Все эти горящие светильники зажигал старец игумен Филарет». Старец Илиодор толковал это сновидение так: малая, но красивая церковь, им виденная, — это немногочисленное тогда общество братства Глинской обители, которое под его личным руководством было прекрасно благонастроено в духовной жизни, а горящие светильники знаменуют учеников игумена Филарета, в душах которых он возжигал ревность духа в любви к Богу.

В 1865 году в Глинской пустыни было освящение вновь устроенного трехпрестольного собора. Вначале средний престол освятил сам преосвященный Сергей, епископ Курский (впоследствии митрополит Московский). На следующий день в правом приделе престол освящал архимандрит Ювеналий, бывший тогда благочинным монастырей. Посему ранняя литургия в этот день служилась на среднем, вновь освященном престоле. Старец Илиодор молился на ранней литургии, а так как в то время я ему прислуживал, то по окончании литургии поспешил в его келлию, чтобы приготовить самовар. Старец, придя из церкви, по обычаю благоговейно поклонился перед святыми иконами, снял мантию и сел на свое место. Смотря на старца, я заметил в лице его какое-то изменение. Прозрачная белизна на лице покрывалась чудным румянцем, а взор его был поразительно благоговей-

ным. Видно было, что душа его была преисполнена неземным утешением. По своей тогда юности, я не понимал этого, а только удивлялся, недоумевая, почему старец казался так хорош? После краткого молчания, старец вздохнул от полноты чувств, затем сказал: «Какое великое благоволение Божией Матери к нам грешным!» Затем говорил мне: «Чадо, поди ближе ко мне, я тебе расскажу вот что: сегодня на Божественной литургии один старец видел дивное видение. Когда клиросные певцы вышли среди церкви петь «Тебе поем, Тебе благословим...», в это время с правого клироса показалась, идущая по солее, величественная благолепная жена, чудной несказанной красоты. Одежда на ней была такая дивная, что невозможно объяснить, поверху одежды мантия, застегнутая на груди; а на голове Ее митра, блестящая чудным отражением; на верху митры видна была маленькая возвышенность. «Вот этакая!» — при этих словах старец показал пальцами меру возвышенности не более как в $3/4$ вершка, — «на верху возвышенности был маленький крестик. Она была окружена светом славы». Здесь старец прервал свой рассказ, положил свою руку на стол и склонился на нее челом, в молчании погрузившись в созерцание виденного. Я стоял перед ним в ожидании, желая услышать рассказ еще подробнее. Через малый промежуток времени старец поднял голову. Я осмелился спросить: «Батюшка! Где же видели эту чудную жену?» — «А вот где, чадо, — продолжал он. — Она шла с правого клироса по солее и, дойдя до середины перед царскими вратами, обратилась лицом к востоку, и стала невидима. Это, брат, была сама Царица Небесная. Она, милостивая, явила свое присутствие во вновь освященном храме Святого имени Ее, во свидетельство Своего благоволения к нам, грешным». Сказав это, старец опять склонился на руку челом и предался созерцанию. Видно было, что сердце его было переполнено небесным утешением, а в воображении стояло чудное видение, к созерцанию которого стремилось все душевное существо.

Старец Илиодор таковые события для сокрытия себя передавал как бы слышанные им от другого кого-либо. Но окружающие его хорошо понимали, что этот другой был не кто иной, а он сам. Я, как сейчас, хорошо помню, что в конце литургии я подошел к старцу взять у него ключ от его келлии. Старец стоял один, склонив голову, около него никого не было. Он подал мне ключ машинально и не взглянул на меня, вероятно, потому, что ум его был прикован к виденному. Затем, не говоря ни с кем, он вышел из церкви прямо в свою келлию, где сейчас же рассказал мне это видение и запретил тогда рассказывать другим об этом.

Весьма многое из благодатных откровений, которых удостоивался по милости Божией старец Илиодор, сокрыто от нас, по причине его глубокого смирения. Не всегда он был предрасположен открывать

эти тайны, а только тогда, когда требовала сего польза ближнего, но и в таких случаях он часто рассказ свой относил, как уже было сказано, не к себе, а к постороннему лицу. Но бывали нередко случаи, что старец говорил о своих благодатных откровениях явно и открыто, иногда рассказывал пространно, а иногда в кратких отрывочных выражениях, как видно, по действию внутреннего движения духа. А если беседа умножалась, то в таких случаях наблюдающий мог заметить, что ум его восхищался в созерцание, которое переносило его в духовную область к зрению виденного, а быть может, иного чего, для нас непостижимого. Здесь рассказ его пресекался, и речь обрывалась на половине или даже в самом начале повести. Следовало молчание. В такое время черты лица его показывали действие его внутреннего радостотворного ощущения. Это состояние понятно только для тех, которые по милости Божией сами того удостаиваются. В таких случаях никто из присутствующих его ближних учеников не осмеливался каким-либо вопросом нарушить его внутреннее безмолвие, пока он сам не заговорит; но заговорит уже не о том, на чем остановилась его речь, а о другом предмете. Так, однажды в его пустынной келлии поздно вечером в присутствии трех учеников, в числе которых был и я, старец Илиодор вел беседу о Софрониевских и Глинских подвижниках касательно благодатных откровений. При продолжении беседы речь его начала замедляться; понятно, что ум его как бы переходил или соприкасался к зрению духовных предметов, но он еще владел собой, и когда сказал: «Да, я видел на небесах эти обе пустыни (Софрониеву и Глинскую) в великой славе», то на этих словах речь его пресеклась, он погрузился в созерцание; бестелесный ум восхитился туда, куда по благодати Божией ему было доступно по мере его чистоты. Сидя на своей кочке, он склонился к стенке и наклонил на грудь голову, пребывая как бы в забытии. Мы сидели и смотрели на него в молчании, опасаясь, чтобы движением своим не нарушить его освященного безмолвия. На лице его было видно изменение, являющееся в таких случаях. Старец через несколько времени, вздохнув от полноты чувств, начал говорить: «Простите меня, добрые мои братия, не полезно мне говорить о таких предметах, но любовь моя к вам вынуждает иногда сказать, для возбуждения вашего духа». Затем начал говорить о других предметах. Но из нас ни один не осмелился спросить его о подробностях, как ему было показано это видение. В это время и на близких его, присутствующих, действует какой-то благоговейный страх, связывающий свободное обращение.

Иеромонах Иосия передавал следующий рассказ. «По пострижении в мантию, я находился положенное время безвыходно в храме. Однажды ночью я вышел из церкви и увидел, что в окне келлии старца схиархимандрита Илиодора светился огонь. Он был в то время болен. Войдя к нему, я увидел его лежащим на койке с воздетыми ру-

ками, очевидно, он молился и, не обращая никуда внимания, он спросил: «Это ты, чадо?», называя меня по имени. Подойдя к нему, я поклонился, а он, благословляя меня, сказал: «Ах, чадо! Сейчас видел я умершего духовника, он задержан на мытарстве за то, что доносил настоятелю грехи братские, открываемые на исповеди».

Вероятно, сей духовник по причине малодушия не мог устоять перед вопросами любопытного настоятеля, за то и подвергся таковому несчастью. Святитель Димитрий Ростовский говорит о тайне исповеди: «Та тайна Божия запечатлена есть печатию самого Бога, яже есть Дух Святый, и никто же должен отрешити тоя печати и во явление людям открыти... Аще бы кий властелин или суд гражданский повелел, и нудма принуждал иерея, да скажет, каковый грех духовного своего сына, и аще бы прещением и муками и смертию претил, и убеждал ко изъявлению греха чьего, то иерей должен есть умерети, паче и мученическим венцем венчаться, неже печать исповеди отрешити, и тайну Божию в явление предати, изъявляя грехи духовного сына своего... (за что) вечною от Бога смертию казнену быти за изъявление.» (Святитель Димитрий Ростовский. Часть 1. С. 144).

В 1865 году проездом из Киева в Воронежскую епархию преосвященный Серафим, посетив Глинскую пустынь, пожелал побывать в пустынной келлии старца Илиодора.

Преосвященный Варлаам в шестидесятых годах проездом на Черниговскую епархию тоже был в Глинской пустыни и посетил старца в пустынной келлии, а в 1875 году посетил его преосвященный Нафанаил, епископ Черниговский.

Переселение из пустынной келлии в монастырь

Осенью 1874 года монах Геласий, прожив у старца в пустынной келлии несколько дней, собрался идти в монастырь, но старец, удерживая его, сказал: «Побудь, чадо, еще здесь немного со мною, я чувствую, что более здесь не буду жить». После этого, дня через три, он сильно заболел, вследствие сего его перевезли в монастырь. Более он не возвращался в свою любимую пустыню.

Последнее время старец почти постоянно лежал и поднимался лишь с большим трудом и более с помощью других. Видимо, он талял, как воск догорающей свечи, и жизнь его готова была скоро закатиться.

Старец Илиодор последний год жизни почти постоянно лежал от истощения сил. Часто он лежал на спине вверх лицом, в таком виде делал наставления слабеющим голосом и давал ответы вопрошавшим.

25 июня, в понедельник, старец Илиодор еще раз причастился Святых Тайн и мирно ожидал своего исхода. Он уже переставал от ослабления организма владеть языком, ему было тяжело говорить, но

память у него сохранилась светлая. Если что надо было показать, он указывал это движением руки. По принятии Святых Тайн, он дал знак, чтобы ему поднесли крест с распятием, перед которым он молился многие годы. Осенив себя крестным знамением, он приложился ко кресту и велел поставить на место. Все время старец был спокоен, таковое спокойствие, видимо, происходило от примирения совести, уверяющей в оправдании себя Божественной благодатью. Он ожидал своего исхода не как смертного, а как переселения в иной мир.

26-е старец провел спокойно в молитвенном погружении, а 27-го в среду у старца спросили, не желает ли он принять Таинство Елеосвящения и приобщиться Святых Тайн. С усилиями, едва слышно проговорил он: «Желаю очень». Игумен Иннокентий совершил Таинство Елеосвящения, вслед за тем в последний раз приобщили его Святых Тайн.

Остальное время дня и вечера старец провел весьма спокойно. Уже в полночь находившийся при нем его келейник монах Анфим заметил, что дыхание его начинает замедляться; он позвал Коренского игумена Иоанникия, находившегося в соседней келлии, и монаха Геласия. Эти последние, придя, увидели старца, лежащего благообразно; дыхание его постепенно замедлялось и, видимо, приближался исход его души... Скоро последний тихий вздох возвестил, что земное поприще старца схиархимандрита Илиодора окончилось... Он мирно почил о Господе ровно в час по полуночи, с двадцать седьмого на двадцать восьмое число июня 1879 года, на восемьдесят четвертом году своей многострадальной жизни¹.

Назидательна жизнь старца Илиодора, но не менее назидательно и письменное наследие, оставленное им. Впервые письма о. Илиодора были обнаружены схиархимандритом Иоанном (Масловым) в архиве Оптиной пустыни, находящемся в отделе рукописей РГБ. Здесь хранятся письма схиархимандрита Илиодора к инокиням Троицкого Севского девичьего монастыря.

Каждый христианин, изучая эпистолярное наследие старца Илиодора, может глубоко узнать жизнь и деятельность этого подвижника и почерпнуть многое в назидание своей души.

Изучение подвижнической жизни и эпистолярного наследия Глинского старца схиархимандрита Илиодора раскрывает все величие его души. Покинув мир, в молитвах и подвигах он воспитал себя в духе веры Христовой и жил исключительно самоотверженной любовью ко

¹ Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни (Собранное игуменом Иассоном). М., 1906.

Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Схиархимандрит Илиодор // Глинский патерик. М., 1997. С. 322—355.

Христу Спасителю и ближним. Постоянным подвигом молитвы и неослабного внимания к себе, при помощи благодати Божией он достиг глубокого понимания души человеческой и стал опытным врачом-лечителем духовных недугов, мудрым любвеобильным наставником.

Характерным для духовного руководства старца, как это показывают его письма, было то, что истины веры он не просто раскрывал обращающимся к нему, но и убеждал воплощать эти духовные истины в жизнь. Он умел помочь человеку проникать в дух учения Христова и осуществлять высокие идеи христианства на деле.

Письма о. Илиодора ясно показывают, что Глинский пастырь умел воздействовать на людей не только примером своей высоконравственной жизни, но и даром слова. Его письменные наставления отличаются теми же достоинствами, что и устные беседы: назидательностью, своеобразной выразительностью и силой. Слог этих писем особенный. Читая их, как будто слышишь саму его беседу.

Письма старца Илиодора показывают, с какой любовью и самоотвержением он относился к своим духовным чадам, какое горячее участие проявлял ко всем событиям их жизни: сострадал в скорбях и болезнях, сорадовался в минуты утешений. Он как-то особенно глубоко умел проникнуть в душевное состояние человека, сразу вступить с ним в самое тесное внутреннее духовное общение, при котором все жизненные нужды высказывались с полной искренностью и откровенностью. Отличаясь строгостью к себе, о. Илиодор был снисходителен к немощам человеческим. Он охотно прощал недостатки своим духовным чадам, когда видел их искреннее раскаяние и начатки исправления. Эту черту милосердия доброго пастыря можно видеть во многих его письмах. Старец не только не отвергал согрешающих, но, наоборот, старался поддержать, исправить их и привести ко Христу.

Содержание писем о. Илиодора крайне разнообразно, но все они содержат ответ на один и тот же главный вопрос — вопрос о спасении.

Письма раскрывают всестороннюю пастырскую попечительность старца Илиодора, который умел вовремя помочь бедствующей душе и дать ей правильное направление по пути ко спасению. Поэтому ответы о. Илиодора были истинным руководством в нравственной жизни для получавших их и, несомненно, имели важное значение в деле их духовного возрастания. В тяжелые минуты они являлись духовным утешением и отрадой для скорбных душ. Советы о. Илиодора заключают в себе драгоценные уроки христианской жизни. Они помогают человеку понять и стремиться осуществить в себе самом тот светлый образ христианина, олицетворением которого был Глинский старец.

Все письма дышат удивительной простотой. К ним вполне приложим отзыв епископа Феофана Затворника о письмах Оптинского старца Макария: «Глубокий веет от них дух смирения и навевает его на всякого читающего». В них нашли яркое отражение всё богат-

ство духа, вся сила милосердия и любви, вся пронизательность богоспросвещенного разума старца Илиодора. Большая часть сохранившихся писем старца предназначена для монашествующих, но каждый человек, возжаждавший духовной жизни и вступивший на путь спасения, найдет в них обильный благодатный источник для своего духовного назидания, утешения и руководства в затруднительных и недоуменных случаях. Хотя письма были написаны почти полтора века назад, но и по сей день советы старца Илиодора действительны для тех, кто нуждается в указаниях относительно христианской жизни, кто трудится над восстановлением в себе образа Божия и очищением своего сердца от страстей. Это благодатное действие писем объясняется тем, что они основаны на евангельском и святоотеческом учении, собственном богатом духовном опыте, чуткости и пронизательности смиренного и любящего старца.

Эпистолярное наследие схиархимандрита Илиодора — этого носителя преданий старчества — раскрывает перед читателем законы внутренней духовной жизни человека, указывает ему высшую цель — Царство Небесное — и пути достижения его.

МОНАХ ПЕТР

(† 1898)

Отец Петр Лешенко родился 21 декабря 1820 года от бедных благочестивых поселян с. Дунайца Глуховского уезда Черниговской губернии. Читать Петр выучился у отца. Часослов, Псалтирь и краткий катехизис он выучил в три года. Тихо и мирно жилось ему под любящим надзором кроткой богобоязненной матери. В 1833 году смерть восхитила ее и оставила сироток в великом горе. Отец не мог заменить им матери, некому было испечь, сварить и сшить, не на что было и нанять кого-либо для ухода за малолетними.

Семейство Лешенковых состояло на первой рекрутской очереди, имело семь ревизских душ, на службу должны были взять единственного достигшего совершеннолетия старшего брата Димитрия. Поэтому за него никто не хотел выходить замуж. Только когда младшие братья, каждый от себя, дали подписки идти в службу, нашлась добродетельная девица, пожелавшая быть женой Димитрия, в семействе Лешенковых сироткам заменить мать.

Настала очередь брать кого-либо в солдаты, общество вынуждено было взять Димитрия. Димитрий с горькими слезами и бросился Петру на шею, вспоминал, как он и другие братья дали подписки идти за него на службу. Видя это, не только Петр, а и посторонние плакали. И Петр пошел в солдаты за брата!

По прибытии в полк, полковой командир назначил его в третий эскадрон.

«Я был тих, — писал он впоследствии, — смирен, всем послушен, меня скоро полюбили солдаты. Не прошло и двух недель, приезжает командир полка. После смотра он подходит ко мне и говорит: «Молодец, Лешенко, лучше всех!» При всех дает мне 30 копеек в награ-

ду и, обращаясь к эскадронному, говорит: «Прошу вас, г. ротмистр, сим солдатиком заняться как можно лучше». И вот, взялись меня учить прилежно, я едва мог вынести: товарищей учат раз, меня два; их два — меня непременно три раза в день. Конное учение мне не давалось: на выездженной лошади я все делаю, как следует, но если сяду на дурно выездженную лошадь или на молодую, то езжу хуже всех».

Через год его сделали старшим солдатом карабинером.

В 1839 году в числе лучших солдат его выбрали в образцовый полк.

20 сентября 1841 года Петр Лешенко был произведен в унтер-офицеры.

В 1845 году в Киевском и Подольском военных поселениях формировались кантонистами дивизионы; в числе самых лучших грамотных унтер-офицеров инструкторов туда был назначен и Петр Лешенко взводным.

Взводные обязаны были обучать кантонистов грамоте, смотреть за их нравственностью, опрятностью и прочее. И это дело он выполнял прекрасно, и был горячо любим и уважаем юными питомцами.

Старший вахмистр кантонистского дивизиона, выдержав экзамен на офицера, просил уволить его от исполнения прежней должности. На его место назначили Лешенко, как одного из лучших унтер-офицеров в эскадроне и самого старшего по службе. Другой радовался бы занять высшую должность, а он не желал и лишь временно согласился занять ее, уступая настойчивому требованию начальства. Не уклонялся он от службы, насколько мог, с усердием исполнял свои обязанности. При добром совете бывшего старшего вахмистра, у него все было исправно и благополучно.

В 1853 году, как выслуживший пятнадцатилетний срок службы, Лешенко хотел идти в бессрочный отпуск, но его не уволили. По существовавшему тогда закону, служба считалась с двадцатилетнего возраста. Три года службы ему не считалось, так как он пошел в армию в 16 лет. Но любящим Бога вся поспешествуют во благое, говорит апостол (Рим. 8, 28). Так и Лешенко неувольнение в отпуск послужило на великую пользу. В сентябре кончилось двенадцать лет его унтер-офицерской службы. Он имел право держать экзамен на офицера или на пенсию. Сам он не осмелился ни о чем просить, но начальство распорядилось ему предоставить все права, приобретенные беспорочной службою. Отправляя его на экзамен, дивизионный и эскадронный командиры говорили ему: «Лешенко, держи прямо в подпоручики и не являйся, если захочешь быть офицером». — «Где мне быть офицером, — отвечал старший вахмистр, — я молю Бога, чтобы помог мне сдать экзамен на пенсию». И помог ему Господь. Сдав экзамен, кандидат Лешенко отказался от офицерства и пожелал только пользоваться двумя третями корнетского жалованья. «Не думал и

не ожидал, — писал он, — получить те награды, какие получил». По сдаче экзамена, Петр Игнатьевич продолжал нести свою должность еще четыре года, до упразднения кантонистских дивизионов. Желая побывать в Киеве, он просил назначить его туда для отвода кантонистов. Просьбу его исполнили. В январе 1858 года он исправно сдал кантонистов в Киевский константиновский батальон.

Отставку кандидат Лешенко получил 23 мая 1859 года.

Из Варшавы, где стоял полк, Петр Игнатьевич направился в Киев, причем в пути перегонял или же отставал от идущих. Как прежде, так и теперь Петр Игнатьевич имел при себе маленькие книги: Канонник и Псалтирь. Идя или отдыхая, он каждый день для пользы душевной прочитывал одну или несколько кафизм, какой-либо канон или акафист, и этим отгонял от себя всякую скуку и страх.

Таким образом благополучно достиг он Киева. Там отговел, с усердием помолился Богу, благоговейно внимал чтению и пению. Ходил он в пещеры и по другим святыням и местам, везде присматривался к иноческому житию, все ему очень нравилось. У него уже созрело желание проситься в Лавру, но любовь к братьям побуждала идти на родину.

Недолго Петр был там и опять пошел в Киев, где снова посетил все монастыри, ко всему полезному присматривался, искал себе места и не нашел, а хорошо известная по прежней военной службе Маньковка манила его к себе. И вот он в прежней своей уединенной комнатке. Сначала Петр Игнатьевич рад был посещению прежних своих маньковских друзей. Но посещения участились и не давали ему спокойно молиться Богу, со вниманием читать Священное Писание и другие душеспасительные книги. Поэтому, прожив в старой квартире три месяца, он перешел на другую сторону речки, куда друзьям ходить было неудобно и не по дороге. Новая квартира состояла также из отдельной комнаты.

«Каждый праздник хожу, — писал он, — в храм на все богослужения, пою на клиросе, читаю каноны или что-либо другое. Дома у себя положил прочитывать утренние молитвы, полуночицу, утреню с тремя кафизмами, тремя канонами и первым часом, потом читаю 3-й и 6-й часы с последованием изобразительных, перед вечером 9-й час и вечерню, вечером великое повечерие с канонами и вечерние молитвы». Об этом он писал так: «Но от лености, и в особенности от растления человеческой природы, большой немощи или, может быть, от дьявольского искушения, я не мог сего долго исполнять. Когда читал все это со вниманием, не спеша, то язык мой так бывало притупится и окостенеет, что потом не мог и одного слова выговорить правильно, ум мой до того омрачался, что я переставал понимать читаемое, сердце охладевало, ожесточалось, а в голове делалось кружение». Ревность по Боге не похвальна, когда совершается не по

разуму (Рим. 10, 2). В деле спасения, как преуспевания духовного, особенно необходимы постепенность и руководство. Нет несчастнее и ближе к гибели людей, не имеющих наставника на путь Божий, говорит св. авва Дорофей. А такого наставника Петр Игнатьевич не имел, — он сам себе положил и сам начал сразу большое правило. Но скоро образумился. «Тогда, — продолжал он, — я, окаянный, познал свою немощь и вынужден был оставить сие святое занятие и положил каждый день прочитывать по три кафизмы, с тропарями и молитвами, чтобы за седмицу кончить весь Псалтирь. Остальное время употребляю по желанию: прочитываю какой-либо канон или акафист, Евангелие, Апостол, житие, поучение или другие духовные книги, иногда пишу, больше же в праздности сижу, все думаю, помышляю и в разные страны мыслями летаю: куда пойти, где главу приклонить, к кому прибегнуть и свое желание открыть? Кто бы жизнь мою своим попечением исправил и на путь меня истинного покаяния наставил, чтобы мне богоугодно до смерти пожить и в будущей жизни милость от Христа Бога получить». Господь не попустил обольститься самовольными подвигами, но внушил ему желание искать наставника.

С этими покаянными чувствами 5 июля 1860 года Петр Игнатьевич оставил Маньковку и направился в Киев; оттуда он пришел в Глинскую пустынь, где и пробыл немалое время, присматриваясь к жизни иноков.

В лице великого Глинского старца иеросхимонаха Макария он нашел себе искомого наставника, который советовал ему до поступления в обитель полгода странствовать. В начале июля 1861 года Петр Игнатьевич был снова в Киеве и оттуда опять пришел уже в любимую им Глинскую пустынь. Затем он был в Сергиевой Лавре, Москве, Ярославле, Ростове, Воронеже и в Задонске, в последнем удостоился молиться при открытии мощей святителя Тихона.

В декабре того же 1861 года Петр Игнатьевич снова прибыл в Глинскую пустынь и поступил в число братства. Сначала его назначили в пекарню, а через неделю перевели на братскую кухню, в которой он был 4,5 месяца. Желая испытать ревность и терпение новичка, прежде поступившие послушники смеялись и обижали почтенного служку. Трудно ему было привыкать к незнакомому делу — варке пищи; трудно было жить без всякого утешения, у него тогда не было и самовара, так же как и у сподвижника его по келлии; но вскоре Петра Лешенко перевели в другое помещение рядом с отцом Макарием, под надзором которого брат Петр хотел жить постоянно. Когда, утомленный трудами послушания, Петр приходил в келлию, старец Макарий принимал его к себе на чай. Так прошло несколько времени, но Петру стало совестно часто ходить на чай к старцу. Однажды он не пошел и на зов отказался. Узнав о причине отказа, любвеобильный старец приносит к Петру самовар и говорит ему: «Когда ты не

стал ходить ко мне, то я буду ходить к тебе. Дарю тебе сей самовар и чай, но не зови меня. Я сам скажу». Скажет старец: «Брат Петр, я к тебе чай приду пить», ученик поставит самовар, и тогда чай пили вместе. После кухни Петр был месяц при больном иноке, а с 20 мая 1861 г. считался на клиросном послушании. Пел он басом и благоговейно относился к делу Божию.

1 октября 1864 года по личному благословению преосвященного Сергия, епископа Курского и Белгородского, за ревность к послушанию в поощрение к иноческим трудам, он был пострижен в рясу с поручением старцу иеросхимонаху Анастасию, ученику знаменитого Глинского игумена Филарета, так как о. Макария в живых уже не было. Тогда же или в скором времени отца Петра назначили уставщиком левого клироса. В этой должности он пробыл 30 лет и сумел себя поставить в такое отношение к клиросным, что большинство любило его и слушалось. Тут много значил пример. Он назидает и молча.

Церковный устав о. Петр знал на память, он сам был живым ходячим уставом: на всякий вопрос, касающийся богослужения, мог ответить сразу. Прямой своей обязанностью уставщик считал не допускать опущений и нарушений уставов церковного и Глинского, в исполнении которых был строг. Требуя положенного и правильного чтения и пения, он нередко говаривал: «Церковь украшается чтением и пением». Также о. Петр строго наблюдал за временем снятия и надевания камилавки, за церковным монашеским благочинием, которое показывает выдержанность иноков и повиновение их установлению святых отцов. Все это о. Петр требовал сознательно, а не как косный приверженец одной внешности. Не послушаться его было совестно.

Кто неправильно крестился или кланялся, о. Петр непременно покажет и расскажет: как по уставу и требованию св. отцов следует полагать на себя крестное знамение и делать поклоны. При этом нередко говорил: «За все придется отвечать. Стыдящийся правильно креститься в день судный не будет причислен к Христову стаду». Всякому чтецу и канонарху старец толково объявлял, что и когда они должны исполнять и потому во время богослужения они твердо знали свою обязанность. В чистый понедельник о. Петр всегда сам читал в церкви поучение из церковного устава о поклонах и молитве св. Ефрема Сирина «Господи и Владыко». Поучение других выслушивал с особенным вниманием. Словом, он был добрый монах и в полном смысле уставщик, учитель других уставщиков. Во избежание ошибок, отец Петр никогда и ничего не читал на память и другим не позволял этого делать. Однажды ему сказали: «Отец Петр, вы знаете наизусть, читайте на память». Он ответил: «На память только слепые ходят и спотыкаются». Постоянно во всем аккуратный, вниматель-

ный и бережливый, он терпеть не мог небрежного обращения с церковными книгами.

Кроме необходимого, о. Петр не любил разговаривать в храме, других также учил стоять молча, благоговейно и со страхом Божиим. Впрочем, иногда желая знать что-либо полезное из устава, братия обращались к о. Петру. Он по необходимости должен был отвечать на предложенные вопросы. Дневного Апостола о. Петр несколько раз прочитывал в келлии, углубляясь в смысл священных глаголов. Слушая чтение в храме, обращал внимание клиросных на наиболее трогательные или особенно полезные места. Весьма много скорбел о. Петр, когда в своих собратиях по послушанию видел небрежение. Он хорошо понимал важность пророческого речения: *проклят всяк творяй дело Божие с небрежением* (Иерем. 48, 10).

Спасая себя, о. Петр желал спасти юных братий, неопытных. Это составляло его особую заботу. Когда юные послушники хотели оставить монастырь, он долго увещевал их не уходить из спасительной ограды общежития, если же они уходили, просил их возвратиться. Некоторые сами обращались к отцу Петру, прося его ходатайствовать о принятии их снова в обитель. Любовь и доброта, которыми было исполнено сердце старца к младшим его собратиям в дни их скорби и печали, особенно ярко выражены в его письмах.

Нося в себе покаянное чувство, подвижник всегда был серьезен, по-прежнему любил уединение. Кроме храма и братской трапезы, его редко где можно было видеть. Увещевал прочих жить по Божиему, благоговейной жизнью.

Вся жизнь отца Петра была непрерывным служением Богу. Поистине можно сказать, что он прежде всего другого искал Царствия Божия и правды его. До утрени он не спал; с первым полночным ударом колокола спешил, даже бежал, в храм на утреню, боясь пропустить начало богослужения, которое выстаивал всегда до конца и слушал его с полным вниманием, иногда умилялся до слез. Если сон смыкал отяжелевшие бдением глаза и подвижник просыпал начало утрени, то, встав, немедленно шел в церковь, окаявал себя и пропущенное вычитывал в келлии.

Келейные свои подвиги он совершал втайне: «О себе не могу объявить, чтобы враг не мог похитить». *Но ничтоже есть покровенно, еже не откроется* (Мф. 10, 26). Так стало известно многое из его сокровенной жизни.

Как любитель уединения, отец Петр келлию имел вдали от других жилищ. Это была одна малая низкая комната, с одним окном в юго-восточном столбе (башне) монастырской ограды. Сюда подвижник перешел со своим старцем, отцом Макарием. Последний помещался вверху, ученик его внизу. По ночам Петр громко читал и мешал ночному молитвенному бдению старца.

Тот, скрывая свой подвиг, однажды сказал ему: «Ты не даешь мне спать». — «Простите, батюшка, — отвечал ему Петр, — иначе не могу читать, как громко, а то засыпаю». И отец Макарий более не препятствовал ему читать громко, с целью привыкать к ночному бдению.

По смерти отца Макария отец Петр занял его келлию и жил в ней 33 года, перенося тяжелый для головы и разрушительный для тела сырой и холодный воздух отдельного каменного жилища — отец Петр зимою печку топил раз в одну или в две недели. Бывало, в морозы придет на утреню и трясется; иногда от холода у него опухали руки. Терпя холод, ради понуждения себя бдеть и молиться, другим отец Петр говорил, что он не любит тепла. Для той же цели бодрствования и молитвы, чтобы не вникнуть в напасть, отец Петр, вместо кровати, имел у себя простую скамейку из двух досок, внутренние края которых были неравны и спать на такой скамейке было невозможно. Тюфяка подвижник вовсе не имел, подушка у него была весьма жесткая. Случайно пришедшим в его келлию пришлось подметить, что изнеможенному телу своему старец давал кратковременный отдых на полу, подостлав под себя одну из своих одежд. Зимой отец Петр занимался в келлии одевшись и так, кажется, ложился спать, даже не разуываясь. Однажды приближенному иноку он высказался, что ноги переобувал раз в месяц. Добродетельными покаянными трудами он избегал будущих трудов, невольных и страшных, и таким образом приобретал себе благоволение Божие.

Монахи, жившие внизу того же столба, где жил отец Петр, слышали ночные покаянные рыдания подвижника. На признание одного брата о слезах на молитве, монах А-ъ сказал: «Что твои слезы? Отец Петр каждую ночь рыдал».

Строгий в исполнении аскетических правил, отец Петр всегда довольствовался монастырскою пищею. До обеда старец не вкушал; обедать ходил в трапезу, на ужин из братской кухни приносил одной кашицы (кулешу), съестных припасов у себя не имел и в келлии ничего не приготавливал, чем избавился от многих попечений, неприятностей и скорбей.

Жизнь подвижника была укором для небрежущих о спасении. Такие нередко очень грубо оскорбляли отца Петра; но ради будущих воздаяний и, считая себя, как грешника, достойным и большего оскорбления, старец все терпел молча.

Привыкший к военной службе, к постоянству в порядках жизни, отец Петр и в монастыре строго держался раз навсегда заведенного правила, по которому в известное время исполнял положенное.

Но сколько требовалось внутренней борьбы для этого! Сколько было поводов к обольщению испытать различные удовольствия и утешения, которыми другие пользуются свободно, как заслуженным правом.

Для лучшего уразумения и применения знания к жизни, подвижник читал одну и ту же книгу по два и более раза. Оттого он многое изучил, отлично помнил и не зарывал своего знания в землю, но делился с братьями, которые истинно искали себе пользы.

В декабре 1898 года отцу Петру должно было исполниться 78 лет от роду. Это такой возраст, когда и живущие при благоприятных условиях для здоровья ослабевают силами. Ослабел и отец Петр. Он иногда падал на клиросе, но по-прежнему понуждал себя на подвиги. За две недели до кончины скитянину отцу Андрею он говорил: «Скоро отец Петр, как яблоко...» При этом указал на землю, разумея скорое опущение тела своего в могилу. Прошла страстная седмица — время говения и усиленных подвигов иноков. Отец Петр сильно изнемог. В четверг светлой недели он в последний раз был на повечерии в храме. На другой день его осекоровали, в субботу после ут-рени причастили — больному сделалось легче, он принял постриг в мантию без перемены имени. Во время обетов от умиления плакал. В тот же день ему в келлию принесли Чудотворную икону Рождества Богородицы, на следующий день — чудотворную икону Спасителя. Болящий с особым благоговением приложился к святыням. Последние три дня старца причащали каждый день. За все время болезни подвижник почти не принимал пищи; и почти накануне смерти у него явился было аппетит.

Тогда многое ему предлагали, он отказывался. «Все роскошное предлагаете», — говорил он. «Батюшка, скушайте яйцо», — предлагали ему. «И это роскошь, и за это отвечать придется», — отвечал старец. Попробовал, оставил и сказал: «Человеческий рот — юрод».

— Чем кормить вас, батюшка?

— Кулеш есть? — спросил отец Петр.

— Есть.

— Из котла?

— Да.

— Это я люблю, за это отвечать не буду.

Покушал немного. Прошло несколько часов, ему еще предлагают.

— Надо иметь воздержание, — сказал больной.

В чай ему положили варенья. Подвижник посмотрел на стакан и сказал: «Чадó, помяни, яко восприял еси благая в животе твоём». Стакан остался невыпитым. Все церковные службы старцу вычитывали в келлии. Остальное время отец Петр на память читал псалмы. Это, говорят, было его постоянным упражнением. В церкви, когда не беспокоили расспросами, он постоянно шевелил устами, — очевидно, тайно читал псалмы или молитвы. При вздохе умирающего часто вырывались слова псалмов: «Возлюблю Тя, Господи, крепосте моя!.. Вскую прискорбна еси душа моя? Уповаи на Бога!..» За десять минут до кончины старец еще отвечал ухаживающему за ним иноку и

встречал смерть вполне спокойно. В 8 часов утра 14 апреля 1898 года, во вторник Фоминой недели, сидя в кресле, со священными словами псалмов на устах, без всякой муки, тихо, незаметно отец Петр перешел в вечность¹.

Сохранившиеся письма отца Петра составляют его эпистолярное наследие. В основном, сохранились письма старца к монашествующим, но есть письма, где у отца Петра просят совета о том, какой выбрать путь: идти ли в монастырь (Письма №1). Все письма содержат нравоучительные наставления со ссылками на советы известных глинских старцев.

Несколько писем посвящено монаху другой обители, желавшему подвизаться в Глинской пустыни (Письма № 2–6), другие — глинским инокам. Все письма отвечают на вопрос «Как спастись?» и содержат обильную мудрость духовного опыта.

¹ Глинский подвижник монах Петр // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Апрель. М., 1908. С. 175—199. Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Монах Петр // Глинский патерик. М., 1997. С. 494—507.

Игумен Иассон

Литературное богословское наследие игумена Иассона представляет собой жизнеописания многих Глинских старцев: схииерхимандрита Илиодора (Голованицкого), монаха Феодота (Левченко), монаха Мартирия (Кириченко), схимонаха Евфимия (Левченко), монаха Досифея (Колченкова). Однако о жизни самого отца Иассона сохранились лишь те краткие сведения, которые он сам о себе сообщает в связи с описанием жизни других подвижников.

Отец Иассон родился в торговой слободе Юнаковке Сумского уезда Харьковской губернии. В Глинскую пустынь поступил в 1863 году в юном возрасте. Вначале он проходил общие послушания, например, трудился на уборке сена, где впервые получил духовное наставление от старца Мартирия (Кириченко) о том, как надо избегать празднословия. Был он также и чтецом в храме. Однако вскоре его назначили прислуживать старцу Илиодору, как сам отец Иассон пишет: «Я ему (отцу Илиодору) прислуживал и пользовался его любовью, посему я имел возможность видеть текущие достохвальные его подвиги и дела и слышать из уст его о прошедших». 16 лет (с 1863 и до кончины старца в 1879 году) прожил отец Иассон «при отце Илиодоре в самых близких к нему духовных отношениях и пользовался его доверием».

Старец рассказывал отцу Иассону не только о внешних событиях своей жизни, но приоткрывал и свои духовные состояния. Отец Илиодор по своему глубокому смирению говорил лишь о некоторых благодатных откровениях, которых он удостоивался, но при этом запрещал передавать слышанное другим.

По свидетельству отца Иассона, старец Илиодор был его духовным отцом и восприемником при постриге в монашество. Значит,

отец *Иассон был пострижен еще при жизни отца Илиодора, то есть до 1879 года.*

В предисловии к первому изданию книги об отце Илиодоре отец Иассон пишет: «Имея к нему полное доверие и любовь, я старался напечатлеть в своей памяти все его деяния и все то, что мне довелось не раз слышать от него.

Опасаясь, что с течением времени многое может изгладиться из моей памяти, я еще при жизни старца, не мудрствуя лукаво, начал записывать для себя то, что мне казалось в каком-нибудь отношении замечательным. Таким образом, у меня составилось довольно материала, не подлежащего для меня никакому сомнению». Однако в первое издание вошла только часть материала, собранного отцом Иассоном. Поэтому через 17 лет отец Иассон дополнил книгу как личными сведениями, так и письменными материалами других почитателей старца, и в 1906 году было опубликовано второе, более полное издание книги о старце Илиодоре.

В то время о. Иассон находился уже не в Глинской пустыни, а в Курском Знаменском монастыре, куда его, как ревностного подвижника, перевели для поддержания там духовной жизни. Известно, что в 1892 г. о. Иассон был уже в сане иеромонаха. В 1903 г. он был назначен наместником Курского Знаменского монастыря, а 17 декабря 1904 г. «за отлично-усердную службу Церкви Божией» возведен в сан игумена. В 1906 г. отца Иассона наградили орденом св. Анны 3-ей степени. Но и находясь вне Глинской пустыни, о. Иассон продолжал служить своей любимой обители, в которой начинал иноческие подвиги. Он продолжал собирать материалы о Глинских старцах и составлял их жизнеописания.

Большой материал был собран отцом Иассоном о великом Глинском старце монахе Феодоте (Левченко). Прежде всего, он записал рассказы отца Илиодора о старце Феодоте, а также других учеников и почитателей старца, лично его знавших. В 1893 году жизнеописание отца Феодота, составленное отцом Иассоном, было опубликовано в Курских епархиальных ведомостях, а в 1894 году издано отдельной книгой. В том же 1894 году было опубликовано составленное отцом Иассоном жизнеописание монаха Глинской пустыни Досифея.

В 1906 году отец Иассон написал книгу о монахе Мартирии, который в самом начале иноческого пути отца Иассона учил его молитвенному подвигу. Эта книга была издана лишь в 1910 году. В том же году была издана и написанная игуменом Иассоном книга о схимонахе Евфимии. Отец Иассон знал отца Евфимия последние 3 года его земной жизни и неоднократно внимал наставлениям этого старца о правилах монастырского благоговейного поведения.

В жизнеописаниях Глинских подвижников отец Иассон неоднократно цитирует Священное Писание и святоотеческие творения. Ста-

новится очевидным, что он деятельно изучил Священное Писание и труды святых отцов. Стремясь раскрыть и пояснить читателям всю высоту духовной жизни и подвигов Глинских старцев, он приводит соответствующие изречения преподобных Иоанна Лествичника, Исаака Сирина, Иоанна Кассиана, Антония Великого, Макария Великого, св. Григория Великого, египетского подвижника Херомона, цитирует «Добротолюбие», сравнивает жизнь Глинских подвижников с жизнью древних святых отцов: Иоанна Колова, Арсения Великого, аввы Сисоя, Марка, преподобного Моисея Мурина, блаженного Андрея юродивого, киево-печерских преподобных и многих других. Часто цитирует отец Иассон и святителя Феофана (Говорова), затворника Вышенского.

Книги отца Иассона написаны духовным, назидательным, строгим слогом и свидетельствуют о его ревности в деле спасения.

В какой-то мере характеристикой духовной жизни отца Иассона может служить также отзыв о нем Глинской братии, помещенный во вновь составленном и изданном обителью в 1909 году жизнеописании монаха Феодота. Игумен Иассон назван здесь «почтенным составителем первоначального очерка про отца Феодота». И.М. Концевич пишет, что впоследствии отец Иассон принял схиму с именем Иоанн¹.

¹ Иоанн (Маслов), схииархимандрит. Глинский патерик. М., 1997. С. 537—538

Иеросхимонах Максим

Иеросхимонах Максим (в миру Михаил Кузьмин) родился в 1852 году. Он окончил юнкерское училище, проходил службу, но в 1887 году вышел в отставку в чине капитана и на 38-м году жизни поступил в Глинскую пустынь. Игумен Исаия назначил его на послушание «при письмоводстве», а затем, видя усердие и ревность к жизни иноческой, перевел в библиотеку Спасо-Илиодоровского скита. Здесь Михаил занимался изучением документов архива Глинской пустыни, связанных с жизнью ее выдающихся подвижников. Например, он разыскал в рукописях архива письмо иеромонаха Паисия (впоследствии настоятеля Чуркинской Успенско-Николаевской пустыни) к Глинскому о. Серафиму любомудрому. Это письмо, копию которого Михаил переслал в 1901 году бывшему Глинскому насельнику — игумену Чуркинской пустыни Македонию (Жирову), впоследствии было использовано при составлении жизнеописания о. Паисия и опубликовано в книге «Архимандрит Паисий — настоятель Высокогорской Чуркинской Успенско-Николаевской пустыни Астраханской епархии» (Астрахань, 1904. С. 8). Ив. Ювачев, посетивший Глинскую пустынь в начале XX века, писал об отце Максиме: «Этот офицер-монах занимался составлением небольших назидательных статей, которые Глинская пустынь издает в виде маленьких брошюр». Но главное, по благословению Глинских старцев, Михаил заново переработал существовавшие жизнеописания игумена Филарета и подготовил к переизданию 3-е издание жизнеописания игумена Филарета, которое было опубликовано в 1905 году. По сравнению с прежними, оно значительно дополнено сведениями из дел архива Глинской пустыни, первого рукописного описания Глинской пустыни 1829 года, других печатных и рукописных источников, а так-

же устными рассказами Глинских старцев. Кроме подробного жизнеописания отца Филарета, эта книга содержит ценные сведения о многих подвижниках Глинской пустыни. При издании этого жизнеописания имя автора не было указано. Схиархимандрит Иоанн (Маслов) обнаружил в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки письмо инока Глинской пустыни Михаила Кузьмина к настоятелю Оптиной пустыни архимандриту Ксенофону, в котором о. Михаил сам называет себя автором указанного жизнеописания.

Отец Михаил писал: «Ваше Высокопреподобие, Всечестнейший и Боголюбивейший Батюшка Отец Архимандрит! Благословите!

В житии молдавского старца Паисия Величковского, издания Оптиной пустыни, Глинский игумен Филарет несправедливо показан учеником иеромонаха Василия Кишкина, что подтверждает посылаемое бандеролью «Жизнеописание Глинского возобновителя...» (стр. 10). При следующем издании книги о старце Паисии, благоволите приказать сделать соответствующее исправление.

С почтением и благожеланием, просящий святых молитв Вашего Высокопреподобия, автор посылаемой книги инок Глинской пустыни Михаил Кузьмин. 14 июля 1905 г.».

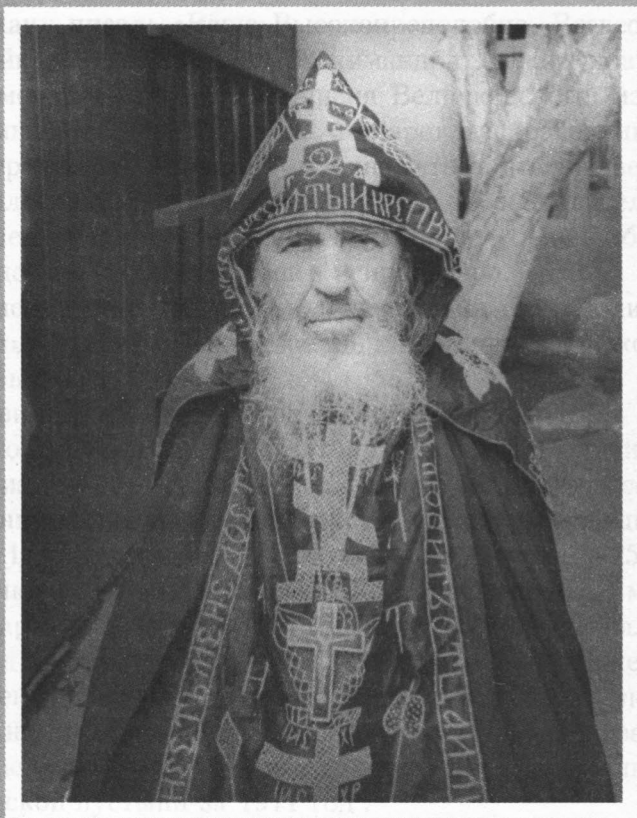
Будучи свидетелем многих чудес, происходивших от Пустынно-Глинской иконы Рождества Пресвятой Богородицы, о. Михаил записал многие из них. Его записи были использованы при составлении очерка явления иконы и описания чудес, от нее происшедших.

24 августа 1906 года он был рукоположен во диакона, а 25 августа — во иерея; 3 июля 1907 года награжден набедренником. В монашество с именем Мартиниан о. Михаил был пострижен 11 февраля 1908 года. Через год по прошению из-за болезни он был пострижен в святую схиму с именем Максим; чредного священнослужения по слабости сил он уже не проходил. Точная дата его кончины неизвестна. Последний раз иеросхимонах Максим упоминается в послужных списках братии Глинской пустыни за 1911 год¹.

Отец Максим более полно, чем в предыдущих изданиях жизнеописания игумена Филарета, раскрыл духовные подвиги, внутренний мир старца. Особое внимание уделено в книге характеристике отца Филарета как возродителя истинного духовного руководства в Глинской пустыни, учредителя старчества, составителя общежительных иноческих уставов.

Книга отца Максима, несомненно, содержит обширный материал о жизни Глинских иноков в период настоятельства Игумена Филарета.

¹ Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Глинский патерик. М., 1997. С. 533–535

Схиархимандрит Андроник († 1974)

Схиархимандрит Андроник (в миру Алексей Андреевич Лукаш), маститый старец, великий молитвенник и смиренный труженик на ниве Христовой, родился 12 февраля 1889 г. в селе Луппа Лохвицкого уезда Полтавской губернии в семье крестьянина Андрея и его жены Акилины. Начальное образование получил в сельской церковно-приходской школе. В 1905 г., желая всецело посвятить свою жизнь Богу, Алексей приехал в Глинскую пустынь и попросил настоятеля схиархимандрита Иоанникия (Гомолко) принять его в обитель. «Строгий, умный отец Иоанникий», проверяя решимость юноши, спросил: «Ты такой молодой, а послушания у нас тяжелые... Как будешь жить?». Но, видя непоколебимое стремление Алексея к иноческой жизни, принял его в состав братства. Сначала Алексей нес послушание в монастырской гостинице, принимая гостей, затем — на мойке белья, на кухне, в саду, на пасеке и, наконец, в скиту. Первым его старцем был о. Аристоклий (Ветер). В 1913 г. о. Аристоклий перешел в Омский Покровский монастырь, а Алексея поручили строгому аскету и опытному подвижнику о. Иулиану (Гаргаринову), который научил его следить за душевными страстями, не действовать по их внушению, а призывая Божию помощь, противоборствовать им. С детства кроткий и смиренный, Алексей полностью предал себя в волю старцев. Такая настроенность привлекала к нему благоволение и милость Божию, помогала возрастать в богоугодной жизни и идти спасительным путем духовного обновления. Тем, кто усердно занимается внутренним подвигом, посылаются и сугубые скорби. Так и жизненный путь старца был преисполнен различных скорбей.

В 1915 г. Алексея призвали в армию. Сначала он служил в Перми, но вскоре был переведен на фронт, где попал в плен к австрийцам и пробыл с Австрией три с половиной года. Пленных почти не кормили, работу давали самую трудную. Многие пленные умерли. Но Алексей усиленно молился и принимал все скорби как от руки Божией. От такого внутреннего устройства в душе его постоянно сохранялся мир. Он стяжал живую веру и получал благодатные утешения. О страданиях тех лет старец с присущей ему кротостью говорил: «Мы землю копали, все равно ведь нужно трудиться. И чудеса Божии сопутствовали нам». Конвоиры, видя, как старательно он работает, предлагали ему табак (нередко пленные меняли хлеб на табак), но Алексей не брал. Они удивлялись и говорили: «И не курит, и трудится». После окончания войны в 1918 г. он вернулся в обитель, где сначала проходил послушание на монастырской мельнице, а затем был определен на должность эконома. 11 июня 1920 г. был пострижен в рясофор, а в 1921 г. — принял монашеский постриг с именем Андроник. День пострига навсегда остался в его памяти. Позднее он писал и говорил своим духовным детям: «Помните великий день вашего пострига, помните обеты при постриге, данные вами... быть истинными монахами — веки не согрешите». Годы, проведенные в обители, оставили в молодом иноке неизгладимый след и способствовали его духовному совершенствованию. И впоследствии, где бы он ни был, он всегда был тверд в исполнении своих монашеских обетов.

Отец Андроник глубоко переживал закрытие Глинской пустыни и говорил, что это было «событие страшное». Своей строгой иноческой жизнью и беспрекословным послушанием монах Андроник обратил на себя внимание епископа Павлина (Крошечкина), Курского викария, который взял его к себе в келейники и в 1922 г. рукоположил во иеродиакона. Старец рассказывал: «Однажды в храме подошла ко мне какая-то женщина и со слезами говорила, что все церкви закрыты, колокола перестали звонить, а я сказал: «Бог даст и зазвонят», за эти слова сослали меня на Колыму в 1923 г. на 5 лет. В ссылке о. Андроник служил санитаром в тюремной больнице. Он ухаживал за больными с искренними состраданием и любовью, сам мыл их. Все его любили, а сосланные узбеки даже звали «мамой». Однажды в больницу привезли умершего епископа Иринарха (Синькова). Отец Андроник обмыл его и упросил врача, чтобы тот отдал для погребения епископа большой гроб, который несколько лет стоял в больнице, потом «застелил гроб белой простыней, из полотенца сделал омофор, надел на епископа свою шапку и в руки дал четки. Отец Андроник написал епископу Павлину, что Господь сподобил его похоронить епископа Иринарха. В 1936 г. он был награжден за это золотым наперсным крестом Патриаршим местоблюстителем блаженнейшим митрополитом Сергием. По амнистии о. Андроник вернулся из ссыл-

ки раньше срока и по-прежнему был келейником у епископа Павлина, который в 1926 г. в Московском храме Воскресения в Сокольниках (к этому времени преосвященный Павлин был назначен епископом Можайским, викарием Московской епархии) рукоположил его в сан иеромонаха. Через год, когда о. Андроник сильно заболел, он был пострижен в схиму с оставлением имени Андроник (в честь преподобного Андроника, память 26 (13) июня).

В 1939 году о. Андроник во второй раз был осужден и сослан на Колыму. Сначала его одиннадцать месяцев держали в тюрьме, где каждую ночь вызывали на допросы и принуждали оклеветать епископа Павлина, но старец молчал. Ему угрожали, мучили: «Поставят к стене и начинают стрелять, но мимо, запугивают...». Следовательно кричал на о. Андроника: «Я тебя убью», а однажды сорвал со старца крест и бросил в печь. Отец Андроник сказал: «Что ты делаешь? Меня крестили, мне дала мать крестик, а ты срываешь». Но на допросах его не били и бранными словами в его присутствии не ругались. Только один раз во время допроса вошел в комнату «какой-то верзила и сказал следователю: «Сколько ты будешь возиться с этим стариком?» и ударил о. Андроника так, что тот потерял сознание. «Очнулся уже в тюремной больнице и на вопросы, что с ним случилось, отвечал, что шел на допрос, упал, да о камень ударился». Как-то привели старца в большую комнату, в которой была раскаленная печь, и сказали: «Ну, Лукаш, садись на печку». Отец Андроник спросил: «Как, разуваться? Босым лезть?» Тогда его удержали: «Пока подожди». Во время другого допроса раздели до нижнего белья.

Действительно, ни одного решения не принимал старец без усердной молитвы. За своих духовных детей молился он непрестанно, как сам писал: «Сколько есть моих сил, всегда днем и ночью я вас поминаю в своих прежних молитвах». Мудрый духовный наставник, о. Андроник имел дар от Бога безошибочно видеть внутреннее состояние человека. Вся сила духовного руководства старца сводилась к тому, чтобы указать каждой душе путь спасения через веру во Христа Спасителя. Спасая других, он и сам восходил на вершину богообщения, и слушающих его возводил за собой.

Советы старца всегда были основаны на учении святых отцов. В сохранившихся записях о. Андроника собраны наставления из «Отечника», «Луга духовного», других святоотеческих творений, а также глубокие по своему содержанию собственные изречения старца, которые он сам переписывал и раздавал своим ученикам.

5 мая 1955 г. по благословению Святейшего Патриарха Алексия I о. Андроник был возведен епископом Евстратием в сан схиигумена. Велик был духовный авторитет старца. Не только братия, но и сам настоятель обители архимандрит Серафим исповедовались у него. С глубоким почтением и уважением относился к нему епископ Евстра-

тий (Подольский), который писал о. Андронику: «Вот уже шестой год я знаю Вас в ответственной и многотрудной должности (благочинного), которую Вы исполняете с большой ревностью и такой же большой пользой для монастыря... Вы пользуетесь заслуженной любовью как насельников обители, так и многочисленных богомольцев ее... и моим архипастырским расположением». В прошениях обители к архиерею самыми убедительными для него были слова: «Сам схиигумен Андроник лично просит Вас». В 1960 г. Святейший Патриарх Алексий I наградил о. Андроника палицей.

После закрытия обители в 1961 г. о. Андроник переселился в Тбилиси под непосредственное попечение бывшего начальника Глинской пустыни митрополита Тетрицкаройского Зиновия (Мажуги), который очень любил и почитал старца. В Грузии о. Андроник продолжил свое старческое служение. Он совершал богослужения и исповедовал в храме святого Александра Невского — кафедральном храме владыки Зиновия. Сюда, как раньше в Глинскую пустынь, со всех концов страны устремились к нему ищущие спасения. Поистине, старец был вождь духовный. Вся его жизнь была направлена к одной цели — спасению своей души и душ ближних. Своим благодатным словом он врачевал язвы страждущих, утешал любовью и участием, разделял скорбь и горе, давал отраду и духовную поддержку. По его молитвам врачевались не только духовные раны, но и болезни телесные. Его пастырство побуждало иерархов Грузинской Православной Церкви ревностнее относиться к своему служению, поскольку у них в храмах было не много богомольцев, а церковь, где исповедовал о. Андроник, всегда была переполнена, благодаря молитвенному подвигу старца. В 1963 г. по благословению Святейшего Патриарха Алексия I митрополит Зиновий возвел о. Андроника в сан архимандрита.

Тесна была духовная связь о. Андроника со всеми Глинскими иноками, которые часто писали ему, приезжали. «Сердце горело, когда ехали к старцу», — вспоминали они. Письма о. Андроника к его духовным детям — инокам Глинской пустыни, составляющие часть его духовного наследия, проникнуты необыкновенно искренней, трогательной любовью, истинно отцовской заботой и даже лаской. В то же время они содержат и строгие, мудрые, высокодуховные наставления. Приведем лишь несколько отрывков из его писем: «Духовный и возлюбленный мой родной сыночек отец И. Не скорби... Господь — сердцеведец, призови Его крепкой сердечной верой, и Он, Всеблагий, всегда тебе поможет. А больше всего всегда старайся и дела, и жизнь свою предавать всецело святой воле Божией. Буду молиться за тебя, родной, но ты и сам приложи свой посильный труд к этому делу». «Мужайтесь, и да крепится сердце ваше среди докучливых и иногда устрашающих искушений. Добро всегда иметь Господа пред собою и в Его присутствии находиться в непрестанной молитве... Господи, по-

сылаешь ми скорби, прошу: пошли и терпение. Господи помилуй, Господи помилуй, Господи прости, помоги мне, Господи, Крест Твой понести».

«Радуйся во искушениях, которые будут допущены тебе, при посредстве их приобретается духовный плод». «Молися почаще и говори: «Не яко аз хочу, а яко Ты, Отче». Матерь Божию нужно просить, Она никогда не оставит». Только нужно крепко веровать». К Матери Божией имел о. Андроник величайшее благоговение и любовь: «Поручитесь Матери Божией — Она вас всегда и везде спасет!».

Очень часто старец повторял: «У человека невозможно, у Бога все возможно...», — «Нужно думать и помнить каждую минуту о смерти. Как ложишься спать, думай: «Легли многие и не встали; заснул — и на вечность».

К старцу обращались многие священнослужители для разрешения вопросов, которые у них возникали в их пастырской деятельности. Вот дословные ответы старца на некоторые из таких вопросов: «Те, кто причащаются каждый день, — эти люди в прелести. Это не нужно, это от лукавого. Причащаться надо только один раз в месяц. Нужно подготовиться к Причастию, отсекай своеволие, чтобы Причастие было во спасение, а не во осуждение. Каждый день причащаться может схимник, монах больной, седмичный священник... Священникам надо почаще каяться. Людей исповедуем часто, а сами не каемся. Хорошо каждый день исповедоваться, что есть на совести...

Если в храме есть ковры, на которых изображены кресты, то такие ковры надо убрать... на кресте был Господь распят, а мы ходим, топчем. Однажды в Глинскую пустынь прислали дорогой ковер, а на нем большой крест, но сразу заметили и убрали...

Некоторые священники, когда нет вина, совершают литургию на соках. Это грех. Это недопустимо.

Во время литургии на жертвеннике и на престоле нужно, чтобы обязательно горели свечи, если не горят, то смертно согрешает иерей».

Достигнув преклонного возраста, схиархимандрит Андроник почувствовал, что приближается переход его в иной мир, к чему он готовился всю свою жизнь бдением, пощением и молитвой. В ноябре 1973 г. во время чтения утренней молитвы «Боже, очисти мя, грешного...» он стал говорить невнятно и сбивчиво, вскоре у него пропала речь, и отнялась левая сторона тела. Многие полагали, что ему осталось жить несколько часов, но Божиим Промышлением он еще должен был пожить на пользу своих духовных чад. Через двадцать пять дней речь его восстановилась, но паралич левой стороны продолжался до самой кончины.

Не имея возможности по болезни посещать богослужения, он переносил болезнь без ропота и непрестанно молился дома, ежедневно

причащаясь Святых Христовых Тайн. На первой седмице Великого поста о. Андроник почувствовал облегчение и даже мог петь ирмос «Помощник и Покровитель...». И никто теперь уже не думал, что это была последняя его песнь. На третьей седмице его здоровье ухудшилось, и он перестал принимать пищу. 17 марта, в воскресенье, в половине шестого утра, он был в забытии. Это состояние продолжалось до 10 часов вечера, когда он внятно произнес слова: «Милость Божия все покроет», а затем начал кого-то благословлять. По-видимому, за строгую подвижническую жизнь Господь сподобил его узреть отшедших своих собратий по духу. После этого он пришел в сознание, тихо сказал: «Я буду умирать», закрыл глаза и уже ни с кем не говорил, хотя все понимал и оставался в полном сознании. Силы старца слабели, и 21 марта, в четверг, в начале шестого часа утра он в мирной и безболезненной кончине предал дух свой Богу¹.

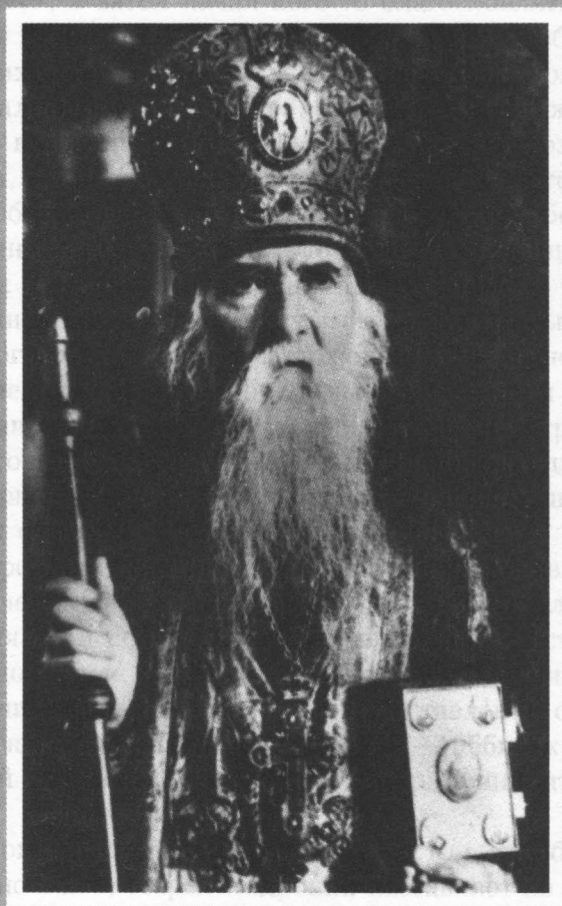
До наших дней сохранилось около 80 писем старца Андроника. Многие из них адресованы схиархимандриту Иоанну (Маслову). К старцу Андронику обращались с самыми разнообразными вопросами люди различного общественного положения и различного духовного развития. Старец всем давал необходимые ответы и при этом неизменно старался направить внимание вопрошающих к устройению своего спасения и духовной жизни. Большая часть писем предназначена для монашествующих, но в них найдут ответы все нуждающиеся в указаниях и советах относительно христианской жизни.

Письма Андроника дают полную и ясную картину внутренней духовной жизни человека. Они раскрывают перед читателем закон этой жизни, условия, при соблюдении которых каждый, стремящийся к спасению, сподобляется вечного блаженства в общении с Богом.

Отец Андроник оставил также труд: «Наставления старца Андроника инокам ученикам», написанный в 1950—1966г. (хранится в Архиве Глинской пустыни, собранном схиархимандритом Иоанном (Масловым)).

После краткого вступления, где сказано о том, что без страха Божия невозможно жить, старец Андроник наставляет во всех случаях, обстоятельствах и отношениях поступать так, как прилично христианину и как учит Слово Божие. Свои наставления старец чередует с выдержками из творений святых отцов.

¹ Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Глинский патерик. М., 1997. С. 663—674.

Схиархимандрит Серафим († 1976)

Великий Глинский старец схиархимандрит Серафим (в миру Иван Романович Романцов) родился 28 июня 1885 г. в деревне Воронок Крупецкой волости Курской губернии в семье крестьянина. О жизни его сохранилось совсем немного сведений, так как «старец о себе ничего не говорил по своей скромности». Окончил церковно-приходскую школу. В августе 1910 г., после смерти родителей, Иван поступил в Глинскую пустынь. Сначала он был определен на послушание при хлебне, а через год — при бондарне. В 1914 г. он был взят в армию и участвовал в первой мировой войне, в 1916 г. был ранен и после выздоровления возвратился в обитель. В 1919 г. Иван Романцов принял монашеский постриг с именем Ювеналий. Постригал его настоятель архимандрит Нектарий. Для молодого инокa начались годы высшей школы, годы постижения духовной науки из наук — монашеской жизни. Старцем его, как и у о. Андроника (Лукаша), стал иеромонах Аристоклий (Ветер), научивший его чистосердечному ежедневному исповеданию помыслов и внимательности ко всем движениям сердца. Впоследствии о. Серафим считал это внутреннее делание очень важным для духовного возрастания и спасения души.

Благодать Божия дала ему полнее вкусить сладость духовной жизни и тем пресекла вкус ко всему земному. Под руководством мудрых Глинских старцев он терпеливо переносил искушения, приобрел навык полного послушания и смирения. Кроме стяжания этих добродетелей, юный подвижник с усердием предался подвигу молитвы; любовь к молитве настолько пленила его сердце, что он не расставался с ней всю свою жизнь. «Горячая молитва, — говорил он не раз впо-

ледствии, — ограждала меня во всех трудных обстоятельствах моей жизни». В 1920 г. монах Ювеналий был рукоположен во иеродиакона епископом Рыльским Павлином.

После закрытия Глинской пустыни о. Ювеналий поселился в Драндском Успенском монастыре (Сухумская епархия), где в 1926 г. епископом Никоном был рукоположен во иеромонаха и пострижен в схиму с именем Серафим.

В 1928 г. был закрыт и Драндский монастырь. До 1930 г. о. Серафим жил в окрестностях Алма-Аты и работал сторожем на пасеке. В 1930 г. он был арестован и выслан на строительство Беломорканала.

С 1934 по 1946 г. о. Серафим жил в Киргизии — сначала в Токтогуле, затем в Таш-Кумыре. Летом он уходил высоко в горы, где к большому камню была пристроена плетеная хижина, внутри нее было лишь плетеное сиденье из лозы и каменный выступ вместо стола. Внизу из-под камня бил родник, а еду ему приносили из ближайшего селения. Жизнь отца Серафима была поистине аскетической, отшельнической. Он весь предался уединению, чтению Божественного Писания, молитве и богомыслию, спал мало, прямо на полу. Под воскресение и праздники совершал всенощное бдение, стоя на молитве с вечера до утра, и весь день потом не давал себе отдыха. Так приносил он искреннее покаяние Богу. Зимой о. Серафим жил в одной благочестивой семье, много ему помогавшей. За курятником, скрытно от всех, была сделана келлия, в которой были лишь печка, кровать и стол. Возрастая духовно, о. Серафим не оставлял и других без духовного окормления. По ночам совершал он богослужения, исповедовал и причащал, проповедовал, давал душеспасительные наставления и всех приходивших к нему обращал на путь спасения.

В 1946—1947 гг. о. Серафим жил в Ташкенте, где был духовником при кафедральном соборе.

30 декабря 1947 г. он вернулся в Глинскую пустынь, а в 1948 г., видя духовную опытность и совершенство его монашеского подвига, архимандрит Серафим (Амелин) назначил иеросхимонаха Серафима на должность духовника.

С самых первых дней пребывания своего в обители о. Серафим всецело посвятил свою жизнь делу духовного окормления братии и богомольцев, все обращавшиеся к нему видели к нем духовного руководителя и наставника на пути ко спасению.

Это был духовник опытнейший, знаток сокровенных движений человеческого сердца, обладатель духовных сокровищ, которые он приобрел долгим многотрудным подвигом. Особым духовным даром старца было умение принимать исповедь, вызывать людей на полную откровенность. Наделенный духовным рассуждением, о. Серафим всякому приходящему к нему давал наставления. С особой отеческой любовью принимал он тех, кого терзали горести, печали, уныние, кто

не знал, каким путем идти в жизни. Принимал и тех, кто был обуреваем сомнениями и жил вне спасительной ограды Православной Церкви. В то тяжелое послевоенное время столько горя было в каждой душе! Многие потеряли родных, близких, лишились домашнего очага; надо было поддержать и укрепить их веру. Отец Серафим выслушивал все скорби и тотчас залечивал раны душевные, давал нужные советы. Утешение, успокоение и отраду вливали в души скорбящих наставления и молитвы любвеобильного старца. Его беседы, преисполненные истинного смирения, согревали охладевшие сердца людей, открывали им душевные очи, просвещали разум, приводили к раскаянию, душевному миру и духовному возрождению.

Отец Серафим умел дать почувствовать, что земная жизнь — это лишь подвиг временного странствования на пути к вечной жизни; он призывал людей к жизни христианской, совершенной, возвышенной. Все его наставления имели своей целью святость в смысле отрешенности от всего мирского, земного, льстящего греховному человеческому разуму. Каждого призывал он стяжать в душе дары Духа Святого. К нему могут быть приложимы слова Христа Спасителя: *«Иже сотворит и научит, сей велий наречется в Царствии Небесном»* (Мф. 5, 19).

Пастырство о. Серафима было многогранно. К нему обращались люди с самыми разными судьбами и характерами, устремлявшиеся в Глинскую пустынь со всех концов страны. Он вникал во все тайники их сердец, своими мудрыми советами умел вовремя и правильно дать каждой душе единственно верное направление, ведущее ко спасению. Советы о. Серафима имели огромный вес, так как он соблюдал сам в своей жизни то, чему учил других. Все, что говорил старец, было основано на Священном Писании и святоотеческих творениях. Особенно пристальное внимание обращал старец на душевные страсти, учил всех следить за ними, не действовать по их внушению, а, призывая помощь Божию, противоборствовать им. Он учил не оправдывать себя, а осознавать грехи и полагать твердое намерение исправиться.

Более всего стремился он привести своих духовных чад ко смирению, о котором писал: «Всего необходимее для спасения смирение истинное, внутреннее убеждение, что вы хуже и грешнее всех и всего, но это величайший дар Божий, и приобретается он многими трудами и потами. Тогда человек в душе своей ощущает такое спокойствие, которое никакими человеческими словами неизъяснимо. Ищите денно и нощно этот драгоценный бриллиант. Истинно смиренный всех, как себя, любит, никого даже и мысленно не осудит, всех сожалеет, всем желает спастись, видит свою греховную нечистоту и со страхом помышляет, как будет отвечать на суде Божиим, но не предастся отчаянию или унынию, а твердо уповает на Создателя и Спасителя своего. Истинно смиренный, если имеет какие от Бога дарова-

ния — молитву, или слезы, или пост, или иное что, то все тщательно скрывает, ибо похвала людская, как моль или ржа, все изъедает».

Смирение же самого старца было изумительно. Он никогда ничего не приписывал своим личным дарованиям, не считал себя никаким особым молитвенником, а, наоборот, смирял себя в своих собственных глазах и глазах тех, кто к нему обращался. Сознание необходимости помощи свыше, того, что он только исполнитель воли Божией, проводник благодати — это сознание все в его душе покорило глубочайшему смирению и наполнило ее христианским спокойствием. Старец иногда посещал кельии своих учеников и приходил всегда благовременно, имея цель духовную: ободрить и вразумить инока. По уходе его и сама келлия наполнялась благоуханием смирения, запечатленного на всех делах и словах этого поистине дивного старца. Но смирение сочеталось в нем с ревностью о спасении душ пасомых. Поэтому на исповеди он мог быть и строгим, когда требовалось, обличал прямо и смело, так что духовные дети подчас трепетали лишь от одного вида батюшки Серафима, сознавая свою греховность.

Отец Серафим получал много писем от своих духовных детей: всем он старался ответить, всех утешить и поддержать. Так, монахиням, изнемогающим в скорбях и трудах, он пишет: «Радуйтесь о Господе, а не унывайте. Вы сами знаете, что в унынии нет спасения, уныние помрачает душу и расслабляет чувства. Зачем унывать? Прочь уныние. Да возрадуется душа моя о Господе и уповает на Него. Молитесь, трудитесь, пойте, читайте, — все во славу Божию творите, утешайте себя и говорите все, что душу назидает и к Царствию Божию ведет. Тогда сами делом уверитесь, как вся ваша душа покроется мирными помыслами и сердце ваше возвеселится, будучи объято неизреченною радостью о Христе Иисусе».

Дает он в письмах и подробное наставление о том, как спастись: «Прошу вас и молю: мир имейте между собой и святыню во всем — и в мыслях, и в делах; без сего никто не узрит Господа. Христианской душе, жаждущей спасения, благое дело — удержать мысли добрые, а злые, когда они находят, от себя отгонять. Полезно для этого непрестанно содержать в памяти молитву Иисусову. Берегитесь по часту оставлять свою келлию и ходить без крайней надобности к другим сестрам, дабы не согрешать празднословием, а если и приходит к вам кто бы то ни был, то ради Бога старайтесь беседовать только об одном, что избрали себе на потребу, — яже суть Божия, а не человеческая; в противном случае, то есть, когда будут говорить что-нибудь непотребное душе, то тотчас же отдайте поклон с прощанием, просите святых его молитв и садитесь за чтение или рукоделие. Что себе желаю, то и вам передаю и советую. Не от искры ли одной, иногда весьма малой и едва заметной, бывают великие пожары, и от малого зерна вырастает с течением времени великое дерево. Так и у нас: не

из сердца ли исходят все помышления злые, за помышлением слова и беседы, а там уже дела и деяния. Поэтому всемерно нужно остерегаться греховных мыслей и мечтаний, свободных слов и разговоров.

Всего больше искушаются наши мысли и слово; но вот тут-то и подвиг, нужно бороться с такими искушениями: лучше перенести скорбь и скуку, нежели впасть в сию прелесть и обман. Памятуйте, что за всякое слово праздное воздадим ответ в день судный. Если бы даже случилось кому-либо из вас скорбные и поносные слышать слова, не смущайтесь, а благодарите — это по большей части служит на пользу нам: ласкательные слова душу расслабляют и лишают ее твердости и мужества. По-мирскому жить, как по течению воды плыть, но духовно жить — нужно противиться миру, уклоняться от суетного ласкания, презирая всякое плотское успокоение, умерщвлять духом всякие страсти и любить всякую нищету духовную, со всяким смирением ради Господа, как научает нас святое Евангелие. Хотя же вначале кажется трудным и горьким, но последствия бывают благие и добрые. Положи, Господи, хранение устам нашим и не уклони сердца наша в словеса лукавствия. Молитесь обо мне, молюсь и о вас».

Отец Серафим неоднократно подчеркивал, что в деле спасения необходимо иметь руководителя, так как мало кто имеет дар духовного рассуждения и может различать плохое от хорошего. Монашествующих призывал хранить святое послушание, «ибо и Христос, когда пришел на землю, избрал не пустынное или столпническое житие, но образ и правило повиновения Отцу Небесному... Пребывая в повиновении, радуйтесь, что и вы жительствуете по подобию Господа нашего Иисуса Христа... есть ли что блаженнее сего».

День старца начинался с двух часов ночи, когда он исполнял свое келейное правило, затем неопустительно бывал на богослужении, после которого всего себя отдавал на служение ближним: принимал богомольцев, распределял их на жительство в пустыни, исповедовал, решал все возникавшие вопросы, и так до позднего вечера. Ночью отвечал на письма. Переписывал сам, и духовных детей благословлял переписывать отрывки из творений святых отцов, которые потом рассылал. Времени на отдых у о. Серафима оставалось совсем мало, но даже и это время он использовал для молитвы о своих пасомых. Любовь побуждала его самоотверженно заботиться о каждой душе. Сколько людей привел он к Богу своими благодатными советами, своей сострадательной любовью! Как сам о. Серафим писал в своем духовном завещании, прося молитв о самом себе: «Все вы были в моем сердце, ибо всех вас болезновал, со скорбящими скорбел, с воздыхающими воздыхал, с плачущими плакал... Помяните мою любовь к вам, ради которой я пренебрегал моею собственной пользой, но всегда искал только вашу пользу. Всем вам сострадал и во всякой скорби вашей сочувствовал вам».

Это был великий угодник Божий и истинный пастырь, в жизни которого действие Божественной благодати сочеталось с большим личным трудом, непрестанным контролем над собой, духовным бодрствованием и молитвенным подвигом. Поистине это был спутник, который сопровождал людей в Царство Небесное. За советами к нему обращались не только миряне и монахи, но и архиереи, видя в нем не плотского человека, а мужа духовного. Святейший Патриарх Алексей I лично знал о. Серафима, неоднократно принимал его и беседовал с ним как о духовных предметах, так и о нуждах обители.

За усердие и примерные труды на пользу Церкви Божией Святейшим Патриархом Алексием I в 1954 и 1957 гг. о. Серафим был награжден наперсным крестом, в 1960 г. — возведен в сан игумена.

После закрытия Глинской пустыни схиигумен Серафим переехал в Сухуми, где продолжал свои старческие труды, будучи духовником кафедрального собора. И сюда к нему стекалось множество богомольцев. Никогда до этого Сухумский храм не был переполнен так, как при о. Серафиме. В последние годы своей жизни, удрученный многими подвигами, старец безропотно нес свой тяжелый крест пастырства. Он не только по-прежнему принимал людей, но и рассылал множество писем, отвечая на вопросы своих духовных детей. И никогда никто не слышал от него гласа нетерпения или ропота, никто не видел его в унынии. Как пастырь, он жил во Христе, утвердился в истинной святости, был истинным мучеником, распинался со Христом ради паствы, был достойным носителем благодати Христовой. За ревностное служение Святой Церкви митрополитом Сухумским и Абхазским Илией II (ныне Католикос-Патриарх всея Грузии) в 1975 г. о. Серафим был возведен в сан архимандрита.

До конца жизни отец Серафим сохранил бодрость духа и ясность ума, крепкую веру в Бога и глубокую молитвенность. Он имел дар непрестанной умной молитвы Иисусовой.

18 декабря 1975 г., во время всенощного бдения в канун праздника Святителя Николая, отец Серафим почувствовал себя плохо. Он слег в постель. Все время старец читал вслух молитву Иисусову, а когда уставал, то просил других продолжать ее чтение. В течение двух недель он ежедневно причащался Святых Христовых Тайн. Будучи в полном сознании, старец сподобился увидеть многих своих братьев по духу, которые, по его словам, пели стихиру Божией Матери «Совет Превечный». И затем слабым голосом старец сам запел: «Вкусите и видите, яко благ Господь. Аллилуйя». После видения он сказал: «О чем я молился всю жизнь и чего искал, то открылось сейчас в моем сердце; моя душа исполнилась благодати настолько, что не могу ее даже вместить». И далее сказал: «Теперь я буду умирать». 31 декабря старец закрыл глаза и уже ни с кем не говорил.

1 января 1976 г. благодатный старец мирно предал дух свой Богу¹.

Схиархимандрит Иоанн (Маслов) собрал письма отца Серафима. Сейчас они хранятся в «Архиве Глинской пустыни». Сохранилось 108 писем отца Серафима. Как и всякое эпистолярное наследие, эти письма представляют собой законченные послания, иногда многотемные, кроме случаев, когда несколько писем писалось к одному лицу и каждое последующее с целью продолжить предыдущее. Несмотря на то, что письма написаны по различным поводам, все они содержат нравоучительные наставления. И даже в тех случаях, когда старец обращается к кому-либо с просьбой и поручением, он не упускает возможности, чтобы высказать что-либо на пользу души. Все вопросы и наставления даются просто и доступно, но чем больше в них вчитываешься, тем глубже раскрывается их смысл. Письма адресованы к разным лицам, монашествующим и мирянам, но для всех «духовная жизнь», «духовное делание» — нечто близкое, глубоко волнующее их души. Наставления старца проникнуты глубоким пониманием жизни; они полны мудрых практических советов и согреты горячей любовью к человечеству.

¹ Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Глинский патерик. М., 1997. С. 677—688.

Схиархимандрит Иоанн (Маслов) († 1991)

Схиархимандрит Иоанн (в миру Иван Сергеевич Маслов) родился 6 января 1932 года в деревне Потаповка Сумской области в крестьянской семье. В одной из тех державшихся строгих христианских обычаев и нравов семей, в которых вырастали на Русской земле великие праведники — столпы православной веры и благочестия. Промыслительно было само рождение будущего старца в великий день навечерия Рождества Христова. Крещен младенец был 9 января в селе Сопич в храме во имя святителя Николая Мирликийского и наречен Иоанном.

Его родители Сергей Феодотович и Ольга Савельевна были людьми глубоко религиозными и благочестивыми, что отражалось в укладе семейной жизни (о матери своей старец впоследствии говорил, что она свято прожила жизнь). Работали они в колхозе. Отец был бригадиром.

Детей у них было девять человек, но четверо умерли в младенчестве. Сергей Феодотович очень любил Ивана и выделял его среди других своих детей (у Ивана было две старшие сестры и два младших брата).

Уже в детские годы Иван обладал высокой духовной зрелостью. Друзей у него было много, однако он избегал детских игр. Часто ходил в храм Божий, к чему детей приучала мать. Старшая сестра его рассказывала: «Иван рос добрым, тихим, спокойным. Родители никогда его не наказывали. От матери попадало всем, а ему никогда. Всегда он был смиренный, никого не обижал».

Все, кто знал его в эти годы, говорили, что Иван отличался от других детей: «Его сразу было видно». Он обладал редкой рассудитель-

ностью, отзывчивостью и стремлением помочь ближним. В его душе смирение сочеталось с той силой духа и воли, которой подчинялись все его друзья. Ивана все слушались, даже те, кто был старше по возрасту. В драки он никогда не вступал, а, наоборот, останавливал драчунов, говоря: «Зачем ты бьешь его? Ему же больно».

У деда Ивана — Феодота Александровича Маслова — было три родных брата. Один из них — Григорий Александрович, известный своей прозорливостью иеромонах Гавриил, подвизался в Глинской пустыни с 1893 года.

После закрытия Глинской пустыни в 1922 году отец Гавриил вернулся в деревню Потаповка. Он предсказывал родственникам: «Поверьте, я умру, а в нашем роду будет еще монахи». И они невольно размышляли о том, кто же им станет. Одна из родственниц Ивана, наблюдая за детьми, говорила: «Уже если не Сергиев Иоанн будет монахом, тогда не знаю, кто и будет».

В 1941 году Иван остался в семье за старшего, так как отца забрали на фронт, откуда он не вернулся. Его мать говорила, что еще мальчиком он стал настоящей опорой семьи, руководителем и воспитателем братьев и сестер. Все дети называли его «батькой» и слушались. Уже тогда проявилось одно из основных свойств его души — все самое трудное брать на себя, полагать душу свою за ближнего. Ольга Савельевна (впоследствии монахиня Нина) говорила: «Он один умел так хорошо утешить мать, а ведь это так дорого стоит».

Во время Великой Отечественной войны в Потаповке стоял немецкий отряд. Немцы все отбирали, в том числе и продукты. Отец Ивана загодя закопал большие бочки с зерном и бочонок с медом. Немцы везде искали продукты, протыкали землю штыками, но бочонки не нашли, потому что Сергей Феодотович закопал их под порогом сарая. Сам старец впоследствии рассказывал: «Один раз зашел к нам немец со штыком. Мы, все дети, сидели у стенки. Он к каждому штык подносил, думали, заколет, но он заглянул под кровать и ушел, нас не тронул». Немцы давали лошадей пахать землю, но к определенному часу лошадей надо было вернуть. Батюшка рассказывал: «Я пахал (ему было тогда 10 лет — Н.М.), а коня чуть дернешь, он вскачь, еле удерживал, и конь взмок. За это меня и маму немец гонял».

Так, с самого детства Иван очень много трудился. Он сам говорил, что все умел делать: и шить, и прясть, и ткать, и вязать, и готовить, и исполнять все сельскохозяйственные работы. Любил работу. За что ни брался, все очень хорошо получалось. Много работал по ночам. Гулять никуда не ходил, но сестру отпускал, а сам вместо нее ночами вышивал, вязал носки своим младшим братьям. Сам шил себе и братьям брюки и учил их быть аккуратными. Если дети небрежно

бросали свою одежду, то Иван крепко-накрепко скручивал ее и бросал под кровать в дальний угол. Такой урок запоминался надолго, и дети приучались к порядку.

Жили бедно, обуви и ткани почти не было. Сами пряли, сами ткали полотно, летом отбеливали его. Ходили в лаптях. Батюшка рассказывал, как сам плел на всю семью лапти из лыка, а из тонких веревочек — чуни.

После войны был сильный голод. Особенно весной было тяжело. Как вспоминал отец Иоанн, «ждали только крапиву». Иван придумал делать рамочки для фотографий и украшал их соломкой. Он как-то по-особому разрезал соломку, наносил на нее разные краски и очень аккуратно, изящно делал на рамке розочки, колоски. Многие тогда заказывали ему такие рамочки. Ведь почти в каждой семье были погибшие на войне, и людям хотелось, чтобы дорогие для них фотографии были в красивой рамке. За работу Ивану платили продуктами. Вскоре он научился крыть крыши соломой (что считалось в хозяйстве самым трудным) и стал делать это лучше всех в деревне. Мать ему помогала: подавала снопы соломы. Крыша бывала готова за три-пять дней. Люди видели, какие добротные получаются у Ивана крыши, и многие его приглашали на эту работу; платили ему или давали продукты, одежду.

У него все получалось быстро и хорошо. Занимался Иван и пчеловодством. Впоследствии в одном из писем он писал: «Гречневый мед я кушал только в молодости, когда, будучи еще в миру, сам занимался пчеловодством».

Так Иван кормил всю семью. Сестра его говорила, что если бы не он, то не выжили бы. Он был настоящим хозяином в семье. С 12 лет Иван начал работать в колхозе. Пас коров, пахал, сеял, косил, собирал плуги, научился делать повозки. В школу ходил за шесть километров в село Сопич. Благодаря природной одаренности Иван учился успешно. Учителя всегда его хвалили.

С детских лет отзывчивая душа Ивана горячо воспринимала всякую людскую беду: и болезни, и нищету, и всякую неправду. Сам необыкновенно добрый, умевший всем помочь, он ценил и проявления добра к нему. Много лет спустя отец Иоанн со слезами благодарности рассказывал, как в детстве старушка подарила ему большое яблоко за то, что он «коровку ей пригнал». «Так я до сих пор за нее Богу молюсь, за ее доброе дело, — говорил батюшка. — Это же надо — такое яблоко мне дала».

В 1951 году Ивана призвали в армию. Служил он отлично, начальство его любило. Впоследствии батюшка говорил, что сначала хотел быть военным: «Я не думал быть монахом, хотел быть военным, да вот Бог привел». Он рассказывал, что и в армии не скрывал своей веры. Над койкой повесил икону, и никто его не ругал, наоборот, все

уважали. Иван очень метко стрелял. Если были соревнования по стрельбе, то начальство назначало его, и он всегда побеждал.

При исполнении воинского долга Иван жестоко простудился и с тех пор до самой кончины нес бремя неисцелимой и опасной болезни сердца. По этой болезни Иван в 1952 году был уволен из армии и вернулся домой.

Чистейшая душа его стремилась к духовному совершенству, к единению со Христом. Ничто земное не могло его удовлетворить. В то время он сподобился Божественного откровения, приоткрывая тайну которого впоследствии говорил: «Такой свет увидишь — все забудешь».

И вот вместе еще с одним молодым человеком Иван поехал помочь в Глинскую пустынь, которая располагалась недалеко от их деревни. Когда они только вошли в монастырь, матушка Марфа (в народе ее звали Марфушей), прозорливая монахиня, дала Ивану бублик, а его спутнику ничего не дала, тот и не остался потом в Глинской пустыни.

После этого Иван еще несколько раз ездил на велосипеде в Глинскую пустынь. Желая всецело посвятить свою жизнь Богу, в 1954 году он оставил дом и устремился в святую обитель. Его мать потом рассказывала: «Я не хотела его отпускать. Опора-то какая он мне был. Я за ним несколько километров бежала, все кричала: “Вернись!”».

Сначала Иван несколько месяцев нес в монастыре общие послушания. Затем ему дали подрясник и в 1955 году зачислили в обитель по указу.

Впоследствии, когда старца спрашивали, почему он ушел в монастырь, он отвечал: «Это Бог призывает. Не от человека зависит, влечет такая сила, что не удержишься, — она и влекла меня. Великая сила». И еще говорил: «Я в монастырь пошел не просто. Мне было особое призвание Божие». Такими были уход от мира и начало иноческого пути схиархимандрита Иоанна.

Глинская пустынь пребывала в ту пору в расцвете и давала обильные духовные плоды. В обители подвизались такие великие старцы, как схиархимандрит Андроник (Лукаш), схиархимандрит Серафим (Амелин), схиархимандрит Серафим (Романцов). Именно с ними сразу духовно сблизился молодой подвижник.

Старца-настоятеля схиархимандрита Серафима (Амелина) Иван впервые увидел, когда тот выходил из храма. Ивана подвели к нему. Отец Серафим благословил молодого подвижника и сказал: «Пусть, пусть поживет», а потом принял Ивана в братство и всегда с любовью и вниманием относился к нему.

Как протекала жизнь молодого послушника в Глинской обители? Подробности ее известны одному Богу. До нас дошли лишь отдель-

ные эпизоды этой жизни, свидетельствующие о тяжести испытаний и жесточайшей духовной брани подвижника с силами ада, — испытаний, которые попускаются Богом только сильным духом. Вот некоторые из них.

В обители Ивана поселили в маленькой комнате, где уже жили четыре человека. Место дали на лежанке, на печке, а там в сосновых чурках было множество клопов. Иван обсыпал себя дустом, тогда они на голову нападали. Позже отца Иоанна спрашивали:

- Батюшка, как же Вы дустом не отравились?
- Господь сохранил.
- Да как же Вы этих клопов терпели?
- Я как на смерть шел. Ни клопы не страшны, ничто!

Однажды настоятель вызвал Ивана к себе. Был Петров пост. Иван очень похудел, так как строго постился. Отец Серафим дал ему полный стакан кефира и велел выпить. Иван ради послушания выпил, хотя никогда не нарушал пост. Тогда настоятель сказал: «Вот так, и не перегибай палку!».

Основным послушанием для иноков Глинской пустыни был разнообразный физический труд. Иван работал в столярной мастерской, где приходилось колоть дубовые колоды, делать бочки. Работа была настолько тяжелой, что от непомерного труда опухали мышцы. Безропотно нес это послушание молодой подвижник, несмотря на то, что тяжелый физический труд был ему противопоказан: из армии он был уволен инвалидом.

Следующий эпизод — из области духовной борьбы. Нередко, как впоследствии рассказывал старец, ночному отдыху мешали бесы, которые являлись ему. Они истязали тело подвижника: по утрам он видел свои руки в синяках. Испытаниям Иван противопоставил терпение и мужество, ревность о Боге. Он усиливал пост, с его уст не сходила Иисусова молитва, и явные бесовские приращения постепенно оставили его.

Это был избранник Божий, от рождения наделенный многими благодатными дарованиями. Старчество, как способность открывать людям волю Божию, провидеть их сокровенные мысли и чувства и вести истинным, единственно верным спасительным путем ко Христу, было даровано отцу Иоанну еще в молодости. Именно поэтому духовно опытные Глинские подвижники с первых дней поступления его в обитель стали посылать к двадцатидвухлетнему послушнику богомольцев за советом. Уже тогда к отцу Иоанну обращались и опытные священники (многие из них спрашивали о правильном прохождении молитвенного подвига). Настоятель обители схиархимандрит Серафим (Амелин), пользовавшийся огромным духовным авторитетом, против обыкновения (обычно новоначальные проходили длительный искус) сразу благословил его отвечать на многочисленные письма,

поступавшие в обитель от тех, кто просил совета, духовного наставления и помощи. Сколько же человеческого горя, скорбей и недоумений принял уже тогда в свое горящее любовью к Богу и людям сердце молодой послушник! Ответы его, наполненные благодатью Святого Духа, всегда были душеспасительны.

Подписывая их, настоятель дивился его духовной мудрости, читал тем, кто был в его келлии, и восклицал: «Так и надо наставлять!» Впоследствии, когда отца Иоанна спрашивали, кто говорил ему, что писать богомольцам, он отвечал: «Бог». Иван не только отвечал на письма, но полностью исполнял послушание письмоводителя. Отвечал тем, от кого обитель получала посылки, денежные переводы, записки на поминовение и т. п.

Так Иван начал свое самоотверженное служение Богу и ближним, ведя жизнь самую скромную, строгую и смиренную. Нес послушание письмописца, трудился в столярной мастерской, делал свечи, затем был заведующим аптекой и одновременно клиросным. Батюшка вспоминал: «Я на лошади в аптеку ездил в Шалыгино. Лошадь такая хорошая была». Все в монастыре его любили, никто не ругал.

Особенно близок был Иван схиархимандриту Андронику, который, впервые встретившись с ним, сказал: «Вот никогда раньше его не видел, а стал он мне самым родным человеком». Однажды в Глинской пустыни Иван тяжело заболел. Старец Андроник две ночи не отходил от его постели — так Ивану было плохо.

8 октября 1957 года накануне празднования преставления святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова (как батюшка говорил, «под Иоанна Богослова») он был пострижен в монашество с именем Иоанн в честь святого апостола. Случай для Глинской пустыни, где постригали только после многих лет искуса, необыкновенный. Батюшка рассказывал, что его и иеромонаха Зосиму (в схиме Иоанна) келейно постригал старец Андроник (уведомление епископу было послано уже после пострига).

Узы дружбы тесно связывали отца Иоанна и отца Андроника до самой кончины отца Андроника, а духовно-молитвенное общение их никогда не прекращалось.

Письма схиархимандрита Андроника к отцу Иоанну переполнены такой горячей любовью, заботой, задушевностью и уважением, что никого не могут оставить равнодушным. Вот как он обращается к отцу Иоанну: «Дорогой мой, родненький духовный сыночек», «Дорогое и родное мое чадо о Господе» — и пишет: «Я часто спрашиваю своих окружающих о Вас, ибо мне хочется лицом к лицу поговорить с Вами и насладиться нашей родственной встречей», «Вы мой родной по духу». Когда отец Андроник тяжело болел, его келейник писал отцу Иоанну: «Он ждет Вас, все вспоминает и постоянно зовет к себе». Старец схиархимандрит Андроник, характеризуя начальный период

иноческой жизни своего духовного сына, говорил: «Он всех прошел», — то есть был первым среди Глинских иноков.

В послужном списке тех лет сказано: «Монах Иоанн Маслов отличается исключительным смирением и кротостью; несмотря на свою болезненность, он исполнителен в послушаниях». Так всю жизнь старец ставил во главу угла смирение, всегда во всем обвинял и укорял себя.

Впоследствии, когда отца Иоанна спрашивали: «Батюшка, кто был самый великий в Глинской пустыни?» — Он отвечал: «Великого знает Бог».

Уже в те годы проявилась тесная связь отца Иоанна с духовным миром. Настоятель схиархимандрит Серафим (Амелин) после своей блаженной кончины не раз являлся ему во сне в полном облачении и наставлял его.

В 1961 году Глинская пустынь была закрыта. Батюшка рассказывал: «Когда уходили из монастыря, старцы сказали инокам: «На фундаменте стойте, который вам дан, иначе собьетесь!».

В том же году отец Иоанн по благословению старца Андроника поступил в Московскую Духовную Семинарию. Он пришел сюда уже высокодуховным старцем, строгим и ревностным хранителем иноческих обетов.

Архиепископ Ростовский и Новочеркасский Пантелеимон вспоминает, что хотя отец Иоанн был старше своих некоторых сокурсников, но выглядел моложе их. «Мы, студенты, знали, что он — Глинский монах, и, несмотря на его молодость, относились к нему с не меньшим уважением и почтением, чем к старцам Троице-Сергиевой Лавры. Строгий духовный взор старца Иоанна заставлял нас быть степенными в его присутствии».

Уделяя много времени учебе, возлагаемым на него послушаниям, отец Иоанн усиливал и подвиг внутреннего делания, молитвенный подвиг. В то время схиархимандрит Андроник, живший в Тбилиси, писал своему духовному сыну: «Дорогой мой отец Иоанн! Прошу, Вы себе давайте хоть маленький отдых. Вы очень устаете в своей учебе и в послушании, но Вам Господь поможет понести свой крест». О молитвенности отца Иоанна старец Андроник писал: «Ваши молитвы у Преподобного (Сергия Радонежского. — Н. М.) очень глубоки, надеюсь на Ваши святые молитвы».

Сведений об этом периоде жизни отца Иоанна сохранилось немного. Из писем старца Андроника узнаем, что в те годы о. Иоанн тяжело болел, но не оставлял своих подвигов. Отец Андроник писал ему: «Вы себя не морите голодом, Вы очень слабый». «Как мне известно, Вы находитесь в тяжелом болезненном положении, так прошу тебя, как родного сына, береги свое здоровье и употребляй ту пищу, какую предписывают врачи. Пост не для больных, а для здоровых, да и что

говорить. Вы сами все прекрасно понимаете». Отец Иоанн всегда был тесно связан с Глинскими старцами и не только писал, но и материально, и духовно помогал им. Старцы Андроник, Серафим (Романцов), митрополит Зиновий (Мажуга) часто в своих письмах благодарят его за присланные духовные книги, иконы, антидор, а также продукты. Когда старцы болели, отец Иоанн присылал им лекарства, давал рецепты, советы, как лечиться. Митрополит Тетрицкаройский Зиновий, в те времена епископ, писал: «Дорогой мой отец Иоанн! Спешу поблагодарить за твою искреннюю помощь в трудную для меня минуту. Я никогда не забуду протянутую твою руку помощи мне. Епископ Зиновий».

Учился отец Иоанн очень хорошо. Его горячо любил и уважал ректор Московской Духовной Академии и Семинарии профессор протоиерей Константин Иванович Ружицкий (1888—1964). Этот маститый, высокой духовной жизни старец более 13 лет был ректором Московских Духовных школ, заведовал кафедрой нравственного богословия в Академии и Семинарии. По благословению Святейшего Патриарха Алексия I он был председателем Учебного Комитета при Священном Синоде, возглавлял всю систему духовного образования в Русской Православной Церкви. В то сложное время он для всех являлся «примером твердости, мужества, доброго служения на ниве церковной» и был широко известен как ревностный поборник Православия. Именно такой человек сразу почувствовал духовную высоту, нравственное благородство, богословские дарования отца Иоанна. Узнав отца Иоанна ближе, он, по его собственному выражению, стал относиться к нему, как к самому родному и близкому человеку. «Произошла встреча двух благодатных старцев», — говорит об этом профессор Московской Духовной Академии, доктор церковной истории К.Е. Скурат, хорошо знавший и отца Константина, и отца Иоанна. Кончину отца Константина в 1964 году отец Иоанн перенес очень тяжело.

В Великий Четверг, 4 апреля 1962 года, отец Иоанн был рукоположен в Патриаршем Богоявленском соборе во иеродиакона, а 31 марта 1963 года — в сан иеромонаха.

После окончания Семинарии он продолжил обучение в Духовной Академии. И в Семинарии, и в Академии отец Иоанн был душой курса. В своих воспоминаниях об отце Иоанне его сокурсник протоиерей отец Владимир Кучерявый пишет: «1965 год. Начало нового учебного года в Московских Духовных школах. Состав первого курса Академии был многонациональным. Здесь были представители России, Украины, Молдавии, Македонии, Ливана. Но самой яркой личностью среди студентов, безусловно, был иеромонах Иоанн (Маслов) — воспитанник Глинской пустыни, очень способный, энергичный, жизнерадостный». Сам всегда бодрый, отец Иоанн умел поднять настроение всем, кто его окружал. Все любили и уважали его. Нео-

быкновенно добрый, он привлекал сердца тех, кто с ним общался, высотой своей духовной жизни, глубиной религиозного чувства.

Сокурсники часто просили, чтобы отец Иоанн поисповедовал их. Они рассказывали, что будучи простым, смиренным и общительным (часто мог пошутить) в повседневной жизни, отец Иоанн как бы преобладался, когда исповедовал. Становился строг, проникал в самые потаенные глубины души исповедуемого, так что студенты поверяли ему всю свою душу. Они чувствовали, что не могут относиться к своему сокурснику иначе как к старцу, духовному отцу, многоопытному наставнику.

Полностью отдал себя в послушание отцу Иоанну его соученик из Болгарии иеромонах Иоанникий, впоследствии митрополит Болгарской Православной Церкви. Он очень любил батюшку и трепетал перед ним. Однажды, совершив какой-то проступок, от страха и стыда перед отцом Иоанном он залез под кровать и спрятался там (они жили в одной келлии).

Батюшка очень строго его вел: так, в наказание за что-то на Пасху батюшка разрешил ему съесть при разговении только кусок ржаного хлеба и выпить стакан воды. Отец Иоанникий очень долго упрашивал батюшку отменить этот «приговор», так как он был приглашен на прием в посольство, и ему стыдно было за праздничным столом есть только хлеб и пить воду, но батюшка остался непреклонен. Придя с приема, отец Иоанникий рассказывал, что все хорошо обошлось, никто и не заметил, что он ел. Этот случай еще больше укрепил его любовь к батюшке. После возвращения отца Иоанникия на родину его прежний духовник написал из Болгарии отцу Иоанну письмо. В самых теплых словах он выражал свою благодарность батюшке за мудрое духовное окормление своего чада и писал: «Спасибо тебе за сынку». Глубокое чувство христианской любви и преданности к отцу Иоанну митрополит Иоанникий пронес через всю свою жизнь. Об этом ярко свидетельствуют его письма к батюшке.

Вот одно из них: *«Ваше Высокопреподобие, дорогой незабываемый отец Иоанн! Самая возвышенная и самая великая христианская добродетель никогда не проходит, потому что основана на Божией неизменной любви. Последняя никогда не проходит, потому что вечна, как вечен Всемогущий Бог. Буду откровенным: немало помучился и много выстрадал после Вашего отказа посетить Болгарию. Так долго подготавливал свою душу и так ждал Вас и после всего этого прочитал в Вашем письме, что в этом году Ваше посещение невозможно по причине болезни.*

Все это принимаю и объясняю себе правильно.., но любовь никогда не проходит. Бог все видит: и сокровенные мысли, и тайники сердца человеческого, — потому что нет ничего неявного пред Ним, а все голо и открыто (Евр. 4, 13). И вот награда за одну большую хрис-

тианскую любовь. Совсем неожиданно, но очень желанно в конце марта с Божиим благословением я смогу посетить город Киев, после чего, Бог даст, вознамериваюсь посетить Москву и Загорск.

Всегда наполняется радости моя душа, когда вспоминаю о Вашей прекрасной стране, Вашем народе и о любимых незабываемых друзьях. Духовное веселие дарует мне Бог от каждой встречи с Вами, потому что любовь никогда не проходит. ...И вот, поскольку Вы не смогли приехать, то приеду, Боже благослови, приеду я к Вам...

Радуйтесь с теми, которые радуются, — такова заповедь апостола, впрочем, да исполним все это, потому что любовь никогда не проходит, и самая большая награда приготовлена для тех, которые искренне любят человека...

С любовью +Иоанникий, Митрополит Сливенский. Г. Сливен, 15 марта 1981 г. ».

Но самым близким батюшке из окормляемых им студентов и преподавателей был отец Марк (Лозинский). Профессор Московской Духовной Академии, магистр богословия, заместитель заведующего Церковно-археологическим кабинетом игумен Марк был, по отзывам многих видных иерархов, человеком редким и исключительным, который весь принадлежал Церкви Божией. «Христианская жизнь его являлась примером подражания для многих»¹. Отец Марк посвятил свою магистерскую диссертацию творениям святителя Игнатия (Брянчанинова) и защитил ее в 1968 году, затем собрал огромный архив из наследия Святителя, а также составил учебное пособие по гомилетике.

Игумен Марк был беззаветно предан отцу Иоанну. Во всем спрашивал его советов и следовал им неуклонно. Отец Иоанн говорил о нем: «Это ангел был послан мне от Бога». А о духовной дружбе, связывавшей их, отзывался так: «Два тела — одна душа». Они оба трудились над составлением Патериков. В то время отец Иоанн составил «Глинский Патерик» (в первой редакции), а игумен Марк — «Отечник проповедника», в который вошло около 20 примеров из «Глинского Патерика».

Вместе с игуменом Марком отец Иоанн ездил в Тбилиси к старцу Андронику, который также очень полюбил отца Марка. Но последний был уже тяжело болен и скончался в 1973 г. на 34-м году жизни. Отец Иоанн очень тяжело пережил его кончину.

С большой любовью рассказывает об отце Иоанне митрополит Рязанский и Касимовский Симон, который в 1965—1972 гг. был инспектором Московской Духовной Академии и Семинарии. «С отцом схиархимандритом Иоанном я был в очень близких отношениях. Часто у него исповедовался. Отец Иоанн — человек очень высокой духовной жизни. Я видел в нем старца-наставника. Не было дня, чтобы я не советовался с ним. Старался исполнять то, что он говорил. Слова

его всегда сбывались, советы оказывались полезными, и это укрепляло доверие к нему. Отец Иоанн и лечил меня, врачом моим был. Вылечил от аллергии; приходил с мазями, натирал ноги, когда болели.

Отец Иоанн — воплощенная кротость, очень скромный, смиренный, во всем имел послушание. Никогда никому ни в чем не отказал. Все знали, что он всегда поможет. Безотказный пастырь. Вот даже такой пример. Стал как-то ходить ко мне в келлию один из монашествующих, но время проходило с ним в пустых разговорах. Вспомнил я наставление преподобного старца Амвросия монахиням о том, что если сестра приходит и мешает разговорами — пригласить ее вместе молиться. Когда в следующий раз пришел этот человек, я сказал: «Отец, давай помолимся». А он: «Да, ты что? Разве я без тебя не могу помолиться?» — и ушел. Больше уж он не приходил.

А вот отца Иоанна приглашу к себе. Надо завтра служить. Попрошу: «Отец Иоанн, помоги мне правило читать» (а ведь знаю, что он уже прочитал правило). Он никогда не отказывал. Часто мы вместе с ним читали правило ко Святому Причащению. Отец Иоанн очень любил молитву. Жил молитвой. Каждое утро мы встречались с ним на полунощных в храме у преподобного Сергия. Его смирение, кротость — это, конечно, всегда передавалось окружающим, когда он священнодействовал. С такими людьми легко служить, легко жить. Такие люди являются украшением Церкви. Отец Иоанн — соль земли; свеча, которую ставят на подсвечник, чтобы всем светила.

Прежде всего он — Духовник. Очень много исповедовал. Когда бы ни зашел к нему в келлию, всегда кто-то ждет исповеди. Такими людьми Господь Сам управляет. Он всегда умел утешить, если случались неприятности. Заботился о студентах. Был энергичный, быстрый, всегда в делах, а ведь сердечко-то слабое у него было».

Об особой высоте духовной жизни отца Иоанна и его выдающихся качествах свидетельствует и тот факт, что 1 сентября 1963 года он — студент третьего курса семинарии — был назначен помощником ризничего Академического Храма, а всего лишь через месяц — ризничим (должность, на которую назначают, как правило, архимандритов).

По отзывам начальствующих, отец Иоанн был «образцом ризничего». Протоиерей Владимир Кучерявый пишет:

«Усердием отца Иоанна благоуукрашался Академический храм, облачения священнослужителей содержались в идеальном порядке... К церковной утвари и вообще к предметам священного обихода он относился с глубочайшим благоговением».

До прихода в ризницу отца Иоанна на праздничных богослужениях, когда служило много священников, часто не всем хватало облачений. При отце Иоанне такого не случалось никогда. Послушание ризничего отец Иоанн нес около 20 лет (даже после окончания Академии, когда он стал преподавателем Московских Духовных школ).

Своими трудами и молитвами он обогатил ризницу прекрасными облачениями и церковной утварью. Одним духовным детям он заказывал достать ткань на облачение, другим — шитье и т. д. Батюшка сам мог шить облачения и делал митры.

Отца Иоанна, имеющего абсолютный слух, очень музыкально одаренного, назначили также звонарем Академического храма. Как батюшка звонил! Мелодичный, бодрый, радостный колокольный звон разливался далеко и наполнял сердца всех ощущением праздничности, благодарения Богу, ревности ко спасению. Всегда ждали мгновения, когда отец Иоанн начнет звонить. Особенно радостно это было на Пасху, когда батюшка в течение первого дня Светлого праздника много раз поднимался на звонницу и звонил одному ему известным переливчатым пасхальным звоном.

Как бы ни было высоко и ответственно послушание ризничего Академического храма, важнейшим в служении отца Иоанна в Московских Духовных школах было духовничество. Еще в годы учебы в Академии ему, студенту, было вверено духовное окормление преподавателей и учащихся, кроме того, он исповедовал богомольцев.

Именно здесь в полной мере раскрылись способности и пастырские дарования отца Иоанна, который с первых дней проявил себя опытейшим духовником. К нему стал стекаться народ — все, кто хотел узнать волю Божию в том или ином случае жизни, кому необходимы были добрый совет и наставление, кто жаждал утешения в скорби и печали. Помещение перед ризницей, где он трудился, никогда не бывало пустым: утром, днем и вечером здесь можно было видеть преподавателей и учащихся духовных школ, прихожан храма, москвичей, жителей других городов, приезжавших к отцу Иоанну на исповедь или для душеспасительной беседы.

Его отличало живое, опытное познание Бога. Рядом со старцем каждый чувствовал, что мир иной, «жизнь будущего века» реально существуют. И вот это чувство, что отцу Иоанну открыт мир духовный, что сам он — житель этого мира, и было самым сильным в общении со старцем.

Этот мир для нас, грешных, сокровенен; в нем действуют свои законы, которые не укладываются в обычные мерки нашего ограниченного разума. Мы можем лишь наблюдать внешние проявления этого небесного мира, которые выражаются в поступках и словах святых Божиих избранников. Проникая в наше отягощенное страстями сердце тихой благодатью, эти слова и поступки поражают нас, смиряют наш ум необычным для него сиянием иного высшего порядка вещей и влекут наши души к таким дивным избранникам, как отец Иоанн.

Он был не только великим проповедником Царства Христова, но и живым носителем этого Царства. Благодатная красота и величие от-

ца Иоанна, сила его духа, осязаемая связь с вечной жизнью вызывали у приходивших к нему трепет и благоговение, искреннее стремление ко спасению. Под влиянием только одного его слова или взгляда в людях совершались глубокое нравственное обновление и возрождение. Здесь, на земле, в нем светился отблеск небесной славы, светился в тех благодатных дарованиях, которыми старец особо был наделен от Господа. Епископ Полоцкий и Глубокский Феодосий рассказывал, как однажды семинаристы подошли к отцу Иоанну и сказали: «Батюшка, тут есть одна старица-прорицательница. Она предсказывает многое».

Он ответил: «Пусть придет ко мне эта старица». Старушка пришла к батюшке, но когда уходила от него, кричала на весь храм: «Иоанн поломал мне ноги!». Оказывается, старица была мнимой и находилась в духовной прелести. После беседы с батюшкой бесовское наваждение по молитве отца Иоанна исчезло, и старушка была вынуждена признать, что обманула многих.

Имя отца Иоанна передавалось из уст в уста. Все более и более расширялся круг лиц, которые пользовались его духовными советами и руководством: монахи и монахини, священники, известные ученые, рабочие, деревенские жители, студенты, школьники, врачи, учителя... Беседы с отцом Иоанном искали и епископы, и министры. И для каждого у него находилось соответствующее слово «на пользу». Протоиерей отец Владимир Кучерявый в своих воспоминаниях об отце Иоанне пишет, что его всегда удивляла «редкая способность батюшки говорить с каждым человеком на языке его уровня, исходя из духовной зрелости. Такой индивидуальный подход к каждому и получаемая помощь привлекали к отцу Иоанну множество людей.., так что слух о нем, можно сказать, проходил по всей Руси Великой». Как в свое время к старцу Андронику в Глинскую пустынь, так теперь к батюшке Иоанну потянулся народ Божий со всех концов России. Отцу Иоанну было тогда лишь 33 года, но он был духоносным старцем и мог окормлять огромную российскую паству, к чему был подготовлен старческим служением в Глинской пустыни. Имя его стало известно не только в России, но и за ее пределами. С каждым годом число посетителей отца Иоанна возрастало, и можно только удивляться тому терпению, с которым он принимал ждавших его духовного утешения, наставления, а иногда и материальной помощи, — никого он не отпускал неутешенным.

Митрополит Воронежский и Липецкий Мефодий пишет: *«Будучи преподавателем Московских Духовных школ, отец Иоанн всегда находил время для беседы с людьми, не на словах, а на деле исполняя Господню заповедь: “Грядущего ко мне не изжену вон”»*.

Какая же сила влекла к этому старцу людей всех званий и положений? Какой мощью он неверующих приводил к вере, в отчаявшихся

вселял надежду, злых делал добрыми? Что помогало ему творить чудесные деяния: исцелять от болезней и душевных страстей, прозревать будущее и т. д.? На это можно ответить словами апостола Павла: «Не аз, но благодать, яже во мне».

Отец Иоанн поистине воплотил в своей душе Христово учение и был носителем в своем сердце Духа Святого. Вот разгадка всеобщей любви и уважения к старцу со стороны тех, кто к нему обращался. Ему было дорого прежде всего спасение души, которая вверяла себя его попечению. Поэтому все его отношения с людьми были святы, просты и значительны. Оттого так и тянулись к нему души, стремясь полностью открыться перед ним.

А если кто и не умел этого сделать, то сам старец помогал ему, так как имел редкий дар проникать во внутренний мир людей, видеть в сердцах их и разъяснять им то, что они сами не понимали и даже не замечали. Удивительно было при этом его умение направлять все силы людей к добру.

В своих советах он, как правило, был немногословен, умел одним метким словом, шуткой, одним движением, поговоркой, стихом из псалма попадать в самое “больное” место вопрошавшего, ободрить его, утешить и указать выход из жизненной ситуации. Если он говорил с кем-то при других, то поучал так искусно, что его обличения были понятны лишь тому, к кому они относились.

В конспекте лекций по Пастырскому богословию отец Иоанн писал: «Пастырю необходим правильный способ воздействия на паству: «Для одних нужен бич, — говорит св. Григорий Богослов, — для других узда. Для одних полезна похвала, для других укоризна, но то и другое вовремя». «Пастырю необходима большая чуткость и наблюдательность при руководстве людьми различного характера и воспитания. Человек — это своего рода цветок, охотно распускающийся в тихую полночь и увядающий от прикосновения грубых рук, поэтому к каждому из пасомых у истинного пастыря есть свой подход. «Управлять человеком, — говорит св. Григорий Богослов, — есть искусство из искусств и знание из знаний». Отец Иоанн учил: «Покаяться — значит перемениться: из грешника сделаться достойным Царства Небесного. Но как подойти к душе грешника, чтобы расположить его к духовному обновлению? Нужно найти в нем зародыши добра и побудить их к произрастанию». Батюшка всегда видел эти спасительные зерна в каждой человеческой душе и соответственно воздействовал на нее.

Одна духовная дочь старца вспоминает: «Обычно после богослужения батюшка из алтаря шел в ризницу. Расстояние небольшое, а людей, которые хотели бы поговорить с ним, очень много. Задерживать батюшку нельзя, время сложное (1970-е годы, за старцем следили, чтобы не принимал народ). У каждого душа трепещет, как успеть

спросить батюшку или взять у него на какое-то дело благословение, как высказать свою боль. Меня всегда удивляло, как батюшка со всеми сразу успевал говорить. Отвечая одному, тут же благословляет другого, кивает третьему. Ловит лишь немногие слова и сразу же, четко определяя, что тревожит человека, каждому отвечает с разной интонацией, с разным подходом: шутя, утешая, сострадая или, наоборот, резко, обличительно, насмешливо — кому что надо. Часто он отвечал и тому, кто не успевал и слова произнести. Вот батюшка уже в ризнице, прошло всего три — четыре минуты, а сколько людей вздохнуло с облегчением, у скольких решились жизненно важные вопросы, появилась надежда, ушло отчаяние, уныние, на душе легко, так как батюшка дал ответ или светло с улыбкой посмотрел (значит, все будет хорошо), или благословил, или дал просфору, или предупредил о чем-то. И сердце наполняет благодарность Богу и батюшке.

Когда отец Иоанн вот так на ходу говорил с человеком, он часто мог вспомнить многие обстоятельства его жизни, назвать по имени его родных. Это всегда очень утешительно действовало: старец все о тебе помнит. Но мне всегда казалось, что дело тут не только в исключительной памяти старца (как он знал и цитировал святых отцов, Священное Писание!), но и в том, что в этот момент он просто все видел в человеке, все знал о нем духом. Ведь как часто он говорил человеку, которого впервые видел, о таких обстоятельствах жизни, которых кроме самого этого человека никто не знал».

Несмотря на кратковременность общения со старцем (когда была большая необходимость, отец Иоанн находил возможность говорить с человеком дольше обычного), каждому он давал то и столько, что и сколько каждый мог вместить по своему душевному устроению. Преподобный Михаил (Грибановский) писал, что такой дар пастыря «есть высшая степень духовной правды, которая приближает человека к Богу». Правда, бывали случаи, когда человек получал такую благодатную помощь от старца, сердце его было переполнено так, что говорил: «Батюшка, Вы помогаете мне сверх всякой меры». И старец отвечал: «Да». Действительно, отцу Иоанну было присуще удивительное чувство сострадания и сопереживания ближним. Сострадая, он имел дар силой своей пламенной молитвы исцелить душу и тело человека.

Недаром старец писал: «Истинному пастырю свойственна готовность пожертвовать жизнью ради паствы. Главная черта пастырского духа — сострадание греховной немощи людей, скорбь о согрешающих». Эти слова полностью приложимы к нему самому.

Отец Иоанн терпеливо нес тяжкий крест болезней до самой кончины. Он перенес пять операций. В одном из писем он пишет: «Частые болезни почти постоянно приковывают меня к постели». Но несмотр-

ря на это, старец каждую минуту своей жизни посвящал служению Богу и ближним. Он не щадил себя. Однажды он сказал духовной дочери: «Будь свечой горящей!» — и потом тихо добавил: «А свеча сгорает до тла». Нам кажется, что эти слова хоть в малой мере, но отражают подвиг этого великого светильника веры и благочестия.

Вот подтверждение этому. Одному человеку нужно было поговорить с батюшкой. Старец принял его, ответил на все вопросы, потом выяснилось, что во время разговора у него была очень высокая температура, начинался сильный грипп, и он долго потом болел. После этого гриппа отец Иоанн перенес осложнение на сердце. Был очень слаб. Но людям было необходимо видеть его. И он, слабый, бледный, приходил к ним, отвечал на вопросы, за всех молился. Самопожертвование великое было у него. Несмотря на болезни, старцу была присуща необыкновенная бодрость духа, которую он не терял даже в самых тяжелых страданиях. Он учил: «Главное — дух бодрый держать». Преподобный Амвросий Оптинский в своих письмах объясняет: «Бодрость — от единения с Господом».

Душа отца Иоанна была преисполнена благодатного мира Христова. Неоценим дар батюшки передавать ближним это духовное сокровище — умиротворять их души.

«Отец Иоанн был благоговейным и истовым совершителем таинств», — свидетельствует его сокурсник протоиерей отец Владимир Кучерявый. Пастырская душепопечительность отца Иоанна особенно проявлялась во время таинства Исповеди. Те, кто исповедовался у него хотя бы один раз, запоминали это на всю жизнь. (Здесь и далее текст, взятый в кавычки без сносок, означает устное свидетельство или цитату из письма. — Н. В.).

Одна из жительниц Сергиева Посада рассказывала священнослужителю в храме Академии: «Я несколько раз исповедовалась у отца Иоанна, исповедовались и мои знакомые. Идешь к нему на исповедь разбитой духовно, подавленной, а уходишь окрыленной, радостной.

Я заметила, что после исповеди у отца Иоанна люди преображались даже внешне. От него все уходило святыми. Таких духовников, как отец Иоанн, я еще не встречала. К каждому у него был свой подход, каждому он давал свою, именно ему необходимую духовную пищу. Такой старец — это чудо нашего времени».

В лекциях по Пастырскому богословию отец Иоанн учит: «Во время исповеди пастырю должно иметь большую мудрость и духовный опыт, чтобы врачевать души и налагать наказание не просто по мере согрешений, но исследовав намерение согрешающих. Здесь пастырю необходима духовная жизнь, духовный опыт и собственная духовность, а не душевность в пастырской деятельности». Старец приводит слова св. Иоанна Златоуста: «Как многие надмеваются и впадают в отчаяние о своем спасении, потому что не могут перенести горьких

лекарств, так иные, не получив наказание, равносильное грехам, впадают в беспечность, делаются гораздо худшими и еще более грешат».

О своей первой исповеди у отца Иоанна в восемнадцатилетнем возрасте подробно рассказывает его духовная дочь: «Батюшка исповедовал в исповедальне на первом этаже Академического корпуса. Кроме него, здесь еще много было священников. Но к ним стояло лишь по несколько человек, а к батюшке — просто толпа людей. Когда подошла моя очередь (ждать пришлось очень долго, так как батюшка долго исповедовал), старец велел мне положить два пальца на Евангелие. Это заставило меня внутренне содрогнуться, почувствовать святость места. Я подумала, что сейчас будет что-то необыкновенное. И, действительно, батюшка начал перечислять все мои грехи с детства. При этом спрашивал: “А помнишь?” — и передо мной всплывали, как на экране, картины и образы давно прошедшего и мною забытого, а часто и того, что я не считала грехом. Мне оставалось только со стыдом соглашаться и просить прощения. Исповедь продолжалась 40 минут. И в дальнейшем, в течение многих лет батюшка на исповеди напоминал мне о содеянных мною грехах, и часто, когда трудно было самой сказать вслух о своих делах и мыслях, батюшка сам все называл и только говорил: “Все сознаешь?”. Бывало спросит: “Все рассказала?” или “Что еще на совести?” — тогда я просила: “Батюшка, помолитесь, не помню”, — и через мгновение вспоминала забытое».

Епископ Полоцкий и Глубокский Феодосий также рассказывал, что на исповеди старец называл те грехи, которые забыл человек. Отец Иоанн говорил: «А это было?» — «Было, батюшка». — «А что же ты молчишь?». Протоиерей Николай (Шманов), которого батюшка очень любил, вспоминал, что, когда первый раз исповедовался у старца, тот сразу назвал ему один грех, совершенный в детстве, и сказал: «Начиная с этого греха, кайся далее».

Но другим, наоборот, отец Иоанн говорил, что человек сам должен называть и исповедовать все свои грехи, хотя они и известны старцу. Многие по его совету записывали грехи, чтобы не забыть. Батюшка учил на исповеди называть грехи своими именами, без самооправдания и без обличения своих ближних.

Духовная дочь старца вспоминает: «Батюшку отца Иоанна (Маслова) я впервые встретила 27 августа 1968 года. В то время в Академии не было своих врачей и монахам, студентам приходилось обращаться за медицинской помощью в городскую больницу, где я тогда работала. К нам привезли и заболевшего батюшку. Эту встречу я никогда не забуду. Пока мы с подругой ждали “скорую”, чтобы отвезти батюшку обратно в Академию, он задал мне несколько вопросов: откуда я приехала? есть ли у меня духовник? Затем сказал: “...Надо искать кормчего.... В бурю на лодке, как бы искусен гребец ни был,

с ним можно погибнуть, а с кормчим — никогда. Надо искать кормчего”. От этих слов я очень расстроилась, так как в Лавре в то время исповедовали, в основном, молодые монахи, и мне, молодой девушке, стыдно было раскрывать некоторые грехи. Я тут же сказала об этом батюшке, а он, провидев мою прежнюю жизнь, сказал: “Эти грехи еще не все, у тебя еще и домашних полно нераскаянных”. Батюшка смотрел на меня, и я чувствовала, что он видит меня насквозь, все мои пороки. Мне стало страшно, и я заплакала. Последние слова его перед тем, как сесть в машину, были: “Деточка, покайся! А то погибнешь”.

Целый месяц после этого не находила в душе покоя, пока не попала к батюшке на исповедь. Это был воскресный день. Я подошла к батюшке, но он согласился меня исповедовать только при условии, что я раскрою свою душу с самого раннего детства, сколько я помню.

Большинство грехов он напоминал мне сам — те, о которых я или забыла, или вовсе не считала грехами. Когда я попросилась придти на исповедь постоянно, батюшка сказал: “Молись Матери Божией, Она тебе укажет духовника”. Потом по жалости ко мне грешной батюшка разрешил приходить к нему. С тех пор началась моя духовная школа под руководством такого опытного духовника. Потом я часто говорила батюшке, что он видит все мои грехи и знает их лучше меня. Но он всегда отвечал, что грехи надо называть и каяться самому человеку, и тогда легче будет с ними бороться».

По мнению протоиерея Владимира Кучерявого, батюшка в самом начале исповеди доводил до сознания каждого кающегося, что он стоит перед живым и реально присутствующим здесь Богом и Ему кается. Иногда говорил: «Кайся Господу, что согрешил» или: «Что на совести?» После исповеди батюшка накрывал кающегося епитрахилью, его руки крепко сжимали голову исповедующегося, он читал разрешительную молитву, крестообразно ударяя по голове, спине и плечам человека. Очень многие плакали после исповеди у старца или во время ее.

Вот отзывы о состоянии после исповеди у отца Иоанна: «Какое-то громадное облегчение чувствовалось во всем моем существе». «Невозможно выразить словами то, что чувствуешь после исповеди у батюшки. Это и тихая, какая-то неземная радость от ощущения мира духовного, и благоговейный трепет перед праведником, ведь он постепенно, шаг за шагом просмотрел всю мою жизнь, проникая и открывая своей властью все тайники моего сердца... И на следующий день после исповеди благоговейная радость и благодарность наполняют душу».

Но тогда было время атеистической власти, и, видя, как много людей тянется к старцу, ему запретили исповедовать в исповедальне, где к нему могли подойти любые богомольцы. Батюшка стал исповедо-

вать возле ризницы, но вскоре и здесь запретили, и он тайно исповедовал в ризнице. Впоследствии в подобных случаях старец говорил, что когда есть необходимость, «то Господь покрывает».

Протоиерей Владимир Симаков вспоминает, что в трудные времена гонений на Церковь даже студентам Семинарии и Академии трудно было получить наставление, попасть на исповедь к отцу Иоанну, которого преследовали за твердость убеждений, борьбу за чистоту православной веры. Но он, несмотря ни на какие ограничения и запреты, всегда до последних дней своей жизни находил возможность помочь тем, кто искренне искал через него спасения. Так батюшка в своей пастырской деятельности непрерывно воскрешал омертвелый дух своих ближних и, по образному выражению профессора Московской Духовной Академии К.Е. Скурата, «рождал их рождением духовным».

Особое воздействие оказывали на людей совершаемые отцом Иоанном богослужения. В своих лекциях по Пастырскому богословию он учил: «Иисус Христос установил в Церкви пастырство для того, чтобы пастыри были провозвестниками и исполнителями Его Божественной воли. Воля же Божия состоит в том, чтобы Его учение — Евангелие было проповедано всей твари, чтобы плоды Его Голгофской жертвы были усвоены всеми людьми и чтобы во всем мире все верующие в Него постепенно достигали совершенства (Ин. 17, 20—21). Из этого вытекают три основные обязанности пастыря: 1) учительство — распространение евангельского учения (проповедь Слова Божия), 2) священнослужение — усвоение верующими заслуг Искупителя, 3) духовное руководство — нравственное усовершенствование христиан...». По мысли отца Иоанна, деятельность пастыря в качестве совершителя богослужения является наиболее специальной, таинственной и ответственной частью его служения. «Поучать и руководить другими может и мирянин, но священнодействовать может только пастырь, который получает для этого благодать при хиротонии».

Богослужения, совершаемые отцом Иоанном, своей благоговейностью, красотой, духовностью и величием потрясали человеческую душу, влекли ее к Небу. Отношение к священнодействию было у него духовное, благоговейное, святое. Он учил, что «душевность и духовность пастыря паства узнает по дару молитвенности. Когда говорят о священнике, то первый отзыв о нем касается того, хорошо или плохо он служит. Под хорошим служением разумеется не музыкальность голоса или его громкость, а то, что в нем слышится дух искренней молитвы». Те, кто сослужил старцу, всегда бывали потрясены его служением.

Протоиерей Владимир Кучерявый вспоминает: *«Во время совершения Святой Евхаристии своей молитвенностью, истовостью, выразительностью произносимых возгласов отец Иоанн вводил нас, мо-*

лодых священников, сослуживших ему, в неизреченный мир непостижимой Тайны — принесения в жертву Агнца Божия, в Тайну преложения хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы. **“Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа в третий час Апостолом Твоим низпославый. Того, Благой, не отыми от нас, но обнови нас, молящих Ти ся”**, — звучало в его устах с такой внутренней силой, что всем, кто слышал эти слова, **нельзя было оставаться равнодушными**». По отзывам сослуживших старцу, в священнодействии он являлся в ореоле всеобщего ходатая и предстоятеля пред Богом. Сам отец Иоанн, ссылаясь на святого Симеона Нового Богослова, писал, что истинный пастырь во время богослужения “умом созерцает Бога, сорастворяется в сердце своем со Христом”. По молитвам отца Иоанна сослужившим ему также передавалось благоговейное отношение к священнодействиям. Когда они сослужили отцу Иоанну, то опытно познавали, что всякое священнодействие есть великая духовная реальность, воплощение Духа Истины. Открывалось это и молящимся в храме.

Живой пример молитвенного церковного духа отца Иоанна заставлял паству ценить богослужение, прививал усердие к посещению его, внушительнее слов увлекал пасомых на добрый спасительный путь. Дней, когда служил отец Иоанн, всегда особенно ждали.

Нельзя было без чувства глубокого умиления присутствовать при совершаемых им богослужениях. Дух молитвы, почивавший на нем, переливался, казалось, в сердца предстоящих, и все находили особое утешение в том, чтобы молиться вместе с ним. Монахиня Серафима (Русанова; +1986) говорила: «Когда батюшка читает Евангелие, сердце возгорается». Все, знавшие отца Иоанна, отмечают, что он был строгим и ревностным исполнителем Устава и всех призывал к этому. Он учил:

«Благоговейное, истовое и возможно полное исполнение Церковного Устава имеет громадное религиозно-воспитательное значение для паствы и для пастыря. Оно объединяет их всех, показывает всю высоту и истинность Православия и его богослужения... Когда богослужение совершается истово и по Уставу, то все верующие выходят из храма молитвенно одухотворенными и исполненными глубокого назидания».

Отец Иоанн учил, что «первая обязанность пастыря — наставлять пасомых в вере так важна, что оставляющий ее без исполнения недостоин своего звания».

Батюшка часто проповедовал в Академическом храме, и как проповедовал! В красноречивых и доступных проповедях отец Иоанн поучал народ примерами жизни, страданий и смерти Господа Иисуса Христа, разъяснял заповеди и обличал пороки. Некоторые свои проповеди он записывал, и они сохранились. Некоторые проповеди записывали люди, стоящие в храме, настолько ярко и убедительно он говорил.

В своих проповедях отец Иоанн раскрывал болезни души человека, болезни совести и в то же время указывал на лекарства от этих болезней. Он выступал как великий носитель христианского идеала, осуществляемого прежде всего любовью и милосердием к ближним. Отец Иоанн учил, что причины недугов каждого человека в отдельности и общества в целом — в падшей природе человека, обновить и исправить которую может только сила евангельских заповедей. Он выступал с проповедью не только как учитель христианских нравов, но и как опытный воспитатель и мудрый руководитель, требующий от своих пасомых сознательного отчета в усвоении данного наставления. Благодатное пастырское слово отца Иоанна, внушительное и назидательное, всегда было плодоносно.

В чем же заключалась причина такого успеха его проповедей? Вот как сам отец Иоанн учил о действенности проповеди: «Истинный пастырь более всего заботится о том, чтобы заложить в глубине сердца слушателей сознание неотразимой правды и абсолютной чистоты проповедуемого учения. Для этого ему необходимы не только большие теоретические знания, но и собственная жизнь. Хотя пастырь говорит красноречиво, но если предписываемые им правила жизни не оправдываются его собственной жизнью, то слушатели не могут понимать проповедуемого в строгом смысле и применить к себе. Св. Иоанн Дамаскин говорит: “Или не учи, или нравами учи, иначе — словами будешь призывать, а делами отгонять”. Истинный пастырь преподаваемое высокое учение сам усваивает органически, оно ... становится его собственным цельным и ясным мировоззрением. Отсюда его проповедь оказывает неотразимое влияние на слушателей. Слушатель чувствует, как самый дух проповедника входит в его душу. Душевный же пастырь руководствуется горделивой мыслью о своем образовании и стремится отвлеченными богословскими поучениями привести людей к Богу, вместо того, чтобы изменять человеческие сердца Божественной благодатью...

Если пастырь связан страстями и пороками, то и сам язык его будет связан. Его слова будут пустым звуком... Сама порочная жизнь истощит его духовные силы и отнимет у него способность учить паству... Пастырь же должен учить людей словами, делами и даже своим молчанием».

Схиархимандрит Иоанн проповедовал Христово учение самой своей жизнью. Это знают все, кто общался с ним. Многие говорят так: «В разных жизненных ситуациях я вспоминаю батюшку, как он поступал, что говорил, и стараюсь принять решение исходя из яркого примера его жизни».

По воспоминаниям епископа Феодосия, когда отцу Иоанну приходилось общаться с людьми мирскими, например, во время поездки в поезде, он и здесь самым поведением своим проповедовал, но эта про-

поведь была особой. Прежде всего, батюшка проявлял глубокий такт, величайшую доброту и внимательность к тем, кто его окружал. Вот, например, отец Иоанн входит в купе вагона. Через некоторое время входят люди, которые также поедут в этом купе. Батюшка сразу же приподнимается: «Пожалуйста, сумочку, пожалуйста, сюда». Поможет поднять полку, поставит чемодан. Уступит место. Это сразу располагало сердца людей. И люди сразу начинали смотреть на него с уважением. Думали: «Красивый, бородатый, наверное, священник». А сколько вежливости, внимания, любви к чужому человеку. Для человека светского в то время это было каким-то откровением. Поезд трогался, несли чай. Старец крестился, благословлял чай, пил. А ведь в то время перекреститься в обществе означало навлечь на себя презрение, непонимание. И сразу следовали вопросы:

- А Вы что, верующий?
- Да, я верующий.
- А Вы священник?
- Да, священник.
- Откуда Вы?

Завязывался разговор. Батюшка показывал удостоверение преподавателя, доцента МДА, и начиналась блестящая миссионерская проповедь. Начиналась она с чаепития, а заканчивалась вопросами попутчиков: «А Вы не знаете, где мне креститься можно? Вы мне не подскажете? А можно мы к Вам приедем?» — и т.д. Так батюшка подавал пример общения с людьми неверующими.

Однажды ему должны были делать операцию, и он лежал на каталке в предоперационной. И в таком его положении люди, возможно сами того не сознавая, тянулись к старцу. К нему подходили врачи, медсестры, санитары. Кто-то задавал вопрос, кто-то рассказывал о своей жизни, кто-то просто стоял рядом. Батюшка потом сказал, что всем поговорить хочется, то есть все нуждаются в духовной помощи. Даже в такие минуты старец жил для людей и не переставал проповедовать.

Когда батюшка был в больнице после операции, то в палате к нему очень тянулись все больные, всем рядом с ним становилось хорошо, всем он приносил облегчение. Видел каждую душу. Если человек не мог чего-то принять, то батюшка на него «не давил», а потихоньку располагал, подводил к принятию того, что человеку сначала казалось слишком строгим, возвышенным.

Особенно привязались к старцу один мальчик и его отец. Их охватывало отчаяние из-за болезни мальчика и тяжелых семейных обстоятельств. Старец возродил их к жизни. Когда он уехал, то они часто ему писали, а батюшка им отвечал. Так завязалась многолетняя переписка. В палате с батюшкой лежали еще несколько подростков, больных гемофилией. От ушибов у них очень распухали и болели

суставы. Для облегчения боли им назначали наркотики. Но многие симулировали, преувеличивали боль, чтобы побольше получить наркотических средств. Врачи этого не понимали, а старец сразу увидел и очень серьезно поговорил с врачом о том, что нужно осторожно назначать наркотики, давать их меньше, чтобы люди к ним не пристращались. Объяснял, как это вредно и опасно. Весь медицинский персонал относился к отцу Иоанну с большим уважением. Многим он потом прислал крестики.

Люди самого разного уровня образования и воспитания тянулись к нему. Со всеми он не только находил общий язык, но и давал верное духовное направление, снимал тяжесть с каждой души. Люди верующие говорили о нем: «Какой благодатный!», а неверующие: «Какой необыкновенный человек!». Особенно потянулся к батюшке врач А. Он вместе с женой даже поехал потом к старцу в Московскую Духовную Академию. Рассказывал, что батюшка необыкновенно тепло их принял, накормил обедом, провел с экскурсией по Церковно-археологическому кабинету. Но, главное, как бы незаметно обращал их внимание на духовное. Жена А. была атеистка и сказала: «Отец Иоанн, все это хорошо, но я Бога не видела и поэтому верить не могу». Старец вдруг спросил: «А что это за шум?» Она ответила: «Это самолет летит». — «А как Вы думаете, какой?» — «Да, наверное, Ту-154». — «Почему его так называют?» — «Его создатель — конструктор Туполев». Батюшка убедительно и красноречиво подвел собеседницу к той мысли, что хотя она никогда Туполева не видела, но не сомневается в том, что самолет не сам по себе из ничего возник, а у него есть создатель, тем более и у всего на свете есть Создатель и Творец. Она потом все удивлялась, как за несколько минут отец Иоанн все в ее душе перевернул, причем такими простыми словами и доводами.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) писал, что духовные люди «по действию в них Божественной благодати получают такие свойства и способности, которых чужд человек в своем естественном состоянии». Так и отец Иоанн имел дары Святого Духа, среди которых были непрестанная молитва Иисусова, духовное рассуждение, прозорливость, проникновение в тайники человеческих душ, исцеление болезней душевных и телесных. Но, главное, старец стяжал величайший дар благодати Божией — беспредельную, деятельную, спасающую христианскую любовь.

Эта любовь в старце достигла высоты евангельского совершенства. Всего себя, все свои силы, разум, сердце и волю принес отец Иоанн Богу и людям. И как часто он освобождал других от болезней, скорбей, душевных печалей, принимая их на себя! Так он душу свою полагал за ближних. Самоотверженная любовь, горевшая желанием всем помочь, всех утешить, всем спастись — характерная черта отца

Иоанна. Подвиг его любви к ближнему изумляет знавших старца и волнующе захватывает души людей, узнавших о нем уже после его преставления.

Он имел доступ к сердцу каждого и говорил: «Только любовью можно постигнуть внутреннюю жизнь других людей и войти с ними в тесное духовное общение». — «Реальная любовь — носить немощи друг друга». — «Любовь сильнее смерти». — «В любви сокрыт ключ и истинного боговедения, и истинной христианской жизни». Он возвращал падшим людям образ Божий, умел заставлять их плакать слезами покаяния, слезами возрождения к новой духовной жизни.

Отец Иоанн был настоящим отцом для всех обращавшихся к нему с верой. Старец «брал на себя» всего человека со всеми его немощами и скорбями. Для него не было мелочей, он все принимал близко к своему любвеобильному сердцу. Иногда люди только по прошествии нескольких лет, когда жизнь их по молитвам батюшки устраивалась, осознавали, какой великий дар и какую великую помощь они получали.

Епископ Полоцкий и Глубокский Феодосий рассказывал: *«Когда батюшка отошел из земного мира, одна женщина, мать троих детей, сказала: "Он любил моих детей больше, чем люблю их я!" И хотя внешние проявления любви редко видели у старца: он всегда был собран, часто строг, но материнское сердце распознало любовь истинную, внутреннюю, духовную. Таких детей у батюшки было много — сотни и тысячи. И каждое свое чадо он любил любовью, которая была сильнее материнской».*

По отзывам знавших старца, он не только мужественно нес свой крест, но и имел огромную нравственную силу поддерживать тысячи других людей и помогать им нести жизненные кресты. Умел утирать любые слезы, утешать во всяких невзгодах: от него передавалась благодать мира и глубокого успокоения. Он обладал редким даром духовно воскрешать людей после нравственного омерщвления. Сам вид, одно только присутствие этого духовно великого человека спасительно действовали на других, врачую страсти и болезни, побуждая к добру, вызывая молитвенное состояние и слезы. Старец был настолько красив, что при нем даже вслух говорили с благоговением: «Какой красивый!» Высокий, статный, широкоплечий, с правильными, мужественными одухотворенными чертами лица, с длинными густыми волосами и бородой. Величественность удивительно сочеталась в нем с быстротой действий и внутренней энергией. В замечательных глазах старца отражалось сияние неба, которое проникало в самую глубь души собеседника и озаряло беспросветный мрак многих и многих жизней. Недаром говорили, что у старца глаза, как у ангела. О силе воздействия на людей его духовно-нравственного облика ярко свидетельствует рассказ матери митрополита Минского Филарета (Вахромее-

ева). Однажды она сидела в приемной Владыки, когда тот еще был ректором Московской Духовной Академии. Вдруг дверь открылась и в приемную вошел отец Иоанн. Его благодатный облик так поразил ее, что, не отдавая себе отчета, мать Владыки упала ему в ноги со словами: «Будьте моим духовным отцом». С той минуты и до конца своих дней она всецело вверила себя духовному руководству отца Иоанна, к которому всегда относилась с большим благоговением и называла «святим старцем».

Разносторонность и богатство духа отца Иоанна были необычайны. Он совмещал в себе непрестанную молитвенную углубленность и деятельную жизнь, строгость и мягкость, серьезность и шутливость, собранность духа и общительность, теоретические познания и житейскую опытность, всецелую жизнь в Боге и хозяйственную практичность, величие духа и простоту.

Прост он был во всем. Однажды в алтаре к нему подошел приезжий монах и спросил: «Где мне найти старца Иоанна (Маслова)?» — Батюшка ответил: «Это я». — Монах говорит: «Да нет, мне старец нужен» (батюшка выглядел молодо и отличался строгой благородной внешностью). Батюшка повторил, что это он и есть, но тот не поверил, так как ему рассказывали о маститом, духовно опытном старце, и он ожидал увидеть убеленного сединами монаха. Батюшка пошел в ризницу. А этот монах попросил студентов отвести его к старцу Иоанну, и те привели его в ризницу к батюшке. Старец с улыбкой сказал: «Ну я же тебе говорил, что я». Монах поклонился ему в ноги.

Батюшка и чад своих учил простоте: «Будешь жить просто — будет ангелов со сто». «Будь простым, а это значит постоянно думать: «Я хуже всех, всем должен добро делать». «Всегда помни: «Я хуже всех», — и простота придет. Нужно быть простым, быть как дитя».

Отец Иоанн обладал исключительной памятью. А когда духовные дети жаловались ему на забывчивость, он говорил: «Память засоряется от грехов».

Множество людей тянулось к отцу Иоанну благодаря особому дару Святого Духа, который он имел, — старчеству. «Старца, — писал протоиерей Сергей (Четвериков), — выдвигает действующая в нем сила благодати Божией. Эта сила благодати чувствуется верующими. Каждое слово старца, совет, наставление сопровождается очевидными добрыми результатами; в их словах обнаруживается явная прозорливость, они обладают даром чудотворений — все это привлекает к ним людей. И никакие препятствия, никакие запрещения и угрозы не могут остановить это движение людей к тому, от кого они получают очевидную для себя духовную пользу, кто заставляет их души переживать новые, неведомые дотоле чувства нравственного обновления и живой веры в Бога, реальности вечной жизни».

Таким-то именно старцем и был схиархимандрит Иоанн.

Старчество — это высшая мера духовного руководства, и кто, кроме самих старцев, может дать определение, раскрыть суть этого высокого духовного понятия? Поэтому обратимся к словам самого отца Иоанна. Он называет старчество особым даром Святого Духа, особым талантом. И разъясняет, что апостол Павел именно старчество называет «даром рассуждения» (1 Кор. 12, 10).

В чем заключается рассуждение? По учению святых отцов, «рассуждение есть величайший дар божественной благодати и состоит оно в том, чтобы точно и верно постигать Божественную волю во всякое время, во всяком месте и во всякой вещи». То есть истинный старец — это, прежде всего, изъяснитель воли Божией. По словам отца Иоанна, «старчество выражается в особом водительстве пасомых по пути спасения и требует от носителя этого дара мудрого и любвеобильного попечения о вверившихся ему душах... Во всякое время к нему [старцу] добровольно идут ученики, раскрывают перед ним свою душу, помыслы, желания и поступки и спрашивают его советов и благословения. Они полностью отказываются от своей воли ради исполнения всеблаготворной воли Божией и беспрекословно, без размышлений повинуются старцу и выполняют все его указания как откровение этой воли. Это старческое окормление помогает в борьбе со страстями, подкрепляет в минуты уныния, малодушия, сомнения, служит верным покровом от вражеских бурь всем, кто прибегает к его мощному содействию».

По учению святых отцов, дар рассуждения дается тем, «кто чист сердцем, телом и устами», и этот дар во всей полноте был дарован схииермандриту Иоанну. Ни одного своего решения старец не принимал без ясного указания Божия. Прежде чем дать ответ на тот или иной вопрос, о. Иоанн молился, углублялся в себя (часто он поднимал при этом глаза и смотрел ввысь) и только потом отвечал (иногда ответ давался сразу). Батюшка говорил своему духовному сыну: «Прежде чем ответить, обращаешься к Богу, как же надо поступить». Господь открывал старцу Свою волю, и вопрошавшие батюшку могли узнать эту Божественную волю из его ответов.

Старец говорил, что всегда надо думать: «Как батюшка скажет, так и сделаю», а не жить по своей воле, по своим мыслям. Он рассказывал: «Вот, бывает, приходит человек, просит благословение на что-либо. Начинаешь о нем молиться. Молишься-молишься, а Небо молчит. Уже просто не знаешь, в чем дело. А потом недели через две видишь, что человек-то этот был как в железе: уже принял решение в сердце, а благословение так, для прикрытия пришел просить. Поэтому Небо и молчит. Так волю Божию не узнаешь».

Старец напоминал: «Господь Бог наш видит все. Главное, по воле Его жить». Еще батюшка объяснял, что мы слабы, сам человек никогда не может знать волю Божию (враг может его в сторону увести), а

только духовник (батюшка добавлял: «Тот, кто несет подвиг») откроет.

При общении со старцем люди чувствовали большую внутреннюю силу его слов и что при ответах на их вопросы он говорил не от себя. (Преподобный Варсонофий Великий учит: «Отцы говорят не сами от себя, но Бог подает им, что сказать для пользы каждого»). В одном из писем своим духовным чадам отец Иоанн писал: «Дело еще осложняется тем, что не все прислушиваются к голосу и благословию нашему, а значит, и голосу Божию».

Духовная дочь старца, профессор Е. Р. вспоминает: «Это было более четверти века тому назад. Один человек, знавший мою благочестивую семью и мою ревность к вере православной, как-то заметил: “Тебе бы надо к отцу Иоанну (Маслову). Он духовник Московских Духовных школ”. С тех пор я неотступно напоминала, когда же он познакомит меня с отцом Иоанном. Наконец, настал этот долгожданный день и час. Я в ризнице Московской Духовной Академии. Открывается дверь, и энергично с молитвой на устах входит высокий стройный батюшка в подряснике. Весь внешний вид и его внутренняя молитвенная настроенность говорят о его высокой духовной, подвижнической жизни. Именно таким я и представляла себе раньше духовного отца... Стремительно подхожу к нему за благословением и, не зная, как сказать о своей просьбе, говорю первые пришедшие в голову слова: “Батюшка! Возьмите меня в свои духовные дочери!”. Ожидала, что он ответит “да” или “нет”. А батюшка многозначительно, спокойно, не спеша ответил: “Надо молиться, чтобы открылось”. Эти слова на всю жизнь запомнила я из первой беседы с батюшкой. Такая короткая, но емкая фраза: “Надо молиться, чтобы открылось” — поведала мне о многом. О том, что передо мной батюшка-молитвенник, что он ничего не решает без молитвы и благословения Божьего и, наконец, о том, что этому батюшке-подвижнику Господь открывает Свою волю...».

Многие шли к батюшке именно для того, чтобы узнать волю Божию.

Вот один из случаев, рассказанный его духовной дочерью. «Однажды ко мне пришел знакомый С. Он сказал, что В. просит меня выйти за него замуж. Я никогда не видела В., но знала, что у него духовник в Лавре и он давно хочет стать священником. Моим знакомым он очень нравился, они ему обо мне рассказывали. Тогда ему уже определили приход, и вскоре должны были рукополагать. И он через С. просил моей руки. Я тут же поехала к батюшке. Долго ждала, боялась, что не попаду, а когда вошла в ризницу, батюшка внимательно и заботливо посмотрел на меня и спросил: “Ну, что у тебя случилось?” Я сбивчиво рассказала. Батюшка спросил: “Не женат ли?” — “Говорят, нет”. Потом еще спросил: “Сколько ему лет? Ты

замуж что ли хочешь?» — «Нет, но я себе верить не могу, меня то в одну, то в другую сторону тянет». Батюшка замолчал, перебирал четки — молился. Я замерла. Такой был трепет, будто батюшка там, «наверху» узнает и решает мою участь. Батюшка молился, как мне показалось, довольно долго (несколько минут), потом тихо, но уверенно сказал: «Ну, пока не надо». Мне стало ясно, что ему это было открыто. Вскоре выяснилось, что этот В. был уже женат и у него два сына. После этого случая мои знакомые (они не знали о батюшке, мы тогда все скрывали) очень были озабочены судьбой дочери: выдавать ли ее замуж? У них был священник, к которому они постоянно ходили на исповедь. И я помню, что совершенно не понимала их переживаний и говорила: «Да Вы спросите у своего духовника, он Вам скажет и если нужно, то укажет, за кого выдать, а если нет, так у Вас легко будет на сердце». Я от юности ходила только к отцу Иоанну и не понимала, что другой священник может и не браться за решение столь ответственного жизненного вопроса».

Дар рассуждения отца Иоанна проявлялся и в том, что он умел сразу определить духовное состояние человека и дать ему самый правильный и полезный совет.

Батюшка отвечал на тысячи всевозможных вопросов: «Куда мне благословите: замуж или в монастырь?», «Как мне жить, муж меня оставил?», «Что делать с работой: очень маленькая зарплата, не могу прокормить семью?», «Мне негде жить, как быть с жильем?», «Я потеряла все, что мне было дорого в жизни. Мне незачем жить», «Неизлечимая болезнь меня терзает. Я не могу не роптать», «Мои дети, в которых я вложил жизнь и душу, стали мне врагами», «Я потерял веру»... и т.п. Все эти и подобные вопросы обрушивались на старца ежедневно. И он имел великую силу, духовную мощь не только все внимательно выслушать, но делом и советом реально помочь людям. Сколько раз самые сложные, отчаянные и запутанные житейские вопросы он решал двумя-тремя полными сердечного участия словами. И всегда по благословию благодатного старца выходило хорошо, и решение оказывалось мудрым и правильным.

У тех, кто слушался батюшку, вся жизнь вскоре выравнивалась и устраивалась. Монахиня Серафима (Русанова) говорила: «От батюшки никто не уходит тощим». Все получали помощь. Но каких сил, какого труда все это требовало от самого старца! Он выдерживал столь тяжелые нравственные труды, что, казалось, и одна десятая их часть была бы невыносима для обыкновенного человека.

Однажды батюшка сказал одной монахине, которой по его молитвам удалось из архиерейского дома, где она проходила послушание, вернуться в монастырь, и вся жизнь ее устроилась: «Это многого стоило».

Другая духовная дочь по его благословию поступила в очную аспирантуру, а потом ей предложили высокооплачиваемую и интерес-

ную работу. Когда она спросила батюшку, стоит ли переходить на работу, он ответил, что жалко оставлять аспирантуру, ведь с таким большим трудом она туда поступила. Девушка очень удивилась, она с такой легкостью отлично сдала экзамены (все экзамены кандидатского минимума сдала за один год, тогда как другие сдавали за несколько лет), без трудностей подготовила все необходимые документы и только после батюшкиных слов вполне осознала, сколько молитвенного труда принял на себя за нее старец. Еще одной духовной дочери батюшка говорил: «Если бы ты знала, сколько в тебя вложено».

Батюшка обладал необыкновенным чувством сопереживания: он чувствовал чужую боль и переживал скорбь другого более остро, чем сам человек. Даже заболел, переживая за своих чад.

В лекциях по Пастырскому богословию отец Иоанн писал: «Пастырю дается благодатная сострадательная любовь к пасомым... способность чревоболеть о них. Такое свойство пастырского духа и выражает сущность пастырства».

Однажды одна девушка познакомилась с верующими молодыми людьми. Ей понравилась их общительность, начитанность, то, как они все вместе собираются, читают и обсуждают Евангелие. Она поехала к батюшке и подробно все рассказала. Батюшка отнесся к этому очень серьезно и отрицательно. Сказал, что все это у них от баптизма, что «спасение их призрачно» и строго-настрого запретил видаться с ними. Ей же было интересно с этими людьми (враг затягивал), она написала батюшке письмо, а потом и сама еще раз поехала сказать, что колеблется. Батюшка принял ее и с грустью сказал, что так переживал из-за того, что она не отошла от тех людей, что даже заболел. Девушку это потрясло, она заплакала. Никогда больше к этим людям не подходила. Они впоследствии стали сектантами, и эта девушка со слезами благодарила батюшку: «Если бы не Вы, где бы я была! Я бы погибла».

Батюшка давал советы по любому вопросу не только в области духовной, но и житейской: как построить дом, сложить печь, вести хозяйство, осушить болотистый земельный участок, какие овощи и в какое время сажать на огороде, как и какую готовить пищу, отвечал на сложные запутанные юридические вопросы и многие другие, то есть охватывал все стороны жизни пасомых.

Многие родители спрашивали отца Иоанна, куда отдать детей учиться после окончания школы. У тех, кто слушался батюшку, всегда все хорошо складывалось и с учебой, и с работой. Главное же, человек оказывался на своем месте. Батюшка всегда точно видел, в чем призвание человека, к чему он больше способен, что ему полезно, — туда и направлял его.

Одна девушка не послушалась батюшку и поступила не в тот институт, в который он благословил. Через 8 лет она стала работать

именно по той специальности, которую ей предлагал батюшка, но у нее не было высшего образования по этой специальности, и поэтому возникали трудности.

Очень многие люди бесконечно благодарны батюшке за решение такой жизненно важной проблемы, как вопрос дома, жилья. Если человек становился батюшкиным духовным чадом, то этот вопрос со временем всегда решался положительно. Батюшка одному советовал, к кому на работе обратиться с тем, чтобы поставили на очередь, другому подсказывал, как сделать родственный обмен, а третий по молитвам старца неожиданно получал квартиру. И по молитвам батюшки все имели свое жилье, хотя некоторые получали его с трудом, после долгого ожидания.

Среди многочисленных духовных чад о. Иоанна были люди самых разных профессий. Поразительно при этом было искусство батюшки давать исчерпывающие квалифицированные ответы во всех областях человеческой деятельности, будь то медицина, экономика, живопись, математика, строительство, искусствоведение или просто домашнее хозяйство. Под руководством батюшки многие защищали кандидатские и докторские диссертации, причем старец часто сам выбирал им тему, писал план, объяснял, как провести исследование, а главное, определял основное направление работы и то, зачем она нужна людям. В миру этот дар старца называли бы исключительной эрудицией. Это был благодатный, обильный Божий дар рассуждения.

Старец учил: «Таланты наши надо направлять в веру, добродетели, чтобы и в светском обществе быть солью земли». Тем, кто занимал высокие должности и посты, батюшка говорил: «Нужно думать о народе, чтобы люди не пострадали, а не бояться за свои портфели».

Воплощая в своей жизни святое старческое слово, духовные дети отца Иоанна несли в мирскую жизнь то истинное духовное начало, которое преображает мир. Батюшка сам каждым своим поступком нес добро и мир и учил этому духовных детей. Он говорил: «Людам надо помогать, очень они сейчас нуждаются в теплоте, в помощи. Быть свечой горящей, чтобы хоть кто-нибудь мог погреться у нее...»

По учению святых отцов, в основании дара рассуждения лежит создаваемое Святым Духом смирение. Преподобный Иоанн Кассиан пишет: «Истинная рассудительность приобретается только истинным смирением». Батюшка всю свою жизнь — и в Глинской пустыни, и в МДА, и в Жировицах, где он служил впоследствии, — обладал исключительным смирением. Очень трудно передать словами этот батюшкин талант. Одним из проявлений его было то, как он стремился скрывать от других высоту своей духовной жизни, редкие духовные дары чудотворения.

Вот несколько примеров. Часто, когда батюшка укорял человека, то и себя укорял вместе с ним. Один человек жаловался: «Батюшка,

совсем покаяния нет». — «Да откуда же у тебя покаяние. Покаяние от святой жизни, от добрых дел, а у нас с тобой что? — одни грехи». Или: «Люди вон какой подвиг несли, а тебе все: “вынь да дай”. Какой у нас тобой подвиг? — Никакого». «Батюшка, можно съездить — мощам святителя Тихона Задонского поклониться?». — «Нам с тобой и мощи не помогут. Жить надо по-человечески».

Своего духовного сына учил: «Ломай себя. Ломать себя надо. Надо уметь терпеть оскорбления от низших, вот что ценно. На меня, бывает, пономарь кричит, а я смиряюсь. И начальство: сегодня хорошо, а завтра так выговорит, да при всех. Я только голову склоняю... Надо жить: “Всем мое почтение”».

Духовная дочь старца, работавшая в ризнице, рассказывает: «Батюшка учил смирению на собственном примере. Один раз я поссорилась с пономарем: не стала давать ему чистый стихарь, потому что пономарь был очень неаккуратен. Батюшка узнал об этом, заставил меня принести стихарь, позвал пономаря, сам ласково с любовью облачил его и попросил быть поаккуратней. А когда тот ушел, сказал: “Я архимандрит и смиряюсь перед пономарями и иподиаконами, а ты кто такая, что командуешь?”... Если батюшка узнавал, что кто-то обижен на него, то сразу старался помириться с этим человеком; шел к нему первым и всегда с подарком или с гостинцем и не уходил от человека, пока душа того не умиротворится».

Духовного сына — священника батюшка учил: «Вот я, архимандрит и магистр богословия, доцент, а каждому низко кланяюсь (сделал низкий поясной поклон), и ты так должен».

Вот простой, но яркий пример из жизни батюшки в Жировицком монастыре. Проходя мимо батюшки, молодой монах, не останавливаясь, сказал: «Благословите». И маститый архимандрит, магистр богословия, имеющий патриаршие награды, поклонившись в ответ, ласково и смиренно попросил: «Меня, отец, благослови».

В 1988 году умер близкий духовный сын батюшки — протоиерей Н. Батюшка, очень тяжело переживавший его кончину, приехал в храм, когда священнослужители уже начали отпевание и стояли во главе с настоятелем в центре храма у гроба. Батюшка без облачения вышел из алтаря и, чтобы не привлекать к себе внимания, молился на солее, у северных врат. Настоятель увидел старца и послал за ним диакона. Тогда батюшка по благословению настоятеля облачился и вышел в храм, встал в самом конце за самым молодым и последним с края священником. Настоятель сам подошел к старцу и попросил его встать справа от себя. Было видно, что сам настоятель умилился, видя старца-архимандрита, у которого и он сам, и большинство сослужащих учились, в таком смирении. На поминках отца Н. батюшка сказал: «Я, грешный, уверен, отец Н. наследует Царствие Небесное. Он был как дитя, такую любовь ко всем имел, без отказа всем помо-

гал. Пока плод зеленый, его не срывают, так и Господь — пока не покается человек, оставляет его по милосердию Своему, ожидая его покаяния, а как покался, сразу берет, не замедлит. Вот мы и немощны, и болеем, а не берет Господь, а он был готов уже перейти туда. Там настоящее жительство, а здесь временное. Мы все думаем, что смерть за горами, а она за плечами. И кто из нас знает — доживет ли до вечера? Поэтому нам надо с сегодняшнего дня начать повнимательней к себе относиться. Ведь если не поверхностно, а серьезно поглубже заглянуть в себя, в свое сердце — что там? Да ведь у меня первого там все как разрушенная голубятня». Так отец Иоанн во всех обстоятельствах смирял себя.

О смирении батюшки рассказывали врачи, его лечившие. Хирург, оперировавший его, говорил, что батюшка никогда не требовал никакого особого подхода, особых условий. Когда ему первый раз сделали операцию, лежал в общей палате на семь человек. Операции батюшка переносил тяжело, так как у него было очень больное сердце. После одной из операций, когда рана уже затянулась, у батюшки поднялась температура. Врач, как обычно в таких случаях, опасаясь, что в ране пошло нагноение, предложил открыть рану. Батюшка возразил: «Может, не надо», мол не от этого у него температура поднялась. Но врач настоял на своем, так как боялся заражения, и батюшке пришлось перенести сильную боль. Это очень плохо отразилось на его сердце. Рана же оказалась чистой. Впоследствии врач, который стал батюшкиным духовным сыном, очень переживал: «Я только потом понял, что батюшка не просто так отказывался, он знал, что рана чистая, что температура от ревмокардита (болезни сердца), но только по смирению и послушанию своему согласился перетерпеть новую боль. Я батюшке боль причинил».

Как-то батюшка с духовным сыном приехал на прием в поликлинику, где работала его духовная дочь — врач. Она предложила повесить батюшкино пальто в отдельном кабинете, но он сказал: «Как все люди, так и мы», — и отдал пальто в общую раздевалку.

Постоянное самоукорение старца было хорошо известно. В лекциях по Пастырскому богословию он пишет, что «истинный пастырь все недостатки и грехи паствы считает следствием своей недостаточной ревности и мудрости. Во всем и за все он обвиняет самого себя». В своих письмах старец называет себя грешным человеком, часто просит молиться о себе.

Когда на батюшку клеветали, он не роптал, но тихо и твердо говорил: «Клевета — это хорошо, клевета очищает». Но, быть может, особенно смирение старца проявлялось в том, что он терпел около себя лиц, обладавших самым тяжелым характером. Однажды он сказал своим духовным детям, между которыми не было мира: «Если бы вы были в сане батюшки — да никого бы вы не потерпели. Никого бы

рядом с вами не было. Всех бы вы разогнали. Сколько же я терплю, всех терплю!»

— Вы старец, а я-то кто? — сказал один из них.

— Все равно надо терпеть. Я вас всех терплю, а вы не можете друг друга потерпеть.

В последний год земной жизни отец Иоанн тяжело болел, не мог вставать. Врач сказал, что ночью у него бывают тяжелейшие сердечные приступы. Один монах предложил поставить на столик рядом с батюшкой колокольчик, чтобы он звонил, когда ему будет плохо, но другой сказал, что батюшка очень смиренный и не будет никого беспокоить. Надо только около него дежурить. Так и сделали.

Профессор Московской Духовной Академии, доктор Церковной истории К.Е. Скурат пишет: *«Отец Иоанн — это образ истинного смирения. Знаю об этом из личного опыта общения с батюшкой».*

Все, знавшие батюшку, говорят о свойственном ему даре прозорливости. Силой любви он прозревал душу человека, открывал потаенные помыслы, забытые грехи, предсказывал будущее. Для него не существовало тайн. Незнакомый человек мог прийти к нему и молчать, а батюшка знал его жизнь, ее обстоятельства, его душевное состояние и зачем он к нему пришел.

Часто старец отвечал не на тот вопрос, который задавал человек, а на ту мысль, которая была главной в душе вопрошавшего (при этом иногда говорил: «У тебя все, как на чистом листе, видно»), точно определял внутреннее состояние даже тех людей, которых никогда не видел, знал загробную участь усопших. Видя человека впервые, старец рассказывал всю его жизнь или называл самые сокровенные грехи. Дар проникновения в тайники человеческих сердец удивлял многих и побуждал всецело отдаваться его руководству. У людей появлялась уверенность, что старец лучше их знает, в чем они нуждаются и что им полезно.

Схиархимандрит Иоанн обладал даром предвидения, он прозревал будущее, как настоящее. Предсказания его продолжают сбываться. Примеров прозорливости старца было множество.

Приведем лишь некоторые из них, засвидетельствованные его духовными чадами.

Однажды батюшка сидел в ризнице за столом, разбирал бумаги и вслух повторял Иисусову молитву. Рядом находился некий человек N. Он мысленно обратился к отцу Иоанну: «И за меня тоже помолись». В следующий раз батюшка произнес: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного и N. (имярек) тоже».

Перед отпеванием духовной дочери старца монахини Серафимы батюшка вошел в алтарь. Здесь у двери стоял студент, которого раньше батюшка никогда не видел и не знал. Называя его по имени, отец Иоанн сказал: «А вот и Игорь здесь стоит». Студент был поражен.

Один человек пережил сильнейшую скорбь, которая потрясла его, и он заболел. Батюшка в то время находился в Жировицком Успенском монастыре, а он не мог поехать туда и обратиться к старцу. Однажды вечером этот человек находился в сильном унынии, даже отчаянии. Вдруг зазвонил телефон, он поднял трубку и услышал батюшкин голос: «Ну, что ты там?». Рассказав все батюшке, он понял, что уныние исчезло, боль прошла, душа успокоилась. Так батюшка чувствовал и знал душу каждого из своих чад и всегда приходил на помощь.

Одной своей духовной дочери отец Иоанн почти за 10 лет предсказал, что ее сестра будет замужем за священнослужителем, что и произошло. Другой духовной дочери, спрашивающей, можно ли помочь знакомому устроиться на работу, ответил: «Смотри, ведь он за границу уедет». Той это показалось невероятным. Но слова старца исполнились спустя 8 лет, уже после его праведной кончины.

«Однажды, — рассказывал один человек, — мы попросили у батюшки благословения поехать отдыхать в Новый Афон. Батюшка ответил: “Поезжайте, вы еще успеете”. Отдыхали хорошо, и только когда благополучно вернулись в Москву, стал понятен смысл слов батюшки: на следующий день после возвращения объявили карантин из-за холеры, поезда в Москву не пропускали, а останавливали на несколько суток вдали от населенных мест, и люди жили в вагонах в очень трудных условиях».

«Батюшка, — вспоминает духовная дочь старца, — разрешил мне поехать на юг. Перед отъездом я приехала взять благословение в дорогу и сказала, что еду в Хосту (там уже, как мне сообщили, сняли квартиру). Батюшка ответил: “Хорошо, поезжай в Адлер”. Я поправила: “В Хосту”. — “В Адлер”, — ответил батюшка. Когда мы приехали в Сочи, встречающий меня там брат сказал, что в Хосте с квартирой не получилось, и он снял ее в Адлере».

Одна духовная дочь отца Иоанна уезжала отдыхать. По возвращении она должна была выйти на новую работу, которую нашла рядом с домом. Место ей было оставлено, была полная договоренность обо всем. Во время ее отдыха батюшка велел ей передать: «Пусть на день раньше приедет и утрясет вопрос с работой, а то займут место и возьмут другого человека. Где такую работу найдешь, чтоб возле дома, — трудно». Ей передали, но она возвращаться раньше отказалась, так как была уверена, что ее будут ждать. Но в результате место ее заняли, и она целый год ездила на работу через весь город.

Как-то раз батюшка передал одной монахине много маленьких икон преподобного Сергия. Сначала было непонятно, зачем ей так много икон. Но через 3 недели матушка умерла, к ней пришло прощаться очень много людей, и каждому давали образок, переданный

батюшкой. А иначе и нечего было дать. Тогда стало ясно, что батюшка провидел ее близкую кончину.

Батюшка не благословил одного монаха ехать в горы. Он не послушался и на обратном пути, когда переправлялся через горную речку, сорвался и разбился насмерть. Его нашли охотники через несколько дней.

Своему духовному сыну — хирургу батюшка велел поскорее заканчивать докторскую диссертацию, а у того это никак не получалось. Вскоре его назначили заведующим клиникой, но сказали, что он должен быстро защитить докторскую диссертацию, иначе другого назначат, так как заведующим может быть только доктор медицинских наук. Тут пришлось срочно ехать к батюшке просить помощи. По молитвам старца тут же нашлись люди (пациенты, знакомые), которые помогли с техническим оформлением работы. Защита прошла легко.

Духовная дочь батюшки работала медсестрой. Однажды работы было очень много, она была в отделении одна и с трудом справлялась со множеством обязанностей. В конце концов она на кого-то начала «ворчать». Когда на следующий день эта медсестра приехала к батюшке, он сразу стал ей говорить, что так вести себя на работе нельзя, повторил все ее слова: «зарплата маленькая, работы много... и т.д.». Она сильно удивилась: «Батюшка, да кто же Вам мог это все передать?». Батюшка сказал, что ему никто ничего не говорил. Тогда она поняла, что батюшке все открывает Бог, и стала со стыдом просить прощения.

Духовная дочь рассказывала: «Я сильно заболела и поехала к батюшке. Рассказала о своей болезни. На столе у старца стояло очень редкое лекарство, которое мне назначил врач, но предупредил, что я вряд ли смогу его достать. Батюшка дал мне это лекарство и сказал, как его надо принимать. Я еще только ехала к старцу, а он уже знал, что я приеду и какая у меня болезнь, и приготовил лекарство».

Духовная дочь старца из Молдавии рассказывала, что когда она впервые попала к батюшке, он сказал ей прийти к нему на исповедь. «Только последняя не стой, а иди в числе первых». Та удивилась, как батюшка, никогда ее прежде не видевший, знает, что она всегда перед исповедью стоит самая последняя. На исповеди батюшка сразу стал спрашивать ее, начиная с детского лет: «А этого не делала?» «А такое делала?», — и называл все ее грехи. Она только подтверждала и сильно плакала.

Удивительна была связь старца с миром иным. О загробной участи своей духовной дочери он говорил, что она все мытарства прошла без остановки, на одном только была задержана. О любимом духовном сыне сказал: «Я знаю... — Н. в раю». Говорил: «Я видел книги грехов, они страшные».

Еще батюшка рассказывал: «Вот мне являлся один наш преподаватель. Все просил меня: “Да ведь ты же можешь, ну ты же можешь!” Хороший был человек, да вот не покался перед смертью. Я за него в монастырь подавал, сам молился. Потом перестал приходить. А другой являлся, так тот темный весь. Верующий, простой был человек, но грубый. Я говорил митрополиту: “Давайте, владыка, епитрахиль, поисповедуем его — и все”, а владыка сказал: “Нет, время вышло. Уже все. Надо было при жизни исповедаться». Продолжая, батюшка сказал, что «очень трудно спастись, очень сложно. Потому, что злой дух развязан здесь и мучает человека, а человек слабый — поддается. Но есть покаяние, если бы не было покаяния, — никто бы не мог спастись. Если искренне кается человек, то Господь заглаживает грехи. Великое дело, если сознает человек».

Бликий духовный сын отца Иоанна рассказывал, что был с батюшкой на Новом Афоне, где старец посещал своих духовных чад, которые сами не могли к нему приехать. Однажды батюшка пошел с ним и еще с одним юношей в известные Ново-Афонские пещеры. Когда они проходили по мосту над пропастью, то в глубине увидели нечто похожее на трон из сталактитов. Батюшка посмотрел туда и сказал: «Вон сидит». Сопровождавшие его поняли, что он говорит о князе тьмы. Все это было открыто его духовному взору. Когда в Московской Духовной Академии показывали фильм «Братья Карамазовы», то батюшка говорил, что в нем очень точно показано явление злого духа. «Точно так и бывает», — закончил он.

Отец Иоанн имел дар чудотворений, мог изгонять демонов, исцелять тело от неизлечимых болезней, а душу от гнездившихся в ней страстей. С полной уверенностью можно сказать, что нет ни одного духовного чада отца Иоанна, кто бы по опыту не знал, что батюшка может исцелить от телесных и духовных болезней.

Вот примеры.

Умирала молодая женщина. Состояние ее было безнадежное. С ней уже попрощались близкие. Об этом рассказали батюшке. Он тогда сказал своей духовной дочери (монахине Серафиме): «Что будем делать? N. умирает». Та ответила: «Жалко, ведь сироты останутся». Батюшка сказал, что если братъ это на себя, то будет очень трудно. Он стал молиться о больной, и сам, и матушка Серафима очень тяжело и надолго заболели, а умирающая начала поправляться, выздоровела и живет после этого многие десятилетия.

Одна духовная дочь отца Иоанна рассказывала: «У меня умирал в больнице дедушка, врачи сказали, что у него рак желудка, и предлагали делать операцию. Я очень переживала еще и из-за того, что дедушка, хотя и был человеком верующим, но в храм не ходил, не исповедовался, не причащался. Со своим горем поехала к батюшке. Старец сказал, что в эти годы операция бессмысленна. После опера-

ции быстро умрет, если только не “под ножом”. А надо домой его взять да поговорить с ним: “Вот смерть, душа от тела уйдет — что будешь говорить, как от бесов спасешься?” А когда страдание начнется, тогда он реально и почувствует приближение смерти, скорее раскается, тогда и причастить можно. И душа спасется, хотя и из мук. Но батюшка подчеркнул, что причащать можно только, если раскается, без понимания нельзя причащать. Я просила батюшку молиться. Но очень боялась, как сказать дедушке о причастии. Согласится ли он? Пришла к нему в больницу, а он, как только увидел меня, сразу сказал: “Миленькая, возьми меня отсюда, возьми домой. Ведь я с шести лет не исповедовался и не причащался”. Так душа его сразу откликнулась на великую силу батюшкиной молитвы. Мы взяли дедушку домой, он искренне раскаялся, причастился дома, так как был очень слаб. Но потом стал ходить в храм. Когда через четыре месяца ему сделали рентген, то врачи не обнаружили никакого заболевания и не могли в это поверить. Он прожил еще более пяти лет и скончался совсем от другой болезни».

Батюшке прислали письмо о тяжело больной с просьбой помолиться. Он незамедлительно написал: «Болезнь ее пройдет, она поправится», — что вскоре и произошло.

Батюшка очень точно ставил диагноз больным, так что и опытные врачи удивлялись. Одна его духовная дочь — врач рассказывала: «У меня заболела маленькая дочка, поднялась высокая температура, врачи сказали, что у нее воспаление легких и ложный круп. Ночью ее отвезли в больницу, а утром я поехала в Загорск к батюшке, чтобы попросить его молитв. Когда я рассказала ему о болезни дочки, он вдруг сказал, что у нее аппендицит, но ничего, это бывает. Я повторяла, что воспаление легких. Вернувшись домой, я узнала, что девочку перевели в хирургическое отделение, так как у нее аппендицит. По молитвам батюшки она скоро поправилась».

У другой духовной дочери сильно опухали и болели руки. Врачи никак не могли поставить ей диагноз. Батюшка сразу сказал, что у нее ревматизм, хотя ревматические пробы были отрицательные. Впоследствии этот диагноз подтвердился. Еще одному больному человеку, которого врачи не знали, как лечить, батюшка сказал, что у него больна печень. Впоследствии врачи поставили диагноз — цирроз печени и почти не оставили больному надежды. Но отец Иоанн исцелил этого человека, и врачи с удивлением не находили потом этого заболевания.

По своему смирению отец Иоанн скрывал присущий ему дар исцелений и, чтобы люди о нем не догадывались, советовал больным принимать, например, какие-нибудь лекарственные травы, которые часто сам же и давал.

Исцелившись от болезней, люди понимали, что не трава помогла, а сила молитв старца. Одной часто болевшей духовной дочери он дал

бутылочку с каплями, на этикетке которой написал: «От болезней (далее следовало имя)». Действительно, по молитвам старца эти капли помогали ей от самых разных болезней: от головной боли, от тошноты, от простуды, болезней желудка и печени, отеков ног.

Чудодейственной была сила прикосновения старца.

Близкий духовный сын батюшки показал ему уплотнение на кисти своей руки. Старец, как бы желая понять, что там, потрогал больное место. Увлечшись беседой с батюшкой, духовный сын забыл о своей болячке. Проснувшись на следующее утро, он с удивлением обнаружил, что рука его совершенно здорова.

Интересно, что после преставления старца об этом случае исцеления прочитала в жизнеописании старца одна духовная дочь отца Иоанна. Глядя на фотографию старца, она внутренне с грустью помолилась батюшке: «Батюшка, вот Вы его исцелили, а у меня такой же “костный нарост” на руке, и Вы сказали к врачу идти. А врачи не знают, что делать, как лечить. Что же, так теперь я и останусь? Если можно, помогите мне», — и приложила больную руку к фотографии. Потом она совсем забыла об этом. Но через несколько дней, когда вспомнила и посмотрела на руку, обнаружила, что нароста не было. Рука была здорова.

Ректор Академии должен был служить в Академическом храме, но не мог из-за сильной головной боли. Батюшка зашел его навестить, расспросил о болезни, и сказал: «Владыка, нет ли температуры у Вас?». И как бы проверяя, положил свою руку на лоб больного. Ректор говорил потом: «Что за человек? Как положил руку на голову, так сразу боль прошла. Я встал и служил».

Отец Иоанн имел дар непрестанной умно-сердечной молитвы Иисусовой. Близкие люди знали, что он не перестает молиться и во сне. Схиархимандрит Андроник говорил, что «Иоанн день и ночь вопиет». Велика была сила его молитв, ограждавших его чад от козней диавольских. Сокурсник отца Иоанна протоиерей Владимир Кучерявый писал, что «молитва была дыханием его сердца». Батюшка часто молился вслух Иисусовой молитвой. Иногда молился: «Господи, подай нам исправление, ревность духовную», «Господи, помилуй, Господи, прости, помоги мне, Боже, крест Твой донести». Молился тихо, проникновенно: «Господи, помоги нам слабым, немощным».

Давал наставления чадам словами псалмов: «Смерть грешников люта», «На Господа возведи печаль свою», «Господь — утверждение мое и Спаситель мой». Очень часто молитвенно обращался к Матери Божией. После вечерних молитв всегда пел «Иже крестом ограждаеми...».

В своих письмах также часто использовал стихи псалмов: «Помощь моя от Господа, сотворшаго небо и землю», «Скажи мне, Господи, путь, вонже пойду». Особенно часто в письмах старца повторяются строки: «Терпя потерпех Господа, и внят ми, и услыша молитву

мою...» Он учил, что и нам надо в тяжелые моменты нашей жизни повторять эти слова.

Многие и многие люди благодарны батюшке за молитвенную помощь. Одна его духовная дочь рассказывала: «Когда я училась на втором курсе института (на вечернем отделении), батюшка вдруг сказал мне, что надо переходить на дневное отделение. Я ответила, что у нас в институте это невозможно даже для “круглых” отличников, многие уже пытались, да ректор не разрешает. Но батюшка повторил свое благословение. Я даже не знала, как к этому делу подступить, но через несколько дней ко мне вдруг сам подошел наш преподаватель математики и предложил перейти на дневное отделение, причем не на мой факультет, а на гораздо более престижный, куда очень трудно было поступить. Он сам похлопотал у ректора, и через неделю меня перевели на дневное отделение. Так велика сила молитв батюшки».

Одному человеку по роду работы приходилось составлять много документов, которые имели юридическую силу. Но ему было это очень трудно, и писал он с ошибками. Тогда он сказал батюшке: «Пишу с ошибками», — и попросил молитв. После этого стал писать всегда грамотно и хорошим слогом.

У духовной дочери старца была родственница, которая не ходила в храм, слышать не хотела об исповеди и Причастии. Приближался конец ее жизни, но она оставалась в своем неверии. Тогда попросили батюшку помолиться о ней. После этого она сама попросила, чтобы ее причастили и скончалась по-христиански.

Отец Николай, духовный сын батюшки, рассказывал о чудесном ловле рыбы. Летом он был с батюшкой на Волге. В том месте, где они жили, по словам местных жителей, рыба не ловилась; для рыбной ловли нужно было спускаться вниз по течению. Но батюшка благословил ему и еще одному послушнику ловить рыбу рядом с домом. «Сидим мы в лодке, — вспоминал отец Николай, — ничего не ловится. Вдруг видим, батюшка стоит на высоком берегу. Благословил нас. Рыба стала неожиданно клевать так, что мы не успевали вытаскивать ее. Потом батюшка ушел, клев прекратился. Так повторялось несколько раз. Никто поверить не мог, что мы так много рыбы поймали в том месте».

Что бы ни случилось в жизни духовных детей отца Иоанна, они стремились связать с батюшкой каждое движение своего сердца. У них была только одна забота — сообщить обо всем батюшке, и вера их не посрамлялась: молитвами батюшки всегда все устраивалось во спасение. Многие, имея какое-нибудь дело, желали только одного: чтобы при начале этого дела старец молча благословил их. А если не было возможности увидеть отца Иоанна или написать ему, то обращались к батюшке внутренне, просили его помощи и молитв, так как

тем, кто жил далеко и не мог часто приезжать, отец Иоанн говорил: «И мысли доходят». И добавлял: «Все передается — и скорбь, и радость. Все чувствуется».

Так, его духовная дочь рассказывает: «Однажды летом (батюшка был в отпуске) со мной случилось искушение, но об этом никто не знал. Когда батюшка приехал, мне стыдно было сказать ему сразу, чтобы не расстроить, и я решила отложить до исповеди. Но он строго сказал: “Ты что скрывать думаешь?” Когда я во всем раскаялась со слезами, он сказал: “Я ведь все чувствовал... и горячо молился, а ведь могло выйти еще хуже”. Батюшка так молился за нас — духовных чад, что никакое расстояние не было преградой для него. Впоследствии, когда его перевели в Жировицкий монастырь, я говорила: “Теперь Вы далеко, случится какое искушение, не будешь знать, как поступить”. Он ответил: “А ты скажи: “Я все батюшке напишу и пожалуюсь”, — и все пройдет”. И потом я много раз это на себе испытывала. Как станет тяжело на душе, попросишь мысленно батюшку, и все выравнивается».

Иногда казалось, что старец составлял со своими духовными детьми как бы одно существо. Такой духовный союз укреплялся между ними главным образом через молитву и через любовь к Богу и к людям. Старец жил свято, Дух Господень обитал в его сердце, и поэтому из его души так щедро изливалась на людей благодатная чудодейственная сила.

Вот лишь некоторые отзывы самых разных по характеру людей о беседе со старцем: «Когда старец слушает вас, то вы чувствуете, что в эту минуту он весь вами живет и что вы ему ближе, чем сами себе», «Сто пудов свалилось — вот жизнь!», «Батюшка все понимает без слов и гораздо глубже и лучше, чем я сам мог бы рассказать», «Вся душа моя в его руках», «Так радостно, уютно, тепло, как будто под крылышком сидишь, со всех сторон огражден».

Так служил ближним отец Иоанн, щедренный от Бога многоразличными дарованиями благодати Божией и преисполненный горячей любовью к страждущему человечеству. Приведенные случаи, в которых проявлялись дары благодати старца, составляют лишь малую часть, потому что в продолжение почти сорокалетнего его старчества подобные случаи повторялись едва ли не каждый день.

У старца была высшая черта христианского подвижничества: живя вне мира, он умел служить миру. Батюшка сам замечательно высказал эту мысль в своих лекциях по Пастырскому богословию: “Пастырство есть служение миру, но само оно не от мира, и поэтому греховный мир часто не может понять высоты пастырского служения и восстает на него».

Методы пастырского душепопечения отца Иоанна всегда были основаны на учении Православной Церкви и святых отцов. В письмах

своим духовным чадам — священникам он пишет: «Мы всегда должны жить и учить только так, как учит Церковь и святые отцы».

Имея сам необыкновенное смирение, батюшка и духовных чад прежде всего приводил к смирению. Их жизнь под его руководством была всегда направлена на борьбу со своими страстями и, главное, с гордостью.

Всеми способами стремился старец привести души пасомых к искреннему покаянию и самоукорению, учил, чтобы за все себя укоряли и не слагали вину на других. Радовался, когда в ответ на обличение слышал искренние слова: «Виноват, батюшка, простите». — «Вот-вот, это — начало, — говорил тогда старец. — Всегда себя надо обвинять». Приучал в общении с людьми постоянно думать так: «Все как ангелы, я хуже всех». Еще говорил: «Самое верное — считай себя хуже всех». «Чтобы не ушла молитва — укоряй себя». Часто батюшка напоминал: «Главное — осознать грех». Тех же, кто раскаивался, он направлял на путь добродетели, призывая: «Начинай с сегодняшнего дня исправляться», или просто: «Начинай!». Однажды старца спросили: «Батюшка, вот в «Отечнике» сказано: “...если нет в душе смирения, смирайся телесно, — как это?” — “Когда ругают — не противоречь. Надо сеять каждый день”. — “Да что же я могу посеять?” — “Терпи, когда ругают”».

Батюшка учил, что истинное смирение должно проявляться в терпеливом перенесении обид и укоризн, так как смиренные считают себя достойными всяких унижений. На вопрос: «Как смиряться?» — батюшка отвечал: «Себя укоряй. Когда другие укоряют, соглашайся. Считай себя хуже всех...». Более того, отец Иоанн не только призывал к самоукорению, но и называл страшным такое душевное состояние, при котором человек не считает себя хуже других людей. Так в проповеди «О чудесном улове рыбы» он говорил: «Очень часто мы по своему самолюбию считаем себя не хуже других людей и по этой причине стремимся извинить себя, оправдать свои греховные дела, хотя в нашей душе скрываются и действуют различные похоти и страсти. Да сохранит Господь каждого из нас от такого страшного состояния».

В своих письмах отец Иоанн писал: «Да умудрит тебя Господь и поможет прежде всего увидеть свои грехи». Батюшка учил, что при искреннем смирении рождается правильный образ мыслей. Батюшка приучал всегда брать вину на себя, даже если и не виноват. Воспитывая в людях безгневие, смирение и терпение, он часто умышленно делал выговоры. Духовная дочь рассказывает: «С первых дней, как я узнала батюшку, он начал борьбу с моей гордостью. (Я работала в храме Московской Духовной Академии.) Батюшка учил меня просить прощения даже за те проступки, которые я не совершала, причем при студентах и преподавателях. Как-то батюшка разговаривал с одним

преподавателем и в конце беседы стал жаловаться на меня, указывая на пол: “Отец, эта девка мне весь мрамор выдолбила”. Я стала говорить, что он до меня такой был. “Она еще и оправдываться начала”. Тогда я подошла и попросила прощения: “Простите, я виновата”. Тут батюшка улыбнулся и сказал: “С этого надо начинать”. Учил батюшка духовной жизни всегда на примерах. Как-то я навела порядок в ризнице (не успела только вынести корзину с мусором) и про себя подумала: “Батюшка придет и похвалит за чистоту”. Но каково же было мое удивление, когда я после обеда пришла в ризницу, за рабочим столом сидел батюшка, а на полу и на столах был разбросан мусор из корзины. Батюшка строго спросил меня, почему я ничего не убрала. Я ничего не могла понять, быстро убрала и машинально попросила прощения. Через несколько минут, немного успокоившись, я спросила: “Батюшка, какой смысл и есть ли от этого польза — просить прощения, если я не чувствую себя виноватой?” Батюшка ответил: “Пусть сегодня ты не виновата, но вспомни, разве не бывало так, что ты на улице бросала ненужные бумажки или дома не убирала за собой. Вот за это и проси прощения. Всегда, когда за что-нибудь ругают, нужно искать причину своей виновности, если не теперь, то за прежние грехи”.».

Батюшка учил принимать обличения и не смущаться. Одному человеку он говорил: «Душа твоя не терпит укора, очень внутренне смущается. Будь простым, и напряжение пройдет, а это значит: “Я хуже всех, всем должен, какое могу добро делать, всем — мое почтение»». Батюшкины обличения помогали человеку выявить свое внутреннее состояние: на самом ли деле считает себя достойным лютого уничтожения, или возмутится, поропщет.

Однако, если батюшка видел, что человек не может терпеть укор, он одним словом мог водворить в душе мир. Однажды был такой случай. Девушка поступила работать в Академию, несла послушание при храме. Батюшка ее поругает — она убежит, спрячется, долго ищут ее. Потом перестала прятаться, но что ей ни скажут — молчит, ничего не говорит. Так продолжалось несколько дней. Потом она убирала в ризнице, и батюшка пришел, опять ее поругал, — она молчит, обижена. Батюшка помолился, потом, улыбнувшись, обратился к ней: «Слово не так сказал — и дружба врозь». Она рассмеялась, душа у нее вся открылась старцу, и мир восстановился.

Еще батюшка говорил: «Не всякую душу можно с плеча рубить, а то хуже будет. Не всякую “крутануть” можно. Некоторых надо потихоньку...».

Главное, батюшка приводил к смирению всем образом своей жизни. Все, кто общался с ним, знают, что дух смирения, обитавший в старце, изливался на каждого в той мере, в которой человек мог это вместить. Рядом со старцем отлетало все ненужное, суетное, нанос-

ное. Человек становился самым собой и получал редкую возможность видеть себя как бы со стороны, таким, каков он есть. Каждый сам ощущал свои грехи и невольно приходил к искреннему раскаянию. Тогда на душе становилось тихо-тихо, и человек исполнялся чувством собственного достоинства. В такие минуты некоторым людям старец говорил, что они должны «всех вокруг крепить своим смирением, всех утешать». В лекциях по Пастырскому богословию отец Иоанн писал: «Пастырское влияние основывается на таинственном общении пастыря с паствой через передачу последней своего настроения».

От духовных детей отец Иоанн требовал полного и безусловного послушания. Все вокруг старца совершалось только по его благословию. Батюшка писал, что послушание должно лежать в основе всех добродетелей, ибо послушание было первой заповедью, данной человеку по его сотворении. По мысли отца Иоанна, «утверждение в добродетельной жизни есть утверждение в послушании». Если батюшка давал ответ на какой-либо вопрос, а его потом переспрашивали, он говорил: «Сказал раз — и на всю жизнь. Что было запрещено — то грех, через сколько бы лет ни случилось».

В своих письмах отец Иоанн писал: «...Нам следует пересмотреть свою жизнь и начать устраивать свое спасение со всей тщательностью. Особенно не нарушать послушание. По учению святых отцов, послушание — рай, а ослушание — ад».

Он говорил: «Все дает послушание». «Слушай, что тебе говорят, и выполняй, тогда и жизнь установится». «Слушаться надо огненно». «Кто слушается — тот спасается». «Раньше людей легко было вести: сначала на всякое дело придут, возьмут благословение, а потом уже делают, а теперь сами все делают, а потом благословения просят. Но и сейчас есть люди, которым один раз в год даешь направление — и они держатся. Хорошие есть люди. И хочется помогать людям». «Надо слушаться, а не своими мыслями жить».

Предостерегая 20-летнюю девушку от общения с молодыми людьми, которые ей нравились и о которых она рассказывала старцу (впоследствии они оказались сектантами) батюшка говорил: «Но я же чувствую, что нельзя. Ну, смотри, вот если ты идешь, а впереди яма сокрытая, а я знаю, что яма, и тебя предостерегаю... Я за тебя отвечаю. Сказали — слушай, а хочешь своим умом жить — уходи. Сидишь на корабле — в пучину не бросайся!».

Старец советовал отсекал свою волю. Он говорил, что многие сейчас хотят спастись, желание имеют, а дел не делают и ходят, как овцы без пастыря, а враг легко берет сначала одну, потом другую без всякого труда, потому что волю свою творят. «Трудно дело спасения!» — заканчивал старец.

Старец внедрял в сознание своих духовных чад, что человек не должен доверять своим мыслям, чувствам, своему разуму, потому что

после грехопадения они ложны. По свидетельству отца Иоанна, осознание человеком ложности своего разумения — очень важный момент в деле духовного совершенствования. В своих богословских трудах старец объясняет, что до грехопадения ум людей был «проницателен, чист и способен к быстрому восприятию всех Божественных истин, воля была направлена к добру... Грех нарушил целостность природы человека... Падение первого человека привнесло в его природу порчу, которая отразилась на всех свойствах души, нарушила гармонию... Извратились все познавательные силы... Утратились ясность и проницательность ума... Ум человека помрачился и уже не способен отличать добро от зла... С помрачением ума... и сердце человека стало источать всякое зло. В нем появились нечистые пожелания и греховные влечения... Воля человека устремилась в сторону зла и произвола. Первородный грех внес в существо человека полную дисгармонию... Люди, помраченные тьмой неведения, стали почитать вместо добродетелей пороки».

О том, что ум человека помрачен и нельзя ему доверять, батюшка писал в своих письмах: «...У нас нет никаких добрых дел, то есть молитвенного подвига нет, смирение и терпение в нашей душе отсутствуют. А пороки развиваются, подобно зловредным насекомым, с неудержимой быстротой, которые полностью оскверняют наше сердце и помрачают ум. Находясь в таком состоянии, человек теряет свое христианское достоинство и уходит на “страну далече”, то есть в пропасть ада».

В разговорной речи, отличавшейся у старца особой образностью, он говорил об этом еще ярче. Когда старцу рассказывали о нерасположенности к чему-либо или к кому-либо, он отвечал, что этому доверять не надо. «Душа наша после грехопадения как разбитое грязное корыто. Главное — ее очищать и воли Бога искать». Волю же Божию открывает только старец. О тех, кто не слушался, батюшка говорил: «Чувствует, конечно, душа, что погибла бы давно без молитвенника, но все свою волю творит».

Два человека в жизненно важном вопросе не послушались батюшку и поступили по своей воле. Отец Иоанн очень переживал за них и строго сказал: «Они лишились предстателя пред Богом». Впоследствии жизнь их сложилась очень неудачно. Батюшка писал, что своеволие неотделимо от гнусной и мерзкой гордости, которая лежала в основании греха прародителей. В проповеди «О чудесном улове рыбы» старец сказал: «Мы с вами... стремимся свою жизнь устроить не по зову Божию, не по святой Его воле, а по своим греховным наклонностям. И поэтому при малых наших житейских неудачах мы теряем равновесие, горько жалуемся и готовы роптать на Бога. И наоборот, когда в нашей жизни бывает все благополучно, то мы становимся самонадеянными гордецами, думая, что наше благополучие зависит от нашего умения, а не от Бога, милующего и спасающего».

Один человек, трудившийся в храме, рассказывает: «Трудно было сразу отказаться от своих привычек, очень любил я поездки: в Москву, в другие города. При первой же возможности я старался куда-нибудь съездить. И вот батюшка постепенно начал отсекаать мою волю. Вначале запретил поездки в Москву, потом по району, потом и по самому городу. Он говорил: “Что ты бродишь по Загорску, грехи собираешь”. А когда мне становилось уж очень тоскливо, батюшка мне, как маленькому ребенку, рассказывал то “Сказку про золотую рыбку”, то еще что-либо, но всегда с пользой для души.

Он видел внутреннее душевное состояние и соответственно вразумлял человека, когда строгостью, а когда отцовской любовью. Один раз я сказал: “Что Вы меня в железную клетку посадили, как птицу: туда не ходи, то не делай, с тем не разговаривай”. А он так внимательно ответил: “А выпусти тебя, ты улетишь и тебя не поймать”.». Так старец отсекал своеволие.

Духовной дочери батюшка запретил зимой ходить по тропинке, протоптанной по льду через пруд, хотя все там ходили. Однажды она хотела в обеденный перерыв сбежать к батюшке и подумала: «Времени у меня мало, все ходят через пруд, пройду один раз — ничего не случится». Но на середине пруда она ступила ногой рядом с тропинкой и провалилась по пояс в ледяную воду, побежала домой переодеваться, а потом уже вокруг пруда к батюшке.

Батюшка учил, что своеволие лишает благодати. На вопрос игумена одного монастыря о проступке монахини старец отвечал: «Она оскорбила Бога своим своеволием и тем самым удалила благодать Святого Духа из своего сердца. А отсюда происходит и телесная болезнь, и душевная».

Девушке, просившей взять ее на работу уборщицей Академического храма, батюшка сказал, что это трудно [в храме трудиться]. «Надо всю жизнь переменить. Это как лестница. Каждый день, хоть понемножку, надо исправляться, подниматься на ступеньку, а если думаем стоять на месте, то это враг обманывает нас — обязательно вниз стащит, а надо вверх. Здесь трудно не столько физически, сколько духовно. Нужно свою волю отсекаать каждую минуту, а это очень тяжело человеку. То заставят пол мыть, то стирать, то еще куда-нибудь пошлют. Делай все, что не хочется.

Когда человек в миру живет, там враг не мучает — он и так его волю творит, а как сюда приходит, то не разрешают человеку жить по своей воле, вот против человека и борются плоть и враг. И очень это тяжело бывает вынести. Так что надо все взвесить, не подумав — не соглашаться, потому что обратной дороги нет».

В то же время батюшка часто говорил, что Господь очень милосердив. Он рассказывал: «Вспоминается такой удивительный случай милосердия Божия, мне его схимник Глинской пустыни Никодим рас-

сказывал. Когда пустынь разогнали, он жил у моих родственников, а голод был, и как-то он сказал: “Господи! Как же пирожка хочется”, — и тут же стук в дверь: “Батюшка, откройте, я пирожков Вам принесла”. Вот так любит и слышит Господь тех, кто Его волю творит».

Батюшка каждого приучал открывать свои мысли духовнику. В лекциях по Пастырскому богословию отец Иоанн указывал: «Откровение помыслов старцу искореняет зло и предупреждает от грехопадений». Это делание — откровение помыслов старцу — издавна процветало в Глинской пустыни, и батюшка прививал его своим духовным детям.

Всякий грех начинается с греховных помыслов. Следовательно, и духовная борьба должна начинаться именно с них. Но для этого надо научиться видеть свои помыслы. Именно этому батюшка прежде всего и учил: замечать помыслы и исповедовать их, часто спрашивал у духовных детей: «Какие у тебя помыслы?» Он говорил: «До грехопадения был человек в единении с Богом. Не было у него плохих мыслей. А теперь враг то с одной стороны, то с другой стороны подступает. А человек слабый — все принимает. Какой-нибудь один раз воздержится человек и подумает: “Вот я воздержался!” — это уже враг обокрал». Насколько опасны греховные мысли, отец Иоанн говорил в «Слове перед исповедью»: «Как нечистый и зловредный воздух изнуряет и ослабляет тело... и прежде времени сводит в могилу..., так и нечистые, греховные мысли... оскверняют душу, заражают ее грехом и препятствуют проникновению в нее благодати Божией, без которой душа умирает вечной смертью». В одном из писем он писал: «Душа, оскверненная порочными мыслями, бывает подобна грязному помойному ведру, где размножаются черви и всякая нечисть».

Помыслы, являющиеся в душе, бывают всех видов: и добрые, и злые, а иногда они тесным образом переплетаются друг с другом. И самому человеку без опытного наставника распознать их невозможно. Поэтому батюшка учил, что открытие помыслов должно охватывать содержание всей души. На исповеди ему открывали не только свои грехи, искушения, но и мысли, пожелания, злые движения сердца.

В одном из своих писем батюшка писал: «Пожалуй, в наше время откровенность в духовной брани есть самое наилучшее средство, ведущее к очищению души, а значит, и ко спасению». Батюшка говорил: «Надо все помыслы говорить, даже если сном смутился». «Все надо обязательно говорить, нет никаких пустяков». «Мысли как пыль: скажешь — сотрешь ее». Одному из своих духовных детей, скрывавшему свои помыслы, старец говорил: «Скрываешь помыслы — далеко не все говоришь, спрашиваешь только внешнее. Эти помыслы тебе внутри кашу и устраивают, вот и качаешься — никак не ус-

тановишься, на канате тебя не удержать. Все надо говорить, а то упадешь, а встать, отцы говорят, очень трудно. Собыешься...».

Другому человеку батюшка объяснял: «Помыслы заводятся как моль, неприметно, и всю одежду в дыры изъедают. Ты долго их скрывал, а говорил бы сразу да почаще — ничего бы уж не было... Когда скрываешь — вместе с диаволом борешься против духовника. Будь готов каждую мысль сказать батюшке и думать: “Как батюшка скажет, так и поступлю”.».

Впоследствии этот человек рассказывал: «Как любовь батюшки к нам была изобретательна, когда он хотел облегчить наши души. Однажды мне почему-то не хотелось говорить один помысл, связанный с моим послушанием. Я только сказал: “Батюшка, мне так не хочется один помысл Вам говорить”, — и боялся, что батюшка будет ругать. А он так внимательно, мягко, задушевно говорит: “Ну давай хоть посмотрим, с какой он стороны”, — как будто ребенку говорит: “Ну-ка покажи, что ты там прячешь?” И потихоньку все из меня вытащил. Мне так легко стало. И я, как малый ребенок, с легкой душой и сердцем говорил батюшке: “Как теперь хорошо, легко. Спасибо, батюшка!” Все, кто испытывал это чувство чистоты, освобожденности на душе после откровения помыслов, знают, что его ни с чем нельзя сравнить. Батюшка сам говорил: “Ко мне приезжай, если есть какие вопросы. Я тебя хорошенько прочищу, и все опять станет хорошо”. В другой раз у меня была нелепая навязчивая мысль, которая очень меня мучила, но я сказал батюшке, что не буду ему ее говорить. Батюшка молчал и молился. Я вдруг быстро все сказал. Тогда он тихо, отрешенно, глядя куда-то ввысь, сказал: “Мысли, они всякие бывают”, — и стал спрашивать меня о чем-то другом. Навязчивая мысль сразу же отступила от меня, я о ней забыл. Потом мне казалось, что, если бы батюшка стал меня ругать или как-то разбираться с этой мыслью, заострил бы мое внимание, то я еще больше бы об этом думал. А так он сразу все отсек одной фразой. Однажды на очень мучивший меня помысл, который я ему высказал, батюшка сказал: “Все это — мыльный пузырь. Не обращай внимания”.».

Как правило, человек чувствовал, что батюшка и так видит его мысли, часто старец их сам говорил, и это сразу располагало к полной откровенности. Но бывали и такие случаи, когда батюшке приходилось долго увещевать человека или даже грозно приказывать, чтобы он сказал греховный помысл. Это стоило батюшке больших трудов. И это была та серьезная внутренняя борьба, которой он учил человека.

Старец как бы за руку вел человека по ступеням лестницы духовно-нравственного совершенствования. Сначала учил замечать помыслы (что очень непросто для новоначальных), открывать их духовнику и, наконец, бороться с ними.

Батюшка каждому много говорил о необходимости внутренней борьбы: «Наша жизнь здесь — борьба. Сидим в окопах, как солдаты, — вокруг рвутся снаряды. Христианин — это воин, сражающийся, по апостолу Павлу, с “духами злобы поднебесной”». «Мы, воины, должны бороться, не расслабляться». «Здоровая душа, когда борется с мыслями, с желаниями». «Против греха борись, как воин, сражайся с диаволом до победного конца, призывая в помощь Царицу Небесную».

Один человек как-то сказал старцу:

— Батюшка, так на душе плохо.

— Что плохо?

— Приеду к Вам — хоть какое-то болезнование сердца о грехах появляется. А уеду домой, через день — два все проходит.

— Да, все выветривается. Будешь бороться — будет легче. А не будешь — все пропадет. Надо бороться.

Батюшка разъяснял: «Борьба состоит в том, чтобы бороться со своими душевными недугами». Старец учил: «С мыслями надо бороться. Не допускать их в ум, тогда они не проникнут в сердце... мысль явилась, а ты ей должен сказать: “Нет, я не хочу”».

Каждый из духовных чад отца Иоанна отчетливо помнит его энергичные слова, которые он говорил на исповеди или благословляя: «Будь внимателен!», «Исправляйся! Смотри за собой!». Эти слова были для каждого нравственным импульсом, сообщали людям бодрость, ревность о своем спасении. Старец учил редкому теперь дару — вниманию. (Святые отцы называют его еще трезвением, бодрствованием, хранением ума.) Внимание — одно из основных средств борьбы с греховными помыслами. Глинские старцы всегда особенно старались воспитать это качество в своих учениках.

В своих проповедях и наставлениях отец Иоанн часто повторял: «Мы должны постоянно следить за собой, за своими мыслями, делами и пожеланиями и всячески избегать того, что оскорбляет Бога и удаляет Его из нашего сердца». Он называл внимание первым средством для очищения души: «Что касается духовной жизни и очищения души от греховного мусора, то первым средством в этом деле является бодрствование духа». В письмах старец также часто писал своим чадам о внимании: «Будем внимать себе!»; «Будь повнимательнее к себе самой»; «Желаю тебе быть лучше и обратить особое внимание на свою бессмертную душу»; «Будь, отченька, внимательным к своей жизни и побеждай все плотские пожелания, вопиющие против бессмертной души, страхом Божиим и страхом вечных мучений за гробом» и т.п. Отец Иоанн показывает, какое важное значение имеет внимание в деле спасения. Он пишет: «Наше спасение заключается в том, чтобы мы смотрели за собой повнимательнее»; «Будем почаще испытывать самих себя, где мы находимся и с помощью Божией удаляться от всего греховного и порочного».

По учению святых отцов, поставив ум в трезвенное состояние, мы должны внимательно смотреть на нападающие помыслы и отвергать их при самом появлении, не принимая их и не позволяя им проникнуть в наше сердце. Батюшка очень образно учил этому. Его духовная дочь как-то сказала:

— Батюшка, мне от этих мыслей [тщеславия] никуда не деться.

— Вот выдумала. Если дверь закрыта, то никто не войдет. Не принимать этих мыслей. Безобразие.

Это образное выражение, что дверь души надо держать закрытой, батюшка часто использовал.

Когда батюшке говорили об унынии, тоске, он отвечал, что «это бывает, когда дверь [души] открыта, то есть впускаешь лукавые помыслы, они понемногу расхищают все, что накопилось в душе, все дары молитвы. Нужно дверь закрыть, помыслы гнать, богатство копить. Тогда в душе будет теплота, сокровища и благодать». Поясняя эту мысль молодой девушке, с которой он говорил в ризнице, батюшка добавлял: «Вот видишь, сколько здесь всего: облачения, книги, иконы. А если я дверь не буду закрывать — все растащат. Так и ты — закрывай дверь [души]». Еще говорил: «Душу держишь всему открытой, все впускаешь, а надо дверь на замок от дурных помыслов и дел». Тем, кто был отягощен помыслами, батюшка мягко говорил: «Помыслов у кого не бывает, но их надо сразу отгонять; с помыслами бороться, и с плотью, и с врагом». Вообще, когда ему исповедовали греховную мысль или пожелание, он часто отвечал: «Это отогнать». Как приказ давал. Еще говорил: «Раз сразу не отсекаешь [с ней] значит, не возненавидел [греховную мысль]».

Говоря о духовном омрачении человека, старец подчеркивал, что человек слаб, слушает внушения врага, принимает их за свои мысли. Поэтому часто повторял: «Не слушай врага, не соглашайся с ним!», «Не исполняй то, что он тебе внушает». Еще говорил: «Надо стремиться к духовной жизни, не принимать помыслов от врага». Когда батюшку спрашивали: «Что значит — очищать помыслы?» — он отвечал: «Не соглашаться с ними». Преподобный Иоанн Пророк объясняет: «Согласие с помыслами состоит в том, что когда что-либо нравится человеку, он услаждается сим в сердце своем и с удовольствием размышляет о сем. Если же кто противоречит помыслу и ведет с ним брань, чтобы не принимать его, — это не есть согласие, но брань, и сие приводит человека к опытности и успеху». Батюшка образно говорил: «Если зверя посадить в ящик и не давать есть и пить, он обязательно умрет. Так и мысли и воспоминания. Если не давать им пищи (отражать), они умрут». В одном из своих писем старец так раскрыл суть своего учения о борьбе с помыслами: «Безусловно, от помыслов никто не бывает свободен, и они всякого человека влекут к чему-то дурному, но от нас в полной мере зависит не соглашаться

с ними и не вступать в беседу, и тогда они постепенно начнут удаляться от человека. Но здесь необходима борьба, только после которой наступает постоянное благодатное пребывание души в Боге». Он называет труд над очищением своего ума и сердца от скверных помыслов и пожеланий «непрерывным подвигом доброделания».

В «Симфонии по творениям святителя Тихона Задонского» батюшка пишет: «Подвиг отсечения помыслов предстоит всем христианам без исключения и непрестанно...»

Если батюшке говорили о мыслях зависти, ревности, он образно отвечал, что, принимая эти мысли, человек сам пыль поднимает и пылит перед собой. На примере страсти зависти батюшка учил, как бороться и с другими греховными мыслями. «Зависть — это от врага. Он может истерзать душу, если не противиться... Когда зависть [нападает — Н. М.], не пытайся своим размышлением противиться врагу, бесполезно, он тебя обманет. Вообще не принимай его подступов — сразу отрезай: “Мне этого не надо, это не мое”. “Занимайся сразу работой, чтобы ум был занят...». Если же у человека были сомнения в вере, батюшка говорил: «Сомнение — искушение диавола. Бессмысленно разговаривать со своими мыслями. На все сомнения — один ответ: “Верую”, — и скоро почувствуешь помощь».

В борьбе с помыслами, как батюшка говорил, следует «переключать ум». «Важно в жизни, что извлекаешь из обстоятельств. Паук из цветка яд берет, а пчела — мед. Вот, например, идешь, услышишь музыку, песни, а ты сразу мысль переключаешь: “А как же Ангелы на небесах поют?” Мыслей греховных не допускай. Сразу переключайся на другое. Думай, например, о смерти, о Страшном суде». Другим батюшка советовал переключать ум на работу.

О том, как опасно принимать греховные мысли, свидетельствует такой случай. Один человек рассказал батюшке о мыслях, какие у него были летом, когда он не мог видеть старца. Батюшка сказал: «Да, плохо дело, натворил дел, большой грех. Телом не согрешил, но душой, теперь годы нужны, чтобы скверну эту омыть, чтобы душу к прежнему состоянию привести».

Вот один из примеров, как батюшка учил бороться с мыслями. Женщина говорит: «Батюшка, мне муж неприятен». Батюшка отвечает: «Враг не дурак, он знает, как действовать, ему только и надо разорвать таинство и выбросить. Если бы ты видела, кто все это шепчет, только по грехам нашим закрыты глаза наши. Когда ты венчалась, этого не было. С помыслами надо бороться. Когда назревает ссора, сказать себе: “Батюшка мне этого не велел”. Когда враг начнет шептать, что муж плохой, неприятный, — ответить: “Нет, он хороший”, — и все сразу исчезнет, и он действительно хороший...».

Батюшка учил замечать в душе пристрастие к кому-либо или чему-либо. Он говорил: «И малая вещь может погубить человека, если он

будет относиться к ней с пристрастием». Батюшка наставлял бороться с помыслами молитвой. Он говорил: «Надо гнать вражьи мысли, заменять их молитвой». Некоторым советовал, когда в голову «лезут» плохие мысли или ненужные воспоминания, читать молитву: «Пресвятая Владычице моя Богородице...» И еще говорил: «Если будешь делом да молитвой занят, враг не подступит».

Батюшка учил, что бороться с греховными помыслами нужно и покаянием. Вот одна из его бесед с духовным сыном:

- Ну, что там у тебя?
- Тяжело на сердце, батюшка, грехи мучают.
- Что согрешил?
- Не знаю, наверно, мыслью.
- Мысли — все равно, что дела.
- Пусто на душе.
- Пустота, она всегда от помысла, когда плохую мысль принимаешь. Не молишься, не борешься.
- Как подогреть себя?
- Борись. Сразу проверяй: что согрешил, что принял, раз тяжело душе. Кайся и дальше иди.

К каждому у батюшки был свой подход, поэтому здесь указаны лишь некоторые способы борьбы с помыслами, которым он учил всех. Но в этой борьбе был еще один очень важный момент, тоже общий для всех. Батюшка обладал удивительным даром: помыслы, казавшиеся страшными и неодолимыми, часто в присутствии старца исчезали, будто их и не было.

Один человек рассказывал: «Бывало, батюшка торопит меня и скажет: “Читай, что записано” (батюшка советовал записывать беспокоившие мысли). А я и прочесть не могу. Думаю, неужели все это меня волновало? Как будто никогда и не чувствовал того, что записано».

Еще старец мог постучать пальцем по голове человека (или когда благословлял, — слегка ударял по голове) — и все мучившие плохие мысли исчезали. Многие просили: «Батюшка, постучите», но старец не любил, когда так говорили.

По учению отца Иоанна, внимание относится не только к области ума, но вообще ко всему нашему существу. Бодрственное состояние души и тела требует от христианина как хранения ума, так и хранения чувств, которые по нашей невнимательности бывают проводниками греховных помыслов.

Духовные чада отца Иоанна отчетливо помнят, как он, поднося палец по очереди к глазам, уху и устам, весомо, проникновенно говорил: «Глаза, уши, язык», то есть «ограждай глаза, уши, язык». Казалось, что батюшка налагал на органы чувств какую-то узду. Давая такое наставление, батюшка как бы передавал человеку состояние

внутренней собранности, контроля над собой. Такое состояние продолжалось некоторое время после беседы со старцем (у каждого по-разному). Потом человек, уже опытно познав его, должен был своим трудом и молитвой сам воспитывать в себе внутреннюю собранность, без которой духовная жизнь невозможна.

В своих письмах батюшка объясняет, почему он обращает прежде всего внимание на указанные чувства. «Очень было бы хорошо обуздать страхом Божиим наши телесные греховные чувства. Особенно глаза, уши и злой язык, двери греха, уводящие свои жертвы, подобно блудному евангельскому сыну, “на сторону далече”. Нужно подумать обо всем и сказать: “Вернусь я снова в отеческий дом и скажу Отцу Небесному: “Прими меня как единого от наемник Твоих”. О, как бы было отрадно не только нам, но и Небесной торжествующей Церкви! Душа, познавшая свой грех и возненавидевшая его, бывает способна взлететь горе, к небесным сожителям».

В письме духовной дочери старец писал: «Нужно удерживать свои глаза от запрещенного древа — греха, и тогда только душа сможет воспрянуть от духовной спячки». Батюшка приводил много разных примеров того, как надо быть внимательным к зрению. Он говорил: «Засмотрелся на книгу с пристрастием, пожелал — уже грех. Надо сознать». Вот маленький пример того, как старец пробуждал в людях самонаблюдение. Услышав наставление от батюшки о хранении чувств, один человек сказал: «А я часто езжу в транспорте и даже не обращаю внимания на то, что могу посмотреть или прочесть то, что люди рядом со мной читают (газеты, журналы)». Батюшка строго укорил его за этот грех и сказал, что это недопустимо. «Удерживай глаза», — говорил он.

Особенно старец призывал следить за языком. Он приводил слова преподобного Антония Великого: «Блудись, человек, возьми власть над языком своим и не умножай слов, чтобы не умножить грехов».

Духовных чад он наставлял: «Больше надо молчать. Много говорит пустой человек. Если будешь мало говорить, к твоему слову будут прислушиваться. Когда говорят старшие — все выслушать, не перебивать, потом вежливо, кратко ответить».

Духовная дочь жаловалась на себя: «Батюшка, на работе говорю много, потом душа болит». Батюшка тихо отвечал: «Не надо, надо молиться, возьми тропарик и читай».

Батюшка учил и к воспоминаниям относиться внимательно, чтобы они не повредили душе. О снах старец говорил: «Встал — забыл». Таким образом, батюшка учил быть внимательным во всем. В одном из писем он наставлял: «С нашей стороны требуется постоянный контроль за нашими действиями, поступками и мыслями. Такого внимательного человека Бог никогда не отринет и, более того, Он будет всегда помогать ему в преодолении всевозможных искушений». Ду-

ховным детям он говорил: «Надо быть внимательным и на работе, и дома», «Жизнь нам дается один раз, можно нажить столько врагов, что и по земле стыдно будет ходить, а можно приобрести столько друзей, что всегда помощь будет. Будь внимателен!».

Учил записывать, чтобы не забывать, как ходишь в церковь, как стоишь, молишься, чем гордишься, тщеславишься, на что обижаешься, как сердишься, раздражаешься, осуждаешь, есть ли сострадание к людям, одним словом — следить за собой. Строго говорил: «Бегай, как огня, всего ненужного». Внимание и строгость старца побуждали человека перед каждым поступком как бы приостановиться, подумать, угодно ли это Богу, не вызовет ли он недовольство батюшки, не огорчит ли старца.

С большой осторожностью приучал старец относиться к чтению книг. Большой грех — прочесть что-нибудь без благословения, так как душа может воспринять не то, что нужно, и от Бога отпасть. Новоначальным обычно говорил: «Надо осторожно читать. Читай то, что проверено: “Жития святых”, “Жизнеописания подвижников благочестия”, авву Дорофея, Оптинских старцев». Такими методами старец приводил человека к тому, что внимание охватывало все стороны его жизни.

Внутренняя собранность неразрывно связана с самоуглублением. Однажды одна девушка спрашивала у батюшки разрешения поехать на Рождество в деревню.

— Зачем тебе?

— Батюшка, там тихо.

Старец внимательно посмотрел на нее и сказал, что надо внутрь себя углубляться — там великая тишина. И как бы передал ей это внутреннее состояние. Девушка не смогла его надолго сохранить, но поняла, о чем говорил старец и к чему надо стремиться.

Речь старца изобиловала духовной силой Священного Писания и отличалась яркой выразительностью народного языка: «Кто не кается, тот мертв», «Ум покаявшегося думает по-другому», «У нас сердце каменное, где плод не растет», «Проводя пост незаконно, человек отрицается Матери Церкви», «Нерадение есть тьма неведения», «Бес свил в нашей душе гнездо», «Гордость помрачает, смирение просвещает», «Осуждая ближнего, досаждаешь Богу», «Сердце не может быть раздвоено в любви», «Много скорби праведным, но нечестивым еще больше», «Смерть есть начало вечности», «Где чистая совесть, там радость и вера», «Что в душе отпечатлелось за время жизни, с тем она и предстанет на Суд», «Кто Церковь не слушает, тот не Христов», «Честь неразумному есть меч», «Одно чтение — ко спасению, другое — к гибели», «Безнравственный человек есть посмешище злого духа», «Сейчас в мире царит тьма духовная. Вот мы и должны быть светом и солью».

Благодатное слово отца Иоанна было так внушительно и назидательно, что вместе со словами его проникала в душу и сама истина. Всем он говорил лишь о духовном. Если иногда казалось, что им сказано что-либо житейское, то впоследствии всегда выявлялся духовный смысл старческих слов.

Из наставлений святых отцов отец Иоанн особенно часто любил повторять слова глубоко чтимого им преподобного Амвросия Оптинского: «Никого не осуждать, никому не досаждать, и всем — мое почтенье!» Эти слова он повторил своим духовным детям в свой последний в земной жизни день ангела, когда был тяжело болен, лежал, почти не мог говорить и добавил: «Так и живите. Нет сил сейчас говорить».

Вот некоторые общие наставления самого старца. Призывая к жизни небесной, духовной, батюшка говорил: «Тело, деточка, это только одежда души. Живет-то душа, вот и необходимо ее питать».

Если у людей возникали сложности во взаимоотношениях, батюшка часто говорил: «Надо к N. ключик подобрать», и учил, как это сделать. Сам он умел «подобрать ключик» к каждой душе.

«Всегда надо помнить цель — спасение. Это дело всей жизни. Здесь скоро ничего не добудешь. Надо по шагам, как слепой. Потерял дорогу — стучит палкой вокруг, никак не найдет, вдруг нашел — и снова с радостью вперед. Палка для нас — молитва. А потом как молния сверкнет — озарит все, и видно, куда и как идти. Но это редко, а обычно — молись. Ничто скоро не дается. И при жизни, может, и в конце не дается, а после смерти добродетели окружают тебя и вознесут».

«Надо каяться и устремляться ввысь. Как на небе набегают тучки — так и жизнь христианина. Без этого нельзя. Молись».

«Борись с грехом — знай свое дело». «Унижение — это хорошо».

«Надо всех любить и всех убеждать, а то все разоришь». «Всегда себя нужно обвинять».

«Страсти отражаются на лице».

«Ни к кому и ни к чему не должно быть привязанности, только к Богу».

«Надо к Богу стремиться, Божественного искать, что к человеку привязываться».

«Мы на земле гости. Наш дом не здесь».

«Останься верен Богу до смерти — и никогда не ошибешься».

«Мы здесь, как в ссылке, истинная наша жизнь там. Но здесь надо и потрудиться. Наша жизнь здесь — сеять, только сеять, собирать потом будем. Плод Господь потом даст».

Батюшка особенно наставлял никого не осуждать. Он говорил, что за это больше всего страдают на мытарствах. Старец учил, как надо поступать: «Стали плохо о ком-то говорить, а ты скажи: “Я сама так делаю, я хуже”, — вот уже и отсекала».

Одна духовная дочь спрашивала его: «Если люди, с которыми я нахожусь, начинают осуждать, а я не могу удержаться и тоже осуждаю?», — батюшка отвечал: «Уходи, тогда лучше уходи».

На вопрос: «Как мне покаяться?» — отвечал: «Благодарить Господа. Не досаждать, не обижать, не осуждать».

Батюшка не разрешал женщинам (и девочкам, и девушкам) носить брюки, не разрешал им стричь волосы. «Волосы подрезать даже немножко нельзя».

О тех, кто был очень пристрастен к музыке, часто ее слушал, батюшка говорил, что «такой человек хуже алкоголика, не может уже без того, чтобы музыку не слушать. А слушая, весь в нее уходит, Бога забывает, живет своим чувством, и вместо Бога вселяется в него — с рогами. И даже во сне не оставляет это человека. Человек спит, а в его сердце это все продолжается, вместо того, чтобы и во сне молиться, чтобы и во сне сердце трезвенно было и очищалось».

Велика была сила батюшкиных слов, приносимых его духовными детьми в общество. Указания старца старались записать или запомнить дословно и так же их передавать окружающим. Ведь и святые отцы учат: «В беседах вместо собственных рассуждений лучше пользоваться изречениями старцев».

Батюшкины наставления часто помогали в беде. Духовного сына батюшки, который много трудился, незаслуженно обвинили на работе. Когда рассматривался вопрос о его предприятии, он дословно сказал то, что ему велел старец: «Судите по совести, а не по страсти. А работаем мы много». Этих слов было достаточно. Все окончилось в его пользу.

Батюшка давал ценные частные наставления мирянам. Так, на вопрос о женитьбе отец Иоанн отвечал, что «это — вопрос сложный и надо помолиться, чтобы Господь послал человека, по пути шедшего. Хорошо бы было найти человека с хорошей и красивой душой. Именно это является основой, а остальное — второстепенное».

Молодой девушке отец Иоанн объяснял: «Семейная жизнь — сложное дело. Это тебе только сейчас все кажется легким и приятным, а потом разочаруешься, надо готовиться к сложностям... Не надо искать опору в муже, в этом легко обмануться. Опора одна — Господь!».

Поучая о взаимоотношениях в семье, батюшка говорил: «Дома со своими родными живи в мире и любви. Будь им не в тягость, а в радость. Это угодно Богу и спасительно для души». Духовной дочери говорил: «Нельзя мужа настраивать против его родителей. А то твоих детей будут против тебя настраивать. Надо смиряться: “Я сама-то хуже всех”.».

«Если в семье ты будешь плохая, то когда придешь в церковь — кто тебя услышит? Семья — малая Церковь. Должна стараться, чтобы был мир. Это надо и тебе, и мужу, и детям».

Женщине, которая переживала, что у нее муж неверующий, батюшка ответил: «А ты приведи его [к вере. — Н. М.] своими добрыми делами».

Некоторым матерям отец Иоанн советовал, чтобы во время кормления младенца грудью они одновременно читали Евангелие. Он говорил: «Материнская молитва со дна ада может вытащить».

Отношение старца к детям всегда было отечески ласковое. Но он не баловал их, а избавлял от пагубных и дурных привычек, давал им серьезные наставления. Одной благочестивой семье, где было пятеро детей, он сказал: «Между вами любовь должна быть, уступать должны друг другу. Старшие о младших заботиться. А в первую очередь послушание матери должно быть безукоризненное. Слово матери для вас — святыня, как икона. Права мать или нет, ваше дело: “Прости, мама” — и слушаться. Благословение у нее брать обязательно на все дела: в школу ли идете, просто на улицу — обязательно брать благословение. Тогда все вам Господь подаст и все у вас будет хорошо». Когда дети жаловались батюшке, что их дразнят в школе, старец отвечал: «Это враг искушает специально, а если смиришься, не рассердишься, — отступит».

Батюшка учил всех любвеобильному отношению к ближним, почтению к старшим. К батюшке обращались за советом очень многие монашествующие, как из Академии, Лавры, так и приезжавшие из разных монастырей. Из его многочисленных наставлений инокам приведем лишь некоторые. «Для монаха определен путь узкий и тернистый, и он должен завершиться на Голгофе, то есть со Христом постраждем и со Христом прославимся».

«Монашеская жизнь — это не есть почетное звание или титул почести, а это непрерывный подвиг добродетели, то есть труд над очищением своего ума и сердца от скверных помыслов и пожеланий. А цель в конечном своем существе должна сводиться к тому, чтобы воскресший Господь сподобил нас узреть Его в Царствии Небесном лицом к лицу».

«Если найдем в своих сердцах грехи, как-то: гордость, упрямство, сомнение, самоволие или отсутствие любви к Богу, к нашим наставникам и друг к другу — значит, мы в таком случае стоим на опаснейшем пути... Ведь монах должен быть ангелом и его назначение — постоянно славить Бога, своей доброй жизнью с небесным воинством».

«Ревность к монашескому житию пусть будет постоянно в твоей душе. Без этого добродетели... не сможешь Бога узреть».

«В святоотеческом учении неоднократно сказано, что монах, живущий без послушания, смирения, кротости, спастись не сможет и гнев Божий на таковых пребывает во всю вечность. Хорошо бы было поглубже осознать всем ... это плачевное свое состояние и, пока еще мы

не взяты из этой жизни, исправить свое бедственное состояние, то есть удалить из своего ума и сердца все злое и порочное и последовать за Христом по узкому пути, ведущему в жизнь вечную. Ведь ради той блаженной жизни множество людей оставили свое богатство и знатность рода и отдали себя добровольно в послушание своим наставникам. Без несения своего креста и безропотного исполнения послушания монаху лучше было бы согнуть во чреве матери своей».

«Ради вечной блаженной жизни нужно презреть все земное и скоропреходящее и посвятить себя полностью Небесному Жениху, Христу Спасителю».

«Неси с терпением свой монашеский крест. Он, безусловно, тяжелый, но те, кто его донесет до назначенного Богом места, забудут все трудности и печали. Там ведь, за гробом, труженикам уготована благодатная жизнь. И ради нее нужно презирать все греховное и скверное».

«Подвизайся в монашеском житии, то есть в смирении, терпении и любви ко Господу и людям. Все свои земные попечения и тревоги возлагай на Матерь Божию и делай все то, что Ей угодно. По своей воле не поступай ни в чем. Возлагаемые на тебя послушания принимай, как от Бога. В молитве будь терпелив и ревностен. В болезнях не унывай, но возлагай вину за свои немощи на свои грехи и лень».

Своими мудрыми наставлениями отец Иоанн мог исправить грешника, даровать ему душевное и телесное выздоровление. Как истинный пастырь, он благодатью Святого Духа перерождал сердца.

В лекциях по Пастырскому богословию отец Иоанн, исходя из собственного опыта, утверждал: «Истинный пастырь носит в душе своей все то, чем нравственно живут его пасомые, сливает их духовные нужды со своими, скорбит и радуется с ними, как отец с детьми своими».

Давая наставления детям в одной благочестивой семье, батюшка сказал: «Если вам хорошо, то и нам радость, нам хорошо. А вот если плохо будете жить, будет вам скорбь и нам, да еще гораздо большая, чем вам».

Своему духовному сыну старец говорил: «То, что ты где-то плохо себя ведешь — камни в мой огород бросаешь. Это все на мне отражается. Косвенно это причина моих болезней». Другому говорил: «Начинай работать над собой, и мне будет хорошо, и тебе».

Каждый из духовных чад отца Иоанна говорил: «Батюшка душу свою за нас полагал». Его самоотверженное служение проявлялось и в том, что он говорил: «Умрет душа неподготовленная — все на себя берешь».

Так старец окормлял свою паству и своим примером учил всех жить на земле для неба.

Многоплодной деятельность батюшки была не только на ниве духовничества. Почти 25 лет провел отец Иоанн в Московских Духовных школах, и труды его, направленные на их процветание, неоценимы.

Отец Иоанн преподавал столь интересно и вдохновенно, что к нему на лекции приходили студенты с других курсов. С 1974 года он начал преподавать литургику в Семинарии. И здесь уроки отца Иоанна были очень интересными. Он не только знакомил учащихся с Богослужбным уставом, но и вводил в курс литургического богословия, историю формирования чина Богослужения. Отец Иоанн был строгим и требовательным преподавателем, студенты очень его уважали и к его занятиям готовились серьезно. Уроки его проходили в напряженном энергичном темпе, но когда он видел, что слушатели устали, то мог пошутить, снять с них внутреннее напряжение. Сила его духовного слова и мудрость учителя возбуждали ревность в студентах, и они, как правило, очень хорошо знали литургику.

Отец Иоанн — признанный замечательный литургист. Это подтверждают отзывы и воспоминания многих его учеников, например, иеромонаха Сергия (Данкова). *«Об архимандрите Иоанне (Маслове) я впервые услышал в стенах Московской Духовной Академии. Он был известен как один из последних монахов Глинской пустыни, приехавших в Троице-Сергиеву Лавру после закрытия пустыни. Для нас, семинаристов, он представлял воплощенную живую традицию, преемственно связывающую Глинских старцев с нашим временем. Поэтому мы с благоговением и трепетом смотрели на него как на авторитет в духовно-аскетической жизни.*

Более близкое знакомство с отцом Иоанном у меня состоялось в 3-м классе Семинарии, где архимандрит Иоанн вел курс литургики, то есть тот ее раздел, который освещает историю и уставное совершение служб двенадесятих праздников. Первый урок запомнился на всю жизнь. Когда отец Иоанн вошел в аудиторию, все пространство сразу же наполнилось необычайно светлой личностью отца Иоанна, точно кто-то невидимый включил свет, и мы сразу почувствовали, что происходит что-то необычное, неординарное, и сразу из «сонливых мух» мы превратились в активно внимающих его боговдохновенному слову.

Следует сказать несколько слов об отце Иоанне как об опытном преподавателе и педагоге, духовном наставнике и мудром учителе. Дело в том, что у отца Иоанна был свой преподавательский метод, он никогда не читал долгих и скучных лекций, что, на первый взгляд, кажется свойственно предмету литургики. Он умел так интересно подать материал, так увлечь темой урока, что в аудитории не оставалось равнодушных. Он старался каждого семинариста включить в процесс познания истины, пробудить в нем интерес к пред-

мету, растормошить, заставить думать и активно обсуждать тему урока. Отец Иоанн вообще изменил образ преподавания. Он разрушил стену, разделяющую преподавателя, читающего с кафедры лекцию, и пассивно воспринимающую аудиторию. Мы были очень удивлены, когда отец Иоанн стер все преграды и объединил нас в одно целое, в стадо Христово, по образу Иисуса Христа и Его учеников, где сам отец Иоанн выполнял роль доброго пастыря, ведущего нас к познанию истины. Уроки отца Иоанна — это всегда активный мыслительный процесс, это возможность всегда самому докопаться до сути преподаваемой дисциплины, активно включиться в процесс постижения сложных богослужебных последований.

Если обыкновенный преподаватель лишь вдалбливал послушным студентам прописные истины, то отец Иоанн незаметно втягивал нас в процесс обсуждения темы урока, увлекал нас самих искать истину. Мы сами своими усилиями пробивали себе дорогу к конечной цели, он лишь, где это было необходимо, направлял наши усилия в нужное русло, вовремя предостерегал от ошибочных решений, и мы всегда постигали истину при его мудром водительстве. Это было некое сакраментальное действие, своеобразное богослужение (ведь мы изучали тропари, стихиры праздника), где мы не только изучали тему данного праздника, но и одновременно вместе с пастырем как бы совершали службу, посвященную этому праздничному событию. Вместе с пастырем мы не только познавали истину, но и служили этой истине. И действительно, ощущение после урока оставалось таким, каким бывает после праздничной всенощной. Все были оживлены, в приподнятом настроении, на устах были богослужебные песнопения. Личность отца Иоанна настолько вдохновляла всех нас, что превращала урок литургики в праздник Богопознания и Богообщения. Поэтому истины, познанные на уроках литургики, оставались в памяти на всю жизнь.

Здесь следует особо отметить, что отец Иоанн выступал не только как одаренный свыше преподаватель, но и в то же время как опытный педагог, внимательный пастырь и непревзойденный по силе влияния духовник. Каждое занятие — это прежде всего урок внутреннего духовного самопознания. Отец Иоанн раскрывал перед нами необозримый мир духовной жизни, учил нас обличать свои недостатки, тактично показывал нам наши греховные страсти и с нашей помощью их исправлял. На каждом уроке шла напряженнейшая духовная работа, причем с каждым индивидуальная.

Вот один такой случай, происшедший со мной, когда я был еще семинаристом. Я попал в Семинарию после светского гуманитарного вуза, и предметы семинарского курса мне давались легко. Не без ощущения превосходства над другими соклассниками я готовился к литургике, чтобы блеснуть своими познаниями перед отцом Иоан-

ном — таким авторитетным монахом-педагогом. Перед ним мне не хотелось ударить лицом в грязь. Как сейчас помню и тему, которую мы тогда проходили: это был первый двенадцатый праздник в литургическом году — Рождество Пресвятой Богородицы. Имея за плечами светское образование, я отлично выучил урок и настраивался на хорошую оценку, быть может, слишком даже надменно вел себя. И вот какой урок внутреннего самопознания и смирения преподнес мне отец Иоанн. Он вызвал меня к доске и попросил рассказать что-то из богослужебного последования, что для меня не представляло особой трудности. В какой-то момент рассказа я замялся, чтобы перевести дыхание, потому что, как обычно при волнении, нужное слово выпало из головы, и только я настроился продолжать свой ответ, как отец Иоанн произнес свой приговор: — “Садись, ничего не знаешь”. Я попытался оправдываться, стал доказывать, что я все выучил, и получил в ответ: “Садись, колесо!”

Через плечо я увидел, что напротив моей фамилии рука отца Иоанна вырисовывала огромный нуль. Краска обиды полыхнула в лицо. Удар по самолюбию был такой чувствительный, что в первую минуту хотелось просто взбунтоваться. Но я смирил себя — все-таки 3 класс — и сел на место, опозоренный, как я думал, перед всеми учащимися. Только впоследствии я оценил тот бесценный урок, который преподавал мне отец Иоанн. Благодаря своей духовной опытности и даже просто какому-то пророческому предвидению, отец Иоанн увидел во мне все мои нравственные недостатки и духовные пороки: завышенную самооценку своих знаний, непомерное самолюбие и самолюбование, раздутую гордость и тщеславие.

Он не только увидел сам, но и смог показать их и мне, обличить их при всех и попытаться истребить их, помогая мне смириться и понуждая к самоукорению. Результат был положительным, я размышлял всю ночь, и к утру обида испарилась, зато вместо нее появилась ревность к предмету и уважение к отцу Иоанну.

Система оценок у отца Иоанна была необычной на первый взгляд. Она колебалась от 0 до 3 баллов. (Студенты еще рассказывали, что радовались, когда получали «тройку с лесенкой», то есть три с несколькими минусами — примеч. Н.М.). Редко кому удавалось получить 4 или 5. Низкие баллы поощряли нас, семинаристов, к усиленным занятиям и в то же время не оставляли места успокоенности и самодовольству, которые возникают от высоких оценок. Но вместе с тем отец Иоанн был человеком очень объективным: в аттестат всегда выводилась оценка в соответствии с уровнем знаний и успеваемости семинариста — даже если у вас в году были только тройки и ниже, вы могли в конце получить четыре. Такое врачевание скрытых наших пороков и особенно гордыни происходило практически на каждом уроке и у каждого семинариста. Однов-

ременно с изучением предмета литургики мы проходили курс молодого послушника, опытно познавали то, о чем пишут преподобные авва Дорофей и Иоанн Лествичник. При этом всегда чувствовалось, что отец Иоанн — представитель классической русской монашеской традиции. Он передавал нам заветы Глинских старцев, под его руководством мы учились выявлять и бороться со своими скрытыми страстями. Отец Иоанн всегда был на страже и умел вовремя заметить и уврачевать напыщенное тщеславие, непомерное самолюбие, греховное высокоумие, всегда и везде учил нас терпению и монашескому смирению. Это были уроки не только познания, но и духовного врачевания.

Без духоносного слова отца Иоанна, всегда ревностью по Боже горящего, без его любящего сердца, обращенного к самым сокровенным глубинам души собеседника, без его всегда эмоционально-напряженной речи мне трудно представить его литургическое наследие. Однако именно сейчас это богатейшее наследие особенно необходимо пастырям и ждет своих издателей».

Святейший Патриарх Пимен, посетив 30 ноября 1977 года лекции и занятия доцента архимандрита Иоанна (Маслова), сказал: «Если так много знают его ученики, то сколько же знает он сам!».

В деле воспитания будущих клириков в Московских Духовных школах особенно ценным был пример их наставника — отца Иоанна, жизнь которого представляла непрерывную цепь высоких и назидательных проявлений пастырского мужества, самоотречения и евангельской любви к ближнему; под их влиянием и воспитывались его ученики, а затем распространяли как в России, так и других странах свет Евангельского учения, дух христианской бодрости и мужества.

На всю жизнь запомнилось им пламенное наставление отца Иоанна: «Никогда и нигде жизнь священнослужителя не должна стать, хотя бы в малейшей мере, поруганием святейшего имени Иисусова! Она не только не может быть зазорной, но должна быть святой и чистой, ибо от пастыря Господь не порядочности только требует, а святости и совершенства». «Наша святая обязанность, — учил отец Иоанн, — состоит в том, чтобы мы всегда говорили о спасительных путях Господних».

В Московских Духовных школах вспоминают о полном любви отношении отца Иоанна к ученикам и отеческой заботе об их духовном и материальном благополучии. Он всегда напоминал, что нужно не теоретическое, а практическое, нравственное усвоение Божественных истин. «Все науки, связанные с прославлением Бога, весьма полезны и спасительны. Но они без доброй святой жизни бывают мертвы. Значит, нужно не только знать о Боге, но и исполнять Его Святые заповеди. Только в таком понимании человек сможет принести духовный плод на ниве Христовой. В Духовной школе надо быть образцом для

остальных учащихся, то есть смиренным, кротким, любвеобильным и послушным. И все эти добрые дела должны быть основаны на Евангелии и святоотеческом учении».

Ректор Московской Духовной Академии, архиепископ Евгений вспоминает: «Однажды отец Иоанн пришел к нам на урок и сказал, что сейчас многие студенты проходят мимо преподавателей, мимо других студентов и не здороваются, а надо всегда приветствовать друг друга и ко всем относиться с почтением. Тогда один из студентов спросил: “А как?” Отец Иоанн положил земной поклон перед всей аудиторией. — “Вот так”.».

Благотворность влияния отца Иоанна не оканчивалась и после выхода учащихся из стен духовной школы. Отец Иоанн на всю жизнь оставался в памяти студентов. Многие и многие пастыри со всех концов страны обращались к отцу Иоанну за советами, рекомендациями в их пастырском служении. Некоторые из них приезжали с толстыми тетрадями, в которых были записаны вопросы к батюшке. Старец часами отвечал на эти вопросы.

Особо следует подчеркнуть необыкновенно глубокое чувство любви к Родине, присущее отцу Иоанну. Через своих учеников, духовных детей, он занимался общественной деятельностью, и не было такого положительного общественного явления, которое бы его одухотворенный и просвещенный ум упустил из виду и не поддержал бы своей отзывчивостью.

Отец Иоанн был истинным патриотом. Он называл чувство любви к Родине священным и писал, что патриотизм — это христианский долг. «Христово учение требует от каждого последователя беззаветной любви к своим братьям. И эта любовь верующих русских людей находит яркое проявление в защите родного Отечества... Если в сердце христианина горит огонь истинной любви, завещанной Христом, это сердце не требует указаний, в чем проявить свою любовь: оно само и голодного накормит, и плачущего утешит. То же можно сказать и о священном чувстве любви к Родине. Если в душе и сердце христианина ярко горит пламень патриотизма, он сам найдет пути для проявления своей любви к Отечеству». Особенно же напоминает старец об этом клирикам. «Священнослужитель должен быть искренним патриотом своей Родины... и в этом же духе воспитывать своих прихожан».

Отец Иоанн широко известен как ревностный поборник чистоты Православия. В начале 1990-х годов даже комментаторы радиостанции «Свобода» говорили о нем как о столпе Православия. Профессор Московской Духовной Академии, доктор церковной истории К.Е. Скурат называет отца Иоанна православнейшим человеком.

Отец Иоанн пользовался огромным авторитетом у священнослужителей, монахов, мирян и вообще у всех, кто когда-либо к нему обра-

шался. Многие иерархи Русской Православной Церкви (и не только Русской) понимали, какое большое духовное влияние оказывал отец Иоанн на воспитанников Московских Духовных школ. Митрополит Тетрицкаройский Зиновий (Мажуга) (в схиме Серафим), например, писал батюшке: «Дорогой мой, берегите себя, берегите для будущих пастырей». Святейшие Патриархи Алексей I и Пимен высоко ценили его заслуги. В 1967 году отец Иоанн был возведен в сан игумена и награжден палицей, а в 1973 году — в сан архимандрита. В 1972 году утвержден доцентом Академии. Он был награжден двумя орденами преподобного Сергия, удостоился права служения литургии с открытыми Царскими вратами по «Отче наш», имел два креста с украшениями и высшую церковную награду — Патриарший крест. Святейший Патриарх Алексей II назвал отца Иоанна выдающимся подвижником XX века.

Преподаватели Московской Духовной Семинарии архимандрит Феодосий (ныне епископ Полоцкий и Глубокский) и протоиерей Владимир Кучерявый вспоминают: *«Почти 25 лет трудился отец Иоанн в Московских Духовных школах. За эти годы среди членов большой академической семьи он снискал всеобщее уважение и авторитет как глубокий богослов, опытный наставник и ревностный пастырь»*.

И поистине отец Иоанн много трудов положил, чтобы горячо любимая им Духовная школа действительно служила делу Христову.

Ученый секретарь Совета Московской Духовной Академии архимандрит Платон в своей речи в день памяти отца Иоанна 29 июня 1996 года сказал: *«Многие сотни, тысячи людей хранят светлую благодатную память о пастырских трудах, молитвенных воздыханиях, дерзновенной любви к Богу и людям, самоотверженном служении Православной Церкви, высоком смирении схииерарха Иоанна»*.

Всем было известно огромное трудолюбие старца, но то, сколько он успевал сделать, было поистине удивительно. Он совершал богослужения, преподавал, обновлял ризницу, заботился о благолепии храма, окормлял многочисленную паству, отвечал на множество писем. Непостижимо, когда он успевал обдумывать и писать духовные сочинения. Ректор Московской Духовной Академии архиепископ Евгений называет отца Иоанна подвижником церковной науки и православной духовности.

В 1985 году магистр богословия, один из лучших наставников Духовных школ был направлен духовником в Жировицкий Свято-Успенский монастырь. Сырой климат Белоруссии был ему категорически противопоказан и представлял большую опасность для здоровья. Однако чашу скорбей праведнику пришлось испытать до дна.

Для насельников Жировицкого монастыря старец явился подлинным духовным сокровищем. Об этом еще до приезда батюшки писал инокиням обители митрополит Ленинградский и Новгородский Анто-

ний (Мельников, +1986). Владыка советовал им плодотворнее использовать духоносные наставления старца — отца Иоанна, так как он пробудет у них недолго. Сразу же после появления отца Иоанна в монастыре к нему стали стекаться все ищущие спасения и жизни во Христе Иисусе. Началось устройство внутренней духовной жизни обители, за которым последовало преобразование и внешнего уклада жизни монастыря. Во всем стала наблюдаться чинность, благоустройство хозяйственной жизни обители: наладилось садовое хозяйство, огородничество, появилась пасека. Когда батюшка только приехал в Жировицкий монастырь, там жили очень бедно. Выращивали лишь небольшое количество овощей (в Жировицах тогда временно находились два монастыря — мужской и женский).

Один из жировицких иноков, отец Петр, вспоминает: «С приездом к нам отца Иоанна в жизни обители началась новая, можно сказать, эпоха. Он возродил духовно-нравственную жизнь, наладил хозяйство монастыря... В нашем монастыре был обычай на Пасху не готовить общую трапезу, а выдавать каждому сухим пайком, после чего все расходились по своим келлиям. Отец Иоанн предложил совершать общую трапезу в этот торжественный день. Помню, приготовили обед: сварили суп с крапивой и яйцом, все были довольны, а отец Иоанн неоднократно похваливал: “Вот хорош суп...”».

В первую же весну после приезда отца Иоанна дополнительно вскопали много земли. Из Москвы его духовные чада привезли много саженцев черной смородины, кусты клубники (очень хороших урожайных сортов). Сажали все вместе: и монашествующие, и приехавшие московские духовные чада батюшки. Сколько же было радости, когда летом на столах появились первые вкусные ягоды, выращенные в своем саду.

Старец стал учить инокинь шить церковные облачения, вышивать и делать митры. И вскоре в обители появились свои искусные мастерицы. Одна монахиня рассказывала, как батюшка научил ее шить облачения. Однажды он достал очень красивую зеленую греческую парчу. Ткани было мало, и кроил ее сам батюшка, а шить велел этой монахине. Она отказывалась, говорила, что не сможет, все испортит, так как только начинала еще учиться в швейной мастерской, ей поручали лишь сметать что-нибудь или распороть.

Она боялась появиться в мастерской с такой красивой парчой, которую не держали в руках и лучшие мастерицы. Но батюшка сказал, чтоб она шила: «Сошьешь, потом все будешь шить», — и подробно рассказал, как надо шить. Когда она пришла в мастерскую, все очень удивились тому, что она впервые будет шить облачения из такой дорогой парчи. Но она сшила и теперь умеет все шить. Закончила она свой рассказ словами: «Для батюшки нет невозможного».

Но, конечно, главное внимание уделял старец духовной жизни обители. Часто проводил общие исповеди отдельно для иноков и инокинь. Его вдохновенное слово перед исповедью подвигало к покаянию, сокрушению о грехах. Он учил монашествующих чистосердечному откровению помыслов, послушанию, смирению, а также строгому соблюдению монастырского устава (старец велел размножить устав и раздать всем насельникам). Вот одно из наставлений отца Иоанна жировицким инокам: «На инока со всею злобою нападают и мир со своими обманчивыми прелестями, и плоть со своими требованиями, и диавол, который ищет, как лев, кого бы поглотить. Но с нами Бог и Его Пречистая Матерь. И поэтому нам не следует унывать и падать духом, но вступать в борьбу, иногда и в жестокую, и выйти из нее победителями. У нас имеется для этой борьбы сильнейшее оружие — Крест Христов, посредством которого разрушаются все стрелы врагии. Но чтобы победить все зло, набрасывающееся на нас, мы должны мобилизовать все свои силы, а особенно — свою свободную волю на борьбу с искушениями».

Иноки сохранили письменное наставление отца Иоанна священнослужителям Жировицкого монастыря: «По святоотеческому учению все насельники монастыря должны как можно чаще очищать свою совесть посредством таинства Покаяния перед братским духовником. А это в свою очередь будет способствовать духовному росту и нравственному перерождению души. Иноки, ставшие на этот спасительный путь, обрящут в своем сердце благодатную силу, которая будет помогать им не только распознавать козни дьявольские, но и возводить их ум и сердце к Престолу Божию. Особенно священнослужители алтаря Господня обязаны каждый раз очищать свою совесть посредством спасительного таинства Покаяния перед братским духовником, когда они заступают в седмичное богослужение (25.05.1987 г.)».

Отец Петр вспоминает: «На всю жизнь запомнилось общение с отцом Иоанном на исповеди, его теплое отеческое обращение: “Друг мой...”. Один диакон считал, что это формальность — часто ходить на исповедь (“Что одно и то же повторять!”), но, поисповедовавшись у батюшки, он изменил свое мнение, и, спускаясь из его келлии по лестнице, вслух говорил: «Ух, как полегчало!». Многие быстро почувствовали великую пользу откровения помыслов и жизни, в которой каждый шаг освящен благословением старца. Они часто приходили к нему за наставлением, а когда батюшка выходил на улицу, шел в храм или в сад, всегда к нему по очереди подходило много людей: разрешить какие-либо вопросы, получить благословение, исповедать грех.

Богомольцы, узнав о благодатном старце, съезжались в монастырь. И прежние духовные чада отца Иоанна ехали сюда со всех концов

страны. Часто в один день приезжали люди из самых разных городов Союза. Но время было трудное, старались все-таки ездить по одному, чтобы не так был заметен приток богомольцев в монастырь. Когда у батюшки спрашивали разрешение приехать к нему, он иногда отвечал: «Меня на казнь поведут, а вам все дай», — так как местные власти знали, что в монастырь стало ездить много людей именно к батюшке. Еще говорил: «Это тебе не семнадцатый век».

Забываясь о высоте нравственно-подвижнической жизни братии, батюшка решил другую, не менее важную задачу, связанную с улучшением чина богослужения, церковного чтения и пения. Конечно, пение в Жировицах сильно отличалось от стройного строгого пения в храме Московской Духовной Академии. Но старец поправил и это. Через некоторое время он подготовил новых регентов, снабдил их нужными нотами, и на богослужениях в Жировицах петь стали, как в Академии.

Постепенно все в монастыре стали делать по благословению старца. Настоятель несколько раз в день приходил в келлию старца, долго беседовал с ним и ничего не предпринимал без его совета. Игуменья женского монастыря особо благоговела перед старцем, очень его почитала и по всем вопросам, даже мельчайшим, советовалась. Батюшка очень много помог ей в руководстве сестрами. Фактически он управлял монастырем, его духовной и хозяйственной жизнью. Игуменья радовалась, как дитя, когда батюшка давал ей какой-нибудь гостинчик. Например, говорила близким: «Вот батюшка дал мне какую бочечку», — и показывала огромный грейпфрут, который батюшке прислали из Москвы. Батюшка же часто просил ее молитв.

Однако не все в монастыре с такой любовью и преданностью относились к старцу. Были люди, восстававшие против правильного духовного руководства, вводимого им по примеру Глинской пустыни. Батюшка сам говорил: «Не все тут меня любят». Были даже лица, восстанавливающие против него сестер, огорчавшие его своим непослушанием, не понимавшие, что такое истинное духовное окормление и старческое руководство. Обиды от таких людей батюшка терпел до конца своего пребывания в Жировицах.

Очень тяжело было батюшке в Жировицах и из-за сырого болотистого климата, отрицательно влиявшего на состояние его больного сердца. Служить батюшка часто там не мог, так как в каменном большом соборе было тоже сыро и холодно. После службы он почти всегда простужался и болел, у него часто была повышенная температура.

В одном из писем отец Иоанн писал: «Безусловно, климат здесь для меня очень тяжелый. Большая сырость и сплошные туманы отрицательно действуют на мое пошатнувшееся здоровье. Сколько я смогу продержаться здесь, трудно сказать».

Но, несмотря на все это, он ревностно продолжал свое самоотверженное служение Богу и ближним. Какие бы волны искушений житейское море не воздвигало на него, он никогда не поколебался, так как всегда умом и сердцем предстоял Богу.

Жировицкая инокиня рассказывала, как на Пасху в 1990 году батюшка служил ночью утреню и литургию. Когда он кадил на амвоне перед Царскими вратами и иконостасом, то ходил так быстро и легко, что, казалось, не касался пола ногами и все время бодро говорил: «Христос воскрес!» — и тихо добавлял: «А мы Христовы». И опять: «Христос воскрес!» — «А мы Христовы». Она слышала, так как стояла на клиросе. Это была его последняя Пасха в храме. На следующий год тяжело больной батюшка служил пасхальную утреню в келлии.

Недолго пришлось ему трудиться на новой ниве пастырского делания. В июне 1990 года он приехал в отпуск в Сергиев Посад, а в августе, перед очередным отъездом в Белоруссию, недуг окончательно приковал его к постели. Страдания то усиливались, доходя до критических состояний, то ослабевали. Постоянные сердечные приступы не оставляли его уже до самого исхода из этой жизни. Таким было завершение жизненного крестоношения отца Иоанна, его восхождение на свою Голгофу. Истаивало, иссыхало в страданиях тело верного служителя Христова, но дух его по-прежнему был бодр и деятелен. При малейшем облегчении он сразу принимался за труд: работал над докторской диссертацией о Глинской пустыни, над «Глинским Патериком» и статьями. Рядом с кроватью была прибита рейка, на которой лежали ручка и карандаш. Батюшка брал небольшой легкий лист фанеры, ставил его ребром на грудь и, положив на него бумагу, писал. Так же он проверял курсовые и кандидатские сочинения студентов, конспекты лекций преподавателей Московских Духовных школ.

В это трудное время особенно проявилась жертвенная любовь батюшки к Богу и ближним. До последнего дня он жил не для себя, а для людей. В то тяжелое время батюшка фактически управлял несколькими монастырями. Так, часто приезжали и звонили, спрашивая о всех сторонах духовной и материальной жизни обитателей, настоятель Жировицкого монастыря архимандрит Гурий, наместник Киево-Печерской Лавры архимандрит Елевферий. Батюшка не переставал принимать духовных чад даже тогда, когда после очередной беседы терял сознание (так было не раз). Те, кто служил ему в эти дни, сетовали на посетителей, пытались оградить от них старца. Но однажды он сказал: «Не препятствуйте людям приходить ко мне. Я для того родился». За несколько дней до кончины старца к нему привезли женщину, которую на исповеди священники не разрешали от какого-то страшного греха. Она находилась в сильном унынии и хотела да-

же покончить с собой. Попала она к батюшке лишь на несколько минут. И за эти минуты он вернул ее к жизни. Когда она вышла от старца, глаза ее сияли радостью, а батюшка горячо молился за нее. И столько любви было в его голосе, когда он к ней обращался: «Деточка, все будет у тебя хорошо». И действительно, впоследствии жизнь ее устроилась, она благодарила батюшку за то, что он спас ее. Так до последнего вздоха этот адамант духа нес на себе наши грехи и скорби, наши немощи и недостатки. Величие и красоту души батюшки можно передать только его же словами: «Любить добро, плакать с плачущими, радоваться с радующимися, стремиться к жизни вечной — вот наша цель и духовная красота».

Лучшей наградой для батюшки была братская любовь среди окружавших его чад, и, напротив, ничем так не огорчился старец, ни о чем так не скорбел, как о несогласии или ссорах людей между собой. В последние дни жизни батюшка часто повторял: «Вы дети одного отца. Вы должны жить, как дети одного отца, я ваш отец. Любите друг друга». В одном из писем он писал: «Хочется, чтобы все вы жили одной духовной семьей. Ведь это очень похвально от Бога и спасительно для души».

Батюшка неоднократно предсказывал свою кончину. Примерно за месяц он попросил, чтобы его отвезли на могилу матери и монахини Серафимы, его духовной дочери (они похоронены вместе). Здесь батюшка показал сопровождавшим его, как перенести ограду и приготовить место для третьей могилы. Чувствовал он себя плохо, но оставался на кладбище (сидел около могилы в раскладном кресле), пока все не было выполнено по его указанию. Потом сказал: «Вот место, где скоро меня положат». За несколько дней до кончины сказал духовному сыну: «Мне осталось жить совсем немного». За два дня велел все убрать во дворе дома, разобрать вещи на террасе, чтобы был свободный проход, укрепить крыльцо, перила. Одна духовная дочь батюшки очень просила принять ее, несмотря на тяжелое состояние старца. Он по телефону ответил ей за несколько дней до кончины: «Ты приедешь в понедельник или во вторник». Слова его, как всегда, сбылись. В понедельник она узнала о преставлении старца и тут же приехала.

27 и 28 июля 1991 года отец Иоанн чувствовал себя особенно плохо. 29 июля в понедельник в 9 часов утра старец причастился. Священник, причащавший его, говорил, что лицо отца Иоанна после принятия Святых Таин просияло, он весь как бы устремился вверх. В 9.30 старец мирно отошел ко Господу в полном сознании. Сразу же священноиноки начали непрерывное чтение Евангелия, служили панихиды. На следующий день после преставления отца Иоанна две его духовные дочери, подойдя к дому, где была келлия старца, ясно услышали прекрасное стройное пение. Одна из них со слезами сказала:

«Ну вот, и на отпевание мы опоздали». Но когда они вошли в дом, то выяснилось, что в тот момент никто не пел, лишь священник читал Евангелие.

30 июля гроб с телом почившего схиархимандрита Иоанна был поставлен в Духовской церкви Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, где вечером собором священнослужителей был отслужен парастас, а ночью продолжалось чтение Евангелия и совершались панихиды. Народ подходил к гробу и, прощаясь с великим печальником душ человеческих, воздавал ему последнее целование. Тела особых избранных Божиих противятся тлению, будучи проникнутыми благодатью Божией. Так и тело схиархимандрита Иоанна после кончины не подверглось тлению. До самого погребения лик его оставался просветленным и одухотворенным, руки гибкими, мягкими и теплыми.

Утром 31 июля собором клириков была совершена заупокойная литургия, которую возглавил наместник Киево-Печерской Лавры, духовный сын батюшки архимандрит Елевферий (Диденко). После литургии он же в сослужении священнослужителей совершил чин отпевания. Необыкновенное впечатление оставило в душах всех присутствующих это отпевание. Все священнослужители были в белых одеяниях, величественно пел монастырский хор, и ему проникновенно вторил сонм духовенства. Архимандрит Иннокентий (Просвирнин, †1994) произнес глубоко прочувствованное прощальное слово. Он сказал, что отец Иоанн жил не для себя, но для народа. Это был великий угодник Божий, в жизни которого действие Божественной благодати сочеталось с большим личным трудом, молитвенным подвигом. И в его лице все мы обрели предстателя у престола Святой Троицы. После окончания отпевания духовенство, а затем опять народ стали прощаться со старцем. В 12 часов дня гроб был вынесен на площадь перед Троицким собором, где при стечении богомольцев была отслужена лития, после чего прощальная процессия направилась к месту погребения на Старое кладбище в Сергиевом Посаде. По совершении литии гроб с телом верного служителя Церкви Христовой при пении «Вечной памяти» был опущен в могилу.

Богословское наследие отца Иоанна

Схиархимандрит Иоанн оставил нам в духовное наследство не только яркий и поучительный пример своей жизни, но и свои мудрые, глубоко назидательные труды. Если бы даже не сохранилось никаких сведений о жизни старца и мы имели бы только его труды, то образ духоносного старца и тогда предстал бы перед нами во всей полноте. В сочинениях его нашли отражение те святые мысли и чувства, которыми питалась его душа и которые воодушевляли его великое, любящее сердце.

Но самое главное, по Промыслу Божию, именно отец Иоанн в своих трудах наиболее полно отразил учение о спасении старцев Глинской пустыни, в частности, учение, касающееся творения мира и человека, а также ключевых вопросов антропологии, христологии и сотериологии.

Диссертационные исследования

В 1969 году отец Иоанн защитил кандидатскую диссертацию по кафедре Патрологии на тему: «Иеросхимонах Амвросий Оптинский (Гренков) и его эпистолярное наследие», за которую ему была присуждена степень кандидата богословия. Диссертация состоит из трех разделов: жизнеописание отца Амвросия; учение о спасении (по его письмам); избранные из разных источников и систематизированные изречения старца.

Жизнеописание отца Амвросия, составленное отцом Иоанном, по праву считается одним из самых ярких повествований о его старческой деятельности. Недостатка в историческом материале для полной и всесторонней биографии отца Амвросия не было. Но не было и биографии, которая бы весь этот материал одухотворила, сконцентрировав его в одно целое и вокруг единой идеи — представления образа живой личности великого старца. Именно эту идею воплотил в своем труде отец Иоанн.

В отзывах оппонентов на эту работу сказано, что сочинение отличается целостностью, законченностью, «читается легко и с неослабным интересом. Автор ярко показал основную черту духовного облика старца. В труде отца Иоанна старец Амвросий предстает как сама любовь».

Сопоставляя труд отца Иоанна с сочинениями других авторов о старце Амвросии, нельзя не отметить замечательное жизнеописание старца, отличающееся прекрасными духовными характеристиками, составленное протоиереем Сергием Четвериковым («Описание жизни блаженной памяти Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия», 1912). Но в этом труде, к сожалению, не раскрыто само учение Оптинского старца о спасении, поэтому сложно говорить о том, что образ этого праведника передан во всей полноте.

Отец Иоанн впервые исследовал эпистолярное наследие старца Амвросия и представил его учение в стройной, доступной любому читателю системе. В этом — особое значение его труда. Раскрывая учение Оптинского старца о спасении (о покаянии, о смирении, о молитве, о страхе Божиим, о страстях и т. д.), отец Иоанн сопоставляет его с учением отцов Церкви, показывая непрерывающуюся преемственность старческого делания. В этом своем труде он дает четкое определение старчества, прослеживает его историю с момента возникновения и до времени старца Амвросия.

По отзывам оппонентов, большой интерес представляют приведенные в систему избранные изречения Оптиньского старца, которые в краткой форме воспроизводят основные черты его учения. Если труд отца Иоанна о старце Амвросии трижды был издан полностью (в 1990, 1993 и 2000 гг.), то этот раздел переиздавался еще отдельно в 1996 году.

В 1983 г. отец Иоанн защитил магистерскую диссертацию: «Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении». Тема этого исследования исключительно актуальна. В России не было другого духовного писателя, чьи труды были бы столь читаемы, столь популярны (отдельные его творения переиздавались свыше 60 раз), но со дня представления святителя и до труда отца Иоанна (т. е. в течение 200 лет) Русская Православная Церковь не имела полного жизнеописания этого святого.

Составленное отцом Иоанном житие святителя Тихона, охватывая все стороны его жизни и деятельности, отличается исключительной полнотой. Но ценность и особенность этого труда состоит в том, что автор не просто пересказывает события жизни святителя, а раскрывает перед читателем сокровенное святилище его души.

В труде схиархимандрита Иоанна святитель Тихон, как живой, предстает перед нами. Образ его передан столь ярко, что невольно приходит мысль о том, что, не зная святителя лично во время его земной жизни, схиархимандрит Иоанн знал его духом. Он пишет о таких подробностях духовной жизни святого отца, о которых не сообщали ни келейники святителя, ни его ближайшие друзья.

Недаром в рецензиях на этот труд отмечается: «При чтении книги наступает благодатное соединение с двумя могучими душами русских подвижников — святителя Тихона и отца Иоанна.

Такое ощущение, что именно такого исследователя ждало житие и наследие Задонского святого. Перед нами не только научный труд — перед нами учебник жизни, духовного роста и прозрения, написанный двумя выдающимися русскими умами... Перед нами книга из семейства настольных. Она являет собой духовное единение пастырей прошедшего времени и нашего, отличается простотой и ясностью»¹.

Диссертация отца Иоанна состоит из 8 томов (2 тома основного текста и 6 томов приложений)².

В I томе изложено житие святителя Тихона.

По отзывам рецензентов, «путь святителя Тихона описан так ярко, что будто видишь его детство и отрочество, будто присутствуешь при его пастырских беседах, вместе с ним переживаешь гонения и наветы»³.

Отца Иоанна называют современным подвижником, которому «был открыт духовный мир святителя Тихона и который обладал редким даром ясно рассказать об этом читателям»⁴.

Шаг за шагом в доступной форме объясняет отец Иоанн неискушенному в духовных подвигах читателю, что такое, например, богомыслие, как и когда занимался им святитель, почему богомыслие явилось основанием его внутреннего совершенствования.

Отец Иоанн повествует и о благодатных состояниях, которые переживал святитель. Он показывает, как душа святителя озарялась Божественным светом и в ней водворялась такая радость, которую нельзя описать человеческим языком. Отец Иоанн пишет об этом как подвижник, сам испытывавший подобные состояния. Из того, как он передает молитвенный, литургический опыт святителя Тихона, можно заключить, что отец Иоанн вошел в духовно-молитвенное общение со святителем.

Во II томе в свете высказываний святителя Тихона раскрывается его учение о спасении.

Во второй части своей диссертации отец Иоанн обобщает и приводит в четкую, стройную систему учение святителя Тихона о спасении, выбрав из множества его разнообразных творений основное зерно этого учения⁵. До сих пор это не удавалось ни одному из исследователей, которые, как правило, ограничивались лишь простым пересказом трудов святителя.

Сочинения святителя Тихона изданы на русском языке со множеством архаичных и древнерусских форм. Это затрудняет их чтение.

Заслуга отца Иоанна состоит в том, что он изложил богословскую систему взглядов святителя Тихона в более понятной и доступной современному читателю форме.

Труд схиархимандрита Иоанна написан высокодуховным, строгим слогом, вместе с тем — это простое душевно-теплое сердечное повествование, преисполненное любви к святителю и почитания его. Так написать о святом мог лишь человек, имеющий с ним истинное духовное единение.

Особого внимания заслуживает стиль и язык, которым написано это выдающееся произведение. Высокие истины Православия изложены просто, четко, ясно и доступно. Язык же отличается удивительной красотой и образностью.

Например, раскрывая роль благодатной помощи Божией в деле спасения человека, отец Иоанн пишет: «Без благодатной силы Божией легко христианин поддается всевозможным соблазнам и греховным преткновениям. Человек на жизненном пути бывает подобен лодке, уносимой течением реки, и для движения против течения нуждается в сильных гребцах или в парусе с попутным ветром»⁶.

Или, призывая всегда помнить о вечности и стремиться ко спасению, отец Иоанн пишет: «Мысль о вечности, подобно горящей свече, станет показывать человеку, от чего удаляться и к чему стремиться»⁷.

Большое научное и практическое значение имеет составленная впервые схиархимандритом Иоанном и представленная в виде прило-

жения к диссертации шеститомная Симфония⁸ к творческому наследию святителя Тихона. Ее ценность заключается в том, что, помимо предметных рубрик, она включает цитаты — тексты из творений святителя Тихона, духовное наследие которого, благодаря труду отца Иоанна, гораздо плодотворнее может быть использовано как учащимися, студентами Духовных школ, богословами, пастырями, так и широким кругом читателей.

«Заслуга отца Иоанна в том, что он обобщил и привел в систему высказывания святителя, разбросанные по разным источникам. Более того, он тонко и деликатно осовременил труды святителя Тихона. Это тот пример и образец умного и мудрого пересказа ценных мыслей, когда полностью сохранен смысл высказывания и оно сделано более доступным и доходчивым для понимания современников, более действует и впечатляет»⁹.

Ценность магистерской диссертации схиархимандрита Иоанна была отмечена уже во время ее защиты — магистерского диспута, проходившего в Московской Духовной Академии: «Архимандрит Иоанн в своем исследовании «Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении» выявил сотериологический аспект трудов великого русского святителя и подвижника»¹⁰.

Официальные оппоненты высоко оценили труд отца Иоанна. Так, профессор Б. А. Нелюбов подчеркнул, что исследование отца Иоанна является горячим откликом на призыв Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена о необходимости изучения святоотеческой литературы и усердным вкладом в это богоугодное дело.

Второй официальный оппонент, доцент И. А. Глухов, оценивая диссертационное исследование архимандрита Иоанна, сказал, что оно представляет собой «труд опытного исследователя, отображающий глубины православного церковного сознания»¹¹.

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II труд схиархимандрита Иоанна был издан дважды — в 1993 и 1995 гг.

Труды о Глинской пустыни

История знаменитой Глинской пустыни, ее духовно-просветительная деятельность, жизнь ее старцев до сих пор были мало изучены. Великая заслуга отца Иоанна в том, что его труды о Глинской пустыни восполняют этот пробел в истории Русской Православной Церкви.

В 1991 году старец закончил уникальный труд — «Глинская пустынь. История обители и ее духовно-просветительная деятельность в XVI—XX веках», который он писал как докторскую диссертацию. Это книга о старчестве. Однако произведение выходит далеко за рамки какого-то одного частного вопроса и представляет читателям ши-

рокую панораму событий отечественной истории и многих явлений русской духовной жизни XVI—XX вв., которым дана точная богословская оценка.

Можно сказать, что в русской церковно-исторической литературе до сих пор не было описания ни одного монастыря, где бы со столь всеобъемлющей полнотой и духовной целенаправленностью раскрывались вся многогранная жизнь обители, влияние ее на историю нашей страны, на духовно-нравственное воспитание народа и в целом на русскую культуру. В книге 10 глав, последовательно раскрывающих основные этапы жизни обители, начиная с возникновения в XVI веке и кончая ее состоянием перед вторым закрытием в 1961 году. Большое место уделено описанию Чудотворной иконы Рождества Пресвятой Богородицы и тех чудес, которые совершались от нее.

Отдельные главы посвящены игумену Филарету как строителю и возобновителю Глинской пустыни в 1817—1841 гг., состоянию обители в период настоятельства архимандрита Иннокентия (1862—1888), а также перед первым закрытием в 1922 году.

Особый интерес представляет глава, раскрывающая духовную связь Глинской пустыни с Оптиной. В ней сопоставляется учение о спасении Глинских и Оптиных старцев на основе их эпистолярных наследий. Отец Иоанн проанализировал и систематизировал эпистолярные наследия Глинского старца Илиодора (Голованицкого) и Оптиных старцев: Макария (Иванова), Антония (Путилова), Амвросия (Гренкова). Исследование хотя бы одного из этих наследий представляет собой тему отдельной диссертационной работы.

В книге подробно освещена патриотическая, духовно-просветительная и благотворительная деятельность обители за весь период ее существования.

Заключительная глава «Глинская пустынь как центр духовного просвещения и возрождения старчества (1942—1961)» знакомит со старческим деланием, процветавшим в обители в середине XX века.

Этот научный труд отличается достоверностью исторических фактов, основанных не только на литературных, но и на архивных источниках, высокой библиографической культурой.

Работу завершает богатейший «Список литературы и архивных документов» (с. 587—604), материал которого систематизирован по четырём большим разделам: I. Литература общего характера. II. Литература о Глинской Рождество-Богородицкой пустыни и ее подвижниках. III. Энциклопедии, справочники, словари, библиографические указатели. IV. Архивные документы. В каждом из четырех разделов имеются подразделы, облегчающие читателю поиск необходимых материалов. Список отличается полнотой отбора литературы и архивных документов.

Необходимо отметить особый стиль изложения работы: научные истины о Православии раскрываются доступно, ясно, просто, но не упрощенно. Книга снабжена множеством фотографий, портретов.

Высокую оценку докторской диссертации схиархимандрита Иоанна дала международная газета «Мегаполис-Континент», в которой говорилось: «Этому сочинению автор посвятил последние годы земной жизни, собрав воедино не только исторические сведения и изустные предания о монастыре, но и рассеянный за годы гонений на Церковь архив Глинской пустыни.

Это — труд, не имеющий аналогов в российской исторической науке. Автор использовал сотни книг, тысячи архивных документов, хранящихся в центральных, областных и других древлехранилищах нашей страны, обширную личную переписку со старцами Глинской пустыни, сотни фотографий и других источников.

Несомненно, это сочинение отца Иоанна послужит прекрасным руководством для всех ищущих спасения, для вновь открываемых монастырей и, в первую очередь, для Глинской пустыни, которая в 1994 году передана Церкви после длительного перерыва...

Даже такие известные русские монастыри, как Соловецкий, Кирилло-Белозерский, Троице-Сергиева Лавра и другие, не имеют столь обширного исторического исследования с подобным охватом археографического материала»¹².

В 1991 году отец Иоанн закончил фундаментальное историко-богословское исследование в области отечественной патрологии — «Глинский Патерик».

В первой редакции Патерик был составлен еще в Московской Духовной Академии в 1970 году и содержал 38 жизнеописаний Глинских старцев. В законченном варианте Патерик содержит 140 жизнеописаний Глинских старцев и настоятелей периода XVIII—XX веков. Они написаны автором на основании архивных документов, воспоминаний и писем Глинских старцев, литературных источников, а также личного опыта отца Иоанна как насельника обители.

После каждого жизнеописания приведены перечни литературных и архивных источников, содержащие сведения о данном подвижнике и списки его проповедей, трудов, если таковые были.

Как духоносный пастырь-богослов, отец Иоанн в своем труде ясно и доступно раскрывает глубокие истины Православия. Он пишет о том, что такое духовная жизнь, в чем состоит очищение сердца, почему христианину необходимо трезвение духовное, как подвижники достигали истинного познания Бога и т. п. На ярких примерах он показывает значение молитвы, смирения, послушания, терпения, чтения Слова Божия и других добродетелей в деле спасения христианина. В Глинском Патерике отец Иоанн приводит жизнеописания старцев, прославившихся разными подвигами: безмолвников, отшельни-

ков, постников, юродивых и др. И все эти виды подвигов близки и понятны автору.

Схиархимандрит Иоанн предоставил читателям редчайшую возможность близко познакомиться с подлинной жизнью обители. Особенно важно, что, будучи выдающимся подвижником Глинской пустыни, он обладал даром раскрыть духовный мир ее насельников, приподнять завесу с их сокровенного внутреннего делания, ввести читателя в атмосферу той высокой духовной настроенности, которой была проникнута вся жизнь монастыря. Автор использовал много эпизодов из собственной жизни. Он был духовным другом и сотоварищем славившихся святостью жизни Глинских схиархимандритов Андриона и Серафима.

Архив Глинской пустыни

Уникальный по своему составу и полноте архив Глинской Рождество-Богородицкой пустыни, восстановленный схиархимандритом Иоанном на основании документов, хранящихся в различных архивах страны и в личном архиве автора (изначальный архив Глинской пустыни XVII — начала XX века был утрачен в 1917 году), содержит 480 единиц хранения объемом около 4000 машинописных страниц.

Архив охватывает практически всю историю существования одной из самых прославленных русских обителей — период с начала XVII до середины XX века. Наиболее древние документы, относящиеся к истории Глинской пустыни, представлены фондами РГАДА.

Здесь — выпись из писцовых и дозорных книг Молченского Рождественского монастыря (1621 г.), в состав которого вначале входила Глинская пустынь, и древнейшая из сохранившихся описей Глинской пустыни (1764 год); подробные Межевые книги на земли в Крупецкой волости Севского уезда за 1685 год с приложением древнего плана монастыря и его земельных угодий и Жалованная грамота императора Петра I украинскому гетману И.С. Мазепе на вотчину в Крупецкой волости Севского уезда (где находилась пустынь); карты и чертежи Глинской пустыни и прилегающих к ней земель (вторая половина XVIII века) и другие уникальные материалы.

Сведения о Глинской пустыни второй половины XVIII века содержатся также в документах из Государственного архива Брянской области (ГАБО).

Значительная часть документов, относящихся к разным периодам в истории Глинской пустыни, представлена фондами РГИА. Это ежегодные отчеты в Священный Синод о состоянии Курской епархии за период со второй половины XIX по начало XX века, содержащие сведения о деятельности Глинской пустыни, послужные списки монашествующих обители, ведомости о ее настоятелях, подробные описи церковного имущества, документы о наделении монастыря землями и

лесом, о пожертвованиях, постройках в монастыре, а также внутренние документы монастыря — прошения братии и распоряжения монастырского начальства.

Несомненный исторический интерес представляют Прощение игумена Путивльского Молченского монастыря Моисея с братиею «об отдаче по-прежнему ко оному монастырю Глинской пустыни, которой завладел Киевский архиерей собою» (1729—1731 гг.); ряд документов, повествующих о пожертвовании путивльским помещиком Дмитрием Бровцыным постоянного двора с 10 десятинами земли в пользу Глинской пустыни (1821 г.); о введении в Глинской пустыни устава Афонской Горы (1821 г.); Дело о напечатании представленной Филаретом, митрополитом Московским и Коломенским, рукописи строителя Глинской пустыни Филарета «Поучение к новопостриженному монаху» (1823 г.); Прощения и письма архимандрита Макария (Глухарева), будущего основателя Алтайской православной Духовной миссии, о дозволении ему отправиться в Иркутскую епархию для проповедования Слова Божия языческим народам (1829 г.). Сюда относятся также несравненные образцы эпистолярного жанра XIX века — письма игумена Филарета (Данилевского) к Императорам Александру I и Николаю I, не публиковавшиеся ранее, а также письма игумена Ювеналия (Половцева), впоследствии архиепископа Виленского и Литовского, епископу Курскому и Белгородскому Сергию (Ляпидевскому), впоследствии митрополиту Московскому и Коломенскому (1862 г.), и его же письма к игуменам Оптиной пустыни Моисею (Путилову) и Исаакию (Антимонову) (1862—1865 гг.).

Большой интерес для изучения духовной связи двух знаменитых центров старчества — Глинской и Оптиной пустыней — представляют материалы из Отдела Рукописей РГБ: письма преподобных Оптинских старцев о. Амвросия (Гренкова), о. Макария (Иванова), о. Моисея и о. Антония (Путиловых), письма великого Глинского старца схиархимандрита Илиодора (Голованицкого) к духовным чадам, письма других Глинских старцев: схиархимандрита Иоанникия (Гомолко), о. Арсения (Митрофанова), архимандрита Макария (Глухарева), в том числе его письмо к Императору Николаю I.

Основная часть документов, относящихся ко времени октябрьского переворота 1917 года, представлена материалами Государственного архива Курской области (ГАКО). Это послужные списки монашествующих и перечневые ведомости монастыря конца XIX — начала XX века, документы пустыни 1917—1918 годов: о постригах насельников обители в монашество, в схиму; о рукоположениях в священный сан; о переводе в Глинскую пустынь монашествующих из других монастырей, документы Глинской пустыни за 1919—1921 гг.: послужные списки монашествующих, рапорты настоятеля о пострижении в монашество, об умерших в обители, прошения о переводе иноков других

монастырей в Глинскую пустынь, документы об изъятии церковных ценностей из Глинской пустыни в 1922 году, о создании комиссии по ликвидации монастырей Курской епархии, об организации в Глинской пустыни Детского городка им. Ленина, а также анкеты монахов Глинской пустыни, перешедших после ее закрытия в другие монастыри.

Документы комиссии Путивльского уездного исполкома по ликвидации Глинской пустыни в 1922 году представлены материалами фондов Государственного архива Сумской области (ГАСО). В эти материалы включены акт о закрытии монастыря и зловещие по своей подробности (вплоть до количества свечных огарков) ликвидационные описи имущества пустыни. Здесь же — документы конца 1920-х годов, содержащие сведения о судьбах монахов Глинской пустыни после ее закрытия.

Период с 1917 по 1922 год в истории обители представлен также документами из Центрального государственного архива Октябрьской революции ГАРФ.

Хранящиеся в ГАСО документы 1944—1961 гг. включают в себя списки монашествующих, сведения о нетрудоспособных, о численности богомольцев, посещавших обитель, о постройках в монастыре и т.п. Отдельное дело составляют материалы о закрытии Глинской пустыни в 1961 году, в том числе акт и опись имущества монастыря при его закрытии.

О жизни возрожденной обители в период с 1942 по 1961 гг. рассказывают документы архива Сумского епархиального управления. Это указы Святейшего Патриарха Алексия I о Глинской пустыни, донесения епархиальных архиереев, рапорты в епархиальное управление настоятелей монастыря и благочинного, подробные послужные списки насельников обители, приемо-сдаточные акты имущества монастыря и многие другие документы пустыни. К этому же периоду относятся и материалы из архива уполномоченного по делам Русской Православной Церкви по Сумской области (АУПЦ): ежегодно предоставляемые настоятелем обители отчеты о доходах и расходах монастыря, о денежных суммах, выданных монастырем в фонд государства, инвентарные описи имущества Глинской пустыни за несколько лет, договоры о передаче в пользование монастыря зданий, акты проверок паспортного режима и санитарного состояния в монастыре, анкеты всех насельников пустыни и т.п.

Эти документы — горькое свидетельство о тех притеснениях, которые терпели от советской власти вернувшиеся на пепелище насельники некогда одного из самых могучих монастырей. Архив содержит богатый изобразительный материал: это карты и чертежи, фотографии храмов и скитов Глинской пустыни XIX — начала XX века, а также фотографии и портреты ее известных подвижников.

В обширное собрание документов входят также материалы из личного архива схиархимандрита Иоанна: подлинные послужные списки насельников Глинской пустыни, письма великих Глинских старцев схиархимандрита Андроника (Лукаша) и Серафима (Романцова), схимитрополита Серафима (Мажуги), а также других Глинский иноков.

По отзывам специалистов, этот труд не имеет аналогов в российской археографической науке¹³. Академик Н.Н. Визжилин называет его археографическим атласом православного монастыря.

Практически никакие из перечисленных документов ранее не публиковались. Они не только освещают историю Глинской пустыни, но и позволяют лучше понять историю нашей страны и судьбы Русской Православной Церкви. Разнообразие материалов, охватывающих многие стороны взаимоотношений внутри обители и связей ее с миром, делает архив чрезвычайно информативным не только для интересующихся историей Церкви: в жизни обители на протяжении четырех веков отражается история нашего Отечества и духовно-нравственная жизнь народа, материалы архива дают новые сведения по истории церковного и гражданского права, литературы, этнографии, а также представляют большой интерес для культурологов.

Статьи

Схиархимандрит Иоанн постоянно занимался богомыслием. По-видимому, богомыслие было основой его внутреннего делания. Плодом молитвенных размышлений явились его богословские статьи на самые разные темы. Всего им написано более 40 статей.

Большинство из них (10) отец Иоанн посвятил проблемам сотериологии. В этих статьях раскрыто значение воплощения Христова, благодати Божией, смирения, послушания, надежды, терпения, милосердия, чтения Слова Божия в деле спасения человека.

Две статьи посвящены православному пониманию поминовения усопших.

Особое место занимает статья «Тайны жизни и смерти». Она публиковалась в различных изданиях более 20 раз. Такая популярность объясняется, вероятно, тем, что написана она с особой глубиной проникновения в сущность жизни человека. На эту статью поступило много откликов читателей. Поскольку они отражают многогранность этой статьи, силу ее воздействия на самый широкий круг читателей, то приводим некоторые из них. Так, один из художников-реставраторов Государственных музеев Московского Кремля пишет: «В некоторых религиозных трудах, написанных в наше время, к сожалению, чувствуется какое-то колебание, нечеткость мыслей, недосказанность. Но этого нельзя сказать о статье отца Иоанна (Маслова) «Тайны жизни и смерти». Она удивляет своей духовной собранностью, целена-

правленностью, глубиной. Статья оставляет неизгладимый след в душе, побуждает к действию, дает толчок к нравственному исправлению, покаянию» («Мегаполис-Континент», 1991, № 24).

Любовь Куренкова делится: «У меня пятеро детей, два года назад умер муж. Мы очень любили друг друга, и боль утраты останется со мной до конца дней. Но эта статья как-то особенно укрепила меня в вере в жизнь будущую, в то, что моя скорбь небезутешна. И раньше умом я знала все эти истины, но вот прочла статью, и в сердце появилась надежда и даже стремление самой как-то подтянуться, исправиться».

Но главное — это чувство необыкновенной душевной теплоты, искреннего участия, заботы о каждом человеке, которое пронизывает всю эту высокохудожественную статью. Как это удивительно в наше время! Мне кажется, именно потому, что автор писал от всего своего любящего сердца, с состраданием и молитвой обо всех нас, каждое слово ее воспринимаешь сразу с полной верой. И, больше того, кажется, что у меня самой стало больше тепла в отношении к людям и появилось желание хоть как-нибудь обогреть их».

Андрей Орлов, заместитель председателя Государственной комиссии СМ СССР по экономической реформе, говорил: «Как выразительно пишет автор: «Любить добро, плакать с плачущими, радоваться с радующимися — вот духовная красота!» Ведь все мы сейчас так нуждаемся во взаимном внимании, помощи, любви друг к другу. Несмотря на то, что основная мысль статьи — мысль о неизбежности смерти (а, может быть, именно поэтому), статья имеет большую жизнеутверждающую силу. Автор убедительно раскрывает подлинный смысл жизни человека, показывает ее величайшую ценность, вызывает у читателя стремление исправить свою жизнь, построить ее в соответствии с высшими духовными истинами»¹⁴.

Ряд статей отец Иоанн посвятил экклезиологическим темам: «Церковь, ее историческое развитие и назначение», «Церковь, ее история в свете прообразов и пророчеств», «Церковь Христова и ее необходимость в деле спасения человека».

Проблемы Пастырского богословия освещены в статьях: «Учение святого Киприана, епископа Карфагенского, о пастырстве» и «Миротворческое служение пастыря».

Целый ряд статей отец Иоанн посвятил литургическим вопросам. В статьях: «Божественная литургия, ее смысл и назначение», «Божественная литургия (Опыт изъяснения начального возгласа и мирной ектении)», «Проскомидия», «Православное богослужение» — отец Иоанн раскрывает содержание и сущность литургии и других служб, составляющих основу внутренней духовной жизни Православной Церкви. Эти статьи являются вкладом в развитие литургического богословия и отличаются глубиной богословского умозрения.

В статьях «Значение каждения в Православной Церкви» и «Храм — место совершения богослужения и таинств» объясняется этимология и назначение храма и предметов христианского богослужения. Статья о каждении раскрывает глубокий духовный смысл этого действия и его значение в деле спасения.

В статье «Обрядовая сторона праздника Крещения Господня в Древней Руси» раскрыты значение, содержание, цель праздника Богоявления, богослужебные обряды, чинопоследование, их эволюция и существующие формы.

Некоторые важные литургические вопросы и вопросы церковной истории рассмотрены в статье «Обрядовые особенности покаянной дисциплины Древней Руси».

Вот один из отзывов на эту статью, пришедший в газету «Мегаполис-Континент»: «Статья о покаянной дисциплине христиан Древней Руси пробуждает желание исполнять древние обычаи на деле. Хочется возродить в душе путь к нравственному совершенствованию через покаяние и самоограничение»¹⁵.

Статья «Об епитимиях» — обширное отдельное богословское исследование о смысле, значении и роли епитимий в современной пастырской деятельности. Особое место занимает статья «Значение благодатного мира в деле преобразования общества». В ней отец Иоанн особо подчеркивает, что именно слова Спасителя «Мир вам» легли в основу внутренней жизни Христовой Церкви, именно они имели и имеют величайшее значение в деле перерождения огрубевших сердец в новое во Христе благодатное общество. Эта статья также неоднократно публиковалась (иногда с названием «Не поднимет народ на народ меча»).

Беззаветной и беспредельной любовью к Родине полна статья «Вклад Русской Православной Церкви в победу над фашизмом». Именно в этой статье о. Иоанн написал свои слова, ставшие широко известными: «Если в душе и сердце христианина ярко горит пламень патриотизма, он сам найдет пути для проявления своей любви к Отечеству».

Свои статьи отец Иоанн посвятил и тем русским подвижникам, которые, вероятно, особенно духовно были близки ему. Прежде всего, это статья о старце Амвросии: «Преподобный Амвросий Оптинский и русская интеллигенция второй половины XIX века». Эта статья написана о. Иоанном через 20 лет после кандидатского сочинения об Оптинском старце и существенно отличается от него. Здесь использованы совсем иные наставления и изречения старца.

Статья «Св. Иоанн Кронштадтский — светильник праведности земли Русской» написана с необыкновенной любовью и глубоким пониманием внутреннего духовного мира Кронштадтского пастыря.

Еще одна статья посвящена также Оптинскому старцу — «Настоятель Оптиной пустыни схиархимандрит Моисей (Путилов) и его пас-

тырская деятельность». В ней отражены те христианские принципы, которыми должен руководствоваться каждый пастырь.

Наконец, две статьи посвящены настоятелю Глинской пустыни отцу Филарету: «Игумен Филарет — возобновитель Глинской пустыни» и «Игумен Глинской пустыни Филарет и его еписистолярное наследие» (к 150-летию со дня блаженной кончины).

Кроме этих двух статей, Глинской пустыни (ее истории, чудотворной иконе Рождества Пресвятой Богородицы, жизнеописанию ее подвижников) отец Иоанн посвятил еще 9 статей. Одна из них — «Глинская пустынь как центр духовного просвещения и возрождения старчества» — освещает период жизни обители в 1940—1960-е годы. Отдельные статьи посвящены благотворительной, просветительной и патриотической деятельности пустыни.

Проповеди

Схиархимандрит Иоанн был широко известен и как выдающийся проповедник. «Ревностно относился отец Иоанн и к проповеди Слова Божия. Его пастырские наставления были достоянием не только учащихся и прихожан Академического храма — посредством церковных периодических изданий слова духовного наставника достигали наиболее удаленных точек православного мира»¹⁶.

Сохранившиеся проповеди отца Иоанна были произнесены им в храме Московской Духовной Академии. Среди них можно выделить следующие:

— на Господские праздники (На Рождество Христово) и в дни Великого поста («Слово о крестоношении», «Чертог Твой вижду, Спасе мой...», «Поучение перед св. Плащаницей»);

— на дни празднования памяти святых (св. апп. Петра и Павла, Усекновение главы святого Иоанна Предтечи, святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, святителя Тихона Задонского, преподобного Серафима Саровского);

— о страстях и грехах («О празднословии», «О гордости», «Слово перед исповедью»);

— о различных состояниях души («О свободной воле», «О духовном мужестве», «О чудесном улове рыбы»).

Все эти проповеди отца Иоанна пользуются большой популярностью и за прошедшие годы многократно переиздавались различными газетами и журналами (см. список трудов отца Иоанна). Особенно часто переиздаются «Проповедь в день преставления св. ап. и ев. Иоанна Богослова», которую можно назвать проповедью о христианской любви, а также «Проповедь о празднословии» и «Слово перед исповедью», чтение которых позволяет внимательно заглянуть в свою душу и подготовиться к исповеди. Особое внимание обращает на себя проповедь «О духовном мужестве», в которой старец объяс-

няет, что смерть души, вызванная грехом, гораздо страшнее смерти телесной. И этой смерти подвергается бесчисленное множество людей, хотя они и живы телом. Он призывает всех непрерывно «оживлять свои души и, если они умирают или умерли, воскрешать их из мертвых».

Эпистолярное наследие

Учение о многих истинах духовной жизни раскрывалось отцом Иоанном не только в его сочинениях, но и в письмах. Ответы на некоторые вопросы (например, об очищении помыслов, о нашем времени и времени перед концом света, о подготовке к Причастию и о том, как часто можно причащаться и др.) можно найти только в его письмах. Поэтому письма дополняют его сочинения.

В личном архиве автора этих строк хранится 154 письма, содержащих ответы его духовным чадам, и 87 писем поздравительных.

Ответы духовным чадам написаны к разным лицам по самым различным вопросам и поводам, но все они содержат нравоучительные наставления. Эпистолярное наследие отца Иоанна было исследовано в кандидатской диссертации Н.В. Маслова «Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Его пастырская деятельность и богословское наследие», и показано, как в письмах старца раскрыто учение о спасении, молитве, смирении, покаянии и др.

Особенностью писем можно считать то, что нет ни одного письма, где старец с отеческой любовью не утешал бы адресата в его скорбях и не учил бы терпеливому несению креста (т. е. прежде всего, все обращались к батюшке со своими скорбями и болезнями и всегда получали поддержку от него).

В них также содержится много конкретных советов относительно борьбы с различными страстями. Очень важны наставления старца о сущности счастья, о благодарении, о свободе духа, о том, как привлечь благодать Святого Духа.

В письмах поздравительных также рассматриваются многие важные вопросы, в том числе: что такое монашеская жизнь, каковы основные добродетели, имея которые душа сможет воспринять благодатную силу, ведущую по спасительному пути, какое единственное духовное средство, умягчающее наши души, и др.

Письма схиархимандрита Иоанна заключают в себе драгоценные уроки христианской жизни, основанные на писаниях отцов-подвижников и собственном огромном духовном опыте, чуткости и проницательности смиренного и любящего старца. Они представляют собой сокровищницу духовных советов, и в то же время все письма проникнуты удивительной простотой.

Письма отца Иоанна дают полную и ясную картину внутренней духовной жизни человека. Они раскрывают перед читателем законы

этой жизни, условия, при соблюдении которых каждый, стремящийся ко спасению, сподобляется вечного блаженства в общении с Богом.

Конспекты лекций по пастырскому богословию и Литургике

В 1969—1970 гг. отец Иоанн написал конспект лекций по пастырскому богословию (издан в 2001 году)¹⁷. Этот труд имеет особое значение, так как вносит весомый вклад в развитие отечественной пасторологии. Содержание его охватывает 3 обширных раздела: 1) Библейское учение о ветхозаветном пастырстве; 2) Пастырство как благодатное служение в Церкви Христовой; 3) Пастырская аскетика, или учение о духовно-благодатном возрастании пастыря, и учение о пастырстве святых отцов, выдающихся отечественных и западных пасторологов.

Лекции состоят из 6 глав.

В I главе рассматриваются основные понятия науки Пастырское богословие, ее история, место среди других богословских наук, а также задачи, предмет и метод этой науки. Доказывается несостоятельность протестантского учения о священстве и освещается апостольская направленность науки Пастырское богословие.

II глава посвящена учению о пастырстве в Ветхом Завете, III глава — пастырству новозаветному. (Здесь же выделены темы: «Христос Спаситель — Основатель новозаветного пастырства» и «Пастырская деятельность святых апостолов»).

В IV главе рассматривается учение святых отцов о пастырстве. Здесь проведен сравнительный анализ и сделано обобщение учений о пастырстве святых Климента Римского, Игнатия Богоносца, Поликарпа Смирнского, Ермы, Ириней, епископа Лионского, Киприана Карфагенского, Амвросия Медиоланского.

V глава посвящена истории отечественного пастырства, основное внимание уделено в ней пастырской деятельности Оптинских старцев Льва, Моисея, Макария и Амвросия.

VI глава раскрывает отличительные черты истинного духовного пастырства в сравнении с пастырством душевным. Еще в начале XX века ряд пасторологов считал необходимым углубить раскрытие пасторологических вопросов, в свете аскетических творений. Однако и к 1960-м годам эта задача не была решена. Заслуга отца Иоанна как пасторолога состоит в том, что он:

- исследовал, обобщил и привел в стройную систему разносторонние материалы, изложенные в отечественных пасторологических трудах;

- углубил и развил учение о пастырстве на основе творений святых отцов. В частности, основываясь на творениях святых: Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Иоанна Лествичника, Григория Дво-

еслова, блаж. Иеронима, Симеона Нового Богослова, Димитрия Ростовского, Тихона Задонского, Игнатия (Брянчанинова), Феофана Затворника расширил понимание многих вопросов пастырской аскетики, пастырской психологии;

- раскрыл роль старчества как особой формы пастырства;
- доказал апостольскую направленность пастырства, показал особую значимость Пастырского богословия в сохранении апостольских и святоотеческих традиций не только во внешних, но и во внутренних проявлениях жизни Церкви.

В лекциях отца Иоанна пастырское служение представляется в полном освещении, где отражены как теоретические, так и практические стороны этого служения. Старец подчеркивает, что изучение богословия не должно превращаться в одно лишь исследование, в пустое разглагольствование о пастырском долге, ибо тогда оно теряет внутреннее спасительное содержание, оставаясь лишь формой. Такое богословствование бесплодно, потому что оно лишено духа апостольского. «Богословие, особенно пастырское, познается опытным путем, путем внутреннего, духовного подвига. Необходимо духовно приобщиться благодатному действию Откровения, и только после этого является способность отражать свет этого Откровения для просвещения других»¹⁸, — писал отец Иоанн.

В 1974 году отец Иоанн составил конспект лекций по Литургике, а в 1984 году значительно переработал и дополнил этот конспект¹⁹.

Главной темой этих лекций является годичный круг богослужения (двунадесятые праздники, службы Постной и Цветной Триоди). В частности, в них рассматриваются: история праздника, его смысл и значение; эволюция и существующие формы богослужения, особенности богослужения.

Отец Иоанн особое внимание в своих лекциях обращает на неукоснительное выполнение Церковного Устава. «Церковный Устав, — пишет он, — принят Церковью и действует в ней более тысячи лет. Он приобрел в Церкви силу закона высшего Богопочитания. Богослужение, порядок и чин совершения которого указывает Церковный Устав, есть плод многовекового живого религиозного опыта и творчества великих отцов, учителей и подвижников веры. Церковь смотрит на Церковный Устав не как на обычное произведение человеческого ума, а как на книгу святую, обязательную для всех православных христиан при совершении богослужения»²⁰. Старец указывает, что богослужение в Православной Церкви, исполняемое именно по Церковному Уставу, во все времена являлось средством и духовного обучения, и воспитания — общенародным церковным Богословием²¹. Он приводит слова глубокого знатока богослужения и Церковного Устава профессора М. Н. Скабаллановича: «О, если бы все знали, какую глубину богословия заключают церковные песнопения. Недаром некоторы-

ми знатоками высказывалась мысль, что православное богословие может исчерпываться одним богослужением, то есть в богослужении нашем собрано и изложено все, что может и должен думать о Боге и спасении всякий христианин»²².

Далее отец Иоанн продолжает: «Имея такое сокровище — наше православное богослужение, мы не должны пренебрегать им, и Церковный Устав (Типикон) предлагает нам идеал богослужения, к которому нам следует стремиться.

Долг пастыря — совершать богослужение неукоснительно по чину и требованиям церковной уставности»²³. Он отмечает, что часто и в городских, и в сельских храмах уставность не только нарушается, но иногда совершенно игнорируется. И поясняет пагубность этого: «Забвение уставности пастырями порождает равнодушие верующих к службам»²⁴.

Вместе с тем, учитывая сложности пастырской деятельности на приходе, отец Иоанн говорит: «Устав не есть что-то неподвижное, и его цель — удовлетворить идеальной религиозной потребности Богообщения в молитве... Не люди для Устава, а Устав для них... Личное молитвенное настроение и рассудительность подскажут благоговейному пастырю меру возможного приближения к Уставу»²⁵.

Издание трудов отца Иоанна

Труды отца Иоанна издавались еще во время его земной жизни. С 1974 до 1991 г в различных изданиях было опубликовано около 60 его проповедей и статей. В 1990 году в «Богословских трудах» (№ 30) была опубликована кандидатская диссертация «Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие», в 1991 году там же (№ 31) — статья «Обрядовые особенности покаянной дисциплины Древней Руси».

Но наиболее широко его труды стали издаваться после его праведной кончины. Уже в 1992 году вышла книга «Глинская пустынь», содержащая две статьи: «Глинские подвижники благочестия XVIII—XX вв.» и «Глинская пустынь как центр духовного просвещения и возрождения старчества».

В 1993 году вышла в свет магистерская диссертация «Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении». Эта книга включает в себя и избранные статьи отца Иоанна. Несмотря на то, что она вышла большим тиражом (10 тысяч экземпляров), уже в 1995 году она была переиздана еще бóльшим тиражом (30 тысяч экземпляров). В 1993 году вышла в свет также кандидатская диссертация отца Иоанна «Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие» (переиздана в 2000 году); в 1994 году — докторская диссертация «Глинская пустынь. История обители и ее духовно просветительная деятельность в XVI—XX веках»; в 1996 году — приложение к магис-

терской диссертации «Симфония по творениям святителя Тихона Задонского» (переиздана в 2000 и в 2003 годах) и в 1997 году — «Глинский Патерик».

В период с 1992 по 1997 год издавались многочисленные брошюры с избранными статьями отца Иоанна, «Глинские листки». В периодической печати постоянно печатались также его статьи и проповеди.

Значение произведений отца Иоанна

Во всех своих сочинениях схиархимандрит Иоанн прежде всего имел в виду нравственное воспитание верующего народа.

Особенностью слова отца Иоанна является редкий дар действовать на ум и сердце христианина не силой богословских рассуждений, но внутренней силой христианского учения, которое само свидетельствует о своем Божественном достоинстве и покоряет ум и сердце человека.

«Схиархимандрит Иоанн — духовный просветитель нашего времени. Еще Н.В. Гоголь писал, что слово «просвещение» есть только в русском языке. И означает оно не образованность, не приобретение каких-то научных знаний. Духовное просвещение сообщает человеку познание нравственных истин, дает ему возможность опытно ощутить их. Истинное просвещение перерождает душу. Именно такое просвещение несут людям труды отца Иоанна. Сила их воздействия удивительна. Читателя нравственно пробуждает и вдохновляет благодатная жизнь жившего в наши времена старца, духовная мощь его слова. Его труды — это наше оружие против бездуховности, нравственного омерщвления народа»²⁶.

Все многочисленные сочинения отца Иоанна проникнуты евангельским и святоотеческим духом и потому представляют собой богатую сокровищницу духовной мудрости для каждого христианина, какого бы развития, умственного и нравственного, он ни был, какое бы социальное положение ни занимал. Эти труды служат ему духовным руководством во всех случаях жизни, утешая в скорбях, останавливая от грехов, поучая его нравственному христианскому долгу, раскрывая обязанности в семье и обществе и указывая верный путь к Царству Небесному.

В данной работе использованы также наставления глинских старцев схимонаха Архиппа (Шестакова; †1896) и иеродиакона Серапиона (Белопольского; †1859). Старцы не оставили рукописных трудов, однако их духоносные наставления были записаны иноками Глинской пустыни и имеют значение при исследовании учения о спасении глинских старцев. Жизнеописания этих подвижников помещены в кн.: Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Глинский патерик. С. 433—485 и с. 176—178.

Примечания

¹ Крупин В. Русские Златоусты // Москва. 1994. № 11. С. 141.

² Иоанн (Маслов), архимандрит, доцент. Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. Ч. I. Жизнеописание святителя Тихона и его литературное наследие. (Магистерская диссертация). Московская Духовная Академия. Кафедра патрологии. Загорск. Троице-Сергиева Лавра, 1981. 271 с., фотогр. Машинопись.

Иоанн (Маслов), архимандрит, доцент. Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. Ч. II. Учение святителя Тихона о спасении. (Магистерская диссертация). Московская Духовная Академия. Кафедра патрологии. Загорск. Троице-Сергиева Лавра, 1981. 430 с.; С. 376—430; библиография: 654 назв. на рус. и иностр. яз. Машинопись.

³ Крупин В. Русские Златоусты // Москва. 1994. № 11. С. 141.

⁴ Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. Послесловие. М., 1993. С. 519.

⁵ Об авторе. (От издателей) // Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. М., 1995. С. 504. (Издано по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II).

⁶ Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. М., 1995. С. 218.

⁷ Там же. С. 220.

⁸ Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Алфавитный указатель к творениям святителя Тихона. (Приложение к магистерской диссертации). Загорск. 1981. 376 с.

Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Симфония по творениям святителя Тихона Задонского. (Приложение к магистерской диссертации). Загорск. 1981. Т. 1. Ад — высокоумие. 419 с. Т. 2. Геенна — любочестие. С. 420—1020. Т. 3. Масленица — пьянство. С. 1021—1570. Т. 4. Работа — Сын Божий. С. 1571—2074. Т. 5. Таинства — ярость. С. 2075—2374.

⁹ Крупин В. Русские Златоусты // Москва. 1994. № 11. С. 141.

¹⁰ Елевферий (Диденко), архимандрит, преподаватель Московской Духовной Семинарии. Магистерский диспут в Московской Духовной Академии // Журнал Московской Патриархии. 1983. № 6. С. 20.

¹¹ Там же. С. 21—22.

¹² Визжилин Н. Н. Великий пример служения Отечеству // Мегаполис-Континент. 1995. 20—26 июля. № 29 (237). С. 12.

¹³ Там же.

¹⁴ «Тайны жизни и смерти» // Мегаполис-Континент. 1991. 26 июня—2 июля. № 24 (26). С. 7. (Из почты «М-К»).

¹⁵ Мегаполис-Континент. 1991. № 31.

¹⁶ Минские епархиальные ведомости, 1991, № 4. С. 11.

¹⁷ Иоанн (Маслов), игумен. Лекции по Пастырскому богословию. М., 2001 г.

¹⁸ Иоанн (Маслов), игумен. Лекции по Пастырскому богословию. МДА. ТСЛ. 1969–1970. С. 45.

¹⁹ Иоанн (Маслов), схиархимандрит, магистр богословия. Лекции по Литургике для 3-го класса. Лавра. Академия. 1984. 410 с. Машинопись.

²⁰ Там же. С. 3.

²¹ Там же. С. 4.

²² Там же. С. 4–5.

²³ Там же. С. 6.

²⁴ Там же. С. 11.

²⁵ Там же. С. 6.

²⁶ Ганичев В.Н. Письмо к Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II.

Часть II

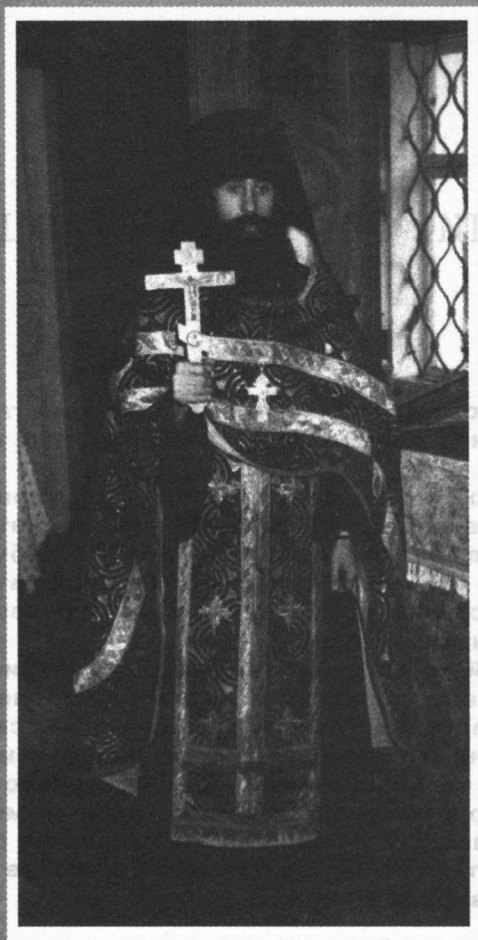
Учение глинских старцев о спасении

Литературное богословское наследие всех глинских старцев направлено к одной цели — к спасению душ тех, кто обращается к ним.

Естественно, что на своем пути все желающие спастись встречают всевозможные затруднения, препятствия, у них возникают недоумения, сомнения. Все это побуждает их искать опытного духовного руководителя, обращаться к нему за советом и наставлением. Именно такими руководителями и являются Глинские старцы.

Задача этой части работы — раскрыть учение о спасении глинских старцев; познакомить с теми наставлениями, которые старцы непосредственно давали во время своего пастырского служения, т.е. с изречениями, записанными их учениками, а также находящимися в их трудах, проповедях и письмах. Это одновременно позволит в какой-то мере раскрыть методы пастырского душепопечения глинских старцев, способы воздействия на паству и увидеть, как свое высокое учение они претворяли в жизнь.

1. О спасении

Глинские старцы внедряли в сознание своих духовных чад мысль, что главная цель бытия человека на земле — спасение души.

Так, например, письма схиархимандрита Илиодора (Голованицкого) почти всегда начинаются или заканчиваются словами: «Спасайся!», «Спасайся о Господе!», «Желаю тебе душевного спасения»¹. Указывая высшую цель стремлений человека, отец Илиодор призывал всех «шествовать неуклонно к цели Царствия Божия»².

Схиархимандрит Серафим (Романцов) пишет: «В спасении вся наша радость и цель жизни». «Спасайся о Господе со страхом и усердием ради вечного блаженства. Гори всегда, как свеча пред Богом»³.

Схиархимандрит Иоанн (Маслов) называет спасение первейшим делом христианина, учит, что «спасение дороже всего на свете, нужнее всего для человека», «во всех своих делах христианин должен более всего заботиться о спасении души»⁴.

В своих письмах отец Иоанн указывает: «В жизни каждого христианина должно стоять на первом месте спасение во Христе и приобретение Царства Небесного». «Основное, конечно, должно в нашем сознании быть — это спасение». «Особенно желаю вам быть целенаправленными и стремящимися к достижению вашего спасения. Самое основное — это быть наследниками жизни вечной». «Цель, в конечном своем существе, должна сводиться к тому, чтобы Господь сподобил всех нас узреть Его в Царствии Небесном лицом к лицу»⁵.

В проповеди в день памяти святых апостолов Петра и Павла батюшка говорил: «Каждый из нас, рождаясь в жизнь земную, получает от Господа наследие — ту ниву, возделывать которую он призван. Нива — душа наша, жизнь земная — срок для ее обработки. Хозяин нашей души и жизни — Господь, Которому мы и должны будем дать ответ в своей деятельности. Отсюда наша первая и непрменная

обязанность — заботиться о душе своей, о ее спасении, о той ниве, которую каждый из нас получил от Творца»⁶.

Безусловно, все Глинские старцы уделяли вопросу спасения человека основное внимание. Но тема спасения наиболее полно раскрыта в трудах схиархимандрита Иоанна, который посвятил этой теме раздел кандидатской диссертации «Учение о спасении и достижении Царства Божия по письмам старца Амвросия» и магистерскую диссертацию «Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении».

Отец Иоанн дает емкое определение спасения: «Спасение души есть не что иное, как очищение ее от страстей, насаждение в ней добрых христианских чувствований, подготовка ее к тому, чтобы она сделалась храмом Духа Божия»⁷.

В своих письмах старец пишет: «Спасение — это не один какой-то момент в жизни человека, а это всежизненный подвиг, состоящий в комплексе добрых дел и намерений. Эти два момента — добрые дела и намерения — Господь принимает и оценивает одинаково. Другими словами, добрые дела должны совершаться христианином тогда, когда у него есть здоровье и физические силы, а добрые намерения и желания он должен иметь тогда, когда физические силы оставляют его»⁸.

Бесконечно разнообразны человеческие характеры и условия их жизни, но, по мысли отца Иоанна, ни место, ни окружающая обстановка не могут повлиять в худшую сторону в вопросах спасения, если сам христианин будет проявлять решимость добрыми делами угождать Богу.⁹

Схиархимандрит Серафим (Романцов) уточняет: «Обстоятельства, в которые мы поставлены премудрым Промыслом Божиим, есть наш Крест и школа, в которой мы должны учиться и познавать добро и зло. Познавание это необходимо на пути нашего спасения».

Такое познание тем более необходимо потому, что, как учит отец Иоанн, «человек свободен, а поэтому он по собственному произволению может стать на сторону добра, либо на сторону зла»¹⁰.

Отец Иоанн раскрывает также объективную и субъективную стороны спасения. «Как духовно-жизненный процесс, спасение является делом и Бога, и человека. Другими словами, в этом процессе усматриваются объективная и субъективная стороны. Все то, что даровал человеку Господь для спасения, является объективной стороной спасения, усилия же самого человека со вспомоществующей ему благодатью Божией составляют субъективную сторону»¹¹.

Указывая на необходимость усилий со стороны человека в деле спасения, отец Иоанн (Маслов) основное внимание обращает на действие Божественной благодати. По определению отца Иоанна, «Божественная благодать ... является той особой силой Святого Духа, которая даруется христианину ради искупительного подвига Христа Спасителя и которая совершает духовное возрождение веру-

ющего человека.... Сила благодатной помощи в деле спасения человека настолько велика, что ей отводится в этом деле первенствующее место»¹².

Глинские старцы указывают на то, что действия благодати и воли человека находятся в тесном взаимодействии: «Божественная благодать проявляет свое действие только тогда, когда сам человек откликается на ее призыв»¹³.

«Спаситель сказал: кто хочет идти за Мною, тот первое: отвергнись себя, второе: возьми крест свой и третье: иди за Мною. Он не хочет иметь Своими учениками невольников, но желает, чтобы всякий человек охотно, без всякого принуждения предал себя Ему. Следовательно, в Царствие Небесное входят только те, которые сами желают и стараются войти. Господь по Своей премудрости и любви даровал тебе волю и свободу делать, что хочешь. Он не хочет отнять у тебя сего драгоценного дара. Итак, брат, хочешь ли ты идти за Иисусом Христом в Царствие Небесное? Он указывает путь; Сам будет помогать тебе на сем пути. Не хочешь идти за Ним, твоя воля на то. Но только смотри, берегись пренебрегать призывом Иисуса Христа. По Своему милосердию Он долго, долго толкает в двери сердца твоего, чтобы пробудить твою душу и возбудить в тебе желание спасения. Горе тебе будет, если Он, наконец, отступит и отринет тебя, как сына погибели. Премилосердный Бог спасти тебя хочет, но без твоего хотения и старания спасение не последует»¹⁴.

«Единственно воля наша или содействует, или препятствует нам спастись»¹⁵.

«Спасение человека совершено Сыном Божиим, Господом нашим Иисусом Христом»¹⁶. Поэтому тот, кто стремится ко спасению, главным основанием должен полагать веру в Исккупителя. В своей проповеди в Неделю пред Просвещением отец Иоанн говорил: «Для получения жизни вечной... нужна вера в Того, Кто Сам в Себе имеет жизнь и блаженство. Вера есть величайшая духовная сила, дарованная нам Господом. Она облакает нас заслугами Иисуса Христа, соединяет нас с Ним, оправдывает нас, делает нас чадами и наследниками Божиими. Вера — это семя и корень всех добродетелей»¹⁷.

В одном из писем старец объяснял, что такое счастье: «Сущность счастья заключается не в земном благополучии, потому что, как мы знаем, оно непрочное и изменчивое, а в вере в Бога, Христа воскресшего, Который существует вечно»¹⁸. В другом письме отец Иоанн добавляет, что для спасения необходимо приобрести и добродетели: «Веры в Бога недостаточно для нашего спасения. Следует нам всем стяжать Христово смирение, терпение и любовь к Богу и всем людям, и даже к нашим обидчикам. Только в таком провозведении жизни с нами будет пребывать благодать Божия. Именно, кто будет шествовать этим путем, тот непременно получит Царствие Небесное»¹⁹.

В проповеди в день преставления святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова старец говорил: «Усвоение истин веры одним умом мертво, безжизненно, бесплодно. Истинное познание о Боге приобретается добрыми делами, одухотворенными любовью. Наших знаний и рассуждений о благодати Божией, Его милосердии и долготерпении еще недостаточно для спасения. Нужно эти свойства... перенести в наше сердце и воплотить в своей жизни, т. е. сделать сердце наше проводником добра и любви»²⁰.

Эта мысль о необходимости внутреннего подвига, внутренней духовной жизни является основополагающей во всем учении Глинских старцев о спасении. Схиархимандрит Иоанн пишет: «Очень часто уверенность христианина, что он идет по пути спасения, не соответствует действительности. Так бывает с тем, кто свое внимание сосредоточивает только на внешнем исполнении установлений св. Церкви, и это внешнее не соответствует внутренним настроениям сердца, в то время как шествие по пути спасения совершается в сердце и сердцем. Православному христианину совершенно недопустимо ограничиваться лишь внешним знанием истин веры. Непременно надо и сердцем полюбить каждую истину веры. Нельзя ограничиваться чтением молитвословий, не вникая умом в слова молитвы. Одним словом, все церковное необходимо усовершенствовать в своем сердце. Сердцем любить, смиряться, приближаться к Богу, прощать, молиться, благословлять и т.д.»²¹.

Отец Иоанн поясняет, что добродетели очищают душу и привлекают благодать. «Все нам надо приобрести духовное богатство, т. е. терпение, смирение, послушание и любовь к Богу и людям. Этими... добродетелями мы сможем не только освободиться от грязных помыслов и дел, но и привлечь в свое сердце благодать Святого Духа. Земная жизнь с ее соблазнами и прелестями греховными влечет к себе каждого человека. Но ведь благо тому, кто не прилепляется сердцем своим к этой скверне, а возвышается к небу, обогащаясь добродетелями, которые уготовляют для него вечное блаженство»²².

Иеросхимонах Макарий также учит, что «для спасения души нужно непременно: терпение, смирение, молчание, незлобие, безмолвие, молитва и пост, а наипаче послушание безропотное; будьте осторожны в словах, никого не осуждайте, а то как ржа железо поедает, так и осуждение все добродетели истребляет. Прошу вас, вооружайтесь обоюдоострым мечом — словом Божиим»²³.

Останавливая внимание ищущих спасения на добродетели терпения, направляющей на путь, угодный Господу, схимонах Архипп говорит: «Все терпи: будут тебя ругать — молчи, будут бить — молчи, молись за обидчика, смиряя себя постоянно и спасешься»²⁴.

Человек, стремящийся ко спасению через веру в Господа Иисуса Христа, должен принадлежать к Церкви Христовой. Этот очень важ-

ный пункт христианского учения о спасении находит отражение в письмах отца Иоанна (Маслова). Он пишет: «Только в Православной Церкви мы найдем залог вечного спасения. Все остальные вероисповедания, как-то: магометане, буддисты, всякие йоги — служат дьяволу. Дай Бог, чтобы все мы принадлежали Православной вере и притом не на словах только, но и по жизни, т. е. через исполнение заповедей Божиих»²⁵.

Для спасения необходимо также участие во святых и спасительных церковных Таинствах. Отец Иоанн в своих письмах указывает: «В Слове Божиим сказано, что ничто нечистое и скверное не войдет в Царствие Божие. Значит нам, живущим на земле, надо подвизаться «подвигом добрым», чтобы стряхнуть с себя всю скверну греховную. Прежде всего, эта грязь смывается с человека посредством искреннего покаяния и причащением Святых Христовых Таин. Эта святыня является залогом жизни вечной. И притом без этого священного дара ни один человек не узрит Бога. Но только в Православной Церкви мы найдем эту святыню»²⁶.

Христианин должен еще здесь, на земле, соединиться со Христом, чтобы земная его жизнь стала началом жизни небесной, иначе по отшествии из этого мира он будет уже не в состоянии что-нибудь сделать для этого. Поэтому в своих письмах старец призывает: «Возлюбленные мои духовные чада, подвизайтесь в этой плачевной юдоли... стяжать благодать Святого Духа, без которой никто из нас не увидит лица Божия». (Когда батюшка хотел выделить особое величие Глинской пустыни, он говорил: «В Глинской достигали Духа Святого»). О том, как важно еще на земле стяжать начаток вечной жизни, батюшка пишет: «Душа, приобретающая Бога, живя на земле, уже имеет в себе зародыш вечной жизни, и, наоборот, — погрязшая в тине грехов, уготовливает тем самым для себя место во тьме и сени смертной»²⁷.

В своих письмах отец Иоанн дает пояснение: «Что касается стяжания Духа Святого, то, по мысли преподобного Серафима, Его имеет каждый человек, принявший крещение, потому что апостол Павел говорит, что никто не может назвать Господом Иисуса Христа, как только Духом Святым. Но для того, чтобы дать Духу Святому полностью обитать в нашем сердце, мы должны удаляться от всех грехов, не только от явных, но и от тайных, в помыслах. Для этого требуется не один день, а вся жизнь должна быть направлена к этой цели. Наилучший путь в этом деле должен заключаться, по мысли святых отцов, не в том, чтобы явно ощущать присутствие Духа Святого в сердце, но чтобы, подобно человеку, сеющему семена, с терпением и смирением, с надеждой на помощь Божию свыше сеять добродетели, не надеясь на свои труды, но на благодать. Вот этот путь ведет к предназначенной цели»²⁸.

Особое внимание старец обращает на следующее условие, необходимое на спасительном пути: «Для спасения необходимо выработать

в себе ревность к богоугодной жизни. И вот вся беда в том, что даже и верующие христиане не стремятся приобрести эту малую, но столь необходимую ревность, не хотят жить свято, идти за Христом. Тем самым сбываются слова Господа, сказавшего: «Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 17, 14)²⁹.

Для возбуждения ревностного стремления к вечной жизни и для безропотного перенесения искушений на пути к Царству Небесному отец Иоанн указывал на святых как на образец для подражания. В своих письмах он призывает: «Ради будущей благодатной жизни многие из святых отцов желали переносить в этой юдоли плачевной не только болезни и скорби, но и отдавали самих себя на мучения. Постараемся и мы подражать их житию, а во время тяжелых испытаний в нашей жизни обратим свой взор к небу, и оттуда придет нам помощь Господня, одухотворяющая и помогающая». И далее: «Святые отцы согласны были на земле терпеть все скорби и болезни. Ведь они даже на мучения за Христа... шли как на пир Божественной трапезы. Хорошо бы и нам подражать их доблестным подвигам и переносить все скорби и невзгоды с твердой верой и большой любовью, призывая в помощь Того, Кто сказал: «Не бойся, Я с тобой во все дни твоей жизни»³⁰.

Укрепляя и утешая свою духовную дочь, старец писал ей: «Земная наша жизнь полна всевозможных неприятностей, болезней и невзгод. Но зато верных последователей Христовых ожидает иная жизнь в обителях Отца Небесного. Ради этой благодатной жизни святые отцы подвизались даже до лишения своих насущных потребностей. Они сеяли добро на земле, а пожали в вечности плод радостного упокоения со святыми ангелами»³¹.

Схиархимандрит Илиодор (Голованицкий) также призывал обратить внутренний взор на жития святых: «Взгляни на жизнь святых и увидишь, что они несли свой крест, да притом такой крест, который мы не в силах понести»³².

По учению Глинских старцев, спасение христианина состоит в исполнении заповедей Христовых, конечной целью которых является достижение Царства Небесного. Поэтому на вопрос «В чем заключается спасение?» отец Иоанн (Маслов) отвечает: «Наше спасение заключается в том, чтобы мы смотрели за собой повнимательнее, т. е. проводили свою жизнь так, как этого требует Закон Христов»³³.

Отец Иоанн неизменно указывал на заповеди Христовы как на самое необходимое условие для достижения Царствия Небесного. В своих письмах он учит: «Нужно не только знать о Боге, но и исполнять Его Святые Заповеди. Только тогда человек сможет приобрести духовный плод на ниве Христовой». «Всегда люди, живя на земле, задают вопрос, как же достигнуть благодатной жизни на небе. Ответ мы сможем найти в Слове Божиим, где говорит Спаситель: *«Имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их», тот и является наследником Неба*»³⁴.

Вопросу исполнения заповедей отец Иоанн уделяет серьезное внимание, потому что все действия человека, каждый момент его деятельности можно рассматривать как исполнение или неисполнение какой-либо заповеди. По мысли отца Иоанна, в самом исполнении заповедей заключается великая духовная сила: ими приобретается и умножается благодать Божия в человеке.

В проповеди в день преставления святого апостола Иоанна Богослова старец говорил: «Любовь к Богу и жизнь, согласная с Его волей, неразлучно соединены между собой. Исполнением заповедей Божиих человек может очистить свою душу от греховной накипи, нанесенной пороками и страстями... Тогда мы ощутим животворную силу и духовное богатство благодати, милосердия, долготерпения и любви Христовой. По мере возрастания в душе этих качеств человек будет приближаться к Богу, освящаться и уподобляться Ему»³⁵. В своих письмах старец очень просто и ясно объяснял обращающимся к нему, как в миру жить по заповедям: «Нужно всегда стараться проводить свою жизнь, чтобы она была полезна и для своих родных, и для окружающих нас людей. Следует всегда помнить, что христианин — это особый человек на земле и он должен всем быть в радость, а не в тягость. Другими словами, от зла всегда удаляться, а к добру стремиться. Если бывают в жизни какие-то неприятности, — то ли семейные, то ли общественные, — то их всегда нужно искоренять в самом зародыше, чтобы они не возросли и не умертвили нас самих. Следует также воспроизвести в душе любовь и смирение Христово и не только на словах, но и на делах. Всякие ссоры и недоброжелания нужно удалять из своего сердца, но водворять в нем учение Христово, которое призывает всех людей к крестоношению и спасительному подвигу. Если это осуществим на земле, то будем недалеко от Царства Небесного»³⁶.

Старец Илиодор (Голованицкий) в своих письмах неоднократно писал духовным чадам, что, желая успеха в деле их спасения, он молит Господа да даст им разум к исполнению Его святых заповедей³⁷.

На вопрос «Как и чем любить Господа?» отец Илиодор отвечал: «Отвечаю Его Божественными словами. Он сказал: «Любяй Мя заповеди Моя исполняет». Быть может, спросите: какие? Те самые, которые нам твердит едва ли не всякий день Святое Его Евангелие: «болен бых и посетите Мене, в темнице бых и приидосте ко Мне, и прочее и прочее»³⁸.

Игумен Филарет указывал, что исполнение заповедей показывает, идет ли человек путем спасения: «Правильный спасительный путь человека узнается по терпению искушений и по постоянству исполнения заповедей»³⁹.

Отец Филарет призывал: «Подражая Господу, терпи все ради него и преуспевай в исполнении заповедей Его день и ночь»⁴⁰.

Глинские старцы указывают, что многие из ищущих спасения желали бы обрести таковое, но только безболезненным путем. Схиархимандрит Илиодор (Голованицкий) писал: «Везде и во всяком деле есть труд, но особенно трудно в делах нашего спасения»⁴¹.

На вопрос — «Что особенно вредит спасению?» иеросхимонах Макарий (Шаров) отвечает: «Спасению вредит саможаление, при котором подвижнику нельзя взять креста своего и следовать за Христом по узкому пути самоотвержения»⁴².

Отец Иоанн (Маслов) пишет о склонности людей всегда предпочитать легкое тяжелому⁴³. В своих письмах старец раскрывает ложное представление о безболезненном пути ко спасению: «Те, кто знают заповеди Господа и устрояют свою жизнь согласно их требованиям, непременно услышат голос Божий: «Приидите, благословенные Отца Моего Небесного, наследуйте Царство Небесное». Исходя из этого, все мы должны трудиться над очищением своей души от скверны греховной.

А это требует больших усилий и притом постоянных. Трудно приобрести чистоту сердца и ума в суетной земной жизни, но без нее, пожалуй, спастись невозможно. Будем, возлюбленные, помнить слова Христовы, что Царство Божие силой берется»⁴⁴.

Старец всем внушал истину, что спастись очень трудно. В своих письмах отец Иоанн не раз указывал: «Очень труден путь, ведущий в жизнь вечную. Здесь требуется очень много трудов как телесных, а также и духовных. По святоотеческому учению, нам нужно плоть покорить духу. И только тогда наш внутренний человек, т. е. душа, станет нормально развиваться в духовной жизни...». «Путь в Царствие Небесное очень труден. Об этом нам и Слово Божие говорит, что многими скорбями подобает нам внити в Царствие Божие. Здесь постоянные невзгоды окружают бедного человека. И если бы Господь не помогал нам, то мы уже давно лишились и земной жизни, и небесной»⁴⁵.

В других письмах батюшка призывал: «Подвизайтесь пройти тесным и прискорбным путем Христовым. Именно только этот путь даст нам право быть наследниками жизни вечной». О широком пути старец говорит: «Но горе тому человеку, который забывает свое предназначение и идет широким путем, ведущим в вечную погибель»⁴⁶.

Когда отца Иоанна спрашивали, как среди скорбей и искушений устроить свою земную жизнь, он отвечал: «Нужно всем нам помнить, что скорби и болезни, посылаемые Богом, напоминают нам, для чего мы живем в этом мире, то есть отечество наше — на Небе, и мы должны устроить свою жизнь так, чтобы приобрести все те добродетели, которые пойдут с нами в вечность. А вся земная суета не должна препятствовать этому»⁴⁷.

Глинские старцы учили, что каждому христианину, который желает достигнуть нравственного совершенства, нужно пройти через мно-

гие искушения как внутренней борьбы, так и извне приходящих до-
суждений, обид, всевозможных неприятностей, одержать победу над
борющимися страстями⁴⁸.

Старец Илиодор (Голованицкий) писал: «Жизнь наша полна не-
устройств. В ней много есть несообразностей, которые отвлекают нас
от путей спасительных, а поэтому и быть не может, чтоб не случались
с нами неприятности, служащие сильным орудием к очищению наше-
му от грехов»⁴⁹.

Схиархимандрит Иоанн учил, что чаще всего человек бывает глух
ко всем призывам Божественной благодати по причине нерадения, ду-
ховной косности и греховной жизни⁵⁰. Он писал духовным чадам:
«Всем хочется спастись и быть в теснейшем единении со Христом, но
грехи наши, подобно лютым зверям, препятствуют на этом пути...
Самое опасное для нас — беспечность и нерадение, которые убивают
душу и не дают ей вознестись горе к Престолу Всевышнего. Поэтому
мы и не получаем той духовной пищи, которая дается только посред-
ством молитвенного общения с Богом»⁵¹.

В то же время он вселял надежду в души своих чад: «Трудно отс-
тать от грехов, от порочной жизни, но с помощью Божией все воз-
можно. Нужно только взмолиться к Нему, попросить Его в помощь.
Ведь все в Его руках: и жизнь, и смерть, — и Он поможет нам и ук-
репит нас в борьбе со злом»⁵².

Глинские старцы всех призывали внимать своему спасению. Схиар-
химандрит Серафим (Романцов) указывает: «Нет ничего нужнее, как
внимать своему спасению. Как же это — внимать своему спасению?
Так же, как внимали прежде посторонним разговорам и мыслям, так
ныне внимайте молитве и чтению, и чтобы не желать ничего такого,
что уклоняет от сего спасительного занятия. «Господь — просвещение
мое и Спаситель мой». Вот истинное утешение души и сердца наше-
го. «Любящим Бога вся споспешествует во благо». Да повторяем в
памяти нашей сию молитву: «Господи, сподоби мя любить Тя от всея
души моя и помышления и творити во всем волю Твою». Спасайтесь
об имени Христове, чтобы удостоиться небесных благ. Покуда есть
время и Господь приемлет, будем спасаться милостью Божиею»⁵³.

Схиархимандрит Илиодор (Голованицкий) также указывает:
«Будь внимателен к спасению своему и не выпускай из виду и само-
го малейшего, ибо часто случается, что ничтожное обстоятельство
производит в душе великое расстройство»⁵⁴.

Глинские старцы объясняют, почему путь спасения для одних тя-
жел, а для других легок. Игумен Филарет (Данилевский) объясняет:
«Путь спасения в одном месте Святого Евангелия Иисусом Христом
назван тесным и прискорбным, а в другом — игом благим и бреме-
нем легким (Мф. 7, 13 и 11, 30). Как же то и другое, кажущееся про-
тивоположным, видится в одном и том же? Так, по свойству своему

(для плоти) путь сей жесток и труден, а по произволению совершающих его и по надеждам благим он вожделен, возлюблен и сладостен, паче нежели скорбен, для душ добролюбивых. Если Господь говорит: «Царствие Небесное нудится» (Мф. 11, 12), то говорит по ветхому человеку (по плоти, а не по духу). Если бы Царствие Небесное по природе нашей приобреталось с великим усилием, то никто бы не вошел в него; но как в нас от природы вложено стремление к добру и истине, то хотящим спастись (при споспешествующей благодати Божией) иго Господа благо и бремя легко в той мере, в какой они бременное тело с его страстями и похотями поработают духу, стремящемуся любовью, правдой и святостью восстановить в себе потемневший образ Божий. Для таких Царствие Божие близ и внутрь есть, — они сами нудят себя возможно скорее достигнуть бесстрастия. Напротив, для не имеющих доброго произволения (поработенных страстями) Царствие Небесное достигается с трудом (нудится), путь (спасения) скорбен и врата (в Царствие) тесны. Значит, единственно воля наша или содействует, или препятствует нам спастись. Хочешь ли что доброе сделать? Делай. Не можешь? Желай, и это вменится тебе как дело. Итак, мало-помалу человек сам собою привыкает делать или доброе, или злое. Если бы это было не так, то ни один разбойник не спасся бы. Но мы знаем, что не только один, но и многие разбойники просияли святостью. Кажется, великое расстояние между разбойником и святым, но чего как бы невозможно достигнуть по свойству плоти, то достигается произволением. Видим и слышим мы, как многие, без упования получить Царствие Небесное, переносят великий труд и часто не достигают своей цели. Нам ли ради небесных и вечных благ не потерпеть многое? При добром произволении стяжание добродетелей не тяжело, но более радостно, ради даваемого душевного покоя и будущего воздаяния».⁵⁵

Игумен Филарет (Данилевский) наставлял: «Хочешь истинно спастись и быть со Христом в Царствии Небесном — последуй Христу и святым последователям Его; будь готов терпеть все, оставь свое, хотя и благое, мудрование, не надейся на себя, со страхом и трепетом совершай путь свой по совету духовных отцов (надобно разуметь старца-руководителя в жизни духовной или духовника), объявляя им свои немощи и прося их молитв. Всегда смирайся, стараясь от сокрушенного сердца называть себя грешным и непотребным рабом. Если так поступишь и этим благоугодишь Господу, то заслужишь похвалу и прославишься перед ангелами и человеками, как верный воин Христов, и наследуешь Царствие Небесное со всеми святыми».⁵⁶

Схиархимандрит Илиодор (Голованицкий) учит: «Отсечение воли и покорение себя опытному старцу есть путь удобнейший, чем пути другие, и потому советую идти сим путем и не останавливаться». «Покоряясь старцу, первоначальное здание своего спасения полага-

ешь на прочном основании и успеешь в своем подвиге, если будешь принимать все его распоряжения с детскою простотою и без всякого мудрования покоришься его путеводительству во всем»⁵⁷.

По учению глинских старцев, чтобы христианин, стремящийся к спасению, мог встать и безбедно шествовать по правильному пути духовной жизни, ему необходимо вручить себя руководству опытного наставника. Отец Иоанн (Маслов) учил, что в столь трудном деле спасения необходим духовный руководитель. В своих письмах старец писал: «Путь к вечной жизни весьма трудный и опасный. Трудный он для нас потому, что мы живем не так, как надо жить... А опасный он потому, что мы часто следуем своей греховной воле, которая уводит нас на сторону самоволия и самооправдания. Ведь самый правильный путь ко спасению есть отсечение своего самолюбия и повиновение со страхом Божиим тем, кому Бог нас поручает. А без этой духовной связи человек, пожалуй, не только не сможет пребывать в духовном мире, но и уйдет на сторону, ведущую в пропасть адovu»⁵⁸.

Обобщить высказанное о спасении можно словами иеросхимонаха Макария (Шарова): «Для спасения необходимо: поверять свою совесть, быть в постоянной борьбе со своими страстями, очищать душу от грехов, любить Бога в простоте сердца, веровать в Него без рассуждения, беспрестанно иметь перед собой Его беспредельное милосердие, всеми силами души своей хвалить и благодарить Его; во всех неприятностях жизни искать вину в самом себе и всякую вину ближнего против нас прощать, дабы исходатайствовать тем у Господа прощение своих грехов; стараться водворить в себе любовь к ближнему, хранить мир и спокойствие в своем семейном кругу, чистосердечно участвовать как в радостях, так и в скорбях своих ближних; чаще вспоминать и стараться исполнять заповеди Божии и постановления Святой Церкви, несколько раз в году говеть и приобщаться Святых Тайн, строго соблюдать посты, чаще бывать в церкви; каждодневно читать утренние и вечерние молитвы и хоть несколько псалмов, а ежели время позволяет, то читать Евангелие и послания апостольские; кроме того, утром и вечером молиться о упокоении усопших и о спасении живых, если же какую-либо из сих обязанностей по каким-нибудь обстоятельствам не пришлось бы исполнить, то укорять себя в этом, с намерением впредь сего не делать; молиться и за тех, к кому питаем какое-либо неудовольствие, так как это есть вернейшее средство к примирению о Христе; правду говорить в глаза; если случатся от этого неприятные последствия, то переносить их терпеливо, а за глаза никого не осуждать»⁵⁹.

Для избежания вечных мук Глинские старцы советовали очищать свое сердце от всего греховного и порочного покаянием.

2. О покаянии

«**П**окайтесь» (Мф. 1,15) — так начинает свою проповедь Спаситель. О покаянии, как о необходимом условии спасения христианина, учили святые апостолы и святые отцы.

Глинские старцы, в основу своей жизни положившие покаяние, также поучали своих пасомых стремиться к этой основной добродетели.

«Отныне положим начало покаянию. Не будем откладывать покаяние на завтра, не знаем, дождемся ли завтрашнего дня», — призывает монах Петр (Лешенко)⁶⁰.

«Глубокое раскаяние в прошедшем приносит великую пользу», — учит схиархимандрит Илиодор (Голованицкий)⁶¹. Схиархимандрит Серафим (Романцов) в своих письмах наставляет: «Если по немощи что согрешаем — вечером надо слезно покаяться, а если близко духовный отец есть, то еще лучше ему рассказать. Если таковой далеко, то пред всевидящим Богом открывать надо, хотя Он все видит и знает Сам»⁶².

Схиархимандрит Иоанн (Маслов) в своих трудах глубоко и многогранно раскрыл сущность истинного покаяния и на многочисленных примерах ярко показал его спасительную силу. Считая покаяние одной из основ, на которой должна созидаться духовная жизнь христианина, он прежде всего возбуждал в своей пастве чувство покаяния, являющееся началом всех видов христианского подвига. Своими проповедями, письмами, устными наставлениями отец Иоанн прививал духовным чадам жажду покаяния.

Прежде всего, старец раскрывает, что такое покаяние. Определению этого понятия посвящен отдельный раздел «Симфонии по творениям святителя Тихона Задонского» (С. 702—709). По мысли отца Иоанна, покаяние есть первейшее дело христианина⁶³. В проповеди в Неделю перед Просвещением отец Иоанн называет покаяние долгом христианина: «Под покаянием, которое проповедовал в пустыне св. Иоанн Предтеча и которого требовал от людей Сам Спаситель, разумеется не одно только временное исповедание грехов, а постоянное старание сознавать свою греховность, очищать свое сердце сокрушением и стремлением к добродетели. На покаяние мы должны смотреть как на существенный наш долг, как на постоянный и непрерывный подвиг всей нашей жизни»⁶⁴.

Старец также дает следующие определения покаяния: «Покаяние — сокрушение, что прежней греховной жизнью оскорбил Бога», «Покаяние есть печаль по Боге, сопровождаемая слезами», «Покаяние — сознание себя недостойным никаких благ от Бога», «Покаяние есть звание христианина»⁶⁵.

Возрожденный в Крещении христианин после совершения греха снова духовно умирает, но милосердный Господь дает ему примиряющее средство — покаяние. По мысли отца Иоанна, покаяние есть воскресение духовное⁶⁶. «Пока человек находится во грехах, он, хотя и живой телесно, но духовно мертв. Поэтому через покаяние ему следует воскреснуть духом еще при жизни на земле, чтобы и в день всеобщего воскресения воскреснуть не для осуждения, но для вечной жизни на небесах (Ин. 5, 29)»⁶⁷.

Далее отец Иоанн определяет, в чем состоит покаяние. «Покаяние в том состоит, чтобы жизнь и сердце изменить»⁶⁸.

Отец Иоанн указывает, что во время земной жизни человек имеет великую возможность изменить качества своей души, духовно переродиться посредством покаяния.

В проповеди в Неделю перед Просвещением старец так поясняет эту мысль: «Наклонность ко грехам, наследованная нами от прародителей, именуется в Слове Божиим «ветхим человеком». Ветхий наш человек так крепко, так глубоко укоренился в нас, что мы грешим каждый день, каждый час, грешим мыслями, словами и делами... и сами собой никак не можем освободиться от него. И только Господь наш Иисус Христос, придя на землю, даровал нам все силы для борьбы с ветхим человеком. ...И первое оружие против него — это покаяние.

Посредством покаяния мы можем умерщвлять в себе ветхого и облекаться в нового человека, т. е. украшать свою душу верой, правдой, любовью и другими добродетелями...

Если же мы чужды спасительного Таинства Покаяния, если, допуская грехи, не раскаиваемся в них, то ветхий наш человек более и бо-

лее утверждается и развивается в нас, овладевая всем существом нашим, покаяние себе и ум, и сердце, и волю нашу. Тогда спасительное пришествие Иисуса Христа на землю остается бесплодным для нас, и мы можем лишиться Царства Небесного»⁶⁹.

Старец также учит, что покаяние дано лишь в земной жизни, а в загробной — воздаяние. Для перешедших в иной мир покаяние уже невозможно.

Человек всегда стоит перед выбором: или каяться и спастись, или оставаться в грехах и навлечь на себя вечное осуждение. Подчеркивая, что «нет другого пути к очищению — только покаянием», отец Иоанн делает важный вывод о том, что покаяние есть духовно-нравственный переворот в человеке.

«Покаянное настроение является первейшим средством и в деле приготовления христианина к принятию бесповоротного решения исправить свою жизнь, дать ей совершенно другое направление, чтобы стать действительно новой тварью во Христе и всячески беречь себя от новых падений, как от смертоносного яда. Отсюда покаяние есть полный духовно-нравственный переворот в человеке, кардинальная перемена его внутренних настроений, стремлений и самой жизни, то есть истинно кающийся должен умереть греху и жить для Бога, ибо и греху, и Богу жить, и миру и Христу работать невозможно. Умирание же заключается в окончательном оставлении греха, а жизнь для Бога — в творении плодов, достойных покаяния. Эти плоды, или добродетели, являются следствием полной духовно-нравственной перемены и исправления сердца и всего внутреннего состояния в лучшее. Как сосуд, очищенный и наполненный благоволением, и вне себя издает благоухание, так и душа, очищенная от зла и наполненная добрыми мыслями и нравами, естественно, и вне себя творит все доброе, сообразное внутреннему состоянию»⁷⁰.

Неотъемлемой частью покаяния отец Иоанн считал искреннюю, чистосердечную исповедь. В одном из писем он писал: «По святоотеческому учению... мы должны как можно чаще очищать свою совесть посредством Таинства Покаяния перед духовником. А это, в свою очередь, будет способствовать духовному росту и нравственному перерождению души... Ставшие на этот спасительный путь обретут в своем сердце благодатную силу, которая будет помогать им не только распознавать козни дьявольские, но и возводить их ум и сердце к Престолу Божию»⁷¹.

Старец указывает: «Исповеди не надо бояться. Ведь если чего не знает человек, то все видит Бог, и Он ждет чистосердечного покаяния, посредством которого кающийся становится чист и свят»⁷².

По мысли отца Иоанна, открывшие все грехи в таинстве Покаяния ощущают в своем сердце внутреннее успокоение и облегчение. Вот почему каждому следует как можно чаще приступать к его врачебной

силе.⁷³ В одном из писем старец пишет: «... Нужно как можно чаще приступать к исповеди, посредством которой мы снова сможем приобрести мир с Богом и любовь между собой»⁷⁴.

Отец Иоанн раскрывает сущность Таинства Покаяния. Он пишет: «За человеческую душу ведут борьбу злой дух и мир со своими соблазнами. Христианин, хотя и получил от Бога благодатную помощь, может впасть в искушение и склонить свою волю на путь греха. Поэтому нужно еще богоустановленное средство, которое бы очищало человека от греховной накипи и снова воссоединяло его с Источником жизни — Богом. Таким средством является Таинство Покаяния. Сущность его заключается в том, чтобы грешник имел в своем сердце жалость и болезнь о грехах, по крещении содеянных, которые через нелицемерное и истинное исповедание и сокрушение сердца, через разрешение иерейское отпускаются. Это спасительное Таинство установлено Икупителем мира словами: «Елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси, и елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небесех» (Мф. 18, 18)»⁷⁵.

Далее старец указывает на то, от чего зависит действенность Таинства Покаяния. «Действенность Таинства зависит как от совершающего, так и от приемлющего его. Необходимо правильно произносить формулу, без чего Таинство, как таковое, не может быть спасительным. Что касается самого исповедающегося, то от него требуется соблюдение следующих условий: во-первых, он должен «подробно и по единому» объявлять свои грехи пред священником; во-вторых, иметь искреннее сокрушение во грехах и твердое намерение не возвращаться больше к ним»⁷⁶.

Ценно разъяснение старца о том, при каких условиях покаяние является истинным. «Покаяние только тогда будет истинным, когда человек осознает свой грех, возненавидит его, постарается не повторять и получит прощение через исповедь»⁷⁷.

«Покаяние истинное, когда человек внутренне изменяется и отстанет от греха»⁷⁸.

Истинное раскаяние состоит в сожалении и сердечном сокрушении о незаконных своих поступках, осуждении себя за них перед всевидящим Богом и прошении прощения.⁷⁹

Отец Иоанн раскрывает христианам и то, каков верный признак истинного покаяния: «Когда грешник в глубине своего сердца осознает свою греховность, обратится к Богу и воздаст Ему благодарение как своему Создателю и Икупителю, тогда он сможет духовными очами увидеть перед собой Бога, по слову Псалмопевца: “Предзрех Господа предо мною выну” (Пс.15,8), это будет верным признаком его истинного покаяния и воскресения духовного»⁸⁰.

Старец учит, что покаяние может быть ложным. Каков же признак ложного покаяния? «Но кто не заботится о стяжании плодов покая-

ния, а повторяет те же грехи, тот далек от спасительного пути, прельщает свою совесть и остается духовным мертвецом. Да и как может ожидать оставления грехов от Бога тот, кто сам их оставить не хочет, но после покаяния снова возвращается к ним? Такое ложное покаяние говорит о том, что кающийся не имеет твердой веры во Христа. И если истинно кающийся христианин всем своим существом устремляется к спасителю с твердой верой и надеждой на то, что Господь, будучи любвеобильным отцом, примет его, как возвратившегося блудного сына, и простит ему всякое согрешение, то, наоборот, возвращающийся после покаяния к тому же греху тем самым показывает не только свою неблагодарность Богу, но и маловерие. Вот почему Господь не прощает ему грехи, а покаяние в таком случае остается только церемонией, обрядом, совершаемым перед духовником и не приносящим никакой пользы»⁸¹.

Особое внимание отец Иоанн уделял тому, как важно осознать грех. Старец учил: «Надо сознавать грехи и каяться. Великое дело, если сознает человек». В этом случае кающийся начинает осуждать свои поступки, укорять себя, сердце его наполняется болезнью и печалью. В своих письмах батюшка пишет: «Если мы нарушаем закон Божий, то для нас остается единственное средство — осознать свои поступки и просить у Бога прощения». Он подчеркивает: «Хорошо бы было поглубже осознать всем нам это плачевное свое состояние». И далее поясняет: «Что же нам остается делать, как избавиться от смерти духовной? На это мы находим множество указаний в книгах святых отцов, которые дают нам советы и указывают путь к Богу через слезное покаяние. Постараемся и мы отстать от злых наших беззаконий и омыть душу слезами»⁸².

По мысли схиархимандрита Иоанна, христианин должен постоянно всю свою жизнь каяться в своих грехах, даже и тех, которые он исповедовал. Каяться — в смысле сокрушаться. «Жизнь христианская есть постоянное покаяние»⁸³.

Старец учит: «Истинное покаяние есть не кратковременное или периодическое воспоминание и сокрушение о своих грехах, но целожизненный подвиг, постоянная душевная настроенность, занимающая исключительно важное место в деле спасения каждого христианина»⁸⁴.

«Кто не кается — тот мертв», — говорит отец Иоанн, и объясняет: «Вся жизнь христианина должна проходить в покаянии, ибо с прекращением покаяния прекращается и духовная жизнь человека, так как без покаяния не может человек черпать силы из благодатного источника, поддерживающего в христианине духовную жизнь»⁸⁵.

Основное внимание отец Иоанн обращает на то, что «покаяние есть средство для восстановления общения с Богом, которое нарушено грехом»⁸⁶.

Христос воплотился и сходил на землю именно для того, чтобы открыть людям путь к спасению через покаяние. Поэтому «с покаяния и смирения должен начинать тот, кто хочет возобновить союз с Богом. И как бы ни было велико бремя грехов, человеку прежде всего необходимо восстать от сна греховного, принести смиренное покаяние, и тогда, возрожденный благодатию Божией в таинствах Покаяния и Причащения, он сможет начать жизнь по Богу»⁸⁷.

Далее отец Иоанн определяет тот момент в жизни человека, когда у него появляется покаяние. «Когда человек истинным сердцем и своевременно обращается ко Господу, то он освобождается от прикрывающей его бедственное состояние греховной завесы и явно видит свои заблуждения и погибель, и тогда у него появляется желание исправить свою жизнь и творить в оставшееся время плоды, достойные покаяния»⁸⁸.

Второй раздел учения отца Иоанна о покаянии включает исследование о плодах покаяния. «Первый плод покаяния, — учит отец Иоанн, — прощение грехов. Второй — новое сердце и новый дух»⁸⁹.

Старец разъясняет, что только путем покаяния можно перейти в состояние духовное: «Через покаяние христианин возрастает духовно и удостоивается великих милостей Божиих. Только при посредстве покаяния можно перейти из состояния душевного в состояние духовное»⁹⁰.

Старец открывал омраченному грехами человеческому разуму ту высокую истину, что без покаяния не может человек черпать силы из благодатного источника, поддерживающего в христианине духовную жизнь. Поэтому в своих письмах он пишет: «Нужно посредством Таинства Покаяния очистить душу, чтобы она стала способна получить Божию милость»⁹¹. Искреннее раскаяние способствует удержанию в душе Божественной благодати, которая укрепляет волю человека в добре и постепенно перерождает для вечной блаженной жизни»⁹².

По мысли отца Иоанна, покаяние возвращает благодать крещения.⁹³ Наоборот, «за утаенные грехи, — говорил отец Иоанн в Слове перед исповедью, — человек еще здесь, на земле, мучим бывает злой силой, а по смерти подлежит вечным мукам. Об этом многократно напоминают нам святые отцы»⁹⁴.

Отец Иоанн учит, что истинное покаяние не только освобождает человека от грехов и делает достойным членом Церкви⁹⁵, но и избавляет от смерти.

«Для истинно покаявшегося смерти уже не существует, она утратила над ним свою власть и силу. Истинное обращение к Богу с сокрушенным сердцем, сожалением и плачем о своих согрешениях действительно освобождает человека от горести вечных мучений в жизни будущего века, ибо Господь судит не по прошлой греховной жизни, но по настоящей, и не множество грехов губит грешника, но нераскаянная жизнь»⁹⁶.

Наконец, по образному выражению отца Иоанна, «покаяние вводит в рай»⁹⁷. Более подробно старец так пишет об этом: «Покаяние не только готовит христианина к вечной жизни и указывает путь в нее, но, сопровождая до гроба, отверзает ему и самые врата рая»⁹⁸.

Схиархимандрит Иоанн отвечает на вопрос: «Что способствует истинному Покаянию?». Старец учит: «Покаяние есть действие Божие. Покаяние истинное от благодати»⁹⁹. И далее разъясняет: «Для немощного человека совершить самостоятельно пробуждение и всецелое восстание от греховного сна бывает очень трудно и даже почти невозможно. Здесь требуется особое действие Божие. Пасть в грех, заблудиться от истинного пути и погибнуть человек может сам, но восстать, обратиться и спастись без Бога не может. Господь каждому человеку дает Свою благодать, призывающую и обращающую от греха, и кто принимает ее и идет вслед за ней, тот спасается силой Божией, а кто противится ей, тот остается вне спасительного ковчега»¹⁰⁰.

Чтобы стяжать покаяние, отец Иоанн всех призывает к спасительным размышлениям о содеянных грехах. Это, в свою очередь, сможет привести христианина к познанию мерзости греха и тяжелых его последствий, к осознанию, что грех есть величайшее зло, что все бедствия, временные и вечные, происходят от него, что именно он есть корень всех зол как в этой, так и в будущей жизни. Действенным средством, помогающим прийти к спасительному сокрушению сердца, служит сопоставление своей греховной жизни с законом Божиим, которое, как молотом, печалью сокрушает сердце, а к сокрушенному сердцу не замедлит прийти и Евангельское утешение. Познав, таким образом, свои немощи, грешник, естественно, придет к самоуничтожению перед Богом и людьми, увидит, что и ум его помрачен грехами, и душа осквернена, и тело растленно. Имея в себе такие чувства, грешник начинает понимать, что и на слово обличительное не должно ему никогда гневаться, потому что оно направлено не с целью унижить его человеческое достоинство, но против его греховных привычек. Далее, рассуждая о гибельности и крайней опасности своего греховного состояния, человек может прийти, наконец, в разумение того, что земная его жизнь неумолимо быстро сокращается и что нечаянно может постигнуть его смерть.

Немаловажным средством, возбуждающим человека от смертной греховной спячки, служит воспоминание о вечных мучениях. Несомненная вера в то, что будут, по слову Господа, вечные муки для нераскаянных грешников, способствует коренному изменению, обновлению и очищению всех помышлений и чувствований человека. Страх будущего Суда, как огонь, поедает нечистоту сердца и приготавливает его к принятию евангельского утешения. Внутреннее состояние человека при этом исправляется, появляется сердечная молитва, внимание к себе и частые воздыхания. Осознавая суетность земных благ и

утешений, грешник отвращается от мирских, греховных сладостей и со всей серьезностью начинает вести борьбу с греховной скверной.

С другой стороны, к истинному покаянию приводит и размышление о Царствии Небесном и блаженной жизни праведных. Памятование о блаженной вечности возбуждает в христианине сильное желание оставить грех и провести дни своей земной жизни в добродетели. А это, в свою очередь, не только настраивает душу на истинное покаяние (5:109), но и способствует к возвышению мыслей человека от вещей временных к вечным.

Таким образом, цель этих душеспасительных размышлений заключается в том, чтобы создать в душе христианина постоянное покаянное настроение»¹⁰¹.

Условием истинного покаяния схииеримандрит Иоанн считает познание человеком своей духовной нищеты. «Покаяние невозможно без осознания своей греховности»¹⁰².

Старец отвечает на вопрос: «Что нужно, чтобы покаяние стало действительно основой духовной жизни христианина? — Для этого человеку необходимо контролировать каждый свой поступок, слова и мысли так, чтобы при малейшем нарушении заповедей Божиих спешить возвратиться с греховной стези на праведный путь к Богу. Так постепенно покаяние сможет перейти в навык, способствующий постоянной, повседневной духовной трезвости»¹⁰³.

По мысли отца Иоанна, более всего подвигает грешника на покаяние рассуждение о вечности, о неизвестности времени смерти.¹⁰⁴ Тяжким грехом называет старец откладывание покаяния на более позднее время, до случая болезни, ведь покаяние необходимо всегда, а не только при смерти.¹⁰⁵

«Диавол, исконный враг рода человеческого, простирает свои сети на грешных, идущих по его стопам, и внушает им мысль отложить время покаяния до тяжелой болезни, до старости или даже до смерти. Откладывающий свое покаяние ожесточается подобно фараону, не слушает призыва Божия и подвергает себя опасности при случае внезапной смерти лишиться всякой надежды на спасение. С другой стороны, откладывание покаяния указывает на нерадение грешника о своем спасении, что является еще большей опасностью, потому что покаяние при тяжелой болезни или при смерти не всегда бывает полноценным. У немощного покаяние бывает немощное, а у умирающего — мертвое. Кроме того, тяжелобольные иногда теряют дар речи, часто бывают не в полном сознании; эти и многие другие причины являются для них непреодолимым препятствием для принесения истинного покаяния. Притом, отлагающий покаяние до конца своей жизни тем самым оскорбляет Бога, потому что жизнь человеку дана для прославления имени Божия, а некающийся грешник, проводя ее для угождения своей плоти и диаволу и намереваясь каяться лишь тогда,

когда оканчивает свою земную жизнь, т. е. когда уже не может грешить, тем самым не выполняет своего высокого назначения»¹⁰⁶.

Отец Иоанн показывает, в чем заключена вся сила покаяния: «Покаяние требует глубочайшего смирения, смирения мытарева, в смирении и заключается вся сила покаяния... Смирненное покаяние изглаживает все грехи, оно привлекает милость Божию к кающемуся грешнику... Господь обещает покой тем, кто вслед Его идет, подражая Ему не только в послушании, но и в кротости, и в смирении»¹⁰⁷.

3. О смирении

Фундаментом в деле спасения глинские старцы считали смирение. «Самое главное для спасения — смирение», — учил схиархимандрит Илиодор (Голованицкий)¹⁰⁸.

«Без смирения, основания всех добродетелей, никто не может наследовать Царствие Небесное, ибо *Господь взирает токмо на кроткого и смиренного и трепещущего словес Его* (Ис. 66, 2)», — пишет иеросхимонах Макарий (Шаров)¹⁰⁹.

«Во всяком месте всеми силами мы должны стараться соблюдать все то, без чего мы жить и спастись не можем, именно: иметь глубочайшее смирение, то есть думать о себе и считать себя всегда наигрешнейшими и худшими всех живущих», — наставляет монах Петр (Лешенко)¹¹⁰.

Схиархимандрит Иоанн (Маслов) учит: «Христианское смирение — это проявление силы человеческого духа¹¹¹. Победить эту силу ничто не может. Кто носит в себе такое смирение, какое носили преподобный Серафим, святой праведный Иоанн Кронштадтский, преподобный Амвросий Оптинский и сами Глинские старцы — тот проявляет не слабость духа, а его величие и красоту». Старец Иоанн дает удивительно точное, емкое и редкое определение смирения: «Смирение — это способность видеть истину»¹¹². Учение схиархимандрита Иоанна о смирении занимает одно из центральных мест в его трудах.

Схиархимандрит Иоанн указывает, что смирение имеет Божественное происхождение, поскольку начало свое имеет от Христа. По мысли отца Иоанна, за гордость и непослушание человека Сын Божий принес в жертву Богу Отцу всесовершенное смирение, кротость и покорность. Смирение Христово поэтому имеет непосредственную связь

с делом искупления всего человечества. И только смирение, выразившееся в покорности Богочеловека воле Небесного Отца, даже до самой страшной унижительной крестной смерти, принесло удовлетворение правде Божией, примирило человечество с Богом. Таким образом, смирение Христа Спасителя, лежащее в основании Его искупительного подвига, открыло для людей всех времен и народов путь ко спасению, к вечной блаженной жизни в Царствии Небесном»¹¹³.

Поэтому каждый христианин должен стремиться подражать Христу. Подражая Спасителю в смирении, христианин «совершает сознательное уничтожение в душе последствий прародительского грехопадения»¹¹⁴.

Отец Иоанн учил, что если в основании греха прародителей лежала гнусная и мерзкая гордость и неотделимое от нее своеволие, то в основании новой благодатной жизни во Христе должно лежать диаметрально противоположное начало — смирение. Следовательно, от стремления человека к смирению или гордости зависит его близость к Богу или удаление от Него¹¹⁵.

Отец Иоанн говорил: «Смирение делает людей святыми, а гордость лишает их общения с Богом».

Глинские старцы, основываясь на святоотеческом учении, считали смирение небесным даром, который должен стяжать каждый христианин. Так, схиархимандрит Серафим учит: «Всего необходимее для спасения смирение истинное, внутреннее убеждение, что вы хуже и грешнее всех и всего, но это **величайший дар Божий** и приобретается он многими трудами и потами. Тогда человек в душе своей ощущает такое спокойствие, которое никакими человеческими словами неизъяснимо. Ищите денно и нощно этот драгоценный бриллиант»¹¹⁶.

В своей проповеди о смирении схиархимандрит Иоанн (Маслов), также называя смирение небесным даром, призывает всех стяжать в своей душе это «небесное благоухание»¹¹⁷.

В своих письмах старец так пишет о великом значении смирения в деле спасения: «...Более всего облещися подобает нам в Христово смирение. Эта последняя добродетель нам настолько необходима и нужна в земной жизни, как воздух или вода для тела. Без нее мы не сможем правильно шествовать по спасительному Христову пути. Пусть в нашем сердце постоянно звучат слова Христа Спасителя: «Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим». Если мы приобретем эту добродетель, то с ней и умирать будет не страшно»¹¹⁸.

Старец учил, что смиренное устройство души обнаруживает себя в отношении человека к Богу и ближнему. Смиренный человек глубоко сознает, что он сам по себе ничего не значит, ничего доброго сделать не может, а если и делает что-то доброе, то только с помощью Божией, Его силой и любовью.

По учению глинских старцев, смирение – это азбука,¹¹⁹ или алфавит¹²⁰ христианской жизни, без которого ни одна добродетель не может помочь человеку в деле спасения. Если у человека появляется малейшая мысль о каких-либо заслугах пред Богом, то все его духовные подвиги становятся бездейственными и единение с Богом нарушается. «Без смирения человек беден и никогда не может быть покоен в духе, без смирения вся великодаровитость человека есть навозная куча», — пишет схиархимандрит Серафим (Романцов)¹²¹.

Эту же мысль подтверждает иеросхимонах Макарий (Шаров): «Вся наша правда и добродетели, если не растворит Господь Своим милосердием, обрящутся пред Ним аки рубище, в срамоте поверженное; посему нам необходимо всегда смирять себя, а не возноситься»¹²².

Схиархимандрит Иоанн (Маслов) считает смирение лучшим средством в борьбе не только с грехом (поскольку смирение искореняет человеческую гордыню), но и с духами злобы.

В одном из писем старец писал: «Злой дух со своими полчищами предлагает нам свои злостивые планы, мы же, в свою очередь, принявшие их, уходим на страну далече.

Единственными средствами освобождения от тиранства диавола и распознавания его злого умысла являются смирение, то есть *осознание своего ничтожества*, и молитва. Это — два крыла, могущие вознести на небо каждого христианина.

Кто упражняется в этих двух добродетелях, тому нетрудно бывает взлететь, возвыситься и соединиться с Богом в любую минуту своей жизни.

И даже тогда, когда нам кажется, что мы оставлены и людьми, и Богом и что ад вот-вот готов поглотить нас, — то и тогда эти две добродетели, подобно обоюдоострому мечу, невидимо для нашего взора поразят и удалят от нашей души все супротивные силы»¹²³.

Эту же мысль развивает в своих письмах схиархимандрит Серафим (Романцов). «Только одно истинное сердечное смирение недоступно дьявольским ухищрениям. Оно все его сети разрушает»¹²⁴.

«Истинно христианское смирение человека, — учит отец Иоанн, — есть живое чувство и глубокое сознание того, что он сам по себе ничего не значит и ничего доброго сделать не может, а если и делает что-то доброе, то только с помощью Божией... Христианин, имеющий в своей душе этот драгоценный дар, всегда бывает доволен своим положением и за все выражает благодарение Богу... Он считает себя недостойным милости Божией, но достойным всякого наказания»¹²⁵.

Смирение обнаруживает себя в отношениях с окружающими человека людьми. «Смирненному человеку свойственно не осуждать не только словом, но и мыслию»¹²⁶.

Согласно учению отца Иоанна, пробным камнем для смирения человека являются обиды, причиненные ему другими людьми, и различного рода поношения. Батюшка учил, что истинное смирение

должно проявляться в терпеливом перенесении обид и укоризн, так как смиренные считают себя достойными всяких унижений¹²⁷.

Смирение служит наилучшим путем к стяжанию благодати. В проповеди о смирении отец Иоанн говорил: «Через сознание своей греховности, своего ничтожества мы получаем благодать Святого Духа... Смирение делает нас носителями благодати, исцеляющей и укрепляющей для святой жизни. Оно оправдает нас пред Богом и приведет в Царствие Небесное»¹²⁸.

Отец Иоанн учит, что в деле нравственного совершенствования главное внимание необходимо сосредоточивать на воспитании смирения, которым приобретает полное внутреннее удовлетворение и покой души при любых жизненных обстоятельствах. «Без смирения немыслимо и само духовное совершенство христианина»¹²⁹.

Далее отец Иоанн прослеживает связь между добродетелью смирения и христианским совершенством. Определяя совершенство как совокупность всех добродетелей, старец пишет: «Но всякое добро исходит от одного источника – Бога. Вследствие этого христианское совершенство, как совокупность добродетелей, есть не что иное, как обилие Божественных дарований»¹³⁰. Таких благодатных дарований сподобляются только смиренные сердцем. «Смирение — это мост, возводящий от земли на небо, по которому восходили все подвижники благочестия. Они смиряли себя не только в очах Божиих, называя себя «нищими духом», но и перед лицом греховного мира, в котором являлись они светильниками веры и благочестия. Через смирение они низводили Божественную благодать Святого Духа, которая вспомоществовала им в жизни»¹³¹.

Исключительно важное значение смирения, по мысли отца Иоанна, состоит в том, что оно является **стимулом духовного роста человека**¹³², ведущим к высотам нравственной чистоты и богоуподобления. Действительно, стремление к исправлению своих недостатков и порочных склонностей, стремление стать лучше, совершеннее может возникнуть только у того, кто глубоко осознал свою греховность и духовную нищету.

Схиархимандрит Иоанн описывает свойства и признаки истинного смирения. «Первый признак смирения, — учит он, — сознание недостойности»¹³³.

Далее старец указывает на другие признаки смирения: познание своей греховности, самоукорение, непрестанное стремление к благодати и оправданию Божию, безропотное терпение.¹³⁴

Ввиду исключительной важности добродетели смирения в деле спасения человека большую ценность представляет учение Глинских старцев о средствах стяжания этой добродетели.

Схиархимандрит Иоанн (Маслов) учит, что стяжание смирения — длительный процесс, «требующий целенаправленной деятельности всех душевных сил человека». И эта деятельность должна быть, прежде всего, направлена к самопознанию. Каждый христианин,

стремящийся к приобретению добродетели смирения, должен жить внутренней, духовной жизнью, быть внимательным к своим действиям и поступкам. Только в таком случае он легко сможет замечать греховные движения собственной души. И чем чаще будет проникать христианин своим мысленным взором в тайники своего сердца, тем более будет познавать свою нравственную испорченность и греховность. От этого познания в душе человека рождается смирение»¹³⁵.

Схиархимадрит Илиодор (Голованицкий) пишет: «Смирение есть высокая добродетель, и, кто достиг до степени оной, тот стал познавать себя»¹³⁶. Он продолжает: «Глубокое смирение приобретается лишь поднятием на себя спасительного ига креста Господня и несения оно»¹³⁷.

Игумен Филарет (Данилевский) учит так искать смирения: «Побуждать себя считать меньшим и худшим всех во всех добродетелях и недостаточным в познании духовного делания»¹³⁸.

Схиархимандрит Серафим (Романцов) указывает, что «смирение обычно рождается от послушания»¹³⁹.

В «Симфонии по творениям святителя Тихона Задонского» отец Иоанн указывает, от чего рождается смирение: от познания величия Божия, от рассуждения о благодати Божией, от страха наказания, от страха Божия¹⁴⁰. Наконец, старец особо подчеркивает, что «смирение есть плод действия благодати»¹⁴¹, и поясняет: «Смирение есть благодатный дар Божий и поэтому должен испрашиваться молитвой; смирение рождается от познания своих недостатков и самоукорения»¹⁴².

В лекциях по Пастырскому богословию отец Иоанн добавляет, что «смирение рождается от исполнения заповедей, но все будет трудиться тот, кто не стремится к чистоте духовной и телесной»¹⁴³. В указанных лекциях старец учит, как пастырю Церкви приобрести смирение. «Чтобы приобрести смирение, должно постоянно укорять, порицать и обвинять себя во всем, считать себя не только грешнее всех, но даже и всякой бессловесной твари; когда укоряют в чем-либо, то молчи; кротко объясняй истину; отвергнуть свою волю, терпеть поношения, оскорбления и унижения — вот истинный путь к смирению. <...> Приобретается эта великая добродетель путем целожизненного подвига, и если сердце пастыря день и ночь, по словам Аввы Дорофея, не ищет с болезнью Господа, то он не может преуспеть. Смирение есть дар Божий, и необходимо молить Господа о сокрушении и смирении своего сердца, всегда склонного к превозношению и гордости»¹⁴⁴.

Схиархимандрит Иоанн, заключая учение о спасении, делает важный вывод о том, что труд христианина, направленный на приобретение добродетели смирения, должен иметь неразрывную связь с его общим религиозно-нравственным развитием, направленным на достижение христианского совершенства¹⁴⁵.

4. О молитве

В деле спасения и духовного совершенствования особое место занимает молитва. Игумен Иассон учит: «Молитва для всякого человека есть источник жизни, без нее человек не может привлечь к себе благоволение Божие и иметь успех в своих трудах и духовных подвигах»¹⁴⁶.

Согласно с учением святых отцов, молитва является Божественной заповедью. Схиархимандрит Иоанн (Маслов) так объясняет это положение. «Еще в Ветхом Завете Бог взывал к человеку: «Призови мя в день скорби твоя» (Пс. 49,15)».

Пришедший на землю воплотившийся Единородный Сын Божий подтвердил эту ветхозаветную заповедь, дав надежду на исполнение просимого всякому молящемуся: «Просите, и дастся вам: ищите, и найдете; стучите, и отворят вам» (Мф. 7, 7)¹⁴⁷.

По мысли отца Иоанна, Бог ведает нужды всех своих творений и не нуждается в молитвах людей, но молитва прежде всего нужна самому человеку и является для него величайшим благом. Ведь «только через молитву могут люди, существа тварные и ограниченные, общаться с Богом — всемогущим Создателем мира»¹⁴⁸.

Схиархимандрит Илиодор (Голованицкий), разъясняя, почему молитва — дело великой Божией благодати, пишет: «Ничего нет отраднее для души, обуреваемой страстями, как изливать благодарные свои чувства пред Творцом Всяческих. В душе отрада есть великое благо. И та душа только чувствует в себе оную, которая, из пламенной любви к Богу, усердно молится Ему»¹⁴⁹.

По образному выражению отца Иоанна, молитва является насущной потребностью человеческого духа, молитва — это пища души. В

своем письме старец указывает: «Только молитвой можно напитать свою душу»¹⁵⁰. Молитва не только укрепляет, но и освящает все духовные силы человека. Старец приводит слова преп. Нила Синайского: «Как хлеб служит пищею телу, так духовная молитва есть пища ума»¹⁵¹.

Отец Иоанн пишет, что молитва есть беседа с Богом¹⁵², и раскрывает великую силу молитвы: «Нет большего утешения для христианина, как ощущать близость Небесного Отца и беседовать с Ним в своей молитве. В молитве христианин раскрывает всю свою душу пред Богом: благодарит Его за все, что Он дает ему, прославляет Его благословенное имя и воздыхает к Нему, прося Его помощи в своих нуждах и печалях. Присутствуя в храме Божиим за богослужением, христианин сердцем ощущает Его присутствие, согласно Его обещанию: “Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них” (Мф. 18, 20).

Молитва имеет великую силу: она вливает в нас новую духовную жизнь, утешает в скорбях, поддерживает и подкрепляет в унынии и отчаянии. Когда верующий человек раскрывает свое сердце в молитве пред Богом и изольет пред Ним все, что его тревожит и беспокоит, и в эту молитву вложит всю свою веру в то, что Бог слышит каждый вздох нашей души, что Он всемогущ и любвеобилен — какой мир и тишина водворяются в такой душе, и из глубины ее хочется сказать: “Да будет во всем, Господи, воля твоя”. Как утешительна такая молитва»¹⁵³.

По мысли отца Иоанна, с пришествием Христа на землю молитва приобрела новый смысл, значение и силу. Ради Его высочайших заслуг Бог Отец подает блага всем просящим у Него. В своем письме батюшка писал: «С Богом уже здесь, на земле, жить легко... Вот и Вы в своей семье старайтесь молиться и за деток, и за родных, живых и умерших, и Господь поможет и им, и Вас утешит»¹⁵⁴.

И поистине, когда Дух Святой, благой Утешитель, коснется человеческого сердца, тогда от него восходит к престолу Всевышнего истинная молитва¹⁵⁵. Отец Иоанн указывает на естественные причины, побуждающие к молитве каждого верующего человека. Это болезни, скорби, всевозможные нужды и искушения. «Молитва нужна христианину, так как ею он испрашивает все необходимое у Бога»¹⁵⁶.

Приводя слова святителя Иоанна Златоуста: «Молитва есть занятие для человека, общее с Ангелами, ею мы вступаем в их общество, делаемся соучастниками их жизни, достоинства, благородства и разума»¹⁵⁷, отец Иоанн заключает: «Совершенная молитва в своем идеальном проявлении подобна ангельской. Чтобы достичь такой молитвенной высоты, христианин должен приложить к этому все силы души». Далее старец дает определение: «Молитва есть всецелое обращение ума и сердца человека к Богу»¹⁵⁸.

По мысли отца Иоанна, молитва является важнейшим средством спасения человека, ибо через нее христианин не только приходит к Богу, но и навечно соединяется с Ним¹⁵⁹. Христианин посредством молитвы получает возможность опытно познать радость общения души с горним миром, радость новой благодатной жизни во Христе. В своих письмах старец призывает и уверяет: «Бодрствуй и молись — и эти две добродетели принесут тебе большую радость, и притом не земную, а небесную»¹⁶⁰.

Батюшка учил, что молитва — это путь к Богу, она просвещает душу молящегося, а ум озаряет истиной боговедения. Все существо христианина, освященное Божественной благодатью, «приобретает духовную цельность, собранность, спасительную устремленность к вечной жизни»¹⁶¹.

Молитва является сильным оружием в борьбе христианина с духами злости.

Молитва, произносимая со смирением сердца, по мысли схииеромандрита Иоанна (Маслова), дает человеку распознать все искушения, наносимые дьяволом, и помогает молящемуся одержать победу над этими искушениями¹⁶². Старец учил, что молитва «носит в себе духовную силу, которая разрушает все козни врага»¹⁶³. Также и схииеромандрит Илиодор (Голованицкий) объяснял, что молитва «приводит ум в состояние противиться страстям и отгоняет от души врагов»¹⁶⁴. Он призывал: «Прогони врага усердной молитвой»¹⁶⁵.

Схииеромандрит Иоанн учил, что «силой молитвы христианин легко врачует свои духовные язвы» и что «молитва необходима для сокращения греха, который делает человека духовно мертвым»¹⁶⁶.

Иеродиакон Серапион также писал, что «молитва, истекающая из глубины сердца, есть пластырь, врачующий язвы греховные, и оружие, которым побеждаются враги плотские и бесплотные»¹⁶⁷.

По мысли отца Иоанна, совершенно невозможно дать исчерпывающий ответ о значении молитвы в деле созидания в душе человека Царства Небесного¹⁶⁸. Но она всегда является показателем уровня духовной жизни христианина. Если у него есть желание молиться, значит, есть и стремление к жизни святой, а если нет, то нет и стремления к нравственному обновлению.

Вот почему в своих наставлениях, письмах, проповедях отец Иоанн так часто говорил о пагубных последствиях нерадения о молитве. «Мы забываем о повседневной молитвенной пище для души. А это, в свою очередь, делает нас неспособными к восприятию Божественной истины»¹⁶⁹.

Согласно учению святых отцов, отец Иоанн предупреждал свою паству о том, что «сердце наше никогда праздным быть не может. Если только мы его не заполним молитвой и добрыми делами, то дьявол заполнит его своими скверными мыслями и пожеланиями, от ко-

торых душа наша станет не храмом Духа Святого, а вертепом разбойников»¹⁷⁰.

В своих письмах он учит: «Самое опасное для нас — беспечность и нерадение, которые убивают душу и не дают ей вознестись горе к Престолу Всевышнего. Поэтому мы и не получаем той духовной пищи, которая дается только посредством молитвенного общения с Богом. Ведь сказано: «Несть мира в костях моих от лица грех моих». Вот отсюда происходят все нестроения и тяжести, духовные и телесные. Исходя из этого, нам всем надо прежде всего усугубить молитвенный подвиг, и тогда мы сможем ощутить в душе мир Христов, а это, в свою очередь, будет способствовать облегчению всех трудностей, скорбей и печалей». В другом письме батюшка призывает: «Будем почаще прибегать к молитвенному общению со Спасителем и Его Пречистой Матерью»¹⁷¹.

Схиархимандрит Серафим (Романцов) учит: «Если мы будем относиться к великому молитвенному деланию нерадиво и без страха Божия, то такое делание находится в опасном положении, оно не на правильном пути»¹⁷².

Старец учил, что нужно знать, в чем заключается богоугодная молитва и каковы ее признаки. По мысли отца Иоанна, истинная молитва может и не иметь своего внешнего проявления. Главное — «должно быть живое ощущение присутствия Божия и глубокое сердечное чувство, потому что Бог смотрит на сердце человека»¹⁷³.

В одном из писем старец писал: «Господь часто и один вздох молитвенный принимает вместо великих подвигов»¹⁷⁴. Истинная молитва всегда сопровождается чувством глубочайшего смирения и благоговения пред Богом.

В своем письме отец Иоанн пишет, что только смирение и молитва позволяют человеку освободиться от тиранства диавола и распознать его злой умысел. «Дай Бог, чтобы Христово смирение и молитва постоянно пребывали в нашем сердце, только в таком состоянии мы будем способны распознать внушения злого духа и подвизаться против него»¹⁷⁵.

По мысли отца Иоанна, в глубине своего духа молящийся обязан чувствовать свою ничтожность, у него не должно быть ни тени самомнения, иначе все молитвенные занятия бесполезны, тщетны.¹⁷⁶ Старец делает вывод: «Молитва без смирения невозможна»¹⁷⁷.

Схиархимандрит Илиодор (Голованицкий) учит: «Молитва поставится в грех, если она не будет соответствовать духу смиренномудрия»¹⁷⁸.

Отец Иоанн учит, что начинать молитву надо с прославления Творца и благодарности Ему. Поблагодарив Бога, человек может просить о всем, что служит к его душевной и телесной пользе. По мнению отца Иоанна, «не должны быть чужды сердцу молящегося просьбы о те-

лесном здравии, об одежде, пище, покое и прочих житейских благах»¹⁷⁹. Но молитвы о материальных благах не всегда исполняются Богом, потому что люди очень часто просят бесполезное и даже душевредное для них. Наиболее совершенной и богоугодной отец Иоанн считал молитву, которая возносится за врагов. В своих письмах он писал: «С нашей стороны, мы должны молиться о ненавидящих нас и стараться всегда покрывать всех любовью»¹⁸⁰.

Вот одно из его наставлений: «Надо всегда молиться за тех, кто о нас что-то плохое скажет, поругает».

Как же научиться истинной и богоугодной молитве?

По мысли схиархимандрита Иоанна (Маслова), учиться великому искусству молитвы должен каждый христианин. «Подобно тому, как при обучении земным наукам люди посещают школы, так и христианин, чтобы научиться молитве, этой духовной науке, обязан усердно посещать Храм Божий... Благоговейное стояние в храме, внимание ко всему тому, что в нем поется и читается, порождает в душе христианина истинную молитву. Стяжание истинной молитвы в своем сердце требует от христианина большого труда и настойчивости»¹⁸¹.

Старец учил, что не нужно ждать расположения к молитве, а всегда понуждать себя к ней. Молитвенный подвиг связан с напряжением всех сил человека, поэтому отец Иоанн призывает: «В молитве будьте терпеливы и ревностны»¹⁸².

В «Слове перед исповедью» старец говорил: «Мы ленимся молиться, а если и молимся, то рассеянно, без надлежащего внимания и часто даже не отдаем себе отчета, пред Кем мы стоим и к Кому обращаемся. Ведь Ангелы предстоят пред Богом со страхом и трепетом, а мы относимся к этому великому делу — беседе с Богом — легкомысленно: устами читаем или слушаем молитву, в то время как ум наш блуждает неизвестно где».

Такая молитва негодна Богу. Она только оскорбляет Его. Господь приемлет молитву такую, которая исходит из чистого сердца и нерассеянного ума. Поэтому христианин должен употреблять все свои усилия на то, чтобы во время молитвенного правила не дать уму и сердцу рассеиваться и удаляться от Бога, чтобы быть сосредоточенным и устремленным к Небу»¹⁸³.

По мысли отца Иоанна первостепенными средствами, помогающими стяжать нерассеянную молитву, являются размышления о вездесущии Божиим, о Страшном суде, а также испытание молящимся своей совести, поскольку всякий грех, не очищенный покаянием, делает молитву бесплодной. «Молитва бесплодна, если человек не кается»¹⁸⁴.

Таким образом, занятие молитвой требует особой внутренней собранности и трезвенности. Нужно, чтобы «словам молитвы внимали и ум, и сердце... Иногда разнообразные мысли, чувства и впечатления настолько тревожат душу, что она бывает совершенно неспособна к

молитве. Исходя из этого, каждому христианину в своих молитвенных занятиях надо приучиться собирать свои мысли воедино»¹⁸⁵.

В «Симфонии по творениям святителя Тихона Задонского» отец Иоанн выделяет главные и необходимые условия молитвы. «Главные условия молитвы — ни на кого не гневаться и примириться со всеми»¹⁸⁶. «Необходимое условие молитвы — познание своей бедности и упование на милость Божию»¹⁸⁷.

Отец Иоанн учил, что по своей духовной сущности молитва — как возношение ума и сердца человека к Богу — предоставляет христианину возможность для постоянного упражнения в ней. Молиться можно всегда и везде: в пути, в часы работы и отдыха, во время бесед и принятия пищи, в уединении и многолюдстве, стоя, сидя, лежа. Для того, чтобы приобрести постоянную молитвенную настроенность, отец Иоанн советует как можно чаще повторять такие краткие молитвословия, как: «Господи, помилуй», «Господи, помоги», «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного»¹⁸⁸.

Схиархимандрит Илиодор (Голованицкий) учит, что молитва должна быть постоянно на устах и в уме христианина. «Совершать правило молитвенное необходимо должно во всякое время, ибо сказано: «Беспрестанно молитесь»¹⁸⁹.

О непрестанной молитве игумен Иассон говорит: «Блажен ум и благословенно сердце, день и ночь дышащие сладчайшими именами Господа Иисуса и Богородицы Марии, животворящиеся ими, как миром благовонным, и облагоухаемые от греховной скверны»¹⁹⁰.

Схиархимандрит Серафим (Романцов) писал: «Молитесь, и Господь не оставит тех, кто вопиет Ему день и ночь о своем спасении»¹⁹¹.

«Молитва нам необходима, — говорит схиархимандрит Иоанн (Маслов), — но молимся ли мы постоянно?». О непрестанной молитве отец Иоанн написал отдельный раздел в своих лекциях по Пастырскому богословию. По мысли отца Иоанна, мы «должны следовать заповеди Спасителя, сказавшего: «Непрестанно молитесь». И если кто станет утверждать, что непрестанная молитва есть дело отшельников и подвижников, то в ответ можно привести слова преосвященного Илиодора: «Это то же, если бы кто спрашивал: возможно ли непрестанное дыхание? Молитва есть дыхание души. Следовательно, непрестанная молитва не только возможна, но и необходима»¹⁹².

Что же требуется для стяжания непрестанной молитвы? Кроме внимания, по учению отца Иоанна, необходимо еще смирение и сокрушение сердца, а также покаяние¹⁹³. Отсутствие этих элементов истинной молитвы есть признак уклонения в ложное направление, признак самообольщения, прелести или бесплодия¹⁹⁴.

Батюшка говорил своим духовным чадам: «Чтобы не ушла молитва — укоряй себя: «Все как Ангелы. Я хуже всех». Но при всем этом, главное — помнить, что «истинная и богоугодная молитва — дар Бо-

жественной благодати. Поэтому тот, кто желает приобрести эту добродетель, не должен надеяться на свои силы, но просить Господа о ниспослании ему этого дара»¹⁹⁵.

Отец Иоанн давал конкретные указания о прохождении молитвенного подвига. Они были строго индивидуальными, но можно выделить и некоторые общие черты. Так, в «Слове перед исповедью» отец Иоанн учит всех: «Да будет отныне у нас усердное и неослабное попечение о своей душе: она у нас одна, и время жизни одно. Пока еще не постиг нас час смертный и суд, будем непрестанно воздыхать из глубины сердец наших, как смиренный мытарь: «Боже, милостив буди мне, грешному»»¹⁹⁶.

Глинские старцы — делатели умной молитвы Иисусовой — достигли в ней высокого преуспевания и оставили свои наставления об этом спасительном подвиге.

Игумен Филарет учит: «Понуждай себя к непрестанной молитве Иисусовой: ею прогоняются вражеские помыслы»¹⁹⁷.

Схиархимандрит Серафим (Романцов) наставляет: «Советую приобрести непрестанную молитву Иисусову. Старайся как можно чаще повторять великие святые слова: “Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя грешную”. Имея при этом полное смирение и сокрушение в своих грехах, считая себя ниже и хуже всех, и тогда ты восчувствуешь такую радость на душе, что и описать невозможно. Тебе и болезнь будет казаться уже более выносимой и посильной, и свет Божественной благодати озарит твою душу. И в таком блаженном состоянии ты будешь рада пребывать всю свою жизнь, хотя и многоболезненную и трудную, так как твоя душа соединится с вечным сладчайшим Богом здесь, и в будущей жизни такое блаженное состояние перейдет с тобою в вечность. Терпи, смиряйся о Господе <...>

В умном делании Иисусовой молитвы скрыты тайны Царствия Божия, и эти тайны открываются постепенно только тому, кто находится в непрестанном покаянии <...> Иисусова молитва, как дыхание, необходима всегда»¹⁹⁸.

О силе Иисусовой молитвы старец Илиодор писал: «Облекшись в ризу крепости духа и в броню всеоружия Христова на победу врага, мы вместе с тем получили от Бога и силу — противиться ему всегдашним призыванием имени Иисуса в сердце своем»¹⁹⁹.

Схиархимандрит Иоанн (Маслов) учит: «Иисусова молитва, подобно молнии, озаряет и удаляет из души все мрачное и греховное. Но в ней не следует искать услаждения или успокоения. Она является оружием, поражающим невидимые полчища злых духов, а употребляющий это оружие должен поступать так, как воин во время обычной войны, т. е. когда рвутся около него снаряды и смерть грозит ему со всех сторон, то он в это время не думает о спокойствии или сухости, а только бодрствует и стреляет, и тем сам поражает сво-

их врагов. Так должен и христианин в смирении и самоукорении совершать это дело»²⁰⁰.

Старец учил, что Иисусова молитва очень помогает людям, находящимся в болезненном состоянии. Но при этом предупреждал: «Теплотой молитвы, покоем не обнадеживайся. От этого может фантазия, прелесть выйти». «Занимающийся молитвой Иисусовой не должен доверять снам и всякого рода видениям», — предостерегает отец Иоанн²⁰¹.

По мысли схиархимандрита Илиодора (Голованицкого), молитва, как и всякий подвиг, должна совершаться по благословию. «Келейное правило, назначенное от духовника или старца, считается выше, чем налагаемое по своей воле, ибо первое ограждено благословением и молитвою того, кто оное определяет, а последнее ничем»²⁰².

Схиархимандрит Иоанн о молитвенном правиле пишет, что без него человек подобен птице без крыльев²⁰³. «Получил Ваше письмо, в котором Вы спрашиваете благословения на молитвенный подвиг за возлюбленную нашу сестру во Христе мать С. Тот подвиг, который Вы хотите взять на себя, очень труден, и Вы можете подорвать и так уж слабое Ваше здоровье. Конечно, молиться о ней надо, но Господь часто и один вздох молитвенный принимает вместо великих подвигов. Вот и Вы, мать, обет не давайте перед Богом делать то или другое, потому что часто мы его не можем исполнить, а от этого будет тяготиться душа, а лучше всего молитесь за нее на всех Ваших молитвенных правилах, а особенно тогда поминайте ее душу, когда приходит слезная молитва. Вот в этот момент и скажите Боженьке, чтобы Он Сам ее вразумил и наставил на путь истинный. Ведь у Бога все готово. Он может мгновенно Своей благодатью переродить человека и подать такой обильный источник слез, что после этого человек больше никогда не пожелает оскорбить Его своими грехами»²⁰⁴.

В то же время отец Иоанн дает убедительное наставление о взаимной молитве. В письме к своим чадам он учит: «Взаимная молитва не имеет никаких преград. Она всегда объединяла и будет объединять последователей Христовых в один прочный союз духовной жизни»²⁰⁵.

Особое внимание уделяет отец Иоанн молитве пастыря. «Благодаря молитве устанавливается незримая, но реальная связь пастыря с народом. Сердце пастыря согревается любовью к пастве, когда он горячо молится о ней. Молитва — это путь к Богу. С молитвы надо начинать подготовку к службе Божией, молитвой ее продолжать и завершать. Высокая молитвенность пастыря является основой его внутренней жизни. Обращаясь сердцем и разумом к Богу, истинный пастырь питает в себе дух молитвы: каждое благоговейное слово обращения к Богу есть молитва — или прошение, или благодарение, или славословие. Имея всегда в мыслях Бога, он не может не молиться»²⁰⁶.

Глинские старцы предупреждали, что молитве препятствуют грехи, страсти человека. Прежде чем принести молитвенный дар Богу, человеку необходимо также примириться с теми, кого он обидел словом или делом.

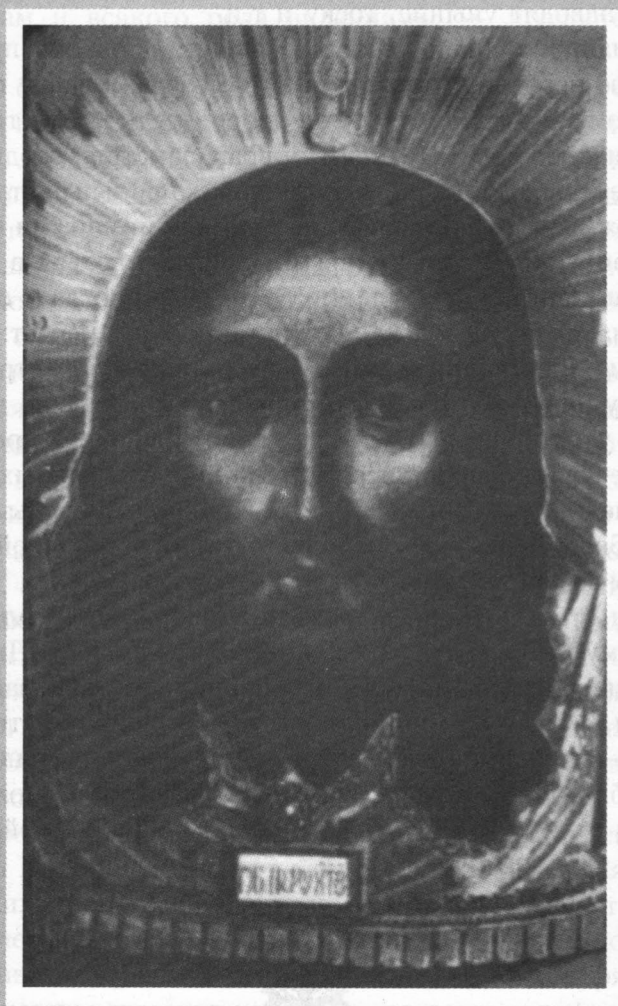
Особенно противодействуют молитве злые духи. Они всячески стремятся отвлечь человека от молитвы: внушают мысли о неотложных делах, наводят уныние, тоску и т.п.

Схиархимандрит Иоанн (Маслов) пишет: «Всякому приступающему к молитве необходимо приуготовить себя на борьбу с невидимым врагом, потому что никакая другая добродетель так не тревожит врага, как молитва к Богу. Невидимый враг, заметив усердную молитву человека, нередко старается навести на него сильный страх. Если же этим не сможет одолеть христианина, то иными путями старается отвлечь внимание верующего во время молитвы, вселяя в него различные помыслы, наводя лень или болезнь, а иногда и смущение»²⁰⁷.

Схиархимандрит Илиодор (Голованицкий) замечает: «Оставлять без нужды молитву и предаваться бездействию есть хитрость лукавого, которому хочется, чтобы без молитвенного правила человек впал в уныние и утратил надежду на спасение»²⁰⁸. Старец предостерегает: «Пустые речи, произносимые хулителями священных предметов, враг непременно станет представлять во время молитвы с целью отвлечь ум от Бога»²⁰⁹. Поэтому надо прибегать к всемогущей помощи Божией, чтобы выйти победителем в этой борьбе.

По мысли отца Иоанна, искренняя и постоянная молитва необходима каждому человеку: и праведнику, и грешнику. «Даже величайшие грешники не должны оставлять молитву из-за беззаконий своих, — пишет он, — но в покаянной молитве всегда прибегать к Богу, ибо их грехи — это капля воды в сравнении с океаном непостижимой Христовой благодати, которая изобильно подается в молитве каждому человеку и вселяет надежду на утешение в блаженной вечности»²¹⁰.

5. О страхе Божиим

Святые апостолы в основу спасения человека ставили страх Божий: «Со страхом жития вашего время жительствуйте» (1 Петр. 1, 17).

К стяжанию этого великого спасительного дара призывали и Глинские старцы.

Страх Божий, по мысли отца Илиодора (Голованицкого), может удерживать душу от многих греховных поползновений. Проникнув в сердце человеческое, страх Божий пробуждает его от сна греховного, наставляет на путь нравственного совершенствования, вселяет в него стремление жить по заповедям Господним, дабы избежать вечных мук и приобрести спасение. Исходя из этого, монахине, спрашивавшей, как помочь сестре, уклонившейся от спасительного пути, о. Илиодор отвечает: «Напоминай... ей о Страшном суде Божиим, о воздаянии праведным и наказании за грехи тех, кои не хранят заповедей Божиих и не слушают Слова Божия, указывающего истинный путь»²¹¹.

Иеромонах Порфирий (Левашов) пишет: «Где обитает страх Божий, там всякая душевная чистота, оттуда бежит всякий порок и всякое преступление»²¹².

«Страх Божий, — наставляет схиархимандрит Серафим (Романцов), — выжжет всю самонадеянность, гордость, смирит и сделает трепещущим словес Божиих. Потому Господь и говорит: “На кого воззрю? Токмо на кроткого и молчаливого и трепещущаго словес Моих”²¹³».

По мысли отца Иоанна (Маслова), путь усвоения человеком дара страха Божия должен состоять в том, чтобы человек постоянно осознавал свою греховность перед Богом и стремился бы к исполнению Его святой воли. Причем, «на низшей ступени развития добродетель

страха Божия основывается на осознании неотвратимости праведного суда Божия, на чувстве страха, боязни будущих вечных страданий за грехи. Далее рабский страх человека перед Богом и его праведным Судом постепенно преобразуется в возвышенное чувство благоговения пред Ним, в чувство искреннего и сердечного беспрекословного влечения к Богу. В такой душе уже не боязнь наказаний заставляет человека уклоняться от греха, но желание быть в единении с Богом. Так человек переходит на высшую ступень добродетели страха Божия — сыновнего страха. <...> Но и на этой ступени христианин не должен останавливаться. Сыновний страх пред Богом по мере духовного преуспевания должен перерасти в любовь к Богу и ближнему, ибо только «страх Господень... на стезях любления поставляет» (Сир. 1, 13). Таким образом, духовное совершенствование человека и утверждение его в добродетели страха Божия составляют единый и неразрывный процесс, единый путь шествования к Богу²¹⁴. Каждый христианин может тогда только удержаться на высоте нравственного совершенства, когда он будет постоянно иметь в себе страх Божий, без которого теряет свою духовность, отходит от своего Творца, становится плотным. Так, старец Илиодор, объясняя одной инокине причину ее охлаждения к монашеской жизни, пишет, что она «не согрела духа своего в любовь Божию и не стяжала смертной памяти, о которой сказано: «Помни последняя твоя и во веки не согрешишь»²¹⁵.

Схиархимандрит Иоанн указывает средства приобретения и усвоения дара страха Божия. Прежде всего, «страху Божию благодать научает»²¹⁶.

Страх Божий рождается от размышления о свойствах Божиих, Его всемогуществе, вездеприсутствии, всеведении, величии.

Утверждается в сердце человека страх Божий познанием правды Божией, воздающей каждому по делам его, и от размышлений о страшных карах Божиих, постигших грешников.²¹⁷

По мысли отца Иоанна, особенно сильным и благодатным средством стяжания страха Господня является слышание Слова Божия, поскольку от этого рождается истинная вера в Бога; приобретается страх Божий и другими благодатными средствами, например, молитвой, постом, покаянием, причащением святых Христовых Таин²¹⁸.

Далее отец Иоанн рассматривает спасительные свойства страха Божия. Страх Божий — сильнейшее оружие в борьбе с грехом. «Страх Божий, как страж, хранит душу от зла и научает добру», «страх Божий очищает от грехов»²¹⁹.

Удерживая человека от греха, страх Божий научает человека добродетельной жизни. «Страх Божий более всего способствует покаянию»²²⁰.

Иными словами, «Страх Божий есть начало спасения, потому что, проникнув в сердце человеческое, он пробуждает его от сна грехов-

ного, наставляет его на путь обращения, вселяет в него стремление очиститься от страстей и жить по заповедям Господним, дабы избежать вечных мук и приобрести спасение»²²¹.

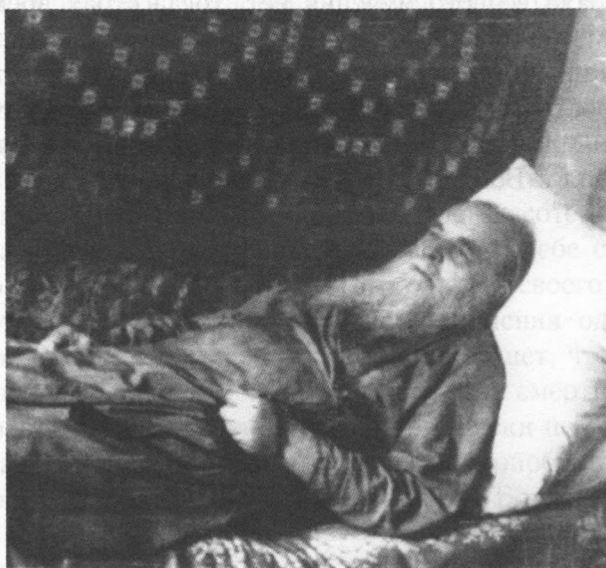
Отец Иоанн указывает и на признак страха Божия в человеке. «Признак страха Божия — избегать грехов не только явных, но и тайных»²²².

Кроме спасительного страха Божия, есть неспасительный страх — перед животными, силами природы, перед людьми, перед смертью. Он вызван грехом, отдаляющим человека от Бога.²²³

«Когда страха вечного мучения нет, тогда страх временный душу опустошает»²²⁴.

Страх Божий, по мысли отца Иоанна, — поистине есть начало духовной мудрости, без которой человек не может достигнуть единственно истинной и необходимой для него цели и смысла земной жизни — единения с Богом.²²⁵

6. О терпении в скорбях

В своей пастырской деятельности глинские старцы ежедневно встречались с множеством человеческих судеб и постоянно принимали на себя бремя скорбей и страданий всех, кто обращался к ним. Старцы часто говорили и писали о значении скорбей в жизни человека. Они изображали земную жизнь с ее скорбями и испытаниями как подвиг временного странствия на пути к вечной жизни, звали людей к жизни истинно христианской, совершенной, возвышенной, духовной. Вот почему их учение так нужно для нас сейчас. Ведь очень важно правильное понимание значения скорбей в жизни человека, а отсюда и правильное христианское отношение к ним.

Учение глинских старцев о скорбях многогранно. В Священном Писании имеются ясные указания о необходимости скорбей для ищущих спасения. Сам Господь сказал: «В мире скорбни будете» (Ин. 16, 31). Подобно и апостолы говорили: «Многими скорбьми подобает нам внити в Царствие Божие» (Деян. 14, 22).

Св. апостол Павел говорит: «Хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность...» (Рим. 5, 3—5). Поэтому становится понятной та истина, что скорби необходимы христианам для стяжания терпения, ибо без этой добродетели, как и Слово Божие учит, невозможно спастись: «В терпении вашем стяжите души ваша» (Лк. 21, 19)²²⁶. В свете евангельского учения пишут о скорбях глинские старцы.

Схиархимандрит Серафим (Романцов) наставляет: «Давайте терпеть и спасемся... Нет человека без греха. Мы все рождаемся во грехах, во грехах живем, во всех есть семена злобы. Скорби, посылаемые нам Богом, хотя и горькие, но это верное лекарство, которое ис-

целяет наши греховные немощи, останавливает в нас действия злых наклонностей. “Хвалимся в скорбях, — говорит апостол, — видяще, яко скорбь терпение соделовает, терпение же искусство, упование же не посрамит, яко любовь Божия излилася в сердца наша Духом Святым, данным нам”. Нет ни одного страдальца, который бы терпел случайно и понапрасну, и нет ни одного бедствия, которое бы не принесло страдающему пользы, не содействовало бы к лучшему. Это лучшее иногда сбывается на земле, но большей частью оно там, на небе, ибо “многими скорбями подобает нам внити в Царствие Божие”. Сказано: “Егоже любит Господь наказует, да не с миром осудимся”, и еще, “в терпении вашем стяжите души ваша”.²²⁷

Скорби и искушения — неизбежное явление в жизни каждого человека. На земле человеку приходится испытывать материальную нужду, болезни, обиды, неудачи по службе, несчастья, бедствия и др. А если нет внешних бед, то человека беспокоят внутренние скорби (уныние, страх, раздражительность, недовольство), порожденные грехом человеческой души. «В каком бы конце мира человек ни жил, скорбей не избежишь», — пишет схиархимандрит Серафим (Романцов)²²⁸.

Тем более, неизбежны скорби в жизни христианина, поскольку верующий во Христа встречает сильное противодействие со стороны врага рода человеческого. «Истинный христианин неизменно испытывает нападение врага». «Враг искушает и озлобляет рабов Божиих»²²⁹, — пишет схиархимандрит Иоанн (Маслов). Но все скорби и искушения не бывают случайными, но попускаются промыслительным действием Божиим для спасения человека.

В письмах схиархимандрита Иоанна имеются ценные указания, согласные с учением отцов Церкви о скорбях. Так, старец неоднократно замечает, что без скорбей спастись невозможно. Вот как образно пишет старец: «Жизнь христианина изобильно орошается скорбями и болезнями. Трудно нести все это грешному человеку, но без этого, пожалуй, спастись невозможно. О, Премудрость и Благость Божия, спасающая нас от вечных мучений, как непостижимы пути Твои! Боже, совершай все то над нами, что нам полезно и спасительно»²³⁰.

В другом письме он указывает: «Без скорбей в настоящее время спастись никто не может». Старец часто повторял, что скорби нужны христианам как воздух или пища для тела, напоминая слова Святого Горца: «Скорби являются нашими проводниками в жизнь вечную»²³¹.

Почему же это так? Отец Иоанн в одном из своих писем отвечает: «Потому что скорби нужны как необходимое очистительное средство». Поясняя это положение, он пишет: «В слове Божиим сказано, что ничто нечистое и скверное не войдет в Царствие Божие... Путь Христов, ведущий в блаженную жизнь, состоит именно из болезней, страданий и скорбных обстоятельств. Этими средствами душа очищается, одухотворяется и возвышается горе...»²³².

В своих трудах отец Иоанн убедительно и ярко показывает, как именно скорби и испытания очищают душу от грехов. Он подчеркивает, что «только скорби способны очистить наши черствые души от всякой греховной накипи», «только ими человек очищается от всех своих греховных язв, от греховной скверны». Отец Иоанн образно пишет: «По воле Божией мы все несем страдания, которые, подобно горнилу, переплавляют и очищают наши души»²³³.

Скорби и искушения показывают человеку, каков он есть, к чему имеет склонность, к добру или ко злу, чем руководствуется в жизни — плотским началом или духовным. Например, пишет отец Иоанн, «случившееся несчастье показывает, что человек не свободен от малодушия и ропота и в создавшемся положении надежду возлагает более на людей и другие средства, чем на Бога... Так человек постепенно познает свою немощь... Следовательно, искушения, скорби и напасти попускаются для духовной пользы человеку, чтобы глубже взрыхлить почву его сердца, уничтожить следы греховного услаждения, исторгнуть глубоко проникшие корни греха, расположить к покаянию и доброй, богоугодной жизни»²³⁴.

В своих письмах старец называет скорби «незаменимым бальзамом, который Всеблагий Господь посылает нам», «наилучшими духовными врачами», «оздоровительными лекарствами для нашей души»²³⁵.

Он поясняет: «Как врач дает горькие лекарства или отрезает некоторые члены тела, чтобы сохранить в здравии весь организм, так и Господь, Премудрый Врач душ наших, попускает скорбные для нас обстоятельства, чтобы сохранить душу для вечной жизни»²³⁶. Поэтому скорби есть действенное средство к очищению сердца христианина. «Они оживотворяют душу, сподобляют ее еще здесь, на земле, предвкушать начало вечного блаженства»²³⁷.

Схиархимандрит Серафим (Романцов) подчеркивает: «Самые страшные бури послужат верному рабу Христову в великую пользу. Пусть эти бури послужат для тебя предуготовительным, опытным учением к перенесению более страшных и опасных будущих бурь. А эти бури последуют непременно, потому что так установил Премудрый Промысел Божий, чтоб многими скорбями входить нам в Царствие Небесное, которое мы потеряли, да и сейчас теряем, снимая с себя иго Христово — скорби, ища преждевременного утешения и наслаждения»²³⁸.

Отец Иоанн (Маслов) показывает также, что скорби вразумляют нас. В одном из писем он пишет: «Бог, как милосердный отец, видя в нашем сердце духовное неустроение и суетное попечение больше о земном, нежели небесном, посылает для нас вразумление — скорби и болезни. Со своей стороны, как только человек осознал все это, Бог снова приемлет его, как блудного сына, и возвращает ему мир и тишину еще даже и в этой плачевной юдоли»²³⁹.

В жизнеописании схимонаха Архиппа сказано: «Когда человек грешит и не сознаёт себя виновным, Бог для вразумления его посылает скорби. Они еще более умножаются, если принимаются с ропотом, как незаслуженные. Отсюда происходят сетование, печаль, уныние. Но истинные подвижники в самой скорби видят любящего Бога, Который наказует любимых и «биет же всякого сына, его же приемлет» (Евр. 12,6)»²⁴⁰.

Кроме того, именно скорби, по мысли отца Иоанна, «служат отвращающим средством от смертной духовной спячки и таким образом ведут душу к предназначенной ей цели — спасению» (проповедь «О духовном мужестве»). Внимательный к своей духовной жизни христианин постепенно замечает закономерность, при которой скорби и испытания являются неизменным следствием нарушения заповедей, и это побуждает его быть осмотнительным во всех своих действиях.

Указывая на ту пользу, которую мы получаем от скорбей, старец пишет: «Именно скорби и болезни помогают нам исполнить закон Христов», ведь «мы все живем нерадиво и греховно, а скорби в какой-то мере удерживают нас от тяжелых грехопадений»²⁴¹.

«Почему же тогда страдают праведники?» — задавали батюшке недоуменный вопрос. Отец Иоанн в своей книге о преподобном старце Амвросии Оптинском отвечает на это словами преподобного: «Всеблагий Господь праведным посылает различные скорби, во-первых, чтобы не ослабевали в подвигах благочестия и, разленившись, не уклонялись в противную сторону и не погибли... Во-вторых, для того, чтобы через это они совершенно очистились от грехов и страстей и получили велие воздаяние в будущем веке...»²⁴².

Вот как отвечает на вопрос о страдании праведников схиархимандрит Серафим (Романцов): «Святые Божии, коих весь мир недостоин — и те подвергались скорбям таким, о которых мы, грешные, и помыслить не можем. Вспомните Иова, плачущего на гноище, Предтечу, алчущего в пустыне, Петра, распятого на кресте, Саму Преподобную Матерь Спаса нашего, стоящую у креста своего Божественного Сына. Нам ли сетовать и роптать на наши сравнительно с теми ничтожные скорби? Но вот много таких людей, которые бедствуют, по-видимому, без всякой причины. За что они страждут? За что, например, страждут младенцы невинные и безгрешные и другие прочие? Ответ на этот вопрос тот же, какой Иисус Христос дал апостолам, когда спросили его о слепце: «Ни сей согрешил, ни родители его, но да явятся дела Божии на нем»²⁴³.

По мысли отца Иоанна, «скорби также помогают нам приобрести добродетели, как-то: смирение, кротость и любовь к Богу и ближним, а это, в свою очередь, помогает нам стремиться в отечество небесное»²⁴⁴. Отец Иоанн говорит: «В горниле скорбей в душе человека

рождается та добродетель, которую трудно приобрести в жизни спокойной, чуждой страданий. Скорбь рождает терпение»²⁴⁵.

В одном из писем старец Иоанн (Маслов) пишет: «Мы, пожалуй, заслужили скорби своими грехами, а поэтому к нам применимы слова святых отцов: «Терпел пророк Моисей, терпел пророк Елисей, терпел пророк Илия, потерплю же и я». И если мы будем так себя настраивать, то Господь придет к нам вскоре и сотворит милость Свою с нами. Там, где Бог в душе, там радость и свобода. Будем подвизаться на спасительном пути до победного конца, воссылая за все благодарение Богу. Да и слово Божие нам говорит: «Претерпевый до конца, тот спасен будет»²⁴⁶.

Старец учит, как посредством скорбей можно получить милость Божию и стяжать благодать: «В скорбях не печалься, к смирению и терпению постоянно устремляй свой взор и приобретешь благодать Духа Святого»²⁴⁷.

По мысли отца Иоанна, очищенная посредством скорбей душа «бывает способна жить в Боге», только скорбями она «сподобляется узреть Бога», «делается благоугодной Богу» и «становится пригодной к вечной жизни на небе»²⁴⁸. Таким образом, по меткому выражению старца, «Господь Своим рабам посылает скорби как наилучшее средство, помогающее им шествовать от земного странствия в небесные обители»²⁴⁹.

Исходя из этого, отец Иоанн учит правильному христианскому отношению к скорбям. «Мы не должны смотреть на постигающие нас скорби как на какое-то ужасное явление, но воспринимать их с христианской покорностью и терпением. Только в таком случае они будут способствовать нашему духовному обновлению и спасению. Путь, ведущий в благодатную вечность по стопам Спасителя, узкий и скорбный (Мф. 9, 13), но именно этот путь, а не какой-то другой, предназначен для человека в домостроительстве Божиим о нашем спасении. И поэтому христианину следует принимать все встречающиеся скорбные обстоятельства как от руки Всевышнего...». То есть все встречающиеся в жизни христианина искушения, испытания есть не что иное, как проявление любви и милосердия Божия к падшему человеку. Старец объясняет, что «наказание человека отнятием у него благ, испытание его скорбями и болезнями есть выражение Божественной любви, которую можно сравнить в некоторой степени с любовью родителей к своему ребенку, когда, несмотря на его слезы и обиды, они отнимают у него опасные предметы или наказывают за проступки с тем только, чтобы исправить его и предохранить от опасных последствий. «Егоже любит Господь, наказует; бьет же всякого сына, егоже приемлет» (Евр. 12, 6)²⁵⁰.

Отец Иоанн наставлял духовных чад видеть в скорбях промыслительное действие Божие, попускаемое для спасения человека. Все

скорби, — пишет он духовному сыну, — которые Вы описываете, приходят не извне, а от промыслительной руки Божией»²⁵¹.

Схиархимандрит Андроник (Лукаш) также учит: «Принимайте скорби как от руки Божией; кого Бог любит, того и наказует»²⁵².

Старец Илиодор (Голованицкий) учит, что во время скорбей ни в чем не должно искать утешения, кроме Бога. Ведь Слово Божие призывает всех христиан быть мудрыми и терпеливыми в скорбях. Мудрость состоит в том, чтобы в самых скорбных обстоятельствах всегда сохранять веру во всеблагий Промысл Божий, который распространяется на всех людей и не попустит никому искушиться более, чем тот может понести. Отец Илиодор убеждает: «Ты знаешь, сестра, что без воли Божией ничего с нами не бывает, и что Промысл Всевышнего о спасении нашем всегда бывает для нас благодетельным; если не знаешь, то знай это, должно тебе и покоряться во всем воле Его Святой. Но отчего так, что мы и знаем, а при одной мысли — утратить из виду какую-либо вещь, приходим в скорбное положение? Оттого, что мы и верим в Промысл о себе Божий, но не так верим, как должно. Сестра, положишься на волю Божию твердо, и ты никогда не станешь страшиться никакой перемены»²⁵³.

Схиархимандрит Илиодор, умудренный старческим опытом и житием подвижническим, писал о том, что во всех трудных обстоятельствах человек всегда должен, отложив свои мудрования и предположения, все свое упование возложить на всеблагий Промысл Божий. Он наставляет: «Упование на Святой Его Промысл принесет тебе немалую пользу и доставит возможность разрушить совет врага, представляемый во вред твоей душе. Этим ты порадуешь меня и сделаешь угодное Богу»²⁵⁴.

Схиархимандрит Илиодор (Голованицкий) объясняет, для чего допускаются внутренние скорби: «Внутренние скорби допускаются Богом или для того, чтобы испытать терпение, верен ли человек своему призванию, или и для того, чтоб очистить от грехов. Скорби доставляют душе нашей много добра, если стать переносить оныя с великодушием и принимать все скорбное как дар, ниспосылаемый от Господа с благодарностью. Они нам полезны и для того еще, чтоб мы не возносились мнимыми своими подвигами, которые, по своей ничтожности, не заслуживают и внимания, а между тем, нам так и хочется сказать что-нибудь о себе, и, вознесшись, не пали бы падением лютым; от сего да сохранит нас Господь. Не унывай, если тебя скорби преследуют, и не проси у Господа себе милости — избавиться от них, ибо благодаря скорбям сделаешься опытнее в своей жизни. Тогда только должно молиться Ему об облегчении скорбей, когда чувствуешь в себе прилив их выше меры; но и в то время, когда станешь молиться, нужно предаваться воле Его святой, а не желать, чтоб совершилась воля твоя»²⁵⁵.

Схиархимандрит Иоанн (Маслов) указывал, что хотя скорби в этой юдоли плачевной неизбежны для каждого человека, «но не все люди, перенесшие скорби, войдут в Царствие Небесное, а только те, которые усматривают в них Богопосланное средство для очищения и отрезвления души от смертной спячки. Скорби одним служат на пользу души, а для других они являются камнем преткновения в деле спасения.

В чем же здесь дело?

На этот вопрос можно ответить так, что одни люди, воспринимая скорби с покорностью воле Божией и прилагая свои усилия всячески избегать греха и мирских греховных удовольствий, спасаются, а другие, увлекшись греховными прелестями и желая в них найти успокоение и облегчение, погибают»²⁵⁶.

В другом письме отец Иоанн указывает, что скорби «бывают полезны только тогда, когда человек в них не ропщет, но пьет их, подобно путнику, истомленному в пути и жаждущему стакан холодной воды. Такие люди со Христом страдают и со Христом будут радоваться в обителях Отца Небесного»²⁵⁷. Схиархимандрит Серафим (Романцов) учит: «Кто бы как ни страдал, при благодушном терпении и благодарении Богу много пользы получает от своих страданий. Страждет телом, зато не будет страдать душою. Страдает несколько времени, зато будет блаженствовать вечно»²⁵⁸.

Отец Иоанн (Маслов) поучал, что степень нравственного совершенства человека определяется по тому, как он переносит посылаемые ему свыше испытания. И дает совет: «Конечно, много скорбей окружают нас, и подчас бывает трудно их переносить, но в такие минуты нам всем следует обратить свой взор на пострадавшего за нас Спасителя Мира и постараться не удаляться от скорбей, а возлюбить их, притом не допуская ропота или отчаяния. Ведь Господь все видит, и слышит наше болезненное сердце, и в свое время подает руку помощи»²⁵⁹.

Иеросхимонах Макарий (Шаров) учит: «Истинно не уничтожит Господь претерпевающих скорби. Он сладко защищает к Нему воздыхающих и сладко питает сирых. Господь знает все наши болезни и оскорбленное ваше сердце; Он смотрит отеческим оком на терпение, благоугодное пред Ним, и, когда Ему угодно, предающуюся в волю Его душу освободит от всех болезней и скорбей! И тогда страждущее сердце возрадуется о милости Божией радостью неизреченной.²⁶⁰ Слово Божие призывает всех христиан быть мудрыми и терпеливыми в скорбях. «Мудрость, — объясняет отец Иоанн (Маслов), — состоит в том, чтобы в самых скорбных обстоятельствах всегда сохранять веру во всеблагий Промысел Божий, который распространяется на всех людей и не попустит никому искушиться более, чем тот может понести»²⁶¹. Он приводит пример, как в хрустальный сосуд мастер ударя-

ет легко, чтобы не разбить его, а в серебряный или медный бьет сильнее, так и Господь немощным попускает легкое искушение, а духовно крепким и мужественным — более тяжелое. Кроме того, вера, по мысли отца Иоанна, убеждает в том, что все скорби временны и за ними последует вечная радость, в то время как нетерпением оскорбляется благодать Божия. «Жилище блаженное там (на небе), — писал старец. — Здесь же слезы и воздыхания, но они не должны приводить душу в уныние, но в радостное состояние, чающее отраду в вечности со Христом»²⁶².

Наставляя, как переносить скорби, отец Иоанн писал, что ради вечного успокоения «святые отцы согласны были на земле терпеть все скорби и болезни... Ведь они даже на мучения за Христа... шли как на пир Божественной трапезы. Хорошо бы и нам подражать их доблестным подвигам и переносить все скорби и невзгоды с твердой верой и большой любовью...»²⁶³.

Отец Иоанн в своих письмах указывает способ, как встречать и переносить скорби с душевным спокойствием: «Нужно научиться или же приучить себя к терпеливому перенесению всех скорбей и болезней и, более того, считать себя вполне заслуживающим этого и даже, по сравнению с нашими грехами, еще и малым. Размышляя так, человек приобретет спокойствие в своей душе и тем самым станет на спасительный путь Христова смирения»²⁶⁴.

Старец учит не только терпеливо переносить скорби, но и благодарить Бога за все. Объясняя, как много это дает человеку, он писал: «Благодарение Богу и терпеливое перенесение скорбей роднит нас с Небом»²⁶⁵. В своих письмах он наставляет духовных чад: «Старайся все то, что посылает Господь, переносить с терпением и благодарностью Богу. Без этого весьма трудно получить спасение», или: «Мужайся и крепись, воссылая за все благодарение Богу. И как после сильной грозы и дождя бывает солнечная и благоприятная погода, так и, Бог даст, и у нас после всех этих скорбей придут радости и спокойствие»²⁶⁶.

Отец Иоанн учит в трудные моменты находить утешение и подкрепление в непосредственном обращении к своему Творцу и Создателю Богу. И указывает, как молиться. «Терпя потерпех Господа и внят ми и услыша молитву мою», — так восклицает св. пр. Давид. Так, и нам надо в тяжелые моменты нашей жизни повторять эти слова»²⁶⁷. Особенно, по словам старца, надо «стучаться в двери милосердия Божия тогда, когда скорби и болезни кажутся нам неудобноносимыми»²⁶⁸.

Отец Иоанн объясняет: «Ведь с Богом уже здесь на земле жить легко. Скорби и болезни те же, но переносятся они гораздо легче, так как отступают на второй план. А часто они совершенно исчезают по Божьему повелению». Он учит: «Пусть Ваш дух постоянно стремится к своему Жениху — Христу, и скорби отступят от Вас»²⁶⁹.

Схиархимандрит Серафим (Романцов) учит: «Когда бывает очень скорбно сердцу от стеснения горестных обстоятельств, от которых болит душа, будучи угнетаема горькими помышлениями о своем состоянии, тогда делается плач, сокрушается сердце и слезы текут, как поток. После слез чувствуется облегчение на сердце, оно очищается ими от тяжкой тьмы. И как после сильного дождя проглянет солнышко, уже на нежных веточках по горам и рощам хоры птиц воспевают Творцу своему хвалебные песни и, радуясь, славят его, каждая по своей природе, так после слез временная скорбь переменяется на радость. Вы можете и зимой к отраде души вашей представить весну вечную в светлом духовном мире, в котором солнце есть Христос, Творец видимого солнца. Утешайтесь милостью Божией. Вы удостоверены, что Бог не оставляет нигде обращающихся к Нему с сокрушенным сердцем.

Он есть всемогущий Промыслитель вашего спасения. Прошу Вас искренним словом сердца моего, погружайтесь глубже в разум Святых молитв, как рыба в воду, от находящего обуревания»²⁷⁰.

В своем поучении в Великий Пяток перед Святой Плащаницей отец Иоанн всех призывает: «Будем принадлежать Христу всем своим существом, всей своей жизнью; жить для Его славы и служить только Ему Одному! Он да поможет нам в этом! И если нужно, то, как добрые воины Христовы, постраждем и мы в этой жизни несением всех скорбных обстоятельств ради Него, чтобы по отшествии нашем из этой жизни водвориться в Его святых обителях для жизни радостной и нескончаемой»²⁷¹.

В эпистолярном наследии старца находим такие строки: «Если кто будет страдать со Спасителем, то с Ним и радость обрящет в Его благодатном Царстве»²⁷². Своим скорбящим духовным детям отец Иоанн говорил, что в вечной блаженной жизни все земные скорби будут казаться нам каплей в море. Он писал: «Спаситель наш,... когда мы предстанем Лицу Твоему и увидим Свет Твой присносущный, тогда эти земные скорби покажутся ничтожными и даже маловажными»²⁷³. Если же человек не испытывает в своей жизни скорбей, бед и напастей, то в силу греховности, присущей всем людям, он может всецело прилепиться душой к земле, то есть прийти в состояние духовного омерщвления. И «те из христиан, — пишет старец, — которые избегают скорбей, лишаются божественной благодати»²⁷⁴.

Поэтому отец Иоанн делает вывод: «Отсутствие скорбей служит вернейшим доказательством того, что за нашу нерадивую жизнь Господь нас лишил Своей милости»²⁷⁵. «Отсутствие скорбей есть признак оставленности Богом»²⁷⁶. Он поясняет, что как отец оставляет сына без наказания и попускает ему жить по своей воле, показывая тем, что отринул его от себя, так и Господь, если оставляет человека без наказания, значит лишает его Своей милости. Отец Иоанн на-

зывает грешника, не несущего наказания в земной жизни, самым несчастным человеком, т. к. он будет в будущем веке бесконечно мучиться.

Все скорби, посещающие христианина, есть не что иное, как крестоношение. В трудах отца Иоанна содержатся четкие и ценные указания, согласные с учением святых отцов о крестоношении. Старец показывает причину, приведшую весь род человеческий к крестоношению. Он говорит, что в раю не было ни скорбей, ни болезней. Они появились после того, как первые люди нарушили заповедь Божию, вкусив от запрещенного древа плод. «И поэтому в лице падшего Адама все мы достойно и праведно осуждены Богом на труды, болезни, скорби и бедствия. «Проклята земля в делах твоих, — изрек правосудный Бог преступному человеку, — в печалех снеси тую во вся дни живота твоего» (Быт. 3, 17). С тех пор не было на земле ни одного человека, который бы не испытывал в своей жизни скорбных обстоятельств. Кроме того, человек, живя на земле, непрестанно согрешает, и этим самым он вносит в окружающий нас мир постоянные беспорядки и нестроения»²⁷⁷.

Схиархимандрит Илиодор (Голованицкий) считает, что все скорбные обстоятельства устраиваются к нашему спасению. «Все то, что ни посылает тебе Господь, — пишет о. Илиодор духовной дочери, — служит на пользу твою. Предайся во всем воле Его Святой и мужественно переноси огорчения, находящие извне... Нужно же чем-нибудь загладить свои греховности пред Богом, Который ищет твоего спасения. Это доказывается тем, что тебе ниспослан от Него крест. Крест для всякого из нас неизбежен.

Сам Господь сказал св. Петру: «Возьми крест свой и последуй Ми». И если это было сказано одному из первых Апостолов, то кольми паче сказанное приличествует нам»²⁷⁸.

В своих письмах отец Иоанн часто замечает, что «скорби — это наш удел земной жизни...». Своей духовной дочери он объясняет: «Судя по Вашему письму, Вы думаете, что одни только страдаете в этой юдоли плачевной. Это понятие неверное. Всем христианам, в том числе и Вам, Господь посылает тот крест, которым они должны спастись». «Без несения креста спастись невозможно»²⁷⁹.

Батюшка часто напоминал о спасительности креста и говорил: «Крест, по словам Златоуста, есть ключ рая». Он писал, что вся жизнь христианина запечатлевается крестом. И в своих проповедях напоминал важную истину: «При крещении на нас возлагается священнослужителем крестик, который мы должны носить всегда на своей груди, не снимая ни при каких обстоятельствах нашей жизни»²⁸⁰. Старец объяснял, что как воин без оружия во время войны остается незащищенным и даже подвергается смертельной опасности от врага, так и христианин, не носящий на своем теле креста Господня, подвер-

гает свою душу той же участи от врага рода человеческого — диваола. В проповеди на Крестопоклонную неделю он говорил: «Крест для христианина является непобедимым оружием. Святая Церковь в своих песнопениях воспевае: «Господи оружие на диваола Крест Твой дал еси нам, трепещет бо и трясется, не терпя взирати на силу его». Таким образом, крест ограждает христианина во всех обстоятельствах его жизни. И он же, если мы того заслужим, будет увенчивать и нашу могилу»²⁸¹.

По мысли отца Иоанна, кроме несения внешнего креста, мы должны нести и крест внутренний. Что же это за крест? Старец объясняет: это наш жизненный путь, путь скорбей, бедствий, страданий, горя. Своей духовной дочери, которая спрашивала: «Что нужно понимать под несением креста?» — отец Иоанн объяснял, в чем состоит ее крест. Крест — это жизненный путь, т. е. семья, дети, скорби, болезни и всевозможные житейские неприятности и тяготы. Вот этот крест надо взять и с радостью во Христе шествовать спасительным путем, ведущим в жизнь вечную²⁸².

Схиархимандрит Илиодор (Голованицкий) так раскрывает значение крестоношения: «Крест означает огорчения, досады, напасти, укорения и другие скорби, находящие извне, которые следует каждому из нас переносить с благодушием и от всей души благодарить Всеблагое Бога, что Он посылает нам оное по Своему благоусмотрению и чрез то по неизреченной к нам Своей любви делает нас участниками Своих страданий»²⁸³.

Отец Иоанн призывал всех быть учениками Христовыми не по имени только, но и по жизни, то есть что бы ни случилось: посетила ли нас тяжелая болезнь, лишились ли мы своих родных, друзей или кто-то напрасно нас поносит, — мы не должны падать духом, но все терпеть и считать несчастье вполне заслуженным²⁸⁴.

О терпении поношений схиархимандрит Серафим (Романцов), писал: «Если решились мы для спасения души своей идти путем благочестия, то да не забываем Апостольских слов: «Вси хотящие благочестно жити, гонимы будут», если не по-древнему различными муками, то по-новому различными поношениями, но, чтобы мы в этом не малодушествовали, сам Господь подкрепляет и утешает нас, глаголя во Евангелии: “Блаженны будете, егда поносят вам, и рекут всяк зол глагол на вы, лжуще Мене ради. Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех”. Если же еще по немощи нашей не можем при поношении радоваться, то, по крайней мере, да не скорбим паче меры, если же от слабости нервов не можешь побороть и одолеть скорбных и оскорбляющих мыслей, то всячески да соблюдаем себя от ропота. Когда же и до сего доходило дело, то да познаем немощь нашу, и да смирим себя пред Богом и людьми — покаемся. Познавание своей немощи и смирение тверже всякой иной добродетели»²⁸⁵.

Схиархимандрит Серафим подчеркивал, что не следует выяснять, справедливо ли подверглись мы поношениям: «Не нужно терять время, чтобы разыскивать, откуда, через кого и как, справедливо или напрасно мы оскорблены. Одно нам необходимо: нужно благодарно принять и благодушно ради Бога перенести оскорбления, побеждая благим злое, и, что бы ни приключилось, по всей возможности обращаться во благое и всеми чувствами служить во славу Божию».²⁸⁶

В своих письмах схиархимандрит Иоанн также учит: «Кто несет свой крест безропотно, тот является поистине последователем Христовым. А путь Христов завершился на Голгофе. Вот все эти скорби и болезни и составляют нашу Голгофу, посредством которой душа очищается и бывает пригодной для вечного спасения». Поэтому он призывает: «Возлюбленные о Господе мои чада, несите *с терпением и благодарением возложенные на вас Спасителем мира жизненные кресты*. Ведь болезнями и скорбями получили Царствие небесное не только очевидцы Христовы — Апостолы, но и все святые. Тем более нам грешным без этого креста невозможно было бы умолить Бога о помиловании. А если это так, то будем с терпением нести все то, что посылает нам Господь»²⁸⁷. Для возбуждения в ищущих спасения добродетели терпения отец Илиодор (Голованицкий) указывает: «Мы удивляемся мужественному терпению святых мучеников, страдавших из любви ко Христу; но сами одного не имеем. Отчего же это происходит? Не оттого ли, что мы к несению креста своего еще не привыкли? Возьмем же оный на рамена свои с усердием и верою и будем нести оный с терпением, тогда только победа наша довершится над врагом»²⁸⁸.

По мысли отца Иоанна, «от нас Спаситель мира *требует*, чтобы мы со смирением и терпением несли свой жизненный крест», но Он же обещает за это Свою благодатную помощь и награду. В одном из писем старец пишет: «Ты, Господи, в тяжелые минуты подаешь нам Свою руку и таинственно провозглашаешь: «Не бойся, Я с тобою во все дни жизни твоей». И этот таинственный голос всегда служит для нас опорой и утешением»²⁸⁹. В своих письмах отец Иоанн призывает: «Возмогайте о Господе и возлагайте на Него все ваше упование и надежду, и Он поможет вам и облегчит вам жизненный крест»²⁹⁰. В Проповеди о духовном мужестве отец Иоанн говорит, что большим утешением служат для нас слова Спасителя мира: «Не плачи». Эти слова, сказанные Господом наинской вдове перед воскрешением ее сына, исполненные глубочайшей любви и сострадания, относятся не только к одной евангельской вдовице, но и ко всем людям и на все времена. Нами также эти слова Божественного Посланника: «Не плачи» — должны восприниматься как воодушевляющий голос, который призывает всех к терпеливому несению своего жизненного креста и обещает благодатную помощь свыше.

Но поступаем ли мы по призыву Господа в своей жизни? Конечно, нет. Мы часто ропщем, унываем, жалуясь на тяжесть своего креста. Часто из наших уст слышатся слова: «О, как трудно жить, как много скорбей и горя окружает меня». Отец Иоанн отвечает на это: «Безусловно, тяжело нести скорби и болезни, но другого пути нет. Ведь христианин — это крестоносец. И его конечный земной путь должен завершиться на Голгофе. Со Христом распинаемся, с Ним и прославимся. А если кто из нас думает миновать Голгофу, то такой человек спастись не может. Ведь всем известно, что пространный путь ведет в муку вечную, и многие из нас идут этим опаснейшим путем»²⁹¹. Старец учит, что всякое нежелание нести свой жизненный крест удаляет христианина от спасительного пути, ведущего в Царствие Божие. И те люди, которые бросают свои кресты, будут страдать и в этой жизни, и в будущей. «А если это так, то необходимо вернуться назад и снова взять свой крест и нести его без ропота»²⁹².

По мысли отца Иоанна, именно безропотное несение облегчает нам жизненный крест, «спасительно действует на нашу душу, очищает сердце и *делает его способным к восприятию Божественной благодати*»²⁹³. Старец также внедрял в сознание своих чад, что крест становится легким и спасительным «только в том случае, когда человек несет его с терпением и любовью»²⁹⁴. Христианское терпение дает возможность человеку сохранить внутренний мир даже в самых тяжелых обстоятельствах жизни.

Наоборот, совершенно иная картина, когда человек проявляет нетерпение в скорбях; тогда печаль расслабляет душу и подавляет все Божественное. Отец Иоанн пишет, что такой человек бывает уже неспособен ни к молитве, ни к чтению священных книг, ни к каким богоугодным делам.

Если человек будет продолжать роптать, то скорбь и печаль, отняв у него всякое здравое рассуждение, делают душу как бы обезумевшей. Это происходит потому, что человек лишается благодатной помощи. «Чрезмерная печаль и ропот свидетельствуют о духовном неразумии и привязанности христианина к земному благополучию до забвения небесного, что в свою очередь омрачает сердце и делает его опустошенным, а жизнь лишенной смысла»²⁹⁵. Отец Иоанн убеждает, что при терпеливом перенесении скорбей они в кратчайшее время теряют свою остроту и перестают беспокоить душу, в то время как ропот вызывает еще большее возмущение в душе и усиливает страдания.²⁹⁶ Наставляя духовных чад, старец учил: «Если не будешь терпеть, смиряться, то ты только сделаешь свой крест тяжелее»²⁹⁷.

Батюшка объясняет, почему еще нам бывает так трудно нести иго Христово. «Господь никого не оставляет, — говорит он, — но мы сами по своей греховности удаляем Его из своего сердца, а водворяем в него злые пороки, которые терзают и угнетают нашу душу»²⁹⁸.

Старец внедрял в сознание своих чад, что мы должны не роптать, а, наоборот, благодарить Бога за Его милость. Ведь «каждому человеку, — учит отец Иоанн, — дается жизненный крест по его силам». Он приводил следующий пример. «Один человек, постоянно жалуясь на тяжесть своего жизненного креста, стал роптать и даже отчаиваться в своем спасении. Но, как говорится в Слове Божиим, «Господь не желает смерти грешника». Желая вразумить этого человека, Он послал к нему Ангела Своего, который привел его на то место, где находилось очень много крестов разной величины и тяжести, и сказал ему: «Выбери для себя крест, который ты смог бы нести без ропота». Тот стал выбирать, но все они оказались совершенно не по его силам. Тогда Ангел указал ему на самый маленький крестик, находящийся среди всех остальных. Этот человек обрадовался и стал просить, чтобы именно этот крест дали ему. Ангел же ответил, что это и есть тот самый крест, который он несет в своей жизни. «А все остальные кресты, — добавил небесный житель, — видимые нами, несут другие христиане без ропота». После этого видения человек возблагодарил Бога и с тех пор стал с радостью переносить все испытания своей жизни»²⁹⁹.

В своих письмах старец объяснял, откуда эта радость. «Крестоносцы, которые несут крест с терпением даже до самой Голгофы, бывают угодны Богу, и Он им посылает радость духовную во все дни их крестоношения»³⁰⁰.

В своих письмах и проповедях отец Иоанн раскрыл и объяснил великое значение крестоношения в жизни христианина. Как вдохновенно, убедительно и ярко он говорит: *«Только под крестом мы научаемся любить, жалеть и снисходить друг к другу. Тяжесть креста согревает и зажигает пламенем благодати наше сердце. Крест Христов — слава наша, похвала наша, победное знамя наше»*³⁰¹.

Особое внимание уделяли глинские старцы отношению к болезням. Схиархимандрит Илиодор о болезнях пишет так: «Мужественное перенесение болезни и преданность себя воле Божией более очищает душу от грехов, чем скудные наши подвиги»³⁰². Находящимся в болезнях Глинский старец советовал не скорбеть об этом, но пребывать в благодушии, поясняя, что хотя болезнь и причиняет страдания, но без нее нельзя стяжать спасения. Побуждая к безропотному перенесению болезни, старец говорит: «Терпи, благодари Бога и не ропщи на Него за то, что Ему угодно было послать тебе болезнь, и спасешься»³⁰³. Монахине, страдавшей тяжелой болезнью, отец Илиодор пишет: «Желаю тебе... благодати к мужественному несению Креста, посланного тебе от Бога на спасение души твоей»³⁰⁴.

Старец стремился объяснить, что за свою греховную жизнь мы достойны и большего наказания, но милосердный Господь подвергает нас только некоторому испытанию, ожидая от нас обращения и покаяния.

Он писал: «На долю нашу в продолжение дня приходится только небольшая частица из благих дел и то не совсем чистая, а все почти одни грехи, для очищения коих много нужно и трудов, а у нас весьма мало заботы, чтоб омыть покаянием, как должно, оные; а если и каемся, то уж как каемся? Такое плачевное состояние трогает Отца Небесного, Который, чтобы спасти нас, посылает нам, по всеблагости Своей воле, в наказание, как очистительные средства, разные бедствия, из коих болезни едва ли не самые легчайшие испытания Его. Оными-то Благоутробный Отец наш, по своей благодати, и посещает нас, дабы очистить нас от грехов и соделать нас участниками небесных Своих благ... Человек, уверенный в том, что он наказывается за грехи, радуется, что Господу угодно было посетить его, и благодарит Господа за то, что Он дает ему время и средства покаяться»³⁰⁵.

Схиархимандрит Иоанн учил, что без болезней мы спастись не можем. Он писал своей духовной дочери: «От болезней все стараются избавиться, потому что они очень жестоко иногда терзают наше греховное тело. Но, однако, нам нужно помнить, что без них мы, пожалуй, спастись не сможем. Скорбным путем прошел наш Спаситель, а также и все Его последователи. Вот и вам Господь послал в этом мире *это очистительное средство*, посредством которого вы бы очистились и стали пригодны к вечной жизни на Небе»³⁰⁶. «Болезней нет только в вечности для тех, кто своими добрыми делами угодит Богу, а здесь они необходимы»³⁰⁷.

В другом письме старец показывает, что болезни посылаются нам промыслительно, и объясняет, с какой целью. «Конечно, трудно понести болезнь человеку на земле, и он всячески старается облегчить (свою) участь, но ведь это рассуждения человеческие. Тот, Который произвел нас на свет и печется о нас, больше нас знает, что нам нужно. Без Его святой воли ничего не совершается ни на небе, ни на земле. Он заботится о каждой птичке и о каждом живом существе. Тем более о человеке, и о вас, в частности. Ведь вы посвятили себя не земному царю, а небесному, и Он вас возлюбил и желает принять в Свои небесные чертоги для вечной славы и блаженства. Вот для этой цели Он и послал болезнь, чтобы ваши души обновились и облеклись в небесное сияние. А если это так, то не будем роптать на Того, Кто посылает нам Свою милость, но будем только благодарить Его»³⁰⁸. Отец Иоанн умел дать человеку возмозможть по-новому посмотреть на свои страдания, привить духовное, христианское отношение к ним и уже тем самым облегчить его испытания. Польза от болезней для христианина, по учению отца Иоанна, в том, что человек в таком состоянии чаще помышляет о смерти и о том, с чем он явится на суд Божий. «Болезни на земле трудно переносить, но ведь без них мы бы совсем погрязли в суете земной»³⁰⁹.

В своих письмах старец неоднократно пишет, что болезни — удел земной жизни человека. «Болезни и скорби — это наш удел, и при том неизбежный»³¹⁰. Он указывает на пример святых, которые претерпели многоразличные страдания. «Они так же и болели, и страдали в этой юдоли плачевной, но за это получили венец неуывдаемой славы»³¹¹. Батюшка говорил, что и в настоящее время есть очень много людей, которые находятся в болезнях, испытывают великие страдания и даже часто не имеют человека, который бы позаботился об их благополучии. Но если они будут терпеливо переносить страдания ради Господа, то сподобятся в жизни вечной такой же награды, как и святые мученики.

Поэтому отец Иоанн болезни телесные уподоблял подвижничеству и в одном из писем писал по этому поводу: «Болезнь есть уже своего рода подвиг, только бы не было ропота и уныния». Побуждая к безропотному перенесению болезней, старец часто говорил: «Болезни надо нести с терпением и без ропота, тогда они приносят большую пользу для души»³¹².

В своих письмах отец Иоанн раскрывает и причину болезней. Он определенно говорит: «Все производит грех: и болезни, и печали, и скорбь... От множества грехов немоществует душа и тело. Вот надо всем нам и подумать об этом... Греховные наклонности не только способны расстроить здоровье, но и свести душу до глубин ада»³¹³.

В одном из писем батюшка объясняет духовной дочери, что к болезни ее привело непослушание. Он пишет: «Получил я от вас письмо, в котором описываете свою болезнь и тревогу, связанную с ней. Мне кажется, что в этом есть немалая и ваша вина. Во-первых, то, о чем мы с вами говорили, пожалуй, осталось вами не исполнено, а от этого, в основном, и зависело ваше здоровье. Да ведь и всякий договор, оставленный без выполнения, влечет за собой болезненные переживания, тем более договор, относящийся к вашей душе, а через это и к выздоровлению вашего тела, оставлен вами без внимания. Я очень переживаю за вас и молю Воскресшего Господа, чтобы Он подал вам скорое выздоровление»³¹⁴.

Находящимся в болезнях отец Иоанн советовал не скорбеть об этом, но пребывать в благодушии, помня, что хотя болезнь и причиняет страдание, но без нее нельзя спастись. Одному священнику он писал: «Безусловно, трудно нести болезни, но ведь они, пожалуй, нужны нам как воздух для тела. Лекарство надо принимать... Но, в основном, постарайся себя держать в руках и не расстраиваться, а возлагай все упование на Бога и проси со слезами Его помощи. Ведь Он же все видит, и ... сверх твоих сил Он не попустит искушение»³¹⁵.

Тяжело заболевшей духовной дочери старец советует: «В болезни, которая тебя постигла, не надо охать и наводить на себя ненужную

печаль. Ведь Бог может и больного человека держать на земле столько, сколько Он это признает нужным»³¹⁶.

Отец Иоанн учит не унывать, а благодарить в болезнях. «Мы не должны тяготиться болезнью, но, наоборот, благодарить Бога, что Он по Своей великой милости не только хочет очистить нас от всех грехов наших, но и даровать нам вечное блаженство». «В болезнях не унывай, но возлагай вину за свои немощи на свои грехи и леность»³¹⁷.

Некоторым больным старец советовал отслужить молебны: «Где бывает человеческая помощь бессильна, там Господь проявляет Свою милость. Но для того, чтобы эта помощь совершалась над нами и оказывала нам свое спасительное действие, с нашей стороны нужна вера и добрая святая жизнь. А у нас нет ни того и ни другого. И мы по своей греховности не можем вознестися к Престолу Всевышнего и испросить у Него помощи. Поэтому нам надо отслужить молебен Матери Божией пред Ее иконой «Всех скорбящих радости», св. Пантелеимону Исцелителю и святителю Николаю. Они, если это будет на пользу человеку, умолят Бога, и скорби обратятся в радость»³¹⁸.

Особое внимание в своих письмах глинские старцы уделяли утешению тех, кто потерял близких, дорогих людей; учили, как христианин должен переносить это горе.

Так, иеросхимонах Макарий (Шаров) учит: «Скорбь по земным родителям пользы им не приносит, упокоевайте их поминовением, панихидами и милостыней. Это уже есть надежда крепкая и помощь сильная. Истинный помощник и утешитель наш – Всесильный Бог. Вы только к Нему Единому обращайтесь, и воздыхайте, и плачьте, и Господь, видя такое ваше на Него упование и преданность, будет вашим заступником и поможет вам во всем»³¹⁹.

Схиархимандрит Иоанн (Маслов) пишет духовному сыну: «Ваше письмо и каждое его слово поистине отражают глубочайшую скорбь вашего сердца о потере дорогого вам человека и никем незаменимого – родной матери Евдокии. Это действительно так, но ведь мы знаем и то, что каждому человеку Богом положен предел его земного бытия и что все мы здесь являемся странниками и пришельцами в этой юдоли плачевной. А если это так, то возблагодарим Бога за то, что Он взял вашу родительницу, как уже спелый колос, в Свою небесную сокроовищницу. Исходя из этого, возлюбленный мой друг, не будем унывать и предаваться неутешной печали, а возблагодарим Создателя нашего за Его бесконечную любовь и милосердие к нам, недостойным. Ведь нам известно, что безмерная печаль по умершим, прежде всего, наносит не только вред нашей душе, но и отрицательно действует на отшедших из этого мира. Только молитвенное общение земной Церкви с небесной может доставить величайшую отраду и надежду на успокоение. Ведь ваша родительница отсутствует только

телесно, а душой она всегда пребывает с вами, и в трудные моменты вашей жизни ее молитва укрепит и ободрит вас»³²⁰.

В другом письме, сострадая горю своего духовного чада, отец Иоанн пишет, как поступать, что думать в этот тяжелый момент: «Конечно, потерять в этой жизни, да еще в это время своего человека — это, рассуждая по-человечески, бывает подобно тому, как если бы человек оказался в суровой и безжизненной пустыне. И в это время истине бывают страдания души так велики, что кажется, вот-вот ужасные волны погрузят ее в бездну отчаяния. Но, возлюбленный отче, в этот тяжелый момент следует не забывать одного: что такова воля Всевышнего, и что все мы здесь странники и пришельцы в этой юдоли плачевной, и что наше с вами житие ежеминутно приближается к этому уделу. Только такие реальные рассуждения помогут отринуть из души весьма удручающее горе»³²¹. Еще в одном письме старец учит в таком горе покоряться воле Божией:

«Возлюбленный о Господе отче К.!

Получил ваше скорбное письмо, в котором вы сообщаете о смерти вашей дорогой матушки И. Да! Рассуждая по-человечески, можно сказать, что очень скорбно и печально остаться одному без дорогого вашему сердцу человека. Но ведь пути Божии и Его промысление о каждом человеке не то, что наши. Значит, такая Его святая воля. А нам лучше всего, — и тем более пастырям Церкви Христовой, — склоняться не на человеческую сторону, а на Божью. Мы должны видеть во всем Его святую волю и покоряться только ей.

Тогда все скорби и даже самую смерть наших близких людей мы сможем переносить с должной покорностью, видя во всем этом особое попечение Того, Кто пришел в этот мир, чтобы спасти человека и поселить его снова в обителях Отца Небесного. Да поможет вам Господь понести этот крест с пастырским достоинством»³²².

В письмах другим духовным чадам отец Иоанн призывает их переносить потерю близкого родного человека с христианским достоинством.

Всецело предавший себя Господу терпеливо переносит все. О необходимости предавать себя воле Божией пишет отец Илиодор (Голованицкий): «Чад! — учит старец. — Предай себя вполне всеблаготворной воле милосердного Бога и веруй, что Он тебя не оставит»³²³. В другом письме Глинский подвижник поучает: «Молись так, чтоб все желания твои и чувства согласовывались с волей Божией; и во всяком случае старайся, чтоб была в тебе воля Божия»³²⁴.

Глинские старцы учили, что скорби руководят человеком на пути ко спасению. Так, схиархимандрит Серафим (Романцов) учит: «Тяжело нести крест находящихся скорбей, но это наш удел. Поэтому, если хочешь быть в числе Христовых овец, то принимай все встречающиеся скорбные обстоятельства, как от руки Божией. Скорби пусть будут тобой руководить, как старец»³²⁵.

Отец Серафим учит, как сам человек может облегчить бремя скорбей: «Только ты сам и никто иной не может облегчить бремя скорбей; всегда старайся обвинять самого себя и Боже сохрани — других, ибо Бог устрояет все обстоятельства только по твоему сердцу»³²⁶.

Схиархимандрит Иоанн (Маслов) во всех скорбных случаях призывает к их мужественному перенесению, напоминая слова Спасителя: «В мире скорбни будете, но дерзайте, яко Аз победих мир». Отец Иоанн объяснял: «Эти слова означают, что никакая скорбь, как бы тяжела она ни была, никогда не одолеет верующего во Христа и пребывающего в Нем исполнением Его Заповедей»³²⁷.

7. О страстях и борьбе с ними

Для того чтобы достичь спасения, христианин в своей земной жизни должен освободить свою душу от всякой греховной скверны. Грехи — это препятствия на пути ко спасению. Причиной совершения грехов являются скрытые в человеке страсти, с которыми нужно вести борьбу.

В наследии глинских старцев XIX — середины XX веков есть наставления лишь о тех страстях, о которых спрашивали их лица, обращавшиеся в них за духовным советом. Поэтому в эпистолярном наследии старцев нет полного исследования каждой страсти в отдельности. Однако труды схииерхимандрита Иоанн (Маслова) восполнили этот пробел. Подробное богословское исследование о грехе и страстях, их причинах, развитии и борьбе с ними дано отцом Иоанном в магистерской диссертации «Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении» (М., 1995. С. 306—377). О страстях и борьбе с ними пишет отец Иоанн также в трудах «Лекции по Пастырскому богословию» (Москва. 2001), «Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие» (Москва, 2000), «Глинская пустынь. История обители и ее духовно-просветительская деятельность в XVI—XX веках» (Москва, 1994), в многочисленных статьях и проповедях.

Ссылаясь на апостольское учение, отец Иоанн говорит: «Нет человека, который бы мог избежать греха. Такова доля падшего человека. Об этом говорит святой апостол Иоанн Богослов: «Если говорим, что не имеем греха, — обманываем самих себя, и истины нет в нас» (1 Ин. 1, 8). Апостол Павел говорил о себе, что он есть «первый из грешников» (1 Тим. 1, 15) и «окаянный» (Рим. 7, 24). Что касается нас, то трудно и выразить, как велико, как тяжело бремя грехов на-

ших. Мы грешим каждый день, каждый час, грешим мыслями, словами и делами. Грех преследует нас на всех путях нашей жизни, на всех поприщах нашей деятельности»³²⁸.

Схимонах Архипп учит: «Грех есть злейшее зло из всех зол. Он удаляет нас от неизреченного благодатного света Божия, который радостью исполняет все наше существо, а может ли радоваться грешник? Нет. Все его удовольствия не по Богу еще более заставляют тосковать»³²⁹.

В трудах схиархимандрита Иоанна (Маслова) ярко показано, какой вред наносит грех душе. Он пишет, что грехи не только опустошают наши души, но и наполняют их всевозможной нечистью, т. е. оскверняют душу, «отгоняют от нее благодать Божию, без которой она умирает вечной смертью». «Мы обнищали от греха и злобы дьявола», — говорит он. «Грех, как смертоносный яд, отравляет наши души и тем самым делает их неспособными к единению со Христом. Мрак греха, как грозовая туча, покрывает душу, умерщвляет в ней все святое, лишает ее великих духовных благ. Как нам известно из Священного Писания, грех никогда не остается без наказания и влечет за собой смерть духовную»³³⁰. И этой смерти, которая гораздо страшнее смерти телесной, по мысли отца Иоанна, подвергается бесчисленное множество людей. Причем, многие по своей греховности этого не ощущают, как не ощущают и того, что дадут ответ за свои грехи перед Богом.

Старец учит: «Если во время земной жизни под действием злого духа многие грехи скрываются от наших глаз и даже изглаживаются из памяти, покрываясь как бы пеленой, то в книге жизни пишется все и ничто не исчезает бесследно, ничто не забыто и не скрыто пред очами всеведущего Судии»³³¹.

Поводом ко греху служат страсти. По учению отца Иоанна, страсти имеют глубокие корни в поврежденной человеческой природе, наследственно передаются от Адама из рода в род и являются величайшим препятствием на пути ко спасению. Страсти опасны еще и потому, что они, принося вред самому грешнику (в земной и в загробной жизни), разлагающим образом действуют и на тех лиц, которые будут соприкасаться с ним. Страсти сообщают ложное, искаженное направление жизнедеятельности человека, лишаящее его природной способности к богообщению³³². Страсти — это болезни души. Отец Иоанн неоднократно указывает: «Греховные привычки и страсти влекут душу, как пленницу, в дно ада»³³³. Ведь не победивший страсти, не искоренивший их из своей души и тела не может иметь твердой надежды на спасение и милость Божию, хотя бы он и каялся в своих грехах. По той причине, что душа, перешедшая в духовный мир, будет находиться в том устроении, какое она имела здесь, на земле. И если душа была подвержена многим страстям, находясь в теле, то и

в духовном мире она не способна будет пребывать с чистыми и святыми духами. По образному выражению отца Иоанна, «страсти, как лютые звери, под действием злого духа побеждают нас и влекут на страну далече»³³⁴. Человек, попавший под влияние какой-либо страсти, становится неспособным владеть самим собой: она парализует все силы его души. Объектом ума человека, подверженного страстям, становятся неверные и искаженные понятия. В нем постепенно угасают духовные порывы к Богу. Под влиянием страстей человек бывает неспособен управлять своими чувствами, желаниями и даже мыслями. Он духовно слеп, бессилен, не может дать правильной оценки своим поступкам и действиям³³⁵. Но, по мысли отца Иоанна, это не должно устрашать нас. «Ведь все это человек сможет разрушить и выйти победителем, если он во смирении своего сердца будет призывать к себе в помощь возлюбленного Спасителя Мира и Его Пречистую Матерь. Мы являемся Их детьми, и Они постоянно бдят над нами и помогают нам в борьбе со всеми нашими страстями и дьявольскими кознями. Но в то же время от нас требует Спаситель окутаться в Его смирение и стяжать терпение и любовь к Нему и людям»³³⁶.

По учению отца Иоанна, душевные и телесные страсти имеют общую психологическую основу. Они не только неотделимы друг от друга, но и находятся в тесной взаимосвязи между собой³³⁷.

Кроме того, «страсти — начало ада, ибо, перейдя по смерти в вечность, они будут вечно терзать душу томительными мучениями. Страсти нельзя считать каким-либо легким помышлением или желанием, скоро возникающим и быстро исчезающим. Они глубоко входят в душу, откуда нелегко их изгнать. Страсти, по причине своей неестественности, мучат душу, подобно змее, сидящей внутри. Пока здесь на земле, где есть возможность удовлетворять страсть, она временно может молчать. По смерти же, лишившись удовлетворения, она будет томительно терзать душу. Нужно очистить себя здесь на земле от мучительных страстей, объявить им борьбу, не взирая на болезненный труд»³³⁸.

Гордость

«Начало всякого греха от гордости, — пишет игумен Филарет (Данилевский). — Она порождает самомнение, возношение, осуждение и проч.»³³⁹.

По мысли схииерхимандрита Иоанна (Маслова), наиболее опасной страстью, препятствующей человеку в деле его спасения, является гордость, которая ведет свое начало от падения ангелов. «Как свидетельствует Священное Писание, первый ангел — Денница... не восхотел повиноваться своему Творцу, но превознесся умом и впал в самооболение, возмечтав быть равным Богу и восходить к духовному совершенству без помощи Всевышнего (Ис. 14, 12—15). За это

десница Божия, державшая его на высоте, была отнята от него, и он, увлекая с собой множество других ангелов, пал в безысходную бездну мрака и отчаяния... Таким образом, гордость родилась не на земле, а на небе, в высших сферах бесплотных духов. Вот почему она является родоначальницей всех зол и исчадием диавольским»³⁴⁰.

Отвечая на вопрос: «Что такое гордость?» — отец Иоанн говорит: «Гордость есть желание и стремление человека выделить себя перед другими, услаждение только собою и даже противление Богу»³⁴¹. По мысли отца Иоанна, нет ничего опаснее и зловреднее гордости: ею первый человек лишился неба. «Гордость есть мать всех пороков, — учит отец Иоанн. — Священное Писание ясно говорит: «Начало греха — гордыня...» (Сир. 10, 14)³⁴². Опасность этого греха заключается еще и в том, что он скорее других грехов удаляет человека от Бога. Как свидетельствует Священное Писание, ни один порок так не подвергается суду Божию, как гордость (Ис. 23, 9). Потому что это страсть, которой человек служит вместо Бога, которая таит в себе вражду и дерзость по отношению к Богу. По словам отца Иоанна, гордый человек забывает свое ничтожество пред Богом, без помощи Которого не смог бы просуществовать и одного дня, такой человек втайне обоготворяет самого себя»³⁴³. «Все то доброе, что имеет, гордец приписывает самому себе, своим собственным заслугам. Гордый человек тем самым грешит и против своих ближних. Он презирает их и осуждает, ибо говорит, подобно евангельскому фарисею, о своей святости: «...несмы, якоже прочии человецы» (Лк. 18, 11). Это высокомерие о самом себе и осуждение ближнего противно Творцу, Который «...сотворил ... от единыя крове весь язык человець» (Деян. 17, 26)»³⁴⁴.

Отец Иоанн в свете святоотеческого учения наставляет, что гордый и самонадеянный человек как бы носит в себе все пороки. Ведь зависть и ненависть, гнев и памятозлобие — исчадие гордости»³⁴⁵. Причиной ссор, раздора, возмущений также, по большей части, бывает горделивость. Вот насколько вредна и пагубна гордость для всякого человека.

В своих устных наставлениях духовным чадам старец подчеркивал, что «гордая и надменная душа ежеминутно терзает себя волнениями и беспокойством. Гордый человек не знает красоты и сладости любви Божией»³⁴⁶. Он также говорил: «Гордому сколько ни дай — все мало». «Гордым Господь попускает падения, чтобы покаяться». «Гордыню надо убрать». «Гордость мучит человека»³⁴⁷.

Отец Иоанн не только давал объяснения о происхождении и пагубности страсти гордости, но и конкретные советы о ее искоренении. Сильнейшим оружием против гордости старец считает смирение. «Смирение оправдывает нас пред Богом; через сознание своей греховности, своего ничтожества мы получаем благодать Святого Духа. Смирение делает людей святыми, а гордость лишает их общения с Бо-

гом. Матерь Божия, Пресвятая Дева Мария, только лишь через глубочайшее смирение вознесена выше Херувимов и славнее Серафимов. А гордость денницы низвергла его с небесной высоты «во юдоль плаченную»³⁴⁸.

Другим действенным средством в борьбе с гордостью, по учению отца Иоанна, является рассудительность. Старец учит, что христианин должен постоянно взирать на высочайший образ Христа, Его смирение и в этом источнике черпать силы для искоренения гордости и приобретения смирения. Он говорил: «Иисус Христос Своим Божественным учением и примером собственной жизни показал нам высочайший образец смирения. Он говорил Своими богодухновенными устами, призывая к Себе всех труждающихся и обремененных: «...Научитесь от Мене, яко кроток и смирен сердцем» (Мф. 11, 29)... Господь внедрял в сознание Своих последователей, насколько гордость вредна и противна пред лицом Божиим, ибо «Господь гордым противится, смиренным же дает благодать» (Прит. 3, 34)³⁴⁹. Средством, отрезвляющим от гордости, является память смертная, которая предохраняет христианина от превозношения.

По мысли отца Иоанна, действенным духовным оружием против гордости является молитва, которая врачует от высокоумия. Наконец, в своих проповедях старец призывает: «Мы всегда должны помнить, что не к гордости, а к самоотверженной любви призваны Богом»³⁵⁰.

Зависть

Не менее зловредной страстью, чем гордость, по мысли отца Иоанна, является зависть. Говоря о происхождении зависти, он приводит слова блаженного Августина: «Зависть есть дочь гордыни: умертви мать, и дочь ее погибнет»³⁵¹. Когда старца спрашивали: «От чего зависть?» — он отвечал: «От гордости». Именно зависть побудила диавола соблазнить первых людей, и они пали. Старец объяснял, что враг постарался посеять эту пагубную страсть и в человеке. Завистливый человек, подобно диаволу, никогда и ни в чем не имеет отрады, он ненасытен: сколько бы милости и добра ни оказывали ему, он всегда будет недоволен и раздражителен. Отец Иоанн ярко показывает, что зависть открывает доступ в душу подверженного ей человека злой силе, которая мучит его и воспаляет в нем геенский огонь прежде Страшного суда Божия. Таких людей батюшка называл «мучениками без венца».

Отец Иоанн, основываясь на учении святых отцов, раскрывает пагубную сущность зависти: «Завистливый человек... хуже диавола, поскольку злые духи завидуют не друг другу, а только тем из людей, которые стремятся идти спасительным путем, в то время как человек человеку и даже брат брату злобно завидует и мучительно терзается»³⁵².

По мысли отца Иоанна, зависть приводит человека в плачевное состояние. Он ссылается на слова св. Василия Великого, который также видит в этом грехе великую опасность для души христианина: «Как ржавчина изъедает железо, так зависть душу, в которой живет она»³⁵³.

От зависти рождается зложелательство по отношению к ближнему. В Священном Писании по этому поводу можно найти множество примеров. Так, Каин из зависти убил Авеля, а сыновья Иакова, руководимые ею, продали Иосифа в Египет и т. д.

В одном из своих писем отец Иоанн указывает: «Всякое недоброжелание прежде всего вызывает ненужную боль в своем сердце, а затем от этого страдают и другие...». Он учит: «Зависть есть обоюдоострый меч, который наносит вред как самому завистнику, так и тому, кому он завидует»³⁵⁴.

Человеку завистливому всегда кажется, что положение ближнего лучше, чем его, и это угнетает и мучительно терзает его душу. (Батюшка говорил, что завистью враг может истерзать душу, если не противиться ему). Отец Иоанн показывает, что такое внутреннее состояние «снедает» не только душу, но и тело человека, «делая его болезненным и неспособным ни к какой деятельности»³⁵⁵. Старец поучал, что зависть еще опасна тем, что в зависти враг не дает раскаяния.

Отец Иоанн не только предупреждает о пагубных последствиях зависти, но и указывает на средства для избавления от нее. Старца спрашивали: «Как искоренить зависть?» Он отвечал: «Не слушать эти мысли!»

Наилучшим средством в борьбе с завистью старец считал Слово Божие, «которое приводит блуждающий ум в собранность и, подобно мечу, умерщвляет зависть в зародыше»³⁵⁶.

Отец Иоанн учил, что окончательно искореняет зависть любовь. Он говорил: «Для победы над завистью надо всячески возгревать любовь». «Ведь любовь, по апостолу Павлу, «не завидует» (1 Кор. 13, 4)... Но воспитание любви требует от человека большого подвига»³⁵⁷.

Гнев и памятьозлобие

Страстью, непосредственно вытекающей из зависти, является гнев. По мысли отца Иоанна, эта страсть рождается от безмерного самолюбия, т. к. самолюбивый человек желает видеть себя постоянно в славе и чести. Если же ему препятствуют в этом, он раздражается и с гневом извергает свою злобу.

Гнев также возникает в человеке от желания во что бы то ни стало исполнить именно свою волю и от обиды, причиненной его самолюбию другим лицом.³⁵⁸

В своем «Слове перед исповедью» отец Иоанн учит, что долг христианина не только самому примиряться с ближним в случае ссоры

или вражды, но и других склонять к христианскому миру. Он приводит слова св. апостола Павла: «Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми» (Рим. 12, 18). «Как растение, во время засухи палимое лучами солнца, постепенно засыхает и, наконец, погибает, если его не освежит живительный дождь; так и душа христианина, подвергшись огню гнева и вражды против ближнего, умирает для жизни духовной, если ее не оживит чувство примирения и любви христианской»³⁵⁹.

«Если другие страсти, — учит отец Иоанн, — часто удовлетворяются человеком втайне, то проявлением безрассудного гнева он приводит иногда в смятение не только своих ближних, но и целое общество»³⁶⁰. Гнев является пагубной страстью, которая открывает в душу вход врагу. Опасность гнева заключается в том, что он расстраивает духовные силы человека и вносит в его истерзанную душу полное опустошение.

Человек становится неспособным вести борьбу со страстями, а это значит, что он полностью работает греху, который ведет его в ров погибели³⁶¹. Этот грех лучше всего исторгается из сердца человека не чем иным, как противоположными ему добродетелями — кротостью и любовью. Поэтому старец Илиодор (Голованицкий) пишет одной монахине: «Ты жалуешься на поступок м. Рафаилы, причинившей тебе и сестре твоей... какую-то обиду, и скорбишь на нее до того, что вышла из пределов монашеского смиренномудрия. А забыла, раба Божия, что гневные порывы, вытекающие из раздражения, делают неспособным человека ни к каким духовным делам»³⁶².

По мысли схиархимандрита Иоанна, «самое страшное и губительное действие гнев производит в человеке тогда, когда он переходит в **памятозлобие**... И если даже гнев ослабевает в душе, то памятозлобие упорно существует и действует»³⁶³. Старец учит, что особенно тяжким грехом считается **злопамятство** и непрощение обид нашим ближним. «Злопомнение есть яд, умерщвляющий душу»³⁶⁴. Мы должны всем и все прощать по заповеди Божией и даже молиться об обижающих, произнося слова: «Боже, помоги брату моему и мне, ради молитв его». Молясь таким образом за брата своего, смиряясь и прося себе помощи ради молитв его, мы проявляем к нему милосердие и любовь, а где любовь, там нет места раздражительности или другой страсти. Авва Зосима сказал: «Если диавол подвигнет все хитрости злобы своей со всеми демонами своими, то все коварства его упразднятся и сокрушатся от смирения по заповеди Христовой»³⁶⁵.

Клевета

По учению отца Иоанна, зависть и памятозлобие открывают вход в душу христианина клевете. Святой Нифонт Цареградский говорит: «Плод зависти есть клевета»³⁶⁶. Многие, живя беспечно, не считают

клевету за грех, «но она, — говорит отец Иоанн, — хуже моровой язвы, ибо... клевета заражает и даже умерщвляет гораздо большее число людей... Деятельность клеветника направлена на распространение зла в мире, а значит на служение диаволу и на гибель своей души»³⁶⁷.

«Клеветник, как язвой, заражает все вокруг. Клеветник вредит тому, о ком говорит, вредит себе, и вредит кому говорит». «Клеветник единоплемен и единомыслен с диаволом»³⁶⁸.

Отец Иоанн показывает, что клеветник подвергает смертельной опасности свою душу и очень много зла приносит своим ближним. В своей проповеди «О празднословии» старец приводит такой пример: «Жили два человека, горячо любившие друг друга. И вот один из них позавидовал другому и начал распространять о нем в народе плохой слух: якобы последний живет не по-христиански, делает зло и хищением и ложью приобретает себе славу и честь. Вскоре эта клевета сделала свое дело. От этого человека отвернулись все друзья и знакомые, и он пришел в большую бедность. Впоследствии оклеветавший своего друга раскаялся и пришел просить у него прощения. Но тот сказал ему: «Возьми мешок лебяжьего пуха, в сильную бурю залезь на высокое дерево и вытряхни его, тогда и приходи ко мне». Последний все сделал, как ему было повелено, и думал, что этим самым он получил прощение. Но повелевший ему сделать это сказал: «Теперь иди и собери до единой пушинки». На это клеветник ответил: «Это невозможно, потому что ветер разнес пух по всей вселенной». На это ответил ему бывший друг: «Так невозможно и мне вернуть ту славу и честь перед моими ближними, которую ты нанес мне своей клеветой»³⁶⁹.

Отец Иоанн считал, что клеветник опаснее страждущего проказой, поскольку этого больного многие знают и удаляются от него, клеветника же не сразу можно распознать, так как он старается прикрыть свое злодеяние ложным благочестием. Нераскаянных клеветников отец Иоанн вразумляет словами святителя Тихона Задонского: «Слышите, наветники и злодеи, в яму впадают люди, которую для ближних ископывают; и яд сами испивают, который ради других приготавливают; и сами то зло страдают, в которое других вринуть хотят»³⁷⁰.

Батюшка показывал, как человек, имеющий эту зловредную страсть, с помощью Божией может искоренить ее. Прежде всего, для этого требуется контроль над самим собой и, в первую очередь, над своим злым языком, который нужно направлять не на зло и вред людям, а на прославление имени Божия и охранение чести ближних. Отец Иоанн приводит слова святителя Московского Филарета, который по этому поводу пишет: «Ни в коем случае не расточай безрасудно слова... давай себе размыслить, во благо ли тебе и другому будет слово, которое ты рождаешь в мир и которое, как бы ни казалось

малым и ничтожным, будет жить до последнего суда и предстанет на нем во свидетельство или о тебе, или против тебя»³⁷¹. «Удержание языка от клеветы есть жертва, благоприятная Богу»³⁷².

Празднословие

Глиняные старцы многократно предостерегали в своих наставлениях от греха празднословия. «Празднословие многие не почитают за грех, но в день Суда дадут ответ за каждое слово»³⁷³.

Схиархимандрит Серафим (Романцов) пишет: «Оберегай себя от праздных и растлевающих душу бесед. Кто ищет Бога, но вместе с тем любит плотскую волю сердца и водится плотским мудрованием, тот храм своей души оскверняет. <...> Не от искры ли одной, иногда весьма малой и едва заметной, бывают великие пожары, и от малого зерна вырастает с течением времени великое дерево. Так и у нас: не из сердца ли исходят вся помышления злая, за помышлением — слова и беседы, а там уже дело и деяния. По этому всемерно нужно остерегаться греховных мыслей и мечтаний, свободных слов и разговоров»³⁷⁴.

Старец учит, что лучше претерпеть скуку, чем впасть в празднословие. «Всего больше искушаются наши мысль и слово: но вот тут-то и подвиг. Нужно бороться с такими искушениями, лучше перенести скорбь и скуку, нежели впасть в сию прелесть и обман. Памятуйте, что за всякое слово праздное воздадим ответ в день судный»³⁷⁵.

Монашествующих старец Серафим особо наставляет беречься празднословия: «Берегитесь почаще оставлять свою келию и ходить без крайней надобности к другим сестрам, дабы не согрешать празднословием, а если и приходит к вам кто бы то ни был, то ради Бога, старайтесь беседовать только об одном, что избрали себе на потребу, — яже суть Божия, а не человеческая, в противном случае, то есть, когда будут говорить что-нибудь непотребное душе, то тотчас же отдайте поклон с прощением, просите святых его молитв и садитесь за чтение или рукоделие. Что себе желаю, то и вам передаю и советую»³⁷⁶.

О великом вреде празднословия схимонах Архипп говорил: «От разговора теряются чувства умиления, страха Божия и проч. Когда спрашивают, отвечай коротко: одно-два слова. Будь молчалив; даже глупый, когда молчит, кажется мудрым. Великий вред от празднословия: слово — дар Божий. Все ничто, если не научишься, когда сказать и когда молчать. Говори тихо и не смейся»³⁷⁷.

Схиархимандрит Иоанн (Маслов) призывает всех обратить особое внимание на слова Христа Спасителя: «Глаголю же вам, яко всяко слово праздное, еже аще рекут человецы, воздадут о нем слово в день судный» (Мф. 12, 36). Но многие ли из нас воздерживаются в слове? По мысли отца Иоанна, чаще всего «мы отвергаем свои уста для

празднословия и даже буесловия, тем самым наносим великий вред своей душе...»³⁷⁸. Ведь человек создан для прославления Бога, но, к сожалению, он часто не только не прославляет Его, но и оскорбляет злоречиями и праздными словами. Отец Иоанн ссылается на слова Священного Писания: «Умножая словеса мерзок будет» (Сир. 24, 3). А благоразумный в словах ублажается св. апостолом Иаковом: «Аще кто в слове не согрешает, сей совершен муж, силен обуздать и все тело» (Иак. 3, 2). «Слово, которым владеет человек, — говорит отец Иоанн, — есть особый, неоценимый дар Божий, посредством которого мы выражаем наши мысли о Боге, о человеке, о мире видимом и невидимом. Оно отличает нас от всех прочих земных тварей. Не словом ли угодники Божии совершали чудеса с помощью благодати Божией: повелевали природе, исцеляли болезни, воскрешали мертвых? Устами человек произносит святое и страшное имя Божие, перед которым благоговеют все небесные силы. Но когда это святое имя произносится устами оскверненными или праздно, то этим человек наносит великое оскорбление Создателю своему»³⁷⁹. Отец Иоанн поясняет, что любящий празднословить напрасно губит время — этот драгоценный талант, данный человеку для приобретения блаженной вечности.

Старец раскрывает, насколько вредно для нас празднословие. Ведь «оно изгоняет из нашей души добрые мысли и благие намерения, удаляет от нас Духа чистоты и святости, а вместо добрых мыслей и чувств входят в нашу душу злые помыслы и нечистые пожелания, которые скоро пленяют все существо человека. Мы знаем, что этими грехами оскорбляем Бога, удаляем Его из своего сердца, однако расстаться с ними не хотим, потому что возлюбили более тьму, нежели свет»³⁸⁰.

Схиархимандрит Иоанн показывает, какой великий вред причиняет любящий празднословить не только себе, но и своему ближнему. По выражению старца, празднословящий наполняет душу ближнего «пустыми мечтаниями, неблагоприятными образами, которые делают его склонным к злым делам. Ввести другого в соблазн — что может быть пагубнее этого? «Горе человеку тому, имже соблазн приходит» (Мф. 18, 7), — говорит Христос Спаситель»³⁸¹.

Старец Иоанн убедительно показывает значение слова в судьбах многих людей. Слово определяет поступки, а потому и судьбы. Отец Иоанн говорит: «Слово праздное, вышедшее из уст человека, уже не возвращается к нему. Оно идет по умам, по устам многих людей и производит неисчислимое множество дурных мыслей, чувств и поступков»³⁸². Необдуманное злое слово приносит много скорбей и страданий нашим ближним. Вот почему еще надо быть так внимательным к словам.

Как же бороться с празднословием? Нужно «поставить контроль», внимательно следить за языком. Старец призывает: «Обратимся же к

Богу с молитвой, чтобы Он «положил хранение» устам нашим. Будем внимательны к своим словам, употребим их на пользу ближних наших и на прославление Творца своего, Которого беспрестанно славят все небесные силы и сонм святых Его»³⁸³.

Осуждение

Язык человека служит средством выражения еще более тяжелой страсти — осуждения. Свое начало она берет не от одной страсти, а из нескольких: гордости, зависти, злобы и самооправдания³⁸⁴.

Схиархимандрит Серафим (Романцов) так говорит об осуждении: «Не суди и не осуждай никого, иначе себя осудишь. Не разбирай чужих мыслей, дел, кляуз и сплетен. Это враг старается рассеять тебя и отвлечь от молитвы. <...> Судишь или осуждаешь ближнего — немощь. Это кажется многим из нас маловажным, а в самой вещи она очень велика и подвергает нас великому осуждению пред Богом»³⁸⁵.

Иеросхимонах Макарий учит: «Каждый судит по себе и, осуждая других, обличает неустройство своей души»³⁸⁶.

Схиархимандрит Иоанн (Маслов) наставляет: «Мы часто даже не замечаем, как осуждаем наших ближних, и даже смеемся над их недостатками. Господь дал нам ясную заповедь: «Не судите». Но мы самовольно и дерзко предвосхищаем у Небесного Судии право судить людей, и Господь часто наказывает нас за этот грех»³⁸⁷.

Батюшка говорил духовным чадам, что больше всего страдают на мытарствах за осуждение. Почему? Старец отвечает на этот вопрос. Прежде всего, он объясняет то, о чем большинство из нас не задумывается. Человек, осуждая ближнего, совершает всегда больший грех, чем тот, кого он осуждает, потому что забывает о своей личной греховности и ничтожестве. Вряд ли кто из нас сознает, что, осуждая, он совершает страшный грех — попирает права Бога, похищает власть, принадлежащую Единому Богу, и дерзко присваивает их³⁸⁸. Один Творец имеет власть производить суд над своими тварями... Но человек, забывая это, очень часто поносит создание Божие, не сознавая того, что... он уничижает Царя Небесного и наносит Ему оскорбление»³⁸⁹.

Батюшка объяснял, что люди впадают в осуждение потому, что душевное ослепление не позволяет им видеть собственное греховное безобразие и нечистоту.

По мысли отца Иоанна, грех осуждения настолько мерзок перед Всевышним, что поношение человека не только открытое, но выраженное даже вздохом, смехом, кивком головы, мыслью или еще как-либо, оскверняет и помрачает душу³⁹⁰.

Отец Иоанн пишет: «Помня, какой великий вред наносит душе грех осуждения, человек не должен осуждать никогда и никого, даже явного и великого грешника, потому что согрешивший может в любой

момент воззвать из глубины души к Богу с просьбой о помиловании, и милосердный Отец, оставивший грехи блуднице и разбойнику покаявшимся, примет и его»³⁹¹.

Об этом же говорит схиархимандрит Илиодор (Голованицкий): «Если мы видим какой-либо порок у нашего ближнего, мы не должны осуждать его; первое, потому что нам неизвестно его душевное состояние, второе, потому что нам неизвестно его будущее. Немало было случаев, что некоторые, проводящие жизнь порочную, были возбуждены Божественною благодатью к покаянию, исправились в короткое время и окончили жизнь праведниками»³⁹².

Для избежания осуждения отец Илиодор советует: «Исправиться легко, если будешь смотреть на свои только недостатки, а не на других»³⁹³.

Более того, он пишет, что долг христианина – «судить себя, а не других»³⁹⁴. Следовательно, в борьбе со страстями прежде всего необходимо научиться осуждать самих себя и ни в коем случае других.

По мысли отца Иоанна (Маслова), действенным средством, искоряющим страсть осуждения, служит познание своих грехов и тех мерзостей, которыми душа бывает омрачена и извращена. Осознав свою мерзость и богопротивность, человек придет в трепет и ужас, «начнет удаляться от злых собеседований... не станет обращать внимания на чужие недостатки, но займется врачеванием собственных греховных язв»³⁹⁵. В своих проповедях батюшка всех призывал: «Будем каяться пред Богом и просить: «Господи, прости нам грех осуждения»³⁹⁶.

Самолюбие

Самолюбие — коварная, утонченная страсть, препятствующая спасению. Проявление этой страсти заключается в том, что подверженный ей человек всю энергию направляет только на свою личность. Как пишет схиархимандрит Иоанн (Маслов): «Когда человек любовь, которую Богу и ближнему должен оказывать, на себя обращает, тогда проявляется его самолюбие»³⁹⁷. Старец называет самолюбие тяжким грехом и противлением закону Божию³⁹⁸.

«Самолюбивый человек, замыкаясь в области узких личных интересов, не сочувствует общественным нуждам, равнодушно смотрит на горе своих ближних... Вместо того, чтобы созидать в себе Царствие Божие, самолюбивый человек, выходит из своей внутренней плоти и устремляется в мир страстей. Предаваясь им, он не только приносит зло людям, но и сам жестоко терзается...»³⁹⁹.

Таким образом, самолюбец мучается в земной жизни, и в будущей его ждут мучения, несравненно тяжелее временных.

Отец Иоанн определяет признаки самолюбия.

Самолюбие проявляется в том, что человек дарования, данные ему (например: богатство, разум, здоровье), своим трудам приписывает,

а не Богу; дарование, от Бога данное, не в славу Божию, не на пользу ближнего употребляет (богатство хранит без всякого употребления или использует на свои прихоти; кто имеет здоровье и не хочет трудиться и др.); уклоняется от зла или делает добро не ради Бога, ближнему делает добро ради своей прибыли. Яркие признаки самолюбия: осуждение, ропот, нежелание ближнему успеха и благополучия, попытка избавиться от скорби без помощи Божией⁴⁰⁰.

О плодах самолюбия старец пишет, что оно ослепляет человека, рождает гнев и злобу, ложную радость. Иными словами, «грех есть первый плод самолюбия»⁴⁰¹. При этом самолюбец более испытывает скорбей, чем любящий Бога. «Без искоренения самолюбия невозможно спасение и покаяние»⁴⁰².

Для избавления от самолюбия необходимо стремиться все делать во славу Божию. «Последовать Христу, — пишет схиархимандрит Иоанн, — значит оставить самолюбие»⁴⁰³.

Праздность

Страсть праздности появляется в человеке чаще всего на почве лени и беспечности. Схиархимандрит Илиодор (Голованицкий) писал: «Леность и нерадение — ничтожные страсти, но они делают много вреда тому, кто оными увлекается, почему всякому из нас и нужно противиться им всеми мерами и не допускать их усиливаться в себе, ибо, принявши навык к ним, трудно будет отставать от них»⁴⁰⁴.

По мысли отца Иоанна (Маслова), беспечность и нерадение являются для нас самыми опасными препятствиями на пути ко спасению, потому что они «убивают душу и не дают ей вознестись горе к Престолу Всевышнего. Поэтому мы и не получаем той духовной пищи, которая дается только посредством молитвенного общения с Богом. Ведь сказано: «Несть мира в костях моих от лица грех моих». Вот отсюда происходят все нестроения и тяжести духовные и телесные. Исходя из этого, нам всем надо прежде всего усугубить молитвенный подвиг, и тогда мы сможем ощутить в душе мир Христов, а это в свою очередь будет способствовать облегчению всех трудностей, скорбей и печалей». «Мы не должны быть беспечными в своей жизни»⁴⁰⁵.

В одном из писем, объясняя, насколько драгоценно для нашего спасения время Великого Поста, старец указывает: «Но мы по своей лени не ценим это. А проводим свою жизнь в лени и беспечности и тем самым не созидаем свое спасение, а, наоборот, уходим на страну далече. Беспечная жизнь помогает человеку порвать связь с Богом и перейти к другому властелину — диаволу, который день ото дня омрачает наш ум и делает его бессильным в борьбе со грехом. И если человек не опомнится и не восплачет о своем бедственном состоянии, то для него и вечность будет тяжелой и мучительной. Хотя мы умом это и понимаем, но победить грех и порвать связь с диаво-

лом у нас не хватает ни решительности, ни силы. *Беспечность и лень* уничтожают в нашей душе все доброе и святое. Что же нам остается делать, как избавиться от смерти духовной? На это мы находим множество указаний в книгах св. отцов, которые дают нам советы и указывают путь к Богу через слезное покаяние. Постараемся и мы отстать от злых наших беззаконий и омыть душу слезами. И Господь примет нас как блудного сына, как блудницу и мытаря»⁴⁰⁶.

Схиархимандрит Иоанн учит, что трудолюбие облагораживает человека, а праздная жизнь делает неспособным к богоугодным делам, *отрицательно сказывается на развитии умственных способностей*. «Вот почему Господь Бог для нравственного совершенствования первого человека дал ему заповедь упражняться в труде, охранять и возделывать рай. После грехопадения человека Творец также указал ему на труд как на спасительное средство в деле восстановления его падшей природы: «В поте лица твоего снеси хлеб твой» (Быт.3,19) Эта спасительная заповедь Божия, помогающая человеку шествовать к горнему Иерусалиму, остается в силе и донныне. Поэтому тот, кто проводит свою жизнь в праздности и лени, нарушает заповедь Божию, а значит, постоянно согрешает перед Богом»⁴⁰⁷.

По учению святых отцов, сердце человека не может быть свободным от добрых или злых помыслов. Живущие в праздности склоняются к вредным восприятиям и чувствам и этим открывают сердце свое диаволу. Поэтому «праздность — мать всех грехов»⁴⁰⁸.

Праздность отрицательно влияет на душу и тело человека, расстраивает его здоровье. Игумен Иассон писал: «Злой дух особенно действует на душу и тело человека, когда он находится в праздности и бездействии»⁴⁰⁹. Чтобы избежать праздности, как учит отец Иоанн (Маслов), необходимо дорожить временем, умножать Богом данные таланты, то есть пребывать в богоугодных делах»⁴¹⁰.

Уныние (печаль)

После совершения греха обычно у человека возникает томление духа. Нередко оно приводит человека к печали, *унынию* и даже к *отчаянию*, которые способны полностью расстроить все силы души человека»⁴¹¹.

Рассматривая страсть уныния, ее пагубное действие в деле спасения, схиархимандрит Илиодор советует христианам не побеждать ее, но искоренять ее в самом начале. Он пишет: «Уныние вначале не приносит вреда тому, кто при помощи Божией умеет оно от себя отгонять... Но если дать ему у себя в сердце место и допустить вкорениться, то тогда оно весьма опасно, так как оно, вкоренившись, превращается в тоску, а тоска рождает отчаяние. И потому в начале появления оно нужно его уничтожить трудами и разными занятиями»⁴¹².

По мысли отца Иоанна, преданный пороку уныния настолько ослабевают духовно, что становится бессильным шествовать по пути спасения. «Спасение кажется ему трудным и недостижимым, даже слова Священного Писания не оказывают на него воздействия, так как сердце его в это время бывает подобно закрытому сосуду. А между тем Христос со Своей благодатной силой и помощью постоянно пребывает у дверей человеческого сердца и ждет, пока человек добрым своим соизволением откроет Ему эти двери (Апок. 3, 20)»⁴¹³.

Поэтому отец Иоанн убеждал обращавшихся к нему за духовным руководством не впадать в уныние. В своих письмах старец поясняет, что уныние и печаль могут появиться в человеке по внушению врага нашего спасения. «Мы по своей неопытности и греховности часто подпадаем под власть злого духа, который жестоко терзает нашу бедную душу, а иногда приводит ее в полное смятение и уныние». «Но, — говорит отец Иоанн, — как мы знаем из Священного Писания и святоотеческого творения, да и из жизни святой Церкви, чрезмерно унывать христианину и падать духом нельзя»⁴¹⁴. Тем более христианин никогда не должен отчаиваться, потому что «это чуждо христианскому духу». По мысли отца Иоанна, борьба с помыслами отчаяния является особенно тяжелой духовной бранью, приводящей в крайнее напряжение все духовные силы человека»⁴¹⁵.

Старец учил, что нельзя отчаиваться после совершения греха, но надо «поспешить снова восстать от падения и принести искреннее раскаяние пред священнослужителем»⁴¹⁶.

Схиархимандрит Серафим (Романцов) учит, как бороться с отчаянием. «О прошедшей жизни не жалеи и не скорби, а стремись вперед. Если одолевает отчаяние, то против него вспоминай безмерное милосердие Божие и то, что и великие разбойники и хульники приняты в Царство Небесное Богом через покаяние»⁴¹⁷.

Схиархимандрит Иоанн призывает всех нести все земные тяготы и не унывать ради той жизни, которую Спаситель уготовал для Своих последователей. Он пишет своим духовным чадам: «С Богом моим можно все преодолеть и победить, а без Него все вменяется ни во что. Возлюбленные мои чада, *не унывайте ни при каких обстоятельствах в этой земной жизни*. Все пройдет мимо и исчезнет: и красота мира сего, и земля, и небо — и наступит тот момент, когда для страждущих и любящих Бога откроется новая жизнь, в которой уже не будет ни болезней, ни воздыханий. Бог отрет всяку слезу из очей их. Вот для этой жизни будем переносить здесь все то, что посылает нам Милосердный Господь. Ведь по этому пути прошли все последователи Христовы. Они также и болели, и страдали в этой юдоли плачевной, но за это получили венец неувядаемой славы»⁴¹⁸.

Отец Иоанн не только указывает на губительность уныния и печали, но и учит, как противостоять им. Прежде всего, христианин дол-

жен постоянно принуждать себя к духовному подвигу: молитве, покаянию, смирению, терпению и благодарению.

Вот как он пишет об этом в письмах своим разным духовным чадам: «Уныние, ропот не допускай до своего сердца, но сразу же отсекай их горячей молитвой и слезным покаянием». «Уныние и рассеянность побеждай смирением и терпением». «На себя много не наговаривай, что ты такой плохой, потому что это, может быть, тоже ловушка дьявола. Этим самым он может тебя ввергать в уныние, а это уже грех. Приучи себя за все благодарить Бога»⁴¹⁹.

По мысли схиархимандрита Илиодора, действенными средствами, избавляющими человека от страсти уныния, являются молитва и труд. «Хорошо заниматься рукоделием и молитвой, ибо уныние там бежит прочь, где тело и душа заняты делом»⁴²⁰.

Схиархимандрит Серафим (Романцов) учит, какой мыслью ограждать себя от уныния: «Господь Бог не ради праведников, а ради грешников с небеси на землю сошел, дабы их спасти, ибо посему и Вас, купно и меня грешного, спасет. А что мы ныне не так живем, как древние Отцы и Матери, за то должны вмыслях своих сами себя осуждать и сказать: “Горе нашему нерадению, горе нашему ленивству, горе нашему нетерпению, горе нашему непослушанию” и прочее и прочее. И такое сердце, сокрушенное и смиренное, Бог не унижит.<...> Духом не падайте, не унывайте, но в волю Божию себя предавайте. Мы хотя и сзади, но в Его стаде»⁴²¹.

Глинские старцы учили, что для искоренения страстей христианину необходимо сосредоточить все свои силы в подвиге духовной борьбы и непрестанно прибегать к Божественной благодатной помощи.

Старец Илиодор (Голованицкий) учил, что своими собственными силами, без помощи Божией, сколько бы человек ни подвизался против страстей, однако он бессилен преодолеть свои греховные склонности. Вот почему все усилия христианина должны быть направлены к тому, чтобы с помощью Божией стяжать в своем сердце огонь Божественной благодати, пополюющей и пожигающей всю греховную скверну.

На вопрос одного монаха: «Батюшка! меня страсти беспокоят, а я немощен, не могу противостоят им, что мне делать?» – старец Илиодор отвечал: «Чадю, сами собою мы ничего не можем сделать, нам нужна помощь Божия. Древние св. подвижники говорят: страсти – те же скорби, а о скорбях Господь сказал через пророка Давида: «Призови Мя в день скорби твоя и изму тя и прославиши Мя» (Пс. 49, 15); видишь, чадю, нужно нам призывать Господа в помощь, а без Него мы не можем ничего сделать. Спаситель нам сказал: «Без Мене не можете творити ничесоже» (Иоан. 15, 5). А что Господь не оставляет тех, которые взывают к Нему о помощи, то об этом свидетельствует тот же пророк, говоря: «Близ Господь всем призывающим Его, всем

призывающим Его в истине» (Пс. 144, 18)... Что страсти нас борют, от сего унывать не должно, это наша брань, против которой мы должны быть всегда готовы. Нужно только усиленно противиться их требованиям. А чтобы успешнее против них действовать, надо повнимательнее рассматривать, которая сильнее в нас действует страсть, против оной следует и вооружиться всею крепостию»⁴²². Своей духовной дочери старец писал: «Учись, как побеждать страсти»⁴²³.

Отец Иоанн учит, что «оружием для борьбы с грехом и страстями являются пост, уединение, бдение, хранение чувств, поклоны, хождение в храм, чтение Слова Божия, послушание и молитва»⁴²⁴. «Совершенное избавление от страстей есть великое дарование Божие. Очистившись от них, душа сподобляется соединиться с Богом. Но тот, кто хочет стяжать этот дар, должен отрешиться от всех земных попечений»⁴²⁵.

Схиархимандрит Иоанн (Маслов) призывает: «Будем любить Бога и возносить к Нему наши повседневные молитвы, прося помощи на преодоление всех греховных наклонностей и страстей»⁴²⁶.

Вдохновляя паству на такой подвиг, старец Иоанн заключает: «Каждая победа над страстью сопровождается благодатным миром в душе и приносит радость нашему духу, с которой не могут сравниться все радости мира»⁴²⁷.

8. О монашестве

Большое внимание в своих трудах глинские старцы уделяют монашеству, которое они ставят очень высоко. Иеромонах Порфирий пишет: «Монах поставляется на высшей степени евангельского совершенства. <...> Мир изумевал, созерцая высокие доблести монахов»⁴²⁸.

Он же говорит об огромном значении монашества в жизни мира: «Россия, в самые решительные кризисы своей жизни, видела в иноках своих архистратигов, своих поборников, спасителей и миротворцев. Этот род подвижников всегда был обилен многообразными дарованиями; чрез них от времени до времени как бы обновляется благодатный союз с нами Иисуса Христа»⁴²⁹.

Роль монашества в православной Церкви определяет игумен Филарет: «Благоустроенные монастыри сохраняют и умножают (богоугодным житием иноков) благодать Божию в Русской Церкви. Истинные монахи из глубины своего уединения светят миру простым образом богоугодного жития своего и живым действенным словом спасительной истины»⁴³⁰.

Схиархимандрит Иоанн (Маслов) называет иноков оплотом православия⁴³¹.

Говоря о преимуществах монашеской жизни как пути к спасению схиархимандрит Иоанн (Маслов) пишет: «Миряне, будучи связаны мирскими попечениями, семейной жизнью и всякого рода заботами, находятся в менее благоприятных условиях, чем монашествующие, всецело отрешившиеся от мира и посвятившие свою жизнь служению Богу»⁴³².

Далее отец Иоанн указывает, что Господь особенно милостлив к монашествующим. «Милосердие Божие изливается на всех, ищущих

спасения, но особенно оно обильно ниспосылается на тех избранников Божиих, которые отреклись от мирской жизни, день и ночь многими подвигами и слезами стараются очиститься от всякой скверны и плотских мудрований»⁴³³.

Глинские старцы поясняют, что побуждает людей устремляться в монастыри. Иеромонах Порфирий (Левашов) пишет: «В основе монашества лежит общечеловеческая и естественная тоска по небесной отчизне. Она-то образовала мучеников, преподобных, девственников, Пророков и Апостолов»⁴³⁴. Отец Иоанн (Маслов) указывал: «Ревностные души устремляются в иноческие обители, чтобы постоянно быть в общении с Богом»⁴³⁵. «Ради покаяния и спасения люди оставляют мир и приходят жить в монастырь», — говорит монах Петр (Лешенко)⁴³⁶.

О цели иночества старцы говорят: «Цель иночества — избежать соблазнов мира, работать исключительно единому Господу, предводитель братию в вере и благочестии и улучшить живот вечный». (Иеромонах Порфирий (Левашов))⁴³⁷.

«В монастырь люди уходили для того, чтобы всецело оторваться от греховных прелестей мира и посвятить себя Богу в уединенной обители. Однако это уединение не ограничивалось заботой только о личном спасении. Монахи, подвизаясь в добродетельных подвигах и занимаясь изучением Священного Писания и Творений святых отцов, несли свет Христовой веры и благочестия в народные массы». (Схиархимандрит Иоанн (Маслов))⁴³⁸.

В одном из писем инокам отец Иоанн (Маслов) пишет: «Монашеская жизнь — это не есть почетное звание или титул почести, а это непрерывный подвиг добродетели, т.е. труд над очищением своего ума и сердца от скверных помыслов и пожеланий. А цель, в конечном своем существе, должна сводиться к тому, чтобы воскресший Господь сподобил бы всех нас узреть Его в Царствии Небесном»⁴³⁹.

В чем состоит монашеский путь? На этот вопрос старцы отвечают: «Монашеский путь — это отрешение от всего земного и принятие на себя ига Христова»⁴⁴⁰. «Для монахов определен путь узкий и тернистый, и он должен завершиться на Голгофе, то есть со Христом пострадаем и со Христом прославимся»⁴⁴¹.

«Посмотрите на самую внешность инока, — пишет иеромонах Порфирий, — что она выражает? Не жизнь ли покаянную, страдальческую, скорбную? Что значит этот кукуль, как не пепел, — эта мантия, как не вретисце, — этот параман, как не язвы Господа Иисуса, — эти сандалии, как не кремнистый путь, — этот черный цвет, как не мрачное состояние души, утратившей боготканную одежду невинности? От ног до головы — все обличает в нем мужа скорбей. Для него нет в мире утешения; богатство, слава, честь для него уже не существуют. Он, как пустыннолюбивая горлица, в тоске своей о небесном отечестве — умер для мира и жизни»⁴⁴².

О необходимости Божественной помощи на монашеском пути игумен Филарет говорит: «Восприявшему ангельский образ, с самого начала следует от всего сердца призвать в помощь многомилостивого Подвигоположника нашего Иисуса Христа, дабы иго Его тебе было благо. Моли Господа влить в сердце твое огонь Его любви, возбуждающий разумно и неослабно проходить душевные и телесные подвиги, укрепляющие тебя в вере; да не придешь в отчаяние, когда приступят к тебе искушения, страсти, немощи и недоумения»⁴⁴³.

Схиархимандрит Иоанн (Маслов) пишет: «Чрезвычайно трудно правильно проходить монашеский путь, но инок дерзновенно уповает на таинственную помощь свыше»⁴⁴⁴. Поступивших в монастырь, а затем охладевших к монашеству старцы увещевали не оставлять обители, потому что в монастыре надежнее получить милость Божию, нежели находясь в миру»⁴⁴⁵. «Поступившим в монастырь и принявшим на себя ангельский образ нужно постоянно бодрствовать над самими собою и не допускать в своем сердце колебаний, внушаемых сатаной, о том, чтобы оставить этот путь – монашество и возвратиться к прежней мирской жизни»⁴⁴⁶.

Схиархимандрит Илиодор объясняет, отчего бывает охлаждение к монашеской жизни: «Охлаждение к монашеству бывает оттого, что не согреешь наперед духа своего в любовь Божию и не стяжешь смертной памяти»⁴⁴⁷.

Он же предостерегает от выхода из монастыря: «Что же касается выхода их монастыря, о том и говорить не нужно, ибо монашеская жизнь не того требует, чтоб ходить с места на место, рассуждать и мудрствовать, но сидеть на одном месте со вниманием, слушаться и повиноваться»⁴⁴⁸.

О назначении монаха схиархимандрит Иоанн пишет: «Монах должен быть Ангелом, и его назначение – постоянно славить Бога своей доброй жизнью с небесным воинством»⁴⁴⁹.

Живущим в монастыре глинские старцы советовали, прежде всего, отсекал свою волю и навывал послушанию. Поэтому схиархимандрит Илиодор пишет, что всякий монах, если хочет быть истинным монахом, должен отсекал свою волю и иметь послушание. «Это для всякого так необходимо, что, не имея у себя того и другого, никто не может сказать о себе – я монах». Новоначальной, поступившей в обитель, о.Илиодор объяснял: «Теперь предстоит тебе новый подвиг – учиться так жить, чтобы взявши на рамена свои спасительный крест монашеского терпения, нести оный мужественно и следовать за Христом.... Подвиг же, о котором сказано выше, заключается в отсекании своей воли и покорении оной другому. Последнее для нас столь же важно, как и первое, ибо, отвергая свою волю, мы с тем вместе отвергаем и пагубные советы врага, а покоряя оную другому, мы покоряемся Самому Богу»⁴⁵⁰.

Старец учит: «Отсечение своей воли есть первая обязанность монаха⁴⁵¹». Он убеждает, что «новоначальный ничем так не совершенствуется в духовной жизни, как покорностью и отсечением своей воли»⁴⁵².

Поэтому отец Илиодор так много заботился об искоренении своеволия и самоволия в своих духовных чадах. Он писал, что своеволие – это исполнение временных желаний, не соответствующих воле Божией, и увлечение сердца к тем предметам, в коих грешит душа»⁴⁵³.

Игумен Филарет говорит о самоволии: «Самоволие – причина нашего охлаждения и нашей гибели. Душа самовольника мятется, скорбит и не знает, куда идет. Скорбит от сознания тщетности своего труда без послушания там, где должно быть полное повиновение и отсечение своей воли. И хорошо, если сознает, может быть, исправится; несознание при живом теле есть смерть души»⁴⁵⁴.

На основании учения святых отцов Глинские старцы учили, что послушание должно лежать в основе всех добродетелей, ибо послушание было первой заповедью, данной человеку по его сотворении. «Послушание в монастыре должно стоять на первом месте»⁴⁵⁵.

Сущность монашеской жизни, – по мысли схиархимандрита Иоанна, – заключается в отсечении страстей и достижении бесстрастия»⁴⁵⁶.

Но, чтобы идти по правильному пути духовной жизни, необходимо вручить себя руководству опытного наставника. Схиархимандрит Илиодор писал одной монахине: «Я радуюсь, что ты теперь живешь с м.М. и покоряешься ей как своей старице, ибо для тебя это более всего полезно»⁴⁵⁷.

Об этой же духовной дочери он отзывался так: «Предавшись... в полное распоряжение своей старицы и ни в чем не выходя из ее повиновения, она взяла на себя теперь только спасительный крест терпения и коснулась подвига монастырской жизни с тем смиренномудрием, без которого никто не должен и не может надеяться на получение награды и в сей, и в будущей жизни от Подвигоположника Иисуса»⁴⁵⁸. По мысли старца Илиодора, «монашеская жизнь не того требует, чтоб рассуждать и мудрствовать, но слушаться и повиноваться»⁴⁵⁹.

С отеческой любовью старец Илиодор призывает всех к великой добродетели послушания и сожалеет о тех, которые живут по своей воле, не повинаясь своим наставникам. Новоначальной инокине он писал: «Ты так недаленовидна, что не замечаешь, что м.Игумения поступает с тобой благоразумно.

Она назначила тебе посетить больную..., чтоб ты приучила себя к самоотвержению, а ты не пошла. В другое время она поручила написать два письма для того, чтоб ознакомить тебя с послушанием, польза которого очевидна; а ты что сделала? Пошла самочинно в церковь. Неужели тебе кажется, что такая молитва приятна Богу; уверяю тебя, что весь подвиг твоей молитвы не стоит ни одного слова, которое б ты

с благословения духовной своей матери писала. Быть может, ты считаешь, что такие поручения ее в деле твоего спасения маловажны? Напрасно.... В нашей монашеской жизни нет ничего маловажного, потому что все, что мы делаем с благословения, имеет свое значение и служит указателем в жизнь вечную⁴⁶⁰.

На вопрос: «Что может ускорить ход к приобретению душевного спасения: труды ли, пост, молитва или уединение?» – старец Илиодор отвечал: «Телесные труды для тебя необходимы всегда, в особенности когда заметишь, что тело твое начнет восставать на дух и над оным брать поверхность. Пост считать должно в том же смысле; но он не для всех одинаково нужен, ибо старые и больные не могут содержать онаго. А для тебя пост не только не полезен, но и опасен, потому что ты живешь по своей воле, а не по распоряжению своей старицы, а равно опасна и сама молитва, совершаемая тобою самочинно, хоть и необходимо нужна. Всего лучше для тебя, если ты будешь иметь беспрекословное послушание м. Игумении и станешь пред всеми смиряться. Только этот подвиг для тебя не опасен, ибо первое полезно для тела, а последнее для тела и души. О безмолвии же и не думай. Оно выше твоих сил»⁴⁶¹.

По учению старцев, всякий подвиг должен совершаться с рассуждением, соразмерно со своими как духовными, так и телесными силами, и с благословением отца духовного. Но кто живет по своему разуму и произволу, такой человек, хотя бы нес большие подвиги, однако не может преуспеть в духовной жизни, потому что все сделанное по своей воле не всегда бывает угодно Богу по причине тщеславия и превозношения. Отец Илиодор неоднократно писал об этом своим чадам, предостерегал их, казалось бы, и добрые дела начинать без благословения. «Из письма твоего видно, что у тебя есть великое желание размышлять о смерти, об участии грешных и о страшном суде Божиим. По-видимому, желание у тебя и благое, но дело опасное, если ты будешь углубляться мыслию в эти страшные явления по самочинию. Поэтому и советую тебе не вдаваться ни в какие размышления без благословения старицы, чтоб... не отчаяться. Равно и о способе молитвы ты должна спрашивать и учиться у нее же, ибо и молитва поставляется в грех, если она не будет соответствовать духу смиренномудрия»⁴⁶².

Умудренный старческим опытом, о.Илиодор учит: «Полезнее смиряться и терпеть, чем поститься и быть затворницей»⁴⁶³.

О необходимости послушания схиархимандрит Иоанн (Маслов) пишет: «Очень трудно управлять монахами, которые живут по своей воле и руководствуются своим греховным разумом. Но ведь придет время дать ответ и им, когда они окажутся за пределами этой жизни. Там для самовольных и упрямых помилования не будет. Сказано, что одни пойдут в жизнь вечную, а другие в муку вечную. В святоотечес-

ком учении неоднократно указано, что монах, живущий без послушания, смирения, кротости, спастись не сможет, и гнев Божий на таких пребывает во всю вечность. Хорошо бы было поглубже осознать всем это плачевное свое состояние, и, пока еще не взяты с этой жизни, исправить свое бедственное состояние, то есть удалить из своего ума и сердца все злое и порочное и последовать за Христом по узкому пути, ведущему в жизнь вечную. Ведь ради той блаженной жизни множество людей оставили свое богатство и знатность рода и отдали себя добровольно в послушание своим наставникам. Без несения своего креста и безропотного исполнения послушания монаху лучше было бы согнать во чреве матери своей»⁴⁶⁴.

Схиархимандрит Иоанн (Маслов) учит, что стремление к истинно христианской жизни и к достижению бесстрастия приводит к внутреннему монашеству⁴⁶⁵.

Как же достичь внутреннего монашества?

«Жизнь в монастыре с другими содействует воспитанию в себе духа внутреннего монашества, так как будучи в соприкосновении с людьми, человек имеет больше случаев познавать свои немощи, чем живя в уединении, а познавая их, он смиряется перед людьми и Богом»⁴⁶⁶.

Иеромонах Порфирий пишет о внутреннем монашестве: «Благосостояние обителей упрочивается не внешним великолепием храмов, не громадными зданиями, не капитальными средствами, а внутреннею силою»⁴⁶⁷.

Принявшим на себя ангельский образ старцы советовали бодрствовать над собой.

«Монах должен противиться всякому злу не только физическому, но и умственному, очищать свой ум и сердце от всех греховных помыслов и пожеланий. Именно в этом заключается монашеское житие. Где чистота – там и Бог пребывает со своей благодатию, окрыляя и сохраняя такого человека от всех диавольских козней»⁴⁶⁸.

Монах должен бороться за чистоту душевную и не допускать вражеских помыслов.

«Монах должен подвизаться о Господе за чистоту ума и сердца даже до пролития крови. Порочные мысли и пожелания в монашествующих осуждаются Богом как физический грех. А грешники Царство Небесное наследовать не смогут. Ведь только чистые сердца Бога узрят. Земная жизнь пройдет и, как пар, исчезнет бесследно. А там наступит вечность, которая ждет земных жителей. Только для одних, то есть свято живущих, она будет радостной, а для других, греховно живущих, она будет мучительной. Исходя из этих слов, нам, следует внимательно все продумать и удалить все греховное и скверное, мешающее в деле нашего спасения. Очень было бы хорошо обуздать страхом Божиим наши телесные, греховные чувства. Особенно глаза,

уши и язык – двери греха, уводящие свои жертвы, подобно блудному Евангельскому сыну, на страну далече. Нужно подумать обо всем и сказать: «Вернусь я снова в отеческий дом и скажу Отцу Небесному: «Прими меня как единого от наемных Твоих». О, как бы было отрадно не только нам, но и Небесной торжествующей Церкви. Душа, познавшая свой грех и возненавидевшая его, бывает способна взлететь горе к небесным жителям.

Постараемся в этой плачевной юдоли убелить свою монашескую одежду добрыми делами и молитвенно-покаянным воплем, дабы мы смогли услышать слова нашего Возлюбленного Спасителя: «Приидите благословенные Отца Моего Небесного, наследуйте уготованное вам царство от сложения мира»⁴⁶⁹.

Игумен Филарет учит, в чем состоит истинный подвиг монашества: «В умномысленном делании и молитве наиболее состоит истинный подвиг монашества; в нем бывает истинное познание духовных вещей и Бога; в нем плоды плодов наших (то есть достижение высших степеней духовного совершенства и близости к Богу) и хранение их, как негде пишется от святых: не только нам подобает делать, но и хранить плоды деланий наших, хранить молитвою и смиренномудрием»⁴⁷⁰.

Схиархимандрит Иоанн (Маслов) разъясняет, что должно быть руководящим началом в жизни каждого инока.

«Молитва, внутри сердца совершаемая, любовь к Богу, стремление к истинной христианской жизни – вот те пути, которые приводят человека к внутреннему монашеству; однако не надо забывать и внешнего, ибо руководящим началом в жизни каждого человека должен быть принцип, заложенный в его природе. А принцип этот заключается в том неоспоримом факте, что человек состоит из души и тела, тесно связанных друг с другом; следовательно, согласовывая внутреннее с внешним, человек идет путем, указанным Самим Создателем. Отделяя же одно от другого, человек тем самым не подчиняется своему Создателю и действует самочинно»⁴⁷¹.

9. Частные наставления мирянам

К глинским старцам многие обращались с различными вопросами, связанными с семейным неустойством, с жизнью в миру.

Старцы принимали самое живое участие в нуждах мирских лиц и подавали им полезные советы. В их наставлениях, письмах можно найти мудрые наставления родителям о чадах, о христианском воспитании детей, о вступлении в брак и выборе невесты.

Желавшим вступить в брак схиархимандрит Иоанн (Маслов) отвечал: «Вопрос о женитьбе — это действительно вопрос сложный, и надо всем нам помолиться, чтобы Господь послал человека, по пути шедшего... Хорошо было бы найти человека с хорошей и красивой душой. Именно это и является основой, а остальное — второстепенное»⁴⁷².

Отец Порфирий (Левашов) говорил, что не нужно искать в супруге внешнюю красоту: «Наружная красота стареет и блекнет; а страх Божий облакает в красоту неувядаемую»⁴⁷³.

Вступающим в брак необходимо знать, что брак есть Таинство. «Таинство Брака — благословение Божие вступающим на путь семейной жизни — есть таинственный союз мужа и жены во образ союза Христа с Церковью. Цель брака как Таинства — закрепить союз любви супругов, сделать его духовным, священным. В нем подается брачующимся благодать Святого Духа, освящающая и помогающая им в деле рождения и воспитания детей. Брак, правильно совершенный, остается в силе до конца жизни супругов. <...> Таинство Брака имеет своей целью одухотворить брачующихся и тем укрепить в их сердцах единомыслие, шествование святым путем для достижения своего спасения»⁴⁷⁴.

По учению глиских старцев, вступившие в брак должны жить в согласии, мире и любви и все супружеские трудности нести вместе⁴⁷⁵, снисходить к немощам друг друга⁴⁷⁶.

Если же нет мира в семье, то терпением побеждать всякое зло⁴⁷⁷.

Семья — это домашняя церковь. «Семья каждого христианина должна быть в своем роде малою Церковью, руководимую главою дома, отцом семейства, в которой так же, как и в великой Церкви, есть известные лица, есть имущество, хозяйство, сохраняются те или другие отношения к посторонним семьям, лицам и учреждениям»⁴⁷⁸.

Людям семейным схиархимандрит Иоанн (Маслов) пишет: «Дай Бог, чтобы ваша домашняя церковь всегда пребывала в мире, любви и благополучии. Ведь это, пожалуй, основное и дороже всякого богатства. Любите друг друга во Христе. Несите все невзгоды с терпением и смирением, и Бог мира всегда будет пребывать с вами»⁴⁷⁹.

Старец учит как спастись в семье: «В семье нужно проводить жизнь в любви к Богу и друг к другу. Это вернейший способ, направляющий человека по спасительному пути, ведущему к вечному блаженству <...>. На молитву следует побуждать друг друга»⁴⁸⁰.

«В семье нужно отсесть все свои капризы и находить общий язык [с ближними], т. е. не вступать в споры и не доказывать свою правоту. А без этого жизнь будет очень трудной и непрочной»⁴⁸¹.

«Дома со своими родными живи в мире и любви. Будь им не в тягость, а в радость. Это угодно Богу и спасительно для души»⁴⁸².

Глиские старцы отвечают на вопрос от чего зависит прочность брачного союза: «Прочность брачных союзов зависит не столько от взаимного согласия на брак или предварительных условий жениха и невесты, сколько от доброты характера и чистоты нравов. Где нет ни того, ни другого, там и взаимные обязательства, и самые законы, скрепляющие их, ничего не значат»⁴⁸³.

Особое значение старцы уделяют роли женщины в семье.

О назначении жены иеромонах Порфирий (Левашов) пишет: «По плану предвечных судеб Божиих, первая жена предназначена быть помощницею своего мужа. Первая жена долженствовала быть сотрудницею своего мужа в великом деле возделывания и хранения своего сердца. Эта честь принадлежала бы и дочерям ея. Но, за утратою невинности в лице праматери, судьба женщины подверглась новому назначению, — скорбному, трудному и грозному: умножая умножу печали твоя и воздыхания твоя, говорит Бог, в болезнях родиши чада; и к мужу твоему обращение твое, и той тобою обладати будет (Быт. 3, 16). Очевидно, в какие отношения теперь поставляется она к мужу: на нее падает долг — разделять все многочисленные его работы и попечения, счастье и невзгоды, благодушно переносить суровость и все странности его характера, поддерживать упадающие

силы его духа, разнообразить и возвышать его радости, содействовать лучшему и существенному образованию ума и сердца в детях своих, управлять домом, посеять в среде своей дух мира, согласия и любви. А все это — каких высоких требует от неѣ доблестей, — какого благоразумия, какой предусмотрительности, какой кротости, какого терпения, какой любви! И сколько затем еще придется ей переиспытать, пережить горечей неблагодарности, досад, оскорблений и неверности! Можно сказать, вообще, что еѣ страданиями должно быть искупаемо семейное благо. Так важно назначение жены! Мир прекрасен по мере того, как женщины сохраняют верность своему долгу»⁴⁸⁴.

Схиархимандрит Иоанн (Маслов) учит: «Пример жен — мироносец показывает, как много тепла, ласки и любви Господь вложил в душу женщины, которая, благодаря этому, способна на великие дела любви и самопожертвования, если она будет жить во Христе и со Христом, как заповедует Апостол, в «неистлении кроткого и молчаливого духа». (1 Петр. 3, 4)»⁴⁸⁵.

О влиянии жены на мужа отец Порфирий говорит: «Супруга благочестивая, с умом и сердцем образованным, направит своего мужа ко всему высокому и прекрасному, хотя бы он имел наклонности и совсем тому противоположные: *еще есть на языке жены милость и кротость, говорит сын Сирахов, несть муж ся точен сыновом человеческим* (Сир. 36, 25). И наоборот: будь эта половина противных качеств, до какой крайности, до какого уничижительного положения не доведет она и благонравного мужа: *яко же в древь червь, тако муща погубляет жена злотворна*, говорит Дух Святыи (Притч. 12, 4)»⁴⁸⁶.

Особенно подчеркивают старцы, что разлад в семье сказывается на обществе: «Семейные смуты сказываются на обществе: из-за них подавляется чувство чести и правоты, теряется доверие, зачинаются раздоры и тяжбы, упадает деятельность, слабеют промышленные силы народа, умножается бедность, и приходят в расстройство дела общественные»⁴⁸⁷.

Поэтому так важно созидать и хранить мир в семейной жизни.

На воспитание детей глиняные старцы обращали особое внимание, считая, что очень многое зависит от того, как младенец будет воспитан в детском возрасте. Прежде всего, старцы определяют цель воспитания: «Прямую цель христианского воспитания и главный предмет его учения должно составлять не иное что, как само благочестие, от которого истекают все блага временные и вечные. *Телесное бо обучение, говорит св. апостол Павел, в мале есть полезно: а благочестие на все полезно есть, обетование имеюще живота нынешняго и грядущаго* (1 Тим. 4, 8)»⁴⁸⁸.

«Благочестие основывается на вере и состоит из страха Божия и любви»⁴⁸⁹.

Иеромонах Порфирий (Левашов) подробно раскрывает задачи воспитания детей: «Богатые средства воспитания должны противодействовать растлению человеческой природы — усовершенствовать, по возможности, ея недостатки, отсекаать дурные привычки и склонности, смягчать суровость, укрощать страсти, облагораживать нравы и чувства, пробуждать и раскрывать силы духа на столько, на сколько требуются они для христианской деятельности»⁴⁹⁰.

Далее старец подробно пишет о том, как воспитывать детей и девиц, в частности: «Воспитывать детей надобно не по духу мира и его правилам, а по началам святой веры; склонять их под иго закона Господня, подавлять в них всякую склонность к рассеянности и своеволию; внушать им любовь и повиновение к родителям и предержавшей власти, уважение к старшим, благорасположение к равным, упражнять их в чтении назидательных книг; *назначать для них уроки из тех особенно мест Святого Писания и истории Церкви, где раскрываются доблести, или сильные характеры великих людей*; требовать от них *точного исполнения уставов святой Церкви и всех христианских правил*; вводить их в круг благочестивых занятий на дела человеколюбия, или на благолепии святых Божиих церквей: предотвращать от них все поводы и случаи к соблазнам, — встречающиеся, например, в народных зрелищах, театрах, шумных собраниях и чтении книг худого содержания; приготавливать их к трудам, сообразным их состоянию и семейным обязанностям; приучать их к умеренности в пище, отдыхе и сне; избирать для них такие игры, которые *укрепляя силы их, с тем вместе возвышали бы и нравственное чувство*; обращать внимание и на *самую одежду*, поддерживая в ней скромность, простоту и постоянство; одним словом, — по псалмопевцу, пригвоздить страху Божию *плоти* их (Псал. 118, 120). Ибо где обитает сей страх, там всякая душевная чистота; оттуда бежит всякий порок и всякое преступление»⁴⁹¹.

О том, какими должны быть воспитатели, отец Порфирий пишет: «Наставниками и педагогами должны быть у нас не иностранные учителя, а свои, присные, отличающиеся притом чистотою нравов, благочестием, ревностью по Богу и пламенную любовью к Отечеству»⁴⁹².

Велика роль женщины в воспитании детей. Отец Порфирий пишет: «Женщины бывают первыми деятелями особенно там, где только что загорается луч жизни. Обыкновенно первые начатки воспитания детей получаются в недрах семейств; по свойству матерей, раскрываются в детях добрые и худые стороны; матери служат для них первообразом. Оттого-то общественное воспитание не всегда достигает своей цели. В обществе как-то больше проявляется то, что уже подготовлено было в детстве. Если дети с матерним млеком будут напитаны христианскими правилами, одушевлены и укоренены в страхе Божи-

ем, то они принесут семействам и обществу благословенные плоды мира, воздадут всем должное: *ему же урок — урок ему же дань — дань, ему же страх — страх, и ему же честь — честь* (Римл. 13, 7). Но когда эти леторасли покоятся на дикой лозе и лишены животворной влаги — чего можно ожидать от них полезного? Из них выдут тунейдцы, или зловередные члены общества: *еда объемят от терния грозди или от репия смоквы* (Матф. 7, 16)? Не очевидно ли, что сума добра или зла слагается из частных интересов, которые матери приносят обществу в лице своих детей?»⁴⁹³.

Отец Порфирий (Левашов) говорит, что у предков наших больше благородства было во взаимных отношениях и объясняет почему это так: «Сравните с настоящим поколением ваших предков — и вы увидите, что превосходство-то — на их стороне; увидите, кака была твердость в их характерах, кака чистота в правах, кака нравственность в жизни, кака точность в исполнении уставов Святой Церкви, како благородство во взаимных отношениях, како чинопочитание, како уважение к старшим, кака добросовестность во всем! Одним словом, увидите резкую противоположность нынешнего с прошедшим! Отчего же это? — Оттого, что нынешнее воспитание много ослаблено обычаями иноземными; тогда как предки наши воспитывали детей по указанию святой веры и всегда держали их под грозой. Вот всегдашнее их правило: не престивай младенца наказовати: аще бо биети его, не умрет: ты бо побиеши его жезлом, душу же его избавиши от смерти (Притч. 23, 13. 14)»⁴⁹⁴.

Прежде всего детей нужно учить вере, потом другим наукам. «Не разумно поступают родители, научая детей различным наукам и языкам, забывая о внутреннем воспитании»⁴⁹⁵.

«Для ясного понимания христианской жизни родители должны читать детям Священную Историю и житие святых по выбору, незаметно сея в них семена страха Божия и христианской жизни. Родители должны научить своих детей, чтобы они знали наизусть некоторые молитвы: «Символ веры» и избранные псалмы <...>.

Мать должна научить ребенка правильно налагать на себя крестное знамение. Особое внимание надо уделять воспитанию детей в страхе пред Богом»⁴⁹⁶.

Об одежде детей отец Порфирий (Левашов) пишет: «Необходимо обращать внимание на одежду детей, поддерживая в ней скромность, простоту и постоянство»⁴⁹⁷.

В семьях, где отсутствует православное воспитание проявляется конфликт между детьми и родителями. «Чем старше ребенок, тем более сложный характер приобретает проблема воспитания, особенно в тех случаях, когда в семье отсутствует религиозное воспитание в духе православного учения, в результате чего во взаимоотношениях между родителями и детьми нередко назревает или открыто проявля-

ется конфликт. В таких семьях дети часто прибегают к лжи, которая, как известно, омрачает их жизнь, наступают душевные переживания, тревоги, печаль, уныние, а это подчас приводит к трагическим случаям»⁴⁹⁸. «Родители за плохое воспитание будут наказаны неблагодарностью детей и дадут ответ пред Богом»⁴⁹⁹.

Примечания

¹ Илиодор (Голованицкий), схиархимандрит. Письма // Цит. по: Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинская пустынь. История обители и ее духовно-просветительная деятельность в XVI–XX веках. М.: Изд. отд. Московского патриархата, 1994. С. 252.

² РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, и 25 об.

³ Серафим (Романцов), схиархимандрит. Письма // Цит. по: Схиархимандрит Иоанн (Маслов) Глинская пустынь. История обители... С. 35–36.

⁴ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония по творениям святителя Тихона Задонского. М., 2000. С. 967, 973.

⁵ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 17, 20, 83.

⁶ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Проповеди. С. 34.

⁷ Архимандрит Иоанн (Маслов). Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. М., 2000. С. 89.

⁸ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 123.

⁹ Там же.

¹⁰ Серафим (Романцов), схиархимандрит. Письма // Цит. по: Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинский патерик. М., 1997. С. 46.

¹¹ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. М., 1995. С. 5.

¹² Там же. С. 217.

¹³ Там же. С. 218.

¹⁴ Петр (Лешенко), иеромонах. Письма // Цит. по: Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинский патерик. С. 502.

¹⁵ Филарет (Данилевский), игумен. Поучение новопостриженному монаху // Цит. по указ. соч. С. 97.

¹⁶ Архимандрит Иоанн (Маслов). Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. С. 90.

¹⁷ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Проповеди. С. 19.

¹⁸ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 11.

¹⁹ Там же. С. 17.

²⁰ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Проповеди. С. 23.

²¹ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Лекции по пастырскому богословию. М., 2001. С. 173.

²² Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 112.

²³ Макарий (Шаров), иеросхимонах. Письма // Цит. по: Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинский патерик. С. 256.

²⁴ Архипп (Шестаков), схимонах. Наставления // Цит. по указ. соч. С. 459.

²⁵ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 18.

²⁶ Там же. С. 123.

- ²⁷ Там же. С. 58.
- ²⁸ Там же. С. 23.
- ²⁹ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Лекции по пастырскому богословию. М., 2001. С. 408.
- ³⁰ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 47.
- ³¹ Там же. С. 96.
- ³² РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 59.
- ³³ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 11.
- ³⁴ Там же. С. 113—114.
- ³⁵ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Проповеди. С. 28.
- ³⁶ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 43.
- ³⁷ РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 59.
- ³⁸ Там же, л. 53.
- ³⁹ Филарет (Данилевский), игумен // Цит. по: Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинский патерик. С. 96.
- ⁴⁰ Там же. С. 87.
- ⁴¹ РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 59.
- ⁴² Макарий (Шаров), иеросхимонах // Цит. по: Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинский патерик. С. 259.
- ⁴³ Архимандрит Иоанн (Маслов). Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. С. 91.
- ⁴⁴ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 123.
- ⁴⁵ Там же. С. 109, 58.
- ⁴⁶ Там же. С. 71.
- ⁴⁷ Там же. С. 103.
- ⁴⁸ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинская пустынь. История обители... С. 253.
- ⁴⁹ РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 59.
- ⁵⁰ Архимандрит Иоанн (Маслов). Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. С. 200.
- ⁵¹ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 118.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Серафим (Романцов), схиархимандрит. Письма. С. 49.
- ⁵⁴ Илиодор (Голованицкий), схиархимандрит. Письма. С. 23.
- ⁵⁵ Игумен Филарет. Поучение новопостриженному монаху // Цит. по: Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинский патерик. С. 96—97.
- ⁵⁶ Филарет (Данилевский), игумен. Там же. С. 84.
- ⁵⁷ Илиодор (Голованицкий), схиархимандрит. Письма. С. 22.
- ⁵⁸ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 63.
- ⁵⁹ Макарий (Шаров), иеросхимонах. Письма // Цит. по: Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинский патерик. С. 253.
- ⁶⁰ Петр (Лешенко), иеромонах. Письма // Там же. С. 505.
- ⁶¹ РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 53.
- ⁶² Серафим (Романцов), схиархимандрит. Письма. С. 35.

- ⁶³ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония... С. 702.
- ⁶⁴ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Проповеди. С. 37.
- ⁶⁵ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония... С. 702—705.
- ⁶⁶ Там же. С. 703.
- ⁶⁷ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. С. 274.
- ⁶⁸ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония... С. 708.
- ⁶⁹ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Проповеди. С. 38.
- ⁷⁰ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 272—273.
- ⁷¹ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 23.
- ⁷² Там же. С. 47.
- ⁷³ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 178.
- ⁷⁴ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 17.
- ⁷⁵ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 177.
- ⁷⁶ Там же. С. 178.
- ⁷⁷ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Преподобный Амвросий Оптинский и русская интеллигенция второй половины XIX века. Статьи разных лет // В кн.: Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. М., 1995. С. 443.
- ⁷⁸ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Там же. С. 270.
- ⁷⁹ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония... С. 707.
- ⁸⁰ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 274.
- ⁸¹ Там же. С. 273.
- ⁸² Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 39.
- ⁸³ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония... С. 709.
- ⁸⁴ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 272.
- ⁸⁵ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Преподобный Амвросий Оптинский и русская интеллигенция второй половины XIX века. Статьи разных лет // В кн.: Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. С. 443.
- ⁸⁶ Архимандрит Иоанн (Маслов). Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. С. 95.
- ⁸⁷ Там же. С. 98.
- ⁸⁸ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 269—270.
- ⁸⁹ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония... С. 710.
- ⁹⁰ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Лекции по пастырскому богословию. С. 161.
- ⁹¹ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 93.

- ⁹² Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 178.
- ⁹³ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония... С. 711.
- ⁹⁴ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Слово перед исповедью. М., 2001. С. 71.
- ⁹⁵ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. С. 274.
- ⁹⁶ Там же. С. 274.
- ⁹⁷ Там же. С. 712.
- ⁹⁸ Там же. С. 274.
- ⁹⁹ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония... С. 717.
- ¹⁰⁰ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 271.
- ¹⁰¹ Там же. С. 271 — 272.
- ¹⁰² Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония... С. 721.
- ¹⁰³ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 273.
- ¹⁰⁴ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония... С. 723 — 724.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 729 — 730.
- ¹⁰⁶ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 269.
- ¹⁰⁷ Архимандрит Иоанн (Маслов). Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. С. 99.
- ¹⁰⁸ Илиодор (Голованицкий), схиархимандрит. Письма. С. 5.
- ¹⁰⁹ Макарий (Шаров), иеросхимонах. Письма // Цит. по: Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинский патерик. С. 418.
- ¹¹⁰ Петр (Лешенко), монах. Письма // Там же. С. 500.
- ¹¹¹ Архимандрит Иоанн (Маслов). Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. С. 99.
- ¹¹² Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Лекции по пастырскому богословию. С. 445.
- ¹¹³ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 246.
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ Там же.
- ¹¹⁶ Серафим (Романцов), схиархимандрит. Письма. С. 58.
- ¹¹⁷ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Проповеди. С. 73.
- ¹¹⁸ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 117.
- ¹¹⁹ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 247.
- ¹²⁰ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония... С. 944.
- ¹²¹ Серафим (Романцов), схиархимандрит. Письма. С. 44.
- ¹²² Макарий (Шаров), иеросхимонах. Письма // Цит. по: Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинский патерик. С. 255.

- ¹²³ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 12.
- ¹²⁴ Серафим (Романцов), схиархимандрит. Письма. С. 59.
- ¹²⁵ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. С. 249.
- ¹²⁶ Там же.
- ¹²⁷ Там же.
- ¹²⁸ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Проповеди. С. 28.
- ¹²⁹ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 248.
- ¹³⁰ Там же. С. 248.
- ¹³¹ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Проповеди. С. 28.
- ¹³² Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Лекции по пастырскому богословию. С. 171.
- ¹³³ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония... С. 943.
- ¹³⁴ Там же. С. 943—945.
- ¹³⁵ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 250.
- ¹³⁶ Илиодор (Голованицкий), схиархимандрит. Письма. С. 39.
- ¹³⁷ Там же.
- ¹³⁸ Филарет (Данилевский), игумен. Наставления // Цит. по: Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя и настоятеля Глинский пустыни. 1905. С. 43.
- ¹³⁹ Серафим (Романцов), схиархимандрит. Письма. С. 48.
- ¹⁴⁰ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония... С. 949.
- ¹⁴¹ Там же. С. 947.
- ¹⁴² Архимандрит Иоанн (Маслов). Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. С. 102.
- ¹⁴³ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Лекции по пастырскому богословию. С. 106—107.
- ¹⁴⁴ Там же.
- ¹⁴⁵ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 251.
- ¹⁴⁶ Иассон, игумен. Наставления // Цит. по: Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинский патерик. С. 182.
- ¹⁴⁷ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 251.
- ¹⁴⁸ Там же. С. 252.
- ¹⁴⁹ Илиодор (Голованицкий), схиархимандрит. Письма. С. 53.
- ¹⁵⁰ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 28.
- ¹⁵¹ Цит. по: Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Лекции по пастырскому богословию. С. 148.
- ¹⁵² Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония... С. 535.
- ¹⁵³ Архимандрит Иоанн (Маслов). Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. С. 113.

- ¹⁵⁴ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 53.
- ¹⁵⁵ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. С. 252.
- ¹⁵⁶ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония... С. 538.
- ¹⁵⁷ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Лекции по пастырскому богословию. С. 251.
- ¹⁵⁸ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 252.
- ¹⁵⁹ Там же. С. 252—253.
- ¹⁶⁰ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 118.
- ¹⁶¹ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 253.
- ¹⁶² Архимандрит Иоанн (Маслов). Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. С. 115.
- ¹⁶³ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Лекции по пастырскому богословию. С. 153.
- ¹⁶⁴ РГБ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 37 об.
- ¹⁶⁵ Там же, л. 6, 7.
- ¹⁶⁶ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Лекции по пастырскому богословию. С. 184, 197.
- ¹⁶⁷ Серапион, иеродиакон. Письма // Цит. по: Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинский патерик. С. 178.
- ¹⁶⁸ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 254.
- ¹⁶⁹ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Проповеди. С. 47.
- ¹⁷⁰ Там же. С. 48.
- ¹⁷¹ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 23.
- ¹⁷² Серафим (Романцов), схиархимандрит. Письма. С. 54.
- ¹⁷³ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 255.
- ¹⁷⁴ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 152.
- ¹⁷⁵ Там же. С. 29.
- ¹⁷⁶ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 255.
- ¹⁷⁷ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония... С. 555.
- ¹⁷⁸ Илиодор (Голованицкий), схиархимандрит. Письма. С. 81.
- ¹⁷⁹ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 255.
- ¹⁸⁰ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 29.
- ¹⁸¹ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 258.
- ¹⁸² Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 111.
- ¹⁸³ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Слово перед исповедью. М., 2001. С. 78.

- ¹⁸⁴ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония... С. 552.
- ¹⁸⁵ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. С. 258.
- ¹⁸⁶ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония... С. 552.
- ¹⁸⁷ Там же. С. 556
- ¹⁸⁸ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 258.
- ¹⁸⁹ Илиодор (Голованицкий), схиархимандрит. Письма. С. 73.
- ¹⁹⁰ Иассон, игумен. Наставления // Цит. по: Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинский патерик. С. 183.
- ¹⁹¹ Серафим (Романцов), схиархимандрит. Письма. С. 59
- ¹⁹² Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Лекции по пастырскому богословию. С. 93.
- ¹⁹³ Там же. С. 98.
- ¹⁹⁴ Там же. С. 107.
- ¹⁹⁵ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 259.
- ¹⁹⁶ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Проповеди. С. 76.
- ¹⁹⁷ Филарет (Данилевский), игумен. Поучения новонаначальному перед постригом // Цит. по: Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинский патерик. С. 84.
- ¹⁹⁸ Серафим (Романцов), схиархимандрит. Письма. С. 34, 54, 36.
- ¹⁹⁹ Илиодор (Голованицкий), схиархимандрит. Письма. С. 81.
- ²⁰⁰ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 43.
- ²⁰¹ Там же. С. 18.
- ²⁰² Илиодор (Голованицкий), схиархимандрит. Письма. С. 33.
- ²⁰³ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 16.
- ²⁰⁴ Там же. С. 64.
- ²⁰⁵ Там же. С. 41.
- ²⁰⁶ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Лекции по пастырскому богословию. С. 157.
- ²⁰⁷ Архимандрит Иоанн (Маслов). Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. С. 114.
- ²⁰⁸ Илиодор (Голованицкий), схиархимандрит. Письма. С. 22.
- ²⁰⁹ Илиодор (Голованицкий), схиархимандрит. Письма. С. 47.
- ²¹⁰ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 260.
- ²¹¹ Илиодор (Голованицкий), схиархимандрит. Письма. С. 93.
- ²¹² Порфирий (Левашов), иеромонах // Странник. 1847. С. 97.
- ²¹³ Серафим (Романцов), схиархимандрит. Письма. С. 60—61.
- ²¹⁴ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 241—242.
- ²¹⁵ Илиодор (Голованицкий), схиархимандрит. Письма. С. 23.
- ²¹⁶ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония... С. 1001.
- ²¹⁷ Там же. С. 995—998.

- ²¹⁸ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 243.
- ²¹⁹ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония... С. 996.
- ²²⁰ Там же. С. 995.
- ²²¹ Архимандрит Иоанн (Маслов). Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. С. 118.
- ²²² Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония... С. 998.
- ²²³ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. С. 245.
- ²²⁴ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония... С. 998.
- ²²⁵ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 245, 240.
- ²²⁶ Архимандрит Иоанн (Маслов). Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. С. 104.
- ²²⁷ Серафим (Романцов), схиархимандрит. Письма. С. 41—42.
- ²²⁸ Там же. С. 43.
- ²²⁹ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония... С. 859.
- ²³⁰ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 27.
- ²³¹ Там же. С. 18.
- ²³² Там же. С. 53.
- ²³³ Там же. С. 47.
- ²³⁴ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 277.
- ²³⁵ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 13, 85, 54.
- ²³⁶ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 276.
- ²³⁷ Там же. С. 277.
- ²³⁸ Серафим (Романцов), схиархимандрит. Письма. С. 163.
- ²³⁹ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 143.
- ²⁴⁰ Жизнеописание схимонаха Архиппа. Наставления // Цит. по: Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинский патерик. С. 465—466.
- ²⁴¹ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 118.
- ²⁴² Архимандрит Иоанн (Маслов). Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. С. 106.
- ²⁴³ Серафим (Романцов), схиархимандрит. Письма. С. 116.
- ²⁴⁴ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 93.
- ²⁴⁵ Архимандрит Иоанн (Маслов). Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. С. 104.
- ²⁴⁶ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 29.
- ²⁴⁷ Там же. С. 31, 98, 37.
- ²⁴⁸ Там же. С. 87.
- ²⁴⁹ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Проповеди. С. 73.
- ²⁵⁰ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 279.
- ²⁵¹ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 27.

- 252 Андроник (Лукаш), схиархимандрит. Письма. С. 43.
- 253 Илиодор (Голованицкий), схиархимандрит. Письма. С. 83.
- 254 Там же. С. 29.
- 255 Там же. С. 25.
- 256 Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 44.
- 257 Там же. С. 45.
- 258 Серафим (Романцов), схиархимандрит. Письма. С. 41.
- 259 Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 67.
- 260 Макарий (Шаров), иеросхимонах. Письма // Цит. по: Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинский патерик. С. 256.
- 261 Архимандрит Иоанн (Маслов). Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. С. 111.
- 262 Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 77.
- 263 Там же. С. 56.
- 264 Там же. С. 147.
- 265 Там же.
- 266 Там же. С. 28.
- 267 Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Проповеди. С. 118.
- 268 Там же.
- 269 Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 25.
- 270 Серафим (Романцов), схиархимандрит. Письма. С. 29.
- 271 Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Проповеди. С. 57.
- 272 Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 57.
- 273 Там же. С. 47.
- 274 Там же. С. 53.
- 275 Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Проповеди. С. 47.
- 276 Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония... С. 858.
- 277 Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Проповеди. С. 49.
- 278 Илиодор (Голованицкий), схиархимандрит. Письма. С. 93.
- 279 Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 43.
- 280 Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Проповеди. С. 64.
- 281 Там же. С. 65.
- 282 Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 48.
- 283 Илиодор (Голованицкий), схиархимандрит. Письма. С. 66.
- 284 Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Проповеди. С. 65.
- 285 Серафим (Романцов), схиархимандрит. Письма. С. 167.
- 286 Там же. С. 56.
- 287 Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Проповеди. С. 49.
- 288 Илиодор (Голованицкий), схиархимандрит. Письма. С. 51.
- 289 Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 153.
- 290 Там же. С. 84.
- 291 Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Проповеди. С. 73.
- 292 Там же.
- 293 Там же.

- ²⁹⁴ Там же. С. 74.
- ²⁹⁵ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. С. 282.
- ²⁹⁶ Там же.
- ²⁹⁷ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 28.
- ²⁹⁸ Там же. С. 152.
- ²⁹⁹ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Проповеди. С. 38.
- ³⁰⁰ Там же. С. 41.
- ³⁰¹ Там же.
- ³⁰² Илиодор (Голованицкий), схиархимандрит. Письма. С. 43.
- ³⁰³ Там же.
- ³⁰⁴ Там же. С. 53.
- ³⁰⁵ Там же. С. 19.
- ³⁰⁶ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 43.
- ³⁰⁷ Там же.
- ³⁰⁸ Там же. С. 21.
- ³⁰⁹ Там же.
- ³¹⁰ Там же. С. 49.
- ³¹¹ Там же. С. 53.
- ³¹² Там же. С. 71.
- ³¹³ Там же. С. 87.
- ³¹⁴ Там же. С. 59.
- ³¹⁵ Там же. С. 54.
- ³¹⁶ Там же.
- ³¹⁷ Там же. С. 43.
- ³¹⁸ Там же. С. 81.
- ³¹⁹ Макарий (Шаров), иеросхимонах. Письма // Цит. по: Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинский патерик. С. 257.
- ³²⁰ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 54.
- ³²¹ Там же. С. 29.
- ³²² Там же. С. 161.
- ³²³ Илиодор (Голованицкий), схиархимандрит. Письма. С. 68.
- ³²⁴ Там же. С. 93.
- ³²⁵ Серафим (Романцов), схиархимандрит. Письма. С. 44.
- ³²⁶ Там же.
- ³²⁷ Архимандрит Иоанн (Маслов). Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. С. 113.
- ³²⁸ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Проповеди. С. 167.
- ³²⁹ Архипп (Шестаков), схимонах. Наставления // Цит. по: Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинский патерик. С. 450.
- ³³⁰ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Проповеди. С. 77.
- ³³¹ Там же. С. 61.
- ³³² Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 317—318.

- ³³³ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Проповеди. С. 38, 64.
- ³³⁴ Там же. С. 37.
- ³³⁵ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. С. 317—318.
- ³³⁶ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 31.
- ³³⁷ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 318.
- ³³⁸ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Лекции по пастырскому богословию. С. 215.
- ³³⁹ Филарет (Данилевский), игумен. Поучение новопостриженному монаху // Цит. по: Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинский патерик. С. 104.
- ³⁴⁰ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 318—319.
- ³⁴¹ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Проповеди. С. 27.
- ³⁴² Там же.
- ³⁴³ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 319.
- ³⁴⁴ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Проповеди. С. 28.
- ³⁴⁵ Архимандрит Иоанн (Маслов). Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. С. 121.
- ³⁴⁶ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Проповеди. С. 30.
- ³⁴⁷ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 12, 43, 19, 54.
- ³⁴⁸ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Проповеди. С. 29.
- ³⁴⁹ Там же. С. 31.
- ³⁵⁰ Там же.
- ³⁵¹ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 322.
- ³⁵² Там же.
- ³⁵³ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Лекции по пастырскому богословию. С. 323.
- ³⁵⁴ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 67.
- ³⁵⁵ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 322.
- ³⁵⁶ Там же. С. 323.
- ³⁵⁷ Там же.
- ³⁵⁸ Там же.
- ³⁵⁹ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Проповеди. С. 73.
- ³⁶⁰ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 324.
- ³⁶¹ Там же.
- ³⁶² Илиодор (Голованицкий), схиархимандрит. Письма. С. 43.
- ³⁶³ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 324.

- ³⁶⁴ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Проповеди. С. 75.
- ³⁶⁵ Там же.
- ³⁶⁶ Преподобных отцов Варсонофия Великого и Иоанна Пророка руководство к духовной жизни. М., 1884. С. 12.
- ³⁶⁷ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. С. 325.
- ³⁶⁸ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония... С. 427—428.
- ³⁶⁹ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Проповеди. С. 45.
- ³⁷⁰ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 325.
- ³⁷¹ Цветник Духовный. М., 1903. Ч. II. С. 144.
- ³⁷² Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония... С. 430.
- ³⁷³ Там же. С. 758.
- ³⁷⁴ Серафим (Романцов), схиархимандрит. Письма. С. 26, 47.
- ³⁷⁵ Там же. С. 27.
- ³⁷⁶ Там же. С. 54.
- ³⁷⁷ Архипп (Шестаков), схимонах. Наставления // Цит. по: Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинский патерик. С. 460.
- ³⁷⁸ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Проповеди. С. 60.
- ³⁷⁹ Там же. С. 63.
- ³⁸⁰ Там же.
- ³⁸¹ Там же.
- ³⁸² Там же. С. 62.
- ³⁸³ Там же. С. 65.
- ³⁸⁴ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 326.
- ³⁸⁵ Серафим (Романцов), схиархимандрит. Письма. С. 43.
- ³⁸⁶ Макарий (Шаров), иеросхимонах. Наставления // Цит. по: Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинский патерик. С. 250.
- ³⁸⁷ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Проповеди. С. 78.
- ³⁸⁸ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 326.
- ³⁸⁹ Там же.
- ³⁹⁰ Там же. С. 327.
- ³⁹¹ Там же. С. 326—327.
- ³⁹² Илиодор (Голованицкий), схиархимандрит. Письма. С. 61.
- ³⁹³ Там же. С. 63.
- ³⁹⁴ Там же.
- ³⁹⁵ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 327.
- ³⁹⁶ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Проповеди. С. 69.
- ³⁹⁷ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония... С. 808.
- ³⁹⁸ Там же.

- ³⁹⁹ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. С. 328.
- ⁴⁰⁰ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония... С. 808—809.
- ⁴⁰¹ Там же. С. 811.
- ⁴⁰² Там же. С. 812.
- ⁴⁰³ Там же.
- ⁴⁰⁴ Илиодор (Голованицкий), схиархимандрит. Письма. С. 64.
- ⁴⁰⁵ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Проповеди. С. 75.
- ⁴⁰⁶ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 77.
- ⁴⁰⁷ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 332.
- ⁴⁰⁸ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония... С. 759.
- ⁴⁰⁹ Иассон, игумен. Наставления // Цит. по: Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинский патерик. С. 182.
- ⁴¹⁰ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 332.
- ⁴¹¹ Там же.
- ⁴¹² Илиодор (Голованицкий), схиархимандрит. Письма. С. 65—66.
- ⁴¹³ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 335.
- ⁴¹⁴ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 43.
- ⁴¹⁵ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский... С. 312.
- ⁴¹⁶ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 44.
- ⁴¹⁷ Серафим (Романцов), схиархимандрит. Письма. С. 39.
- ⁴¹⁸ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 117.
- ⁴¹⁹ Там же. С. 17, 83, 45.
- ⁴²⁰ Илиодор (Голованицкий), схиархимандрит. Письма. С. 40.
- ⁴²¹ Серафим (Романцов), схиархимандрит. Письма. С. 49.
- ⁴²² Илиодор (Голованицкий), схиархимандрит. Письма. С. 43.
- ⁴²³ Там же. С. 13.
- ⁴²⁴ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Лекции по пастырскому богословию. С. 53.
- ⁴²⁵ Архимандрит Иоанн (Маслов). Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. С. 131.
- ⁴²⁶ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Письма. С. 48.
- ⁴²⁷ Там же.
- ⁴²⁸ Порфирий (Левашов), иеромонах. Взгляд на монашество // Странник. 1867. С. 46, 50.
- ⁴²⁹ Там же.
- ⁴³⁰ Филарет (Данилевский), игумен. Наставления // Жизнеописание игумена Филарета... С. 43.
- ⁴³¹ Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Письма. С. 48.

- ⁴³² Архимандрит Иоанн (Маслов). Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. С. 132.
- ⁴³³ Там же.
- ⁴³⁴ Порфирий (Левашов), иеромонах. Взгляд на монашество // Странник. 1867. С. 41.
- ⁴³⁵ Архимандрит Иоанн (Маслов). Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. С. 132.
- ⁴³⁶ Петр (Лешенко), монах. Письма // Цит. по: Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинский патерик. С. 503.
- ⁴³⁷ Порфирий (Левашов), иеромонах. Взгляд на монашество // Странник. 1867. С. 40.
- ⁴³⁸ Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Святитель Тихон Задонский... С. 52.
- ⁴³⁹ Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Письма. С. 143.
- ⁴⁴⁰ Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. С. 132.
- ⁴⁴¹ Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Письма. С. 116.
- ⁴⁴² Порфирий (Левашов), иеромонах. Взгляд на монашество // Странник. 1867. С. 48.
- ⁴⁴³ Филарет (Данилевский), игумен. Поучения новопостриженному монаху // Цит. по: Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинский патерик. С. 86.
- ⁴⁴⁴ Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. М., 2000. С. 132.
- ⁴⁴⁵ Там же.
- ⁴⁴⁶ Там же.
- ⁴⁴⁷ Илиодор (Голованицкий), схиархимандрит. Письма. С. 10.
- ⁴⁴⁸ Там же. С. 25.
- ⁴⁴⁹ Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Письма. С. 88.
- ⁴⁵⁰ Илиодор (Голованицкий), схиархимандрит. Письма. С. 19.
- ⁴⁵¹ Там же.
- ⁴⁵² Там же. С. 43.
- ⁴⁵³ Там же. С. 117.
- ⁴⁵⁴ Филарет (Данилевский), игумен. Поучения новопостриженному монаху // Цит. по: Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинский патерик. С. 103.
- ⁴⁵⁵ Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. С. 135.
- ⁴⁵⁶ Там же.
- ⁴⁵⁷ Илиодор (Голованицкий), схиархимандрит. Письма. С. 43.
- ⁴⁵⁸ Там же. С. 48.
- ⁴⁵⁹ Там же. С. 51.
- ⁴⁶⁰ Там же. С. 52.

- ⁴⁶¹ Там же. С. 89.
- ⁴⁶² Там же.
- ⁴⁶³ Там же.
- ⁴⁶⁴ Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Письма. С. 100.
- ⁴⁶⁵ Архимандрит Иоанн (Маслов). Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. С. 137
- ⁴⁶⁶ Там же.
- ⁴⁶⁷ Порфирий (Левашов), иеромонах. Взгляд на монашество // Странник. 1867. С. 51.
- ⁴⁶⁸ Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Письма. С. 106.
- ⁴⁶⁹ Там же. С. 110.
- ⁴⁷⁰ Филарет (Данилевский), игумен. Наставления // Жизнеописание игумена Филарета... С. 44
- ⁴⁷¹ Архимандрит Иоанн (Маслов). Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. С. 140.
- ⁴⁷² Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Письма. С. 82.
- ⁴⁷³ Порфирий (Левашов), иеромонах. О воспитании девиц в духе истинно христианском // Странник. 1866. С. 85.
- ⁴⁷⁴ Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Святитель Тихон Задонский... С. 216.
- ⁴⁷⁵ Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Преподобный Амвросий и его эпистолярное наследие. С. 114.
- ⁴⁷⁶ Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Симфония... С. 694.
- ⁴⁷⁷ Там же.
- ⁴⁷⁸ Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Письма. С. 76.
- ⁴⁷⁹ Там же. С. 70.
- ⁴⁸⁰ Там же. С. 75.
- ⁴⁸¹ Там же. С. 76.
- ⁴⁸² Там же. С. 81.
- ⁴⁸³ Порфирий (Левашов), иеромонах. О воспитании девиц в духе истинно христианском // Странник. 1866. С. 124.
- ⁴⁸⁴ Там же. С. 87.
- ⁴⁸⁵ Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Лекции по Литургике. С. 387
- ⁴⁸⁶ Порфирий (Левашов), иеромонах. О воспитании девиц в духе истинно христианском // Странник. 1866. С. 89.
- ⁴⁸⁷ Там же. С. 88.
- ⁴⁸⁸ Там же. С. 96.
- ⁴⁸⁹ Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Симфония... С. 48.
- ⁴⁹⁰ Порфирий (Левашов), иеромонах. О воспитании девиц в духе истинно христианском // Странник. 1866. С. 93.
- ⁴⁹¹ Там же. С. 96–97.
- ⁴⁹² Там же. С. 98.
- ⁴⁹³ Там же. С. 90.
- ⁴⁹⁴ Там же. С. 111.

⁴⁹⁵ Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Симфония... С. 189.

⁴⁹⁶ Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Преподобный Амвросий и его эпистолярное наследие. С. 142.

⁴⁹⁷ Порфирий (Левашов), иеромонах. О воспитании девиц в духе истинно христианском // Странник. 1866. С. 97.

⁴⁹⁸ Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. С. 334.

⁴⁹⁹ Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Симфония... С. 192.

Заключение

Изучение подвижнической жизни и литературного богословского наследия старцев Глинской пустыни раскрывает их духовное величие — дивные качества их богопросвещенных душ. Покинув мир, в молитвах и подвигах они воспитали себя в духе веры Христовой и жили исключительно самоотверженной любовью ко Христу Спасителю, к ближним. Глинские старцы достигли понимания души человеческой и стали опытными врачевателями духовных недугов, мудрыми любвеобильными наставниками.

Старцы Глинской пустыни по праву принадлежат к тем пастырям, которые, по образному выражению глинского игумена Филарета, «своими трудами, подвигами и богоугодной жизнью сохраняют и умножают благодать Божию в Церкви Христовой»¹.

Глинские подвижники несут миру христианскую истину во всей ее чистоте, во всей неприкосновенности апостольского и святоотеческого предания.

Характерным для глинских наставников, как это показывают их труды, было то, что они не просто раскрывали истины веры, но убеждали обращающихся к ним воплощать эти духовные истины в жизни. Они умели помочь человеку проникать в дух учения Христова и осуществлять высокие идеи христианства на деле.

Старцы Глинской пустыни известны и как богословы-нравоучители. Осуществив в своей жизни высокие духовно-нравственные образцы, представленные Священным Писанием, святоотеческими и подвиж-

¹ Жизнеописания Игумена Филарета, возобновителя Глинской пустыни. С.43.

ническими творениями, они предлагали их затем в назидание (в своих трудах, письмах, наставлениях) всем ищущим спасения.

Старцы Глинской пустыни являют собой изумительные примеры для подражания всем ищущим спасения. Великая их заслуга заключается и в том, что они оставили последующим поколениям свои произведения, которые содержат их учение о спасении, о правильном спасительном пути для всех христиан. Труды глинских старцев раскрывают полную и ясную картину духовной жизни человека, указывают ему высшую цель – Царство Небесное – и пути его достижения. Произведения старцев содержат редкое сокровище духовного опыта.

Учение о спасении старцев Глинской пустыни, отраженное в их трудах, является немеркнущим светом вразумления, назидания и религиозного воодушевления для всех стремящихся к блаженной вечности.

БИБЛИОГРАФИЯ

ОТДЕЛ I

ТРУДЫ ГЛИНСКИХ СТАРЦЕВ

Труды игумена Филарета (Данилевского)

Устав Глинской Рождество-Богородицкой пустыни // ЦГИА. Ф. 796. Оп. 102. Л. 936.

Устав Екатеринбургского Новотихвинского девичьего монастыря.

Устав Борисовской пустыни Курской епархии.

Устав Уфимского Благовещенского девичьего монастыря.

Поучение новопостриженному монаху. СПб, 1824 // ЦГИА. Ф. 796. Оп. 104. Д. 1000.

До и после пострига. Поучение монахам Глинского игумена Филарета. Почаев, 1910. С. 5—32.

До и после пострига. Поучение монахам Глинского игумена Филарета. 3-е изд. Глинской пустыни в перев. со славянского языка. Курск, 1911. С. 7—32.

Поучение новонаначальному перед постригом // До и после пострига.... Почаев, 1910. С. 3—4.

Наставление о должности духовника, служащего инокиням // ОР РГБ. Ф. 214. ОПТ—292. Л. 81 об.—89.

Краткое изъяснение о явлении Пустынно-Глинской чудотворной иконы и Краткое описание Глинской пустыни. Записки игумена Филарета 1823 и 1828 г.г. // Там же. С. 99.

Труды иеромонаха Порфирия (Левашова)

О воспитании девиц в духе истинно христианском // Странник. 1866. Сентябрь. С. 85—125.

Взгляд на монашество // Странник. 1867. Февраль. С. 39—51.

О причинах раскола // Странник. 1867. Июль. С. 123—129.

Беседа со старообрядцами // Странник. 1867. Июль. С. 10—31.

О бессмертии // Странник. 1868. Март. С. 95—102.

Труды игумена Иассона

Жизнь и подвиги Глинской пустыни старца Феодота // Курские епархиальные ведомости. 1893. № 39. С. 1—8; № 40. С. 9—16; № 41. С. 17—24; 1894. № 4. С. 25—32; № 5. С. 33—40; № 6. С. 41—43.

Жизнь и подвиги Глинской пустыни старца Феодота. (С портретом) / Сост. иеромонахом Иассоном. Курск, 1894.

Краткое сказание о жизни монаха Досифея / Сост. иеромонах Иассон // Курские епархиальные ведомости. 1894. № 7.

Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни монах Феодот. Издание Глинской пустыни. Одесса, 1909.

Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни / Собранное игуменом Иассоном. М., 1906.

Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец монах Мартирий / Собрал игумен Иассон. Курск, 1910.

Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни схимонах Евфимий / Собрал игумен Иассон. Курск, 1910.

Труды иеросхимонаха Максима (Кузьмина)

Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е доп. и вновь перераб., ил. Одесса, 1905.

Чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы Пустынно-Глинская. Очерк явления иконы и описание чудес, от нее происшедших. Одесса, 1907.

Эпистолярное наследие монаха Петра (Лешенко).

Эпистолярное наследие схиархимандрита Илиодора (Голованицкого).

Эпистолярное наследие иеросхимонаха Макария (Шарова).

Эпистолярное наследие схиархимандрита Серафима (Романцова).

Эпистолярное наследие схиархимандрита Андроника (Лукаша).

Труды схиархимандрита Иоанна (Маслова)

1. Отдельно изданные произведения схиархимандрита Иоанна (Маслова)

Глинская пустынь. М., 1992.

Глинская пустынь. История обители и ее духовно-просветительная деятельность в XVI—XX веках. М., 1994.

Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. М., 1993.

Избранные изречения старца Амвросия Оптинского, извлеченные из разных источников. М., 1996.

Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. М., 2000.

Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. Магистерская диссертация. Статьи разных лет. М., 1993.

Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. Статьи разных лет. М., 1995.

Симфония по творениям святителя Тихона Задонского. М., 1996.

Симфония по творениям святителя Тихона Задонского. М., 2000.

Симфония по творениям святителя Тихона Задонского. М., 2003.

Глинский патерик. М., 1997.

Лекции по пастырскому богословию. М., 2001.

Лекции по литургике. М., 2002.

Избранные письма и проповеди. М., 2004.

Избранные статьи. М., 1993. Выпуски 1–7.

Избранные статьи. М., 1995. Выпуск 2.

Не поднимет народ на народ меч. Избранные статьи. М., 1996. Выпуск 3.

Церковь Христова — место спасения человека. Статьи разных лет. 1997.

Обрядовые особенности покаянной дисциплины Древней Руси. 2000.

Без тайны Рождества Христова — нет смысла жизни на земле. М., 1999.
От пастыря зависит благополучие общества / Сборник статей. М., 1999.
Крещение Господне — воссоздание человеческого естества / Сборник статей. М., 1999.

Об епитимиях. М., 2000.

Великий пост / Сборник статей. Вып. 1. М., 2000.

Великий пост / Избранные проповеди. Вып. 2. М., 2000.

Пасха. Светлое Христово Воскресение. Избранные статьи, лекции. М., 2001.

Пасха. Светлое Христово Воскресение. Избранные статьи, лекции. М., 2004.

Слово перед исповедью. Избранные статьи, проповеди, лекции. М., 2001.

Глинская пустынь / Духовное наследие Глинской пустыни в современной системе образования. М., 1999. С. 64—75.

Тайны жизни и смерти // Духовное наследие Глинской пустыни в современной системе образования. М., 1999. С. 76—83.

2. Произведения схиархимандрита Иоанна (Маслова), помещенные в периодических изданиях

А. «Богословские труды»

Оптинский старец преподобный Амвросий и его эпистолярное наследие. 1990. № 30. С. 117—151.

Обрядовые особенности покаянной дисциплины Древней Руси. 1992. № 31. С. 33—65.

Б. «Журнал Московской Патриархии»

Схиархимандрит Андроник (в миру Алексей Андреевич Лукаш). Некролог. 1974. № 8. С. 45.

Миротворческое служение пастыря. 1974. № 9. С. 45.

Вклад Русской Православной Церкви в победу над фашизмом. 1975. № 5. С. 39.

Проповедь в день памяти св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова. 1976. № 5. С. 27.

Проскомидия. 1976. № 9. С. 76—77.

Схиархимандрит Серафим (в миру Иван Романович Романцов). Некролог. 1976. № 10. С. 29—30.

Учение святителя Киприана, епископа Карфагенского, о пастырстве. 1977. № 2. С. 2.

Тропарь. Чертог Твой вижду. 1977. № 4. С. 30—31.

Слово о крестоношении. 1977. № 7. С. 31.

Проповедь о духовном мужестве (в неделю 20-ю). 1978. № 3. С. 29.

Преподобный Амвросий Оптинский о молитве. 1990. № 5. С. 43.

Преподобный Амвросий Оптинский. Поучения, обращенные к духовной дщери. 1990. № 9. С. 60.

Глинская икона Рождества Пресвятой Богородицы. 1992. № 6. С. 5—7.

Милосердие в деле спасения (по учению святителя Тихона Задонского). 1992. №11—12. С. 55—56.

Обрядовая сторона праздника Крещения Господня в Древней Руси. 1994. № 1. С. 73—77.

В. «Голос Православия»

- Православное богослужение. 1975. № 2.
 Воспоминание событий в Великую Пятницу и Субботу. 1976. № 5. С. 46.
 Тропарь. Чертог Твой вижду. 1977. № 4. С. 22—25.
 Страстная седмица. Воспоминание событий первых трех дней. 1977. № 4. С. 52—56.
 Проповедь о празднословии. 1977. № 5. С. 33.
 Проповедь в день апостолов Петра и Павла. 1977. № 6. С. 35.
 Учение св. Киприана о пастырстве. 1978. № 1. С. 53—59.
 Проповедь в неделю 20-ю. 1978. № 10. С. 47—49.
 Каждение в Православной Церкви. 1979. № 1. С. 57.
 Приготовьте путь Господеви. Проповедь в Неделю перед просвещением. 1979. № 2.
 Церковь Христова и ее необходимость в деле спасения человека (по творениям святителя Тихона Задонского). 1979. № 9, 10. С. 58—60.
 Таинства и их значение в деле спасения. 1979. № 12. С. 54—64.
 Благодать Божия, вспомоществующая человеку на пути ко спасению. 1980. № 3. С. 53—63.
 Значение надежды в деле спасения человека. 1980. № 8. С. 42—48.
 Православное понимание о поминовении усопших. 1981. № 4. С. 58—64. № 5. С. 60—64.
 Значение чтения Слова Божия для спасения человека. 1981. № 9. С. 54—64.

Г. «Православный вестник»

- Проповедь в неделю Сыропустную. 1978. № 3. С. 11.
 Об епитимиях. 1978. № 6. С. 25—26.
 Храм — место совершения богослужений и таинств. 1979.
 Проповедь о храме. 1980. № 3. С. 18—20.
 Значение смирения в деле спасения человека (по творениям святителя Тихона Задонского). 1980. № 5. С. 26—28.
 Значение послушания в деле спасения человека. 1980. № 9. С. 31—32.
 Слово перед исповедью. 1986. № 3. С. 7—10.

Д. «Церковный Вестник» (Варшава)

- Проскомидия. 1978. № 1—3. С. 19.
 Значение надежды в Православной Церкви. 1979. № 3. С. 16—17.
 Об епитимиях. 1980. № 3—4. С. 55—62.
 Церковь, ее история в свете прообразов и пророчеств. Отношение Церкви к мирозданию. 1989. № 4—6. С. 50—53.
 Церковь, ее историческое развитие и назначение (Ангельский собор и человеческий род). 1989. № 4—6. С. 54—59.
 Значение благодатного мира в деле преобразования общества. 1989. № 10—12. С. 67—71.
 Воплощение Христово и его значение в деле спасения человека. 1989. № 10—12. С. 76—84.
 Тайны жизни и смерти (Размышление о путях земной и загробной жизни христианина). 1989. № 10—12.
 Значение благодатного мира в деле преобразования общества. 1991. № 3. С. 31—34.
 Каждение в Церкви. 1991. № 4. С. 32—34.

Е. «Русский Вестник»

О Страшном Суде. 1995.

Не поднимет народ на народ меча. 1996. № 26.

Проповедь в день преставления святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. 1996. № 38–39. С. 7.

Защитник монашества. 2001. № 16–17. С. 14.

Вклад Русской Православной Церкви в победу над фашизмом. 2001. № 22–23. С. 5.

Ж. «Мегаполис-Континент» (международная газета)

Тайны жизни и смерти. 1991. № 16 (18). С. 9.

Так постились на Руси. 1991. № 24 (26). С. 7.

Не поднимет народ на народ меча. 1991. № 31 (33). С. 12.

Глинская пустынь. Отрывки из книги. 1992. № 30.

Благотворительная деятельность Глинской пустыни. 1993. № 30. С. 10.

Отношение Церкви к мирозданию. 1995. № 29. С. 12.

З. «Ведомости православной жизни» (г. Калининград)

О празднословии. 1995. № 10.

Проповедь в день преставления св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова. 1996. № 161.

Святитель Тихон Задонский и всея Руси чудотворец (по книге «Симфония по творениям святителя Тихона Задонского»). 1998. № 1.

И. «Москва»

Проповедь в день преставления св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова. 1994. № 9. С. 196–197.

Глинская пустынь. 1994. № 9. С. 193–196.

«Слава в вышних Богу...». Слово на Рождество Христово. 1997. № 1. С. 188–189.

К. «Православный церковный Глинский календарь»

Из истории Глинской пустыни. 1997. С. 7–9.

Жизнеописание Глинского иеромонаха Василия (Кишкина). 1997. С. 212–214.

Жизнеописание игумена Филарета (Данилевского), настоятеля Глинской пустыни. 1997. С. 215–219.

Жизнеописание архимандрита Макария (Глухарева), Глинского воспитанника, основателя Алтайской миссии. 1997. С. 220–222.

Жизнеописание архимандрита Иннокентия (Степанова), настоятеля Глинской пустыни. 1997. С. 223–226.

Жизнеописание Глинского схимонаха Архиппа (Шестакова). 1997. С. 228–240.

Жизнеописание Глинского схиархимандрита Илиодора. 1997. С. 242–245.

Жизнеописание схиархимандрита Иоанникия (Гомолко), настоятеля Глинской пустыни. 1997. С. 246–250.

Жизнеописание схиархимандрита Нектария (Нуждина), настоятеля Глинской пустыни. 1997. С. 251–253.

Жизнеописание схиархимандрита Серафима (Амелина), настоятеля Глинской пустыни. 1997. С. 254–258.

Жизнеописание Глинского схиархимандрита Андроника (Лукаша). 1997. С. 259–263.

Жизнеописание Глинского схиархимандрита Серафима (Романцова). 1997. С. 264—268.

Жизнеописание Глинского воспитанника схимитрополита Тетрицкаройского Серафима (Мажуги). 1997. С. 269—271.

Слово перед исповедью. 1997. С. 282—287.

Поучения. 1997. С. 21, 36, 74, 77, 97, 128, 134.

Из летописи Глинской пустыни. 1998. С. 7—11.

Монах Петр. 1998. С. 207—219.

Схимонах Лука. 1998. С. 220—228.

Послушник Андрей смиренный. 1998. С. 229—230.

Поучение в неделю мясопустную. 1998. С. 248—251.

Проповедь о празднословии. 1998. С. 252—254.

Поучения. 1998. С. 25, 30, 95, 123, 131, 135, 143, 144, 230, 246.

Л. «Подмосковье»

Проповедь в день усекновения главы святого Пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна. 1996. 28 сент. С. 13.

«Не поднимет народ на народ меча...». 1996. 26 окт. С. 13.

О вреде празднословия. 1997. 13 сент. С. 13.

М. «Квартирьер»

Необходимость милосердия в деле спасения человека. 1994. № 18.

Обрядовые особенности покаянной дисциплины Древней Руси. 1995. № 12, 13, 14, 15.

Частные наставления мирянам по письмам старца Амвросия Оптинского. 1995. № 22.

Глинская пустынь, ее история и благодатные исцеления от иконы Рождества Пресвятой Богородицы. 1995. № 24, 25.

Проповедь в день усекновения главы святого Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. 1995. № 33.

Значение каждения в Православной Церкви. 1995. № 38.

Преподобный Амвросий Оптинский и русская интеллигенция второй половины XIX века. 1995. № 39, 40, 41.

Настоятель Оптиной пустыни схиархимандрит Моисей (Путилов) и его пастырская деятельность. 1995. № 43, 44, 45.

Проповедь в неделю перед Просвещением. 1996. № 2.

Проповедь о празднословии. 1996. № 7.

Слово перед исповедью. 1996. № 8, 9, 10.

Н. «Глинский листок»

Симфония по творениям святителя Тихона Задонского. 1997. № 1.

О празднословии. 1997. № 2.

Не поднимет народ на народ меча. 1997. № 3.

Из наставлений Глинских старцев. 1997. № 4.

Глинская пустынь, история обители и ее духовно-просветительная деятельность в XVI—XX вв. 1997. № 5

Из наставлений Глинских старцев. 1997. № 6.

Проповедь в день преставления св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова. 1977. № 8.

Из Симфонии по творениям святителя Тихона Задонского. 1997. № 9.

Воплощение Христово и его значение в деле спасения человека. 1998. № 1.
Обрядовая сторона Крещения Господня в Древней Руси. 1998. № 2.

О. «Московская правда»

- Необходимость милосердия в деле спасения человека. 1994. 19 августа.
Молитва — дыхание души. 1994. 17 октября — 28 октября.
Христианская вера. 1994. 11 ноября.
Милосердие в деле спасения. 1994. 25 ноября.
Любовь к Богу и ближнему. 1995. 6 января.
Страх Божий. 1995. 13 января.
Послушание. 1995. 20 января.
Надежда. 1995. 27 января.
Покаяние. 1995. 3 февр.
Поучение в неделю мясопустную. 1995. 24 февраля.
Слово перед исповедью. 1995. 3 марта, 17 марта.
Проповедь на Крестопоклонную неделю. 1995. 24 марта.
Обрядовые особенности покаянной дисциплины Древней Руси. 1995. 31 марта, 14, 21 апреля.
Тайны жизни и смерти (Размышление о путях земной и загробной жизни христианина). 1995. 28 апреля, 12 мая.
Вклад Русской Православной Церкви в победу над фашизмом. 1995. 5 мая.
Благотворительная деятельность Глинской пустыни. 1995. 19 мая.
Паломничество в России: Глинская пустынь. 1995. 26 мая.
Страсти: лезть и лукавство, праздность, пьянство, блуд, уныние (печаль). 1995. 2 июня.
Частные наставления мирянам. По письмам старца Амвросия Оптинского. 1995. 16 июня.
Глинская пустынь (Ее история и благодатные исцеления от иконы Рождества Пресвятой Богородицы). 1995. 23 июня, 30 июня, 7 июля.
Проповедь в день святых апостолов Петра и Павла. 1995. 14 июля.
Глинские подвижники благочестия XVIII—XX веков. 1995. 21 июля, 4 августа, 11 августа, 18 августа, 15 сентября.
Слово о святителе Тихоне Задонском. 1995. 25 августа.
Проповедь в день усекновения главы Святого Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. 1995. 8 сентября.
Церковь, ее история в свете прообразов и пророчеств (Отношение Церкви к мирозданию). 1995. 22 сентября.
Церковь, ее историческое развитие и назначение (Ангельский собор и человеческий род). 1995. 29 сентября.
Премудрость и благодать Божия в искуплении рода человеческого (по творениям святителя Тихона Задонского). 1995. 6 октября.
Значение каждения в Православной Церкви. 1995. 13 октября.
Св. Иоанн Кронштадтский — светильник праведности земли Русской. 1995. 20 октября, 10 ноября.
Преподобный Амвросий Оптинский и русская интеллигенция второй половины XIX века. 1995. 27 октября, 3 ноября.
Настоятель Оптиной пустыни схиархимандрит Моисей (Путилов) и его пастырская деятельность. 1995. 17 ноября, 24 ноября, 1 декабря, 8 декабря, 22 декабря.

Действия Духа Святого в деле спасения человека. 1995. 29 декабря.

Воплощение Христово и его значение в деле спасения человека. 1996. 5 января.

Проповедь в неделю перед Просвещением. 1996. 12 января.

Обрядовая сторона праздника Крещения в Древней Руси. 1996. 19 января.

Церковь Христова — место спасения человека. 1996. 26 января, 2 февраля, 9 февраля, 16 февраля, 23 февраля, 1 марта, 15 марта, 22 марта, 29 марта, 5 апреля, 12 апреля, 19 апреля, 26 апреля, 12 мая, 17 мая, 24 мая, 31 мая, 7 июня, 14 июня.

Учение святителя Тихона о спасении. 1996. 2 июня, 28 июня.

П. Другие издания

Святой апостол Иоанн Богослов (проповедь) // Единая Церковь. 1977. № 4. С. 149—150.

О молитве за умерших с православной точки зрения // Тыгодник Подлаский (польский). Рок III. Варшава. 1987. № 4. С. 3.

Глинская пустынь // Туристские новости (Паломничество в России). 1991. № 13—14. С. 4.

О празднословии // Жизнь Вечная. 1995. №3.

Церковь, ее история в свете прообразов и пророчеств (Отношение Церкви к мирозданию) // Полоцкие епархиальные ведомости. 1997. № 14. С. 3.

Вклад Русской Православной Церкви в победу над фашизмом // Русь Державная. 1995. № 7—9. С. 6.

Необходимость милосердия в деле спасения человека // Благовест. 1995. № 9. С. 6.

Собрал неправедно — истрать праведно / по книге «Симфония по творениям святителя Тихона Задонского» // Экономическая газета. М. 1997. № 44, 45, 46, 47, 48.

Таємниця життя і смерті // Православний вісник (на укр.). Киев. 1998. № 1. С. 55—61.

Проповедь в день преставления св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова // Калининградская правда. 1996. № 161. С. 3.

Тайны жизни и смерти // Калининградская правда. 1997. № 10. С. 3.

3. Сочинения схиархимандрита Иоанна (Маслова), изданные в изложении или с примечаниями других авторов

Маслов Н. О схиархимандрите Иоанне (Маслове) как поборнике православия (фрагмент из книги «Глинская пустынь. История обители...». М., 1994) // В кн.: Современное обновленчество — протестантизм «восточного обряда». М.: Изд. Московского Патриархата, 1996. С. 296—300.

Маслов Н. О стяжании мира. Публикация из духовного наследия магистра богословия схиархимандрита Иоанна (Маслова) // Московская правда. 1994. 22 июля.

Маслов Н. Терпение в скорбях. Публикация из духовного наследия магистра богословия схиархимандрита Иоанна (Маслова) // Московская правда. 1994. 8 авг.

Маслов Н. Тайны жизни и смерти. Публикация из духовного наследия магистра богословия схиархимандрита Иоанна (Маслова) // Человек и карьера. Спецвыпуск. 1995.

Маслов Н. Действие Духа Святого в деле спасения человека. Публикация из духовного наследия магистра богословия схиархимандрита Иоанна (Маслова) // Квартирьер. М., 1995. № 4.

Маслов Н. О стяжании мира. Публикация из духовного наследия магистра богословия схиархимандрита Иоанна (Маслова) // Квартирьер. 1995. № 13.

Маслов Н. Терпение в скорбях. Публикация из духовного наследия магистра богословия схиархимандрита Иоанна (Маслова) // Квартирьер. М., 1995. № 15.

Маслов Н. Тайны жизни и смерти. Публикация из духовного наследия магистра богословия схиархимандрита Иоанна (Маслова) // Квартирьер. М., 1995. № 16, 17, 18.

Маслов Н. Любовь к Богу и ближнему. Публикация из духовного наследия магистра богословия схиархимандрита Иоанна (Маслова) // Квартирьер. М., 1995. № 23.

Маслов Н. Страх Божий. Публикация из духовного наследия магистра богословия схиархимандрита Иоанна (Маслова) // Квартирьер. М., 1995. № 24.

Маслов Н. Послушание. Публикация из духовного наследия магистра богословия схиархимандрита Иоанна (Маслова) // Квартирьер. М., 1996. № 1.

Маслов Н. Надежда. Публикация из духовного наследия магистра богословия схиархимандрита Иоанна (Маслова) // Квартирьер. М., 1996. № 3.

Маслов Н. Покаяние. Публикация из духовного наследия магистра богословия схиархимандрита Иоанна (Маслова) // Квартирьер. М., 1996. № 4.

Маслов Н. Средства на пути ко спасению. Публикация из духовного наследия магистра богословия схиархимандрита Иоанна (Маслова) // Квартирьер. М., 1996. № 5, 6.

Маслов Н. Церковь Христова — место спасения человека. Публикация из духовного наследия магистра богословия схиархимандрита Иоанна (Маслова) // Квартирьер. М. 1996. № 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15.

Маслов Н. Поучение в неделю мясопустную. Публикация из духовного наследия магистра богословия схиархимандрита Иоанна (Маслова) // Квартирьер. М. 1996.

Маслов Н. Глинские подвижники благочестия XVIII—XX веков. Публикация из духовного наследия магистра богословия схиархимандрита Иоанна (Маслова) // Квартирьер. М., 1996. №№ 16–17.

Тихон, игумен. Святитель Тихон Задонский // ЖМП. 1984. № 5.

Марк (Лозинский), игумен. Отечник проповедника. (В книге использовано около 20 примеров из Глинского Патерика). Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1996.

«Женская Оптина» / Материалы к летописи Борисоглебского женского Аносина монастыря // Русское православие XX века. М., 1997. С. 719.

Лебедев Ю.В. Н.А. Некрасов — христианин // Традиции. Филология. Образование (Научный сборник Центрального Регионального Отделения Российской Академии Образования). М., 1997. С. 45—47.

4. Труды схиархимандрита Иоанна (Маслова), готовящиеся к изданию

Архив Глинской пустыни.

Отчет профессорского стипендиата игумена Иоанна (Маслова) по кафедре Пастырского богословия на тему: «Христос Спаситель — основатель новозаветного пастырства». Загорск: Троице-Сергиева Лавра, 1969—1970. (Московская Духовная Академия). 128 с. Машинопись.

Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония к книге И. И. Сергиева (отца Иоанна Кронштадтского) «Моя жизнь во Христе». (Т. I—II. СПб., 1905) Загорск: Троице-Сергиева Лавра, 1978—1980. 432 с. Машинопись.

Архимандрит Иоанн (Маслов). Лекции по Литургике. Загорск: Лавра, Академия, 1984. 410 с. Машинопись.

Собрание писем схиархимандрита Иоанна (Маслова).

Проповеди схиархимандрита Иоанна (Маслова).

ОТДЕЛ II

ЛИТЕРАТУРА О ГЛИНСКОЙ РОЖДЕСТВО- БОГОРОДИЦКОЙ ПУСТЫНИ

Альбом видов Глинской Рождество-Богородицкой пустыни. Глухов, Черниговской губернии. (Б. г. изд.). 24 л. вкл. ил.

Архив Глинской пустыни // Лебедев А.С. Сведения о некоторых архивах духовного ведомства в губерниях Курской и Харьковской. Харьков, 1902. С. 76—77.

Беседа, произнесенная Преосвященным Ювеналием, епископом Курским и Белогородским, 22 августа 1897 года по освящении храма, устроенного в Глинской пустыни при братской больнице // Курские епархиальные ведомости. 1897. № 52. С. 1025—1026.

Воронова Б. Свет во тьме // Русский паломник. 1906. № 20, 21.

Воспоминания архимандрита Пимена // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1876 г. Кн. 3. Отд. 2. М., 1876. С. 3—72.

Глинская пустынь: Очерк современного состояния обители. В 2-х частях (С видом монастыря и портретами замечательных подвижников). Одесса, 1901. 84 с. (Ч. 1. С. 1—54. Ч. II. С. 55—82). То же. Одесса, 1904. 82 с.

Глинская пустынь: Очерк современного состояния обители. 3-е изд. Курск, 1912. 69 с. (Ч. 1. С. 5—47. Ч. II. С. 48—69).

[Рецензия]: И. С-ский // Курские епархиальные ведомости. 1912. № 26. С. 646—651.

Глинская Рождество-Богородицкая заштатная (с 1764 г.) мужская пустынь // Православные монастыри Российской Империи (мужские и женские). Т. 2. [Б. м.], 1909. С. 349—352.

Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. (Курской губернии, Путивльского уезда) (С картинами). Изд. Глинской пустыни. М., 1891.

[Рецензия]: Библиографическая заметка // Курские епархиальные ведомости. 1892. № 7. С. 101—108.

Глинская Рождество-Богородицкая пустынь / Архимандрит Анатолий // Курские епархиальные ведомости. 1886. № 5—6. С. 8—17; № 8. С. 17—24; № 9. С. 25—32; № 10. С. 33—40; № 11. С. 41—48; № 13. С. 57—64; № 15. С. 73—80; № 17. С. 89—96.

Глинская Рождество-Богородицкая пустынь, в Путивльском уезде // Православные русские обители. Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне. СПб., 1909. С. 268—270.

Глинские Богородицкие книжки: Объявление об изданиях Глинских Богородицких книжек // Курские епархиальные ведомости. 1893. № 23. С. 514—520.

Глуховщина: Исторический очерк. Глухов, 1966. Машинописный текст. Шалыгино. На укр. яз.

Заявление дворянки Харьковской губернии Парасковьи Гавриловны Цыцерской настоятелю Глинской Богородицко-Рождественской пустыни игумену Исаии [об исцелении] // Курские епархиальные ведомости. 1893. № 30. С. 673—675.

Иоанн (Маслов), архимандрит. Глинская пустынь (Паломничество в России) // Туристские новости. 1991. № 13—14 (65—66), 2—15 апреля. С. 4.

Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни, состоящей Курской епархии и губернии в Путивльском уезде, составленное Николаем Самойловым, состоящего под Высочайшим покровительством общества истории и древностей российских соревнователем: В 2-х ч. Ч. 1—2. СПб., 1836.

Лисенко С. Черная сотня в провинции: (Из провинциальных встреч и наблюдений) // Русская мысль. 1908. № 2. С. 20—28.

Некролог: Во вторник 8 февраля в Глинской пустыни совершено торжественное погребение скончавшейся там одной благочестивой благотворительницы обители, дворянки девицы Веры Михайловны Л-вой. И жизнь почившей, и кончина ее представляют немало назидательного // Курские епархиальные ведомости. 1894. № 12. С. 239—243.

Открытие миссионерского кружка во имя св. Апостола Иоанна Богослова в Глинской пустыни // Курские епархиальные ведомости. 1908. № 40. С. 743—746.

Паломничество в Глинскую пустынь учениц Селинской церковноприходской школы / Свящ. Николай Оболенский // Курские епархиальные ведомости. 1911. № 30. С. 305—307.

Платонов И. Пребывание явленной иконы Рождества Пресвятой Богородицы Глинской пустыни в г. Глухове в 1879 г. Белгород, 1880.

Платонов И. Пребывание явленной иконы Рождества Пресвятой Богородицы Глинской пустыни в г. Глухове в нынешнем году // Курские епархиальные ведомости. 1879. № 20. С. 982—996.

Софрониева и Глинская пустыни / Н. С. / [Б. м. б. г.] 40 с.

Спасо-Илиодоровский скит Глинской Рождество-Богородицкой пустыни, основанный на месте пустынных подвигов схиархимандрита Илиодора: В память избавления Государя Императора Николая Александровича от опасности в Японии в 1891 г. С кратким очерком жизни старца Илиодора и одного из учеников его схимонаха Артемия. Одесса, 1899. Курск, 1912.

Устав Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни Курской епархии Путивльского уезда. [Б. м.], 1910.

Фатеев А. Богородичны на Господи воззвах, именуемые догматиками, Богородичны на стиховнах, антифоны и ирмосы воскресных гласов Киевского распева из обихода Глинской пустыни Курской губернии. СПб., 1901.

Церковные ведомости. 1899. № 51–52. С. 396; 1905. № 1. С. 15; № 19. С. 220; № 49. С. 537; 1906. № 18. С. 217; 1912. № 15. С. 91; № 50. С. 465. 1913. № 38. С. 471 и др. О возведении в духовный сан, назначениях на должность, перемещениях Глинских иноков.

Чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы Пустынно-Глинская: Очерк явления иконы и описание чудес, от нее происшедших: С рис. Одесса, 1901. 28 с.; То же. 2-е изд. Глинской пустыни, испр. и доп. Одесса, 1907. 64 с., ил.

Ювачев Ив. Глинская пустынь // Русский паломник. 1906. № 10. С. 151–152; № 12. С. 180–183.

Явление помощи и заступления Пресвятой Владычицы Богородицы во время пожарного бедствия в Глинской Рождество-Богородицкой пустыни // Курские епархиальные ведомости. 1892. № 10. С. 154–156.

ОТДЕЛ III

ЛИТЕРАТУРА О ГЛИНСКИХ СТАРЦАХ

Жизнеописание Глинского подвижника схимонаха Архиппа: С портр. старца. Одесса, 1902. 111 с.; 1 вкл. л. портр., ил.

Глинский подвижник схимонах Архипп: (Память 27 сентября) // Иеромонах Иассон. О нем: Подвижник Глинской Богородицкой пустыни монах Феодот. Одесса, 1909. С. V (предисловие).

Концевич И. Оптиная пустынь и ее время. Джорданвиль, 1970. С. 52.

Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни / Собр. игуменом Иассоном. М., 1887. 274 с., ил.; Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни / Собр. игуменом Иассоном. 2-е изд. М., 1906. 274 с., ил.

Старец схиархимандрит Илиодор: (Память 28 июня) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Июнь. М., 1908. С. 369–410.

Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни / Собр. игуменом Иассоном // Курские епархиальные ведомости. 1909. № 16. С. 1–8; № 17. С. 9–16; № 18. С. 17–24 и др.

Маслов Н. Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Его пастырская деятельность и богословское наследие. М., 1999.

Маслов Н. Благодатный старец. Схиархимандрит Иоанн (Маслов). М. 1997.

Маслов Н. Благодатный старец. Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Изд. 2-е доп. М., 1998.

Маслов Н. Благодатный старец. Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Изд. 3-е, доп. М. 2000.

Схиархимандрит Иоанн // Жития новопрославленных святых Русской Православной Церкви. СПб., 2001. С. 773–779.

Жизнеописание Глинского воспитанника схиархимандрита Иоанна (Маслова) (†1991) // Православный церковный Глинский календарь. М., 1997. С. 272–281.

Схиархимандрит Иоанн (Маслов) (1991) // Православный церковный Глинский календарь. М., 1998. С. 232—246.

Подвижник веры // Ведомости православной жизни (г. Калининград). 1995. № 9.

Маслов Н. Об авторе Глинского Патерика // Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинский Патерик. М., 1997. С. 721—754.

Визжилин Н. Великий пример служения отечеству // Мегаполис-Континент. 1995. № 29.

Схиархимандрит Иоанн (Маслов) // Жизнь Вечная. 1995. № 3.

Васина Г. Чтобы входящие видели свет // Правда-5. 1997. № 27.

Светильник праведности Земли Русской // Московская правда. 1995. № 28.

Иоанн (Маслов), схиархимандрит // Минские епархиальные ведомости. 1991. № 4. С. 11.

Благодатный старец // Держава. 1996. С. 85—96.

Подвижники благочестия – наши современники // Русский Вестник. 1992. № 8. С. 13.

Я живу ради людей (Схиархимандрит Иоанн (Маслов) // Русский вестник. 1992, № 8. С. 13.

Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Глинская пустынь. Об авторе. М., 1992. С. 918.

Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. Послесловие. М., 1993. С. 519—523.

Благодатный старец // Русский Вестник. 1996. № 26. С. 6.

Маслов Н. Русский Златоуст // Мегаполис-Континент. 1997. № 41.

Визжилин Н. Благодатные способности // Благовест. 1995. № 9. С. 6.

Маслов Н. Благодатный старец // ЖМП. 1997. № 9. С. 52—58.

Праведники живут вовеки // Мегаполис-Континент. 1994. № 30.

Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. Послесловие. М., 1995. С. 501—506.

Батюшка // Подмосковье. 1996. 24 авг. С. 13.

Крупин В. Русские Златоусты // Квартирьер. 1996. № 315. С. 7.

Иоанн (Маслов), схиархимандрит. «Не поднимет народ на народ меча...» Об авторе // Русский Вестник. 1996. № 26.

Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Симфония по творениям святителя Тихона Задонского. Послесловие. М., 1996. С. 1180.

Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Избранные изречения старца Амвросия Оптинского, извлеченные из разных источников. Об авторе. М. 1996.

О схиархимандрите Иоанне (Маслове) // Москва. 1994. № 9. С. 192.

О схиархимандрите Иоанне (Маслове) как о поборнике православия // Современное обновленчество — протестантизм «восточного обряда». М., 1996. С. 291—296.

Иоанн (Маслов), архимандрит, о нем в кн.: Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. Предисловие. М., 1993.

Иоанн (Маслов), схиархимандрит, о нем. «Слава в вышних Богу». Слово на Рождество Христово. Предисловие // Москва. 1997. № 1. С. 188.

Иоанн (Маслов), схиархимандрит, о нем в кн.: Не поднимет народ на народ меча. Избранные статьи. Предисловие. М., 1996. Выпуск 3. С. 1.

Иоанн (Маслов), схиархимандрит, магистр богословия, в кн.: Избранные статьи. Послесловие. М., 1995. С. 35. Выпуск 2.

Иоанн (Маслов), архимандрит, магистр богословия, о нем в кн.: Обрядовые особенности покаянной дисциплины Древней Руси. Слово об авторе // Богословские труды. 1992. № 31. С. 33.

Иоанн (Маслов), схиархимандрит, о нем в кн.: Церковь, ее история в свете прообразов и пророчеств (Отношение Церкви к мирозданию). Об авторе // Полоцкие епархиальные ведомости. Полоцк, 1997. № 14. С. 3.

Иоанн (Маслов), схиархимандрит, о нем в кн.: Преподобный Амвросий Оптинский и русская интеллигенция XIX века. Слово об авторе // Московская правда, 1995. 27 окт.

Паломничество в России: Глинская пустынь. Слово о схиархимандрите Иоанне (Маслове) // Московская правда, 1995, 26 мая.

Крупин В. Русские Златоусты // Москва. 1994. № 11. С. 140—141.

Из обращения Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II к пастве // Православный церковный Глинский календарь. М. 1997. С. 1.

Из обращения Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II к пастве // Православный церковный Глинский календарь. М., 1998. С. 1.

Обращение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II к участникам Всероссийского форума «Глинские чтения: XXI век — эпоха духовного просвещения» в 1999 году // Духовное наследие Глинской пустыни в современной системе образования. М., 1999. С. 10—12.

Иоанн (Маслов), схиархимандрит, о нем в кн.: Церковь Христова — место спасения человека. Об авторе. Сборник статей. М., 1997. С. 37.

Иоанн (Маслов), схиархимандрит, о нем в кн.: Глинская пустынь. Об авторе // Туристские новости. (Паломничество в России). 1991. № 13—14. С. 4. Пильнева Г. Глинская мозаика. М., 1997. С. 180—186.

О схиархимандрите Иоанне (Маслове) // Калининградская правда, 1996. № 161. С. 3.

К 5-летию возобновления издания книг о Глинской пустыни // Православный церковный Глинский календарь. М. 1998. С. 231.

Благодатный старец // Глинский листок. 1997. № 7.

Феодосий (Бильченко), архимандрит. Неиссякаемый родник // Калининградская правда. 1996. № 161. С. 3.

Васина Г. С именем Александра Невского // Правда-5. 1998. № 22. С. 12.

Васина Г. Преодолеть разобщенность времен // Русский Вестник. № 44—45. С. 6.

Васина Г. Свеча сгорает дотла // Подмосковье. № 30. С. 10.

Визжилин Н. Путь во спасение (К 5-летию со дня кончины схиархимандрита Иоанна (Маслова) // Мегаполис-Континент. 1996. № 30.

Земляникина А. Наследники великого духа // Мегаполис-Континент. 1998. № 45. С. 12.

Иоанн Маслов, архимандрит. Магистр богословия. Об авторе. Избранные статьи. М., 1993. Выпуск 1.

Карташова Н. Памяти отца Иоанна Маслова // Подмосковье. 1996. № 309. С. 1.

Крупин В. Русские Златоусты // Московская правда. 1994. 23 дек.

Маслов Н. Схиархимандрит Иоанн о стяжании мира // Квартирьер. 1994. № 13.

Маслов Н. О схиархимандрите Иоанне (Маслове) // Квартирьер. 1995. № 15.

- Маслов Н. Он всегда с нами // Подмосковье. 1997. № 36.
- Маслов Н. Будь свечой горящей! (К 40-летию со дня монашеского пострига // Русский Вестник. 1997. № 40. С. 11.
- Маслов Н. Светильник не скроешь Памяти отца Иоанна (Маслова) // Русский Вестник. 1997. № 27. С. 6.
- Маслов М. Світільник не сховаеш. (Памяті схиархимандрита Іоанна (Маслова) / на укр. // Православний вісник. 1998. № 1. С. 52—54.
- Маслов Н. Образец пастырям // Русский Вестник. 1998. № 24. С. 11.
- Маслов Н. «Поминайте наставники ваша» // Русский Вестник. 1998. № 39. С. 10.
- Маслов Н. Светильник праведности // Благовест. 1998. № 30. С. 7.
- Маслов Н. Общероссийское патриотическое общество «Наследники Александра Невского» // Отечественные традиции образования, духовного и нравственного воспитания школьников. Научно-методический сборник. РАО. М., 1998. С. 64—68.
- Маслов Н. Русский Златоуст (К 40-летию монашеского пострига схиархимандрита Иоанна (Маслова) // Мегapolis-Континент. 1997. № 41. С. 8.
- Маслов Н. Памяти Александра Невского // Русский Вестник. 1998. № 46. С. 2.
- Маслов Н. В память вечную будет праведник // Московский Церковный Вестник. 27 июля 1998. С. 2.
- Маслов Н. Подвижник духа // Мегapolis-Континент. 1998. № 30. С. 13.
- Маслов Н. Идеал служения Отечеству / Материалы IX Международных Рождественских образовательных чтений / М., 2000. С. 43—48
- Устинов В. Молодые побеги (воспоминания иеромонаха Ермогена о схиархимандрите Иоанне (Маслове) // Ведомости православной жизни (г. Калининград). 1998. № 2.
- Феодосий (Бильченко), игумен; Кучерявый Владимир, прот. Схиархимандрит Иоанн (Маслов) // ЖМП. 1992. № 11—12. С. 77.
- Русский Златоуст (К 5-летию со дня кончины схиархимандрита Иоанна (Маслова) // Мир новостей, 1996. № 30.
- О праздновании дня Ангела схиархимандрита Иоанна (Маслова) // Русский Вестник. 1996. № 38—39.
- Рыбина Е. Духовное возрождение России и юный читатель. Программа курсов для вузов культуры, педагогических вузов и университетов. М., 1997.
- Шевченко Т. Мы вместе ищем путь к спасению // Русский Вестник. 1998, № 51—52. С. 14.
- Шевченко Т. Чтобы мир не победил наших детей // Не такой как все. Как научить подростка жить среди сверстников. М., 2000. С. 122—145.
- День памяти схиархимандрита Иоанна (Маслова) // Славянское единство. 1998. № 17. С. 1.
- К 5-летию со дня кончины // Квартирьер. 1996. № 15.
- «Если в душе и сердце христианина ярко горит пламя патриотизма...» // Гудок, 1996. № 137. С. 8.
- О схиархимандрите Иоанне (Маслове) // Мегapolis-Континент. 1991. № 16.
- Памяти о. Иоанна // Мир новостей. 3—9 августа 1998. С. 2.
- Печальник душ человеческих // Мегapolis-Континент. 1994. № 30.
- Посвящается дорогому Батюшке // Московская правда. 1994. 23 дек.

- Праведники живут вовеки // Человек и Карьера. 1995. № 12. С. 3.
- Слово о схииархимандрите Иоанне (Маслове) // Глинский листок. 1997. № 10.
- Слово о схииархимандрите Иоанне (Маслове) // Квартирьер. 1994. № 18.
- Слово о схииархимандрите Иоанне (Маслове) // Экономическая газета. 1997. №№ 44, 45, 46, 47, 48.
- Слово о схииархимандрите Иоанне (Маслове) // Русь Державная. 1995. № 7–9.
- Слово о схииархимандрите Иоанне (Маслове) // Мегаполис-Континент. 1991. № 31. С. 12.
- А. Р. Жить для других — это долг любви // Встреча. 1998. № 7. С. 35–39.
- Программа VII Международных Рождественских образовательных чтений: Глинские чтения «Духовное наследие Глинской пустыни в современной системе образования» // Московский Патриархат. М., 1999. С. 39–40.
- Вальков В. «И сотвори ему, Господи, вечную память» // Русский вестник. 2001. № 41–42. С. 14.
- Вальков В. В День Ангела Глинского старца // Московский Церковный вестник. 2000. № 19–20. С. 2.
- Вальков В. До прославления старца оставалось 20 лет... // Русский вестник. 2001. № 43–44. С. 10.
- Иноземцева З. Схииархимандрит Иоанн (Маслов) — историограф Глинской пустыни // 2000-летию Рождества Христова посвящается. Российское общество архивистов. М., 2001. С. 223–257.
- Медунина В. Глинские чтения // Русский Вестник. 1999. № 3–4. С. 10.
- Медунина В. Глинская пустынь — школа духовной жизни // Встреча. 1999. № 4. С. 29.
- Медунина В. Прославим героизм нашего народа // Русский вестник. 2000. № 7–8. С. 6.
- Медунина В. Духовное наследие великого старца. Мегаполис-Континент. 1999. № 6. С. 13.
- Медунина В. «В память вечную будет праведник» // Московский Церковный вестник. 2001. № 8. С. 7.
- Медунина В. Радуга над Лаврой // Русский вестник, 2001. № 24–25. С. 11.
- Медунина В. Глинские чтения 2001 // Квартирьер. 2001. № 1. С. 34–35.
- Михайлов В. Наследие Глинских старцев // Московский Церковный вестник. 2000. № 13–14. С. 6.
- Михайлов В. По заветам Глинских старцев // Русский вестник. 2001. № 16–17. С. 14.
- Михайлов В. А свеча сгорает дотла... // Московский Церковный вестник. 2001. № 13–14. С. 6.
- Николаев В. Носитель благодати Божией // Русский вестник. 2001, № 31–33. С. 10.
- Олейникова Т. «Жатвы много — делателей мало» // Православное слово. Нижний Новгород. 2001. № 17. С. 2.
- Пирогов М. XXI век — эпоха духовного просвещения // Могилевские епархиальные ведомости. Могилев, 2001, 37–9. С. 37–38.
- Филиппова Л. История одного портрета // Квартирьер. 2001. № 2. С. 32–33.
- Сергий (Стуров), архимандрит. Частичка монастырской благодати. Русский вестник. 2001. № 27–28. С. 15.

Спасать Россию нас научает подвижник // Русский вестник. 2001. № 29–30. С. 15.

Троицкий В. Духовная брань и современное образование в свете «Сифонии по творениям святителя Тихона Задонского» схиархимандрита Иоанна (Маслова) // Русский вестник, 2001. № 31–32. С. 8–9.

Урок последования Христу // Русский вестник. 2001. № 20–21. С. 12.

Прозорливость. Большой человек. Путь к затвердевшему сердцу (Воспоминания монахинь Жировицкого монастыря) // Русский вестник. 2001. № 29–30. С. 15.

В. Вечерняя панихида // Русский вестник. 2001. № 24–26. С. 11.

Духовно-нравственное воспитание молодежи — залог возрождения России // Современник (г. Жуковский). 2001. № 32. С. 11.

Никандров Н. Российская национальная идея и воспитание в духе православия // Духовное наследие Глинской пустыни в современной системе образования. М., 1999. С. 21–30.

Киселев А. В духовно-нравственном воспитании юных сограждан предназначение школы // Там же. С. 31–35

Петров С. Школа и армия нуждаются в сотрудничестве с Русской Православной Церковью // Там же. С. 36–46

Троицкий В. Святоотеческое наследие и пути русского просвещения // Там же. С. 47–58.

Троицкий В. «Симфония по творениям святителя Тихона Задонского» схиархимандрита Иоанна (Маслова) — фундамент для развития современной педагогики // Там же. С. 166–170.

Жуков В. Православие должно стать основой социального служения // Там же. С. 59–61.

Феодосий, епископ Полоцкий и Глубокский. Есть идея и есть путь // Там же. С. 62–63.

Феодосий, епископ Полоцкий и Глубокский. Глинская пустынь как центр духовного просвещения // Там же. С. 84–93.

Феодосий, епископ Полоцкий и Глубокский. Два дня духовных торжеств // Там же. С. 246–249.

Алексий Ширинкин, протоиерей. Глинские литургические традиции в Московских Духовных школах // Там же. С. 126–127.

Маслов Н. Литературное богословское наследие Глинской пустыни // Там же. С. 94–112.

Кисель В. Архивные материалы по истории Глинской пустыни, собранные схиархимандритом Иоанном (Масловым) // Там же. С. 113–125.

Иноземцева З. К вопросу об использовании духовного наследия в образовательном процессе (на примере писем Глинского старца Илиодора) // Там же. С. 128–134.

Лебедев Ю. Труды схиархимандрита Иоанна (Маслова) в университетском курсе истории русской литературы XIX века // Там же. С. 135–141.

Ильин А. «Симфония по творениям святителя Тихона Задонского схиархимандрита Иоанна (Маслова) в учебном курсе «История православной педагогики» // Там же. С. 142–147.

Попков В. «Симфония по творениям святителя Тихона Задонского схиархимандрита Иоанна (Маслова) в учебных курсах кафедры русской литературы Мичуринского государственного университета // Там же. С. 148–152.

Морозов Н. «Глинская пустынь» схиархимандрита Иоанна (Маслова) и изучение книги Б.К. Зайцева об Афоне в университетском спецкурсе «Писатели русского Зарубежья» // Там же. С. 153—157.

Рыбина. Е. Из опыта работы с книгами схиархимандрита Иоанна (Маслова) в МГУКИ // Там же. С. 158—165.

Евладова Е. Труды схиархимандрита Иоанна (Маслова) в научно-методическом обеспечении духовно-нравственного воспитания школьников // Там же. С. 171—173.

Петракова Т. Святоотеческое наследие и проблемы духовно-нравственно-го воспитания учащихся в современной школе // Там же. С. 174—182.

Петракова Т. Педагогическая симфония // Там же. С. 196—200

Шевченко Т. Детям нужен духовный стержень // Там же. С. 183—195.

Митрофанова Т. Знакомство с русскими патериками на уроках литературы в школе // Там же. С. 201—225.

Митрофанова Т. Мудрая книга «Домострой» // Там же. С. 226—240

Орлова Н. Эта книга выявляет духовные богатства Отечества // Там же. С. 241—242.

Крупин В. Школе необходимы уроки нравственности // Там же. С. 243—245.

Крупин В. Русские Златоусты // Там же. С. 250—253.

Сергий (Данков), игумен. Светоч монашества из Глинской пустыни // Там же. С. 254—257.

Владимир Кучерявый, протоиерей. Истории России немыслима без подвига «святильников духа» // Там же. С. 258—261.

Скурат К. Глинские старцы // Там же. С. 262—266.

Петракова Т., Евладова Е. От авторов // Святоотеческое наследие в общеобразовательной школе. М., 2000. С. 4—5.

Святоотеческое наследие в школе. (Из опыта Т.А. Шевченко) // Там же. С. 7—43.

Святоотеческое наследие в системе дополнительного образования. Из опыта Т.П. Митрофановой // Там же. С. 44—67.

Богословские труды схиархимандрита Иоанна (Маслова) в урочной и в неурочной деятельности // Там же. С. 68—76.

Матвиенко В. Обращение к участникам Всероссийского духовно-просветительского форума «Глинские чтения» // Святоотеческое наследие в духовно-нравственном воспитании детей и молодежи. М., 2001. С. 6.

Феодосий, епископ Полоцкий и Глубокский. Слово об учителе // Там же. С. 8—10.

Скурат К. Глинские старцы — духовные учителя // Там же. С. 11—14.

Скурат К. Святое Православие в духовной жизни // Там же. С. 64—147.

Петракова Т. Святоотеческая традиция в духовно-нравственном воспитании: к осмыслению понятий // Там же. С. 15—19.

Медунина В. Глинские чтения — путь духовного просвещения // Там же. С. 20—22.

Шевченко Т. «Симфония по творениям святителя Тихона Задонского» — книга для учителя и учащихся // Там же. С. 24—29.

Горячева И. Изучение богословского наследия схиархимандрита Иоанна (Маслова) на занятиях в общеобразовательной школе // Там же. С. 30—35.

Миляева О. Уроки нравственного воспитания (Об отце Иоанне (Маслове) // Там же. С. 36—42.

Котовчихина Н. Формирование духовного облика современного учителя // Там же. С. 43—45.

Бобылев Б. Использование «Симфонии» схиархимандрита Иоанна (Маслова) на занятиях со студентами (факультет педагогики начального обучения) // Там же. С. 46—49.

Меньшиков В. Святоотеческие традиции в процессе преподавания основ православной культуры // Там же. С. 49—50.

Фунтикова С. Творения святых отцов в вузовском курсе «Православная литература в фонде публичной библиотеки» // Там же. С. 51—54.

Ильина Л. Из опыта работы органов образования Псковской области по духовно-нравственному воспитанию детей // Там же. С. 55—58.

Хомлюк В. Воспитательная деятельность Церкви в местах лишения свободы // Там же. С. 59—61.

Слипченко В. Воспитывать патриотизм (Об отце Иоанне (Маслове) // Там же. С. 62.

Иеросхимонах Макарий Глинской пустыни: (память 21 февраля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Февраль. М., 1906. С. 262—287, портр.

Краткое описание жизни и подвигов Глинской пустыни страца иеросхимонаха Макария // Курские епархиальные ведомости. 1893. № 6. С. 1—8; № 8. С. 9—16; № 9. С. 17—24; № 11. С. 25—32; № 12. С. 33—40; № 16. С. 41—45

Иеросхимонах Макарий прозорливый // Русский инок, 1912. № 7. С. 41—48.

Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец монах Мартирий / Собрал игумен Иассон. Курск, 1910. 33 с., 1 л. портр., 3 вкл. с ил.

Очерк жизни подвижника Глинской пустыни монаха Петра / Изд. Глинской пустыни. Одесса, 1909. 32 с., ил.

Глинский подвижник монах Петр: (Память 14 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Апрель. М., 1908. С. 175—199

Глинский иеромонах Порфирий. О нем: Глинские иноки: схимонах Марк, иеромонах Порфирий и монах Димитрий: (Память 29 марта) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Март. М., 1907. С. 331—336

Немирович-Данченко В. Крестьянское царство (Валаам). 2-е изд. СПб., 1889. 275 с. / О Глинском Порфирии. С. 264—266

Упоминание о Глинском старце Порфирии. Земщина, 1991, № 3. Январь. С. 1.

Глинский подвижник иеродиакон Серапион (Память 25 июня) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Июнь. М., 1908. С. 326—330.

Архимандрит Иоанн (Маслов). Серафим (Романцов). Некролог // ЖМП. 1976. № 10. С. 29—30.

Наставления игумена Филарета Глинского // Старческие советы некоторых отечественных подвижников благочестия XVIII—XIX веков. М., 1913. С. 598—610.

Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской Общежительной Пустыни Курской епархии. 3-е доп. и вновь перераб. изд. Одесса, 1905.

Жизнеописание игумена Филарета, настоятеля Глинской Богородицкой общежительной пустыни. 2-е изд., испр. и доп. Курск. 1892.

П.П. // Богословский библиографический листок. Прил. к журн. «Руководство для сельских пастырей». 1894. № 12. С. 404—406.

Жизнеописание игумена Филарета, настоятеля Глинской Богородицкой общежительной пустыни. СПб., 1856.

Игумен Филарет, настоятель и возобновитель Глинской пустыни // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Март. М., 1907. С. 355—402.

Жизнеописание старца игумена Филарета, возобновителя Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни Курской епархии // Курские епархиальные ведомости, 1892, № 38. С. 1—8; № 39. С. 9—16; № 40. С. 17—24; № 41. С. 25—28; № 42. С. 29—36; № 43. С. 37—44; № 44. С. 45—52; № 45. С. 53—60; № 46. С. 61—68; № 47. С. 69—76; № 50. С. 77—83.

Содержание

От автора.....	5
Введение.....	7
Часть I	
Жизнеописание глинских старцев и характеристика их трудов.....	15
Игумен Филарет.....	17
Иеросхимонах Макарий.....	43
Иеромонах Порфирий.....	63
Схиархимандрит Илиодор.....	69
Монах Петр.....	109
Игумен Иассон.....	119
Иеросхимонах Максим.....	123
Схиархимандрит Андроник.....	127
Схиархимандрит Серафим.....	135
Схиархимандрит Иоанн (Маслов).....	143
Часть II	
Учение глинских старцев о спасении.....	233
1. О спасении.....	237
2. О покаянии.....	247
3. О смирении.....	257
4. О молитве.....	263
5. О страхе Божиим.....	273
6. О терпении в скорбях.....	277
7. О страстях и борьбе с ними.....	297
8. О монашестве.....	315
9. Частные наставления мирянам.....	323
Примечания.....	329
Заключение.....	345
Библиография.....	347

Н.В. Маслов

Православное учение о спасении по трудам глинских старцев

Издатель — академик Н.В. Маслов

Книга написана Николаем Васильевичем Масловым — магистром богословия, автором многих книг и статей о глинском старце схиархимандрите Иоанне (Маслове), племянником отца Иоанна.

Основой для написания книги послужили материалы «Архива Глинской пустыни», собранного отцом Иоанном (Масловым), труды глинских старцев. В книге впервые изложено и систематизировано учение старцев Глинской пустыни (разных веков) о спасении.

ООО «Самшит-издат»
119285, Москва, ул. Пырьева, д. 5а, стр. 2.
Тел./факс 147-64-09; 544-48-59.

ОАО «ЧЕХОВСКИЙ ПОЛИГРАФКОМБИНАТ» при участии ЗАО «Асмеп»
Отпечатано в полном соответствии с предоставленными диапозитивами.

Подписано в печать 25.01.2005 г. Формат 70х108 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Объем 23 п. л. Тираж 10 000 экз. Заказ № 9085.

